This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

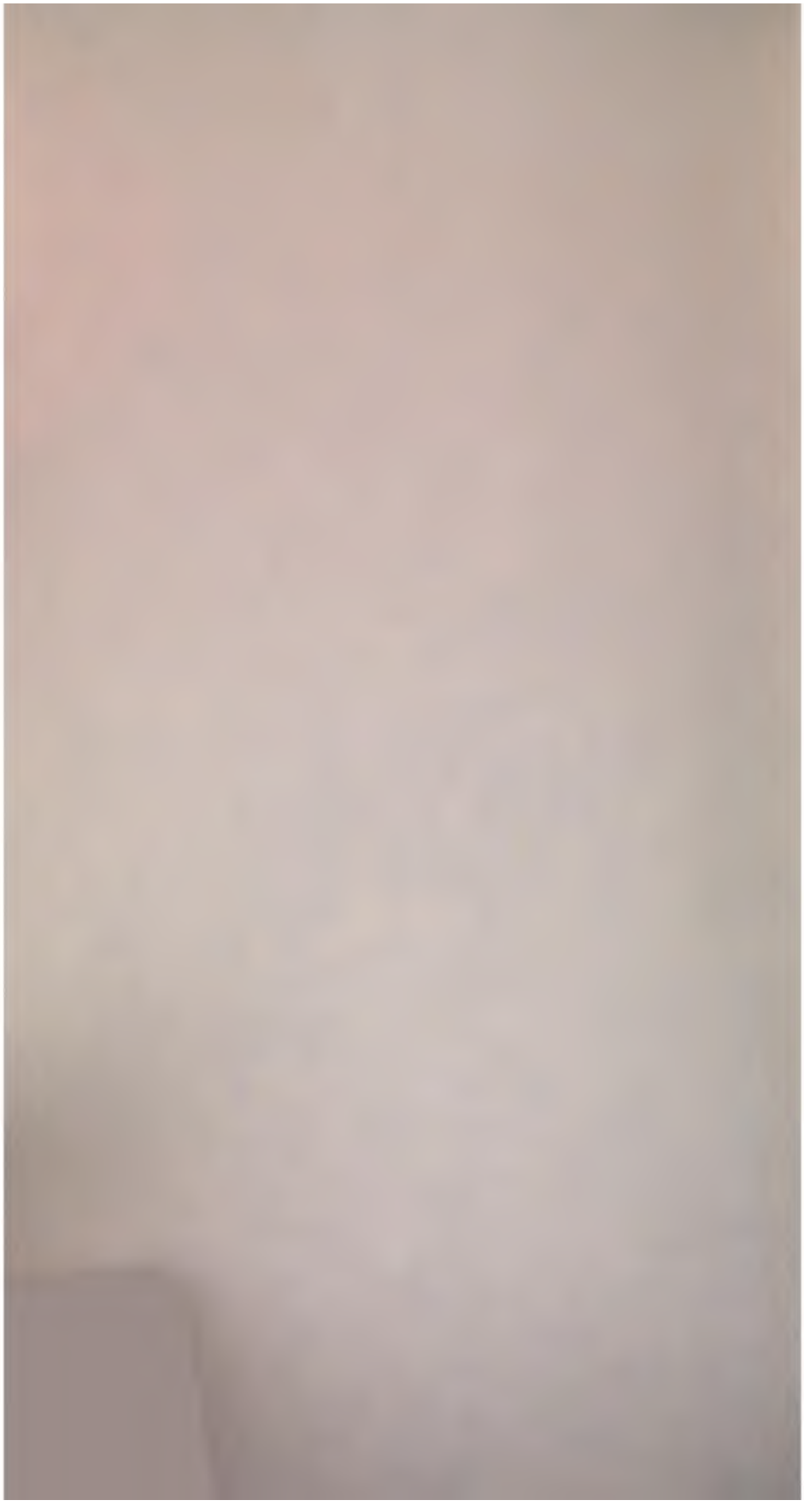
Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

STANFORD UNIVERSITY
LIBRARIES

105·2/12 36.-

206·7/2 7.-

43.-



РОССІЯ И РУССКІЙ ДВОРЪ

ВЪ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНѢ XVIII ВѢКА.

ЗАПИСКИ И ЗАМѢЧАНІЯ ГР. ЭРНСТА МИНИХА.

ИЗДАНІЕ РЕДАКЦІИ ИСТОРИЧЕСКАГО ЖУРНАЛА

„РУССКАЯ СТАРИНА".

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія В. С. Балашева, Екатерин. кан., 80.
1891.

DK127
.W87

Редакція „Русской Старины", въ теченіе двадцати двухъ лѣтъ изданія этого историческаго журнала (1870—1891 гг.), напечатала весьма много матеріаловъ, касающихся исторіи XVIII вѣка.

Въ этомъ ряду, записки различныхъ людей, нерѣдко высоко стоявшихъ по своему положенію, дѣятелей и участниковъ въ разныхъ историческихъ событіяхъ, конечно, занимаютъ первое мѣсто. Не перечисляя длиннаго ряда всего, въ этомъ отношеніи, представленнаго „Русскою Стариною" въ ея двухъ стахъ пятидесяти шести книгахъ и въ отдѣльныхъ выпускахъ, какъ напр., Записки генералъ-прокурора князя Якова Петровича Шаховскаго, (род. 1705, † 1777 г.) и друг., мы лишь напомнимъ, что имѣли истинное удовольствіе напечатать въ высокой степени замѣчательные мемуары генерала Манштейна, съ 1727-го по 1744 г., въ переводѣ съ подлинной французской рукописи автора. Рукопись эта хранится въ дворцовой библіотекѣ города Павловска и составляетъ собственность августѣйшаго владѣтеля этого города — великаго князя Константина Николаевича, съ благосклоннаго соизволенія котораго и былъ выполненъ помянутый переводъ сотрудницею нашего журнала В. В. Тимощукъ, подъ

непосредственнымъ наблюденіемъ покойнаго начальника главнаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ тайнаго совѣтника К. К. Злобина.

Равнымъ образомъ, на страницахъ «Русской Старины» были представлены, въ переводѣ съ нѣмецкой рукописи, примѣчанія историка Герарда Миллера на извѣстныя письма о царствованіи императрицы Анны Іоанновны—лэди Рондо (1730—1740),—рукопись эта также хранится въ помянутой библіотекѣ дворца города Павловска.

Въ настоящей книгѣ редакція „Русской Старины“ представляетъ отдѣльнымъ изданіемъ немаловажный, для отечественной исторіи XVIII вѣка, сборникъ историческихъ трудовъ графа Эрнста Миниха, относящійся къ той-же эпохѣ, отъ кончины императора Петра Алексѣевича, до восшествія на престолъ его дочери, Елисаветы Петровны.

Такимъ образомъ, содержаніе этой книги слѣдующее:

I. Записки графа Эрнста Миниха, сына фельдмаршала, написанныя имъ въ Вологдѣ, въ ссылкѣ, въ 1758 году, и которыя были изданы въ первый разъ, на русскомъ языкѣ, въ С.-Петербургѣ, въ 1817 г.; это изданіе, давно уже сдѣлавшееся библіографическою рѣдкостью, перепечатано здѣсь дословно и намъ пріятно сообщить извѣстіе Арведа Яковлевича Юргенсона, что представляемый здѣсь русскій текстъ почти тождественъ съ отысканнымъ имъ недавно, въ одномъ частномъ архивѣ Германіи, подлиннымъ нѣмецкимъ текстомъ этой рукописи.

II. Второй трудъ гр. Эрнста Миниха, вошедшій въ настоящее изданіе, это—«Замѣчанія на Записки генерала Манштейна»; впервые эти Замѣчанія появились въ «Отечественныхъ Запискахъ» 1825—1828 гг., въ вы-

держкахъ, искаженныхъ цензурою и изд.-редакторомъ этого журнала—покойнымъ П. П. Свиньинымъ.

Намъ посчастливилось получить ту именно рукопись этого интереснаго труда, которою несомнѣнно пользовался издатель «Отечественныхъ Записокъ», дѣлая изъ нея выдержки. Рукопись эта оказалась въ бумагахъ покойнаго военнаго историка А. В. Висковатова, и мы ее дословно передали въ «Русской Старинѣ» изд. 1879 г., т. XXVI, стр. 359—410 и 565—616.

Нынѣ эти «Замѣчанія», какъ то доказано изслѣдованіемъ А. Я. Юргенсона—несомнѣнно принадлежащія перу графа Эрнста Миниха, совершенно у мѣста являются въ настоящемъ сборникѣ, вслѣдъ за «Записками» того же автора.

Далѣе читатель найдетъ историко-критическое изслѣдованіе Арведа Яковлевича Юргенсона о томъ и другомъ изъ вышеназванныхъ трудовъ графа Эрнста Миниха,—очеркъ жизни гр. Эрнста Миниха,—родословіе его фамиліи,—описаніе и рисунокъ герба рода графовъ Минихов: алфавитный указатель и систематическое оглавленіе составляютъ остальную часть настоящаго сборника.

Книга украшена довольно рѣдкимъ портретомъ автора Записокъ, каковая гравюра, между прочимъ, интересна въ томъ отношеніи, что впервые явилась въ печати при книгѣ: «Русскіе полководцы», Спб., 1845 г., какъ изображеніе не графа Эрнста Миниха, а его отца, фельдмаршала гр. Бурхарда Христофора Миниха. Таковую ошибку издателя біографій «Русскихъ полководцевъ» указалъ Дм. Алед. Ровинскій; его любезной обязательности въ содѣйствіи всякому научному дѣлу мы обязаны сообщеніемъ настоящей гравюры.

Оригиналъ, съ котораго награвированъ этотъ портретъ, принадлежалъ, какъ сообщаетъ Дмитр. Алексѣ. Ровинскій,

(«Собр. гравиров. портретовъ», изд. Д. А. Ровинскаго, т. II, стр. 1334), генералу Самсонову, былъ на портретной выставкѣ 1872 г. и фотографированъ въ «Альбомѣ» А. М. Лушева, л. 22. Настоящая гравюра передана здѣсь искуснымъ рѣзцомъ художника Ив. Ив. Матюшина, ученика славнаго русскаго гравера на деревѣ—академика Лаврентія Авкс. Сѣрякова († 1881 г.).

Книга мѣстами украшена заставками и виньетками,—рисунки почетнаго члена Императорской Академіи Художествъ, маститаго профессора Ѳедора Григорьевича Солнцева (род. 1800 г.).

Михаилъ Семевскій.

15-го апрѣля 1891 г.
Спб.

СОДЕРЖАНІЕ.

стр.

Предисловіе . . . . . III—VI

Записки графа Эрнста Миниха.

I. Служба Бурхарда Христофора Миниха до его пріѣзда въ Россію . . . . . 1— 9

Участіе Миниха въ войнѣ за испанское наслѣдство (5).—Дѣла въ Польшѣ: поступленіе Миниха на польскую службу (6).—Баронъ Герцъ предлагаетъ ему вступить въ шведскую армію (8).—Несогласія съ Флемингомъ.—Дуэль съ Бонафу (9). — Кн. Григ. Өед. Долгоруковъ склоняетъ Миниха вступить на службу Россіи.

II. Первые годы службы Бурхарда Миниха въ Россіи; событія отъ кончины Петра I до вступленія на престолъ Анны Іоанновны. . . . . 10— 23

Договоръ, заключенный Минихомъ съ Петромъ I.—Построеніе Ладожскаго канала; Петръ Великій обозрѣваетъ работы (10—13). — Эрнстъ Минихъ отправленъ отцомъ въ Женеву (13).—Екатерина I жалуетъ Миниху орденъ Александра-Невскаго (16).—Производство Миниха въ генералъ-поручики: его сынъ возвращается въ Россію (17).—Сверженіе кн. Меншикова; власть переходитъ къ кн. Долгорукимъ (18).—Минихъ возведенъ въ графское достоинство (20).—Конгрессъ въ Соассонѣ; домогательства гр. Головкина (20).—Кончина Петра II.

стр.

III. Избраніе Анны Іоанновны и первые годы ея царствованія . . . . . 24— 3

Совѣщаніе верховнаго совѣта; ограниченіе самодержавія (24). — Неограниченная власть возстановлена; ссылка кн. Долгорукихъ; коронованіе (26). — Учрежденіе новыхъ полковъ; Минихъ пользуется благоволеніемъ государыни (27).—Тріумвиры: Биронъ, Левенвольде, Остерманъ (28).—Учрежденіе кабинета; преобразованія въ арміи, по начертанію Миниха (29).—Пріемъ Эрнста Миниха императрицею и принцессами (32). — Сватовство фрейлины Трейденъ (33).

IV. Война съ Польшею, 1733 года. Осада Гданска. 35— 4

Кончина короля польскаго (35). — Генералъ Ласси отправленъ съ войскомъ въ Польшу (36). — Главное командованіе арміи ввѣряется Миниху (38). — Осада Гданска (39).—Неудавшаяся атака Гагельсберга (40).—Прибытіе россійскаго флота на Гданскій рейдъ. — Побѣгъ Станислава (43).—Условія, на которыхъ долженъ былъ сдаться Гданскъ (45).—Станиславъ Лещинскій (48).

V. Походы 1736—1737 годовъ. , ... 49—

Нападеніе на русскіе предѣлы крымскихъ и кубанскихъ татаръ (49).—Лунное затменіе предвѣщаетъ туркамъ неудачную войну (50). — Взятіе перекопской линіи (51).—Польскій сеймъ предоставляетъ Курляндіи избрать себѣ герцога (53).—Взятіе Бахчисарая (54). — Разореніе татарскихъ крѣпостей (55).— Походъ 1737 г. Минихъ, подобно Моисею, ведетъ армію черезъ степь (57).— Осада и взятіе Очаковской крѣпости (60).

VI. Третій походъ и событія при дворѣ въ 1738 г. 64 —

Походъ 1738 г. (66).—Обычаи, соблюдаемые при русскомъ дворѣ во время свадебъ фрейлинъ сего двора (67).— Эрнстъ Минихъ женится на баронессѣ Менгденъ (68).— Сватовство принца Брауншвейгскаго (69). — Торжества, сопровождавшія бракосочетаніе принцессы Анны (72—74).

стр.

VII. Походъ и событія 1739 г. . . . . 74— 84

Первыя дѣйствія противъ турокъ (74).—Побѣда подъ Ставучанами (75).—Взятіе Хотина (76). — Военноплѣнные и трофеи (77).—„Поносный“ Прутъ сдѣланъ честнымъ; русскія войска вступаютъ въ Молдавію (78).—Фельдмаршалъ Минихъ подступаетъ къ Яссамъ (79).—Торжества по случаю заключенія мира съ турками(81).—Награды; фельдмаршалъ Минихъ получаетъ орденъ св. Андрея Первозваннаго(82).—Придворныя празднества(83).

VIII. Послѣдніе дни жизни и кончина императрицы Анны Іоанновны . . . . . 84— 96

Рожденіе принца Іоанна (84).—Болѣзнь императрицы Анны (84). — Герцогъ курляндскій Бирон обрѣтаетъ себѣ регентство (84—86). — Принцъ Іоаннъ объявленъ наслѣдникомъ престола (88). — Принцесса Анна уклоняется отъ вмѣшательства въ дѣла государственныя (89). — Кончина императрицы (90). — Изображеніе Анны Іоанновны и главнѣйшихъ ея дѣяній (91).—Вліяніе Бирона, образъ жизни императрицы, ея вкусы и привычки (95—96).

IX. Регентство Бирона . . . . . 97—106

Декларація о регентствѣ (97). — Биронъ арестуетъ многихъ лицъ (99).—Кн. Черкаскій открываетъ герцогу о существованіи заговора (101). —Оскорбленіе герцога Брауншвейгскаго (103).—Минихъ склоняетъ принцессу Анну дѣйствовать рѣшительно (104).—Регентъ арестованъ (106).

X. Правленіе Анны Леопольдовны . . . . . 107—120

Поведеніе графа Бурхарда Миниха (108).—Награды и повышенія (109). — Изображеніе Анны Леопольдовны (110, 111).—Трактатъ, заключенный съ Пруссіей (113).—Погребеніе Анны Іоанновны (113).—Минихъ получаетъ награды отъ иностранныхъ дворовъ и графское Римской имперіи достоинство (114).—Неудавшіеся переговоры маркиза Ботта (116). — Интриги Остермана —Фельдмаршалъ Минихъ требуетъ отставки и получаетъ ее(118).–Поворотъ въ политикѣ русскаго двора(120).

Замѣчанія на Записки Манштейна.

XI. Событія въ Россіи отъ кончины Петра Великаго до восшествія на престолъ Анны Іоанновны . . . . . 125—1

О происхожденіи Екатерины Алексѣевны I (126).—О родственникахъ Екатерины I (127). — О семействѣ пастора Глюка (128).—Поступокъ Петра II противъ бабки его (128).—О царицѣ Евдокіи изъ рода Лопухиныхъ (128).—Извѣстія о графѣ Бассевичѣ, находившемся голштинскимъ посланникомъ при россійскомъ дворѣ (129). — Происки графа Бассевича къ возведенію на россійскій престолъ Екатерины I (130).—Что при семъ случаѣ получилъ герцогъ голштинскій (132).—Нѣчто о завѣщаніи Екатерины I (132).—Царевна Анна Петровна съ супругомъ своимъ отправлены въ Киль (132). — О князѣ Меншиковѣ (133).—О преднамѣренномъ бракосочетаніи царевны Елизаветы Петровны съ маркграфомъ Бранденбургскимъ (134).

XII. Начало правленія Анны Іоанновны . . . . 135—1

О нѣкоторыхъ случаяхъ при кончинѣ Петра II (135).—О графѣ Остерманѣ (136). — Объ отправленіи Сумарокова гр. Ягужинскимъ къ Аннѣ Іоанновнѣ съ извѣщеніемъ о замыслахъ верховнаго совѣта (137).—О стараніи Анны Іоанновны пріобрѣсти на свою сторону приверженцевъ (138). — О фельдмаршалѣ князѣ Долгоруковѣ (139). — О перемѣнѣ Бирономъ настоящей своей фамиліи. Продолженіе о Биронѣ (140).—О португальскомъ принцѣ донѣ Эмануэлѣ (141).—Адмиралъ Сиверсъ (141).—О китайскомъ посольствѣ (142). — О размолвкѣ графа Бурхарда Миниха съ Бирономъ (143).

XIII. Войны, веденныя въ царствованіе императрицы Анны Іоанновны . . . . . 145—1

Отправленіе Бурхарда Миниха въ Польшу (145).—Осада Гданска (146).—Прибытіе французской флотиліи на помощь къ Гданску (146). — Объ отправленіи фран-

цузскихъ военноплѣнныхъ (147).—Почему мало пользы пріобрѣтено отъ турецкой войны (147). — О графѣ Ласси (148). — Разсужденіе о кампаніи Россіянъ 1736 года (148). — О покореніи Очакова (151).—О ссорѣ гр. Миниха съ Кейтомъ (152).—О кампаніи, въ 1737 году произведенной (153).—О письмѣ графа Миниха къ князю Лобковичу (153). — Объ умерщвленіи шведскаго маіора Цинклера (154).

XIV. Послѣдніе годы царствованія и кончина императрицы Анны Іоанновны . . . . . 154—174

Причина несчастія и казни кабинетъ-министра Артемія Волынскаго (154).—Описаніе послѣднихъ дней императрицы Анны Іоанновны (156).—Нѣкоторыя подробности, относящіяся къ особѣ императрицы Анны Іоанновны и къ ея правленію (163).

XV. Регентство герцога Бирона . . . . . 174—185

Обозрѣніе Бироновa регентства (174). — Содѣйствіе графа Бурхарда Миниха къ доставленію Бирону регентства и желанія его (184). — Объ исканіи Минихомъ господарскаго достоинства (185).

XVI. Правленіе принцессы Анны Леопольдовны. . 185—199

Вступленіе принцессы Анны въ управленіе государствомъ и поведеніе въ этомъ случаѣ графа Бурхарда Миниха (185).—Милости, оказанныя правительницею (187).—Гр. Б. Минихъ не получалъ отъ правительницы отказа на просьбы свои (188).—Встрѣченное затрудненіе въ перепискѣ между принцемъ Брауншвейгскимъ и Минихомъ (188).—О внушеніяхъ Остермана и о показаніи Бирона во вредъ Миниха (189).—Предложеніе берлинскаго кабинета о заключеніи союза (190).—Возвращеніе австрійскаго посланника маркиза де-Ботта къ россійскому двору (191).—Замѣшательство россійскаго двора при полученіи извѣстія о вторженіи прусскаго короля въ Силезію (191).—Происки вѣнскаго министерства (192). — Мнѣніе графа Миниха о предложенномъ союзѣ съ вѣнскимъ и дрезденскимъ дворами (194). — Объясненіе графа Миниха съ правительницею (194). — Увольненіе графа Бурхарда

Миниха (195).—Ожиданія вѣнскаго кабинета не сбылись (196).—О мнимомъ намѣреніи Шахъ-Надира вступить въ бракъ съ Елисаветою Петровною (197). — О пріемѣ маркиза де-ла Шетарди.—О фрейлинѣ баронессѣ Менгденъ (198).—О предложеніи правительницѣ вступить на престолъ (199).—О намѣреніи уступить шведамъ Кексгольмъ (199).

XVII. Переворотъ, совершенный цесаревною Елисаветою Петровною . . . . . 200—20

Причины, побудившія Елисавету Петровну къ вступленію на престолъ, и мѣры, для того принятыя (200).— Причины, погубившія правительницу Анну Карловну (Леопольдовну) (201). — Разрушенные замыслы маркиза де-ла-Шетарди (202).—Изображеніе великой княгини и правительницы Россійскаго государства Анны Карловны (Леопольдовны)(203).—Ссылка графовъ Бурхарда Миниха, Остермана, Головкина и другихъ (206).

XVIII. Біографическія свѣдѣнія о Минихахъ и о другихъ иностранцахъ, бывшихъ на службѣ Россіи. . . . . 206—2

Изображеніе фельдмаршала графа Миниха (207).— Біографическое извѣстіе о фельдмаршалѣ графѣ Бурхардѣ Минихѣ (209). — Примѣчаніе о фельдмаршалѣ графѣ Минихѣ по возвращеніи его изъ ссылки (213). — Объ оберъ-гофмаршалѣ графѣ Левенвольде (214).—Объ взятіи въ казну имѣній, принадлежавшихъ женамъ и дѣтямъ сосланныхъ въ Сибирь особъ (115). — О графѣ Эрнстѣ Минихѣ, сынѣ фельдмаршала (215).

XIX. Внѣшнія и внутреннія событія въ царствованіе императрицы Елисаветы Петровны. . . . . 216—2

Прекращеніе военныхъ дѣйствій со Швеціею (216).— Замѣчаніе о ссылочныхъ въ правленіе Анны Іоанновны (216).—Причины несогласія между графомъ Алексѣемъ Петровичемъ Бестужевымъ-Рюминымъ и маркизомъ де-ла-Шетарди (217).—Объ уничтоженіи императрицею Елисаветою наградъ, пожалованныхъ отъ пра-

вительницы Анны (217).—О заключеніи мира со Швеціею (218).—О графѣ Левендалѣ (218).—О генералѣ Кейтѣ (219).—О заговорѣ противъ императрицы Елизаветы Петровны (220).—О французскомъ послѣ, маркизѣ де-ла-Шетарди (221).

XX. **Историко-критическое изслѣдованіе Арведа Яковлевича Юргенсона. Главы I—VI: о Запискахъ гр. Миниха.—Главы VII—XIV: о Замѣчаніяхъ гр. Эрнста Миниха на Записки о Россіи генерала Манштейна.—Перечень историческихъ статей Арв. Я. Юргенсона.** 223—284

XXI. **Очеркъ жизни графа Эрнста Миниха, 1707—1788 гг. Составила В. В. Тимощукъ** . . . . . 285—306

XXII. **Родословіе графовъ Миниховъ.** . . . . . 307—314

XXIII. **Гербъ рода графовъ Миниховъ** . . . . . 315—316

XXIV. **Указатель личныхъ именъ** . . . . . 317—328

XXV. **Систематическое оглавленіе книги** . . . . . VII—XIII

Приложенія: I. Портретъ графа Эрнста Миниха. Гравюра на деревѣ, исполнилъ художникъ Ив. Ив. Матюшинъ съ гравюры на стали Робинзона (1845 г.) изъ собранія Дмитрія Александровича Ровинскаго.

II. Гербъ рода графовъ Миниховъ, гравировалъ художникъ Авг. Ив. Даугель.

III. Виньетки и заставки — почетнаго члена Императорской Академіи Художествъ, проф. Ѳедора Григорьевича Солнцева.

ЕРНСТЪ МИНИХЪ
ИЗДАНІЕ «РУССКОЙ СТАРИНЫ».

ГРАФЪ ЭРНСТЪ МИНИХЪ

1707 — 1788.

ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ КНИГѢ „ИСТОРИЧЕСКІЕ ТРУДЫ ГР. МИНИХА".

ИЗДАНІЕ «РУССКОЙ СТАРИНЫ».

[illegible] С.-ПЕТЕРБУРГЪ, 23 МАРТА 1891 г. ЧЕСМЕДИНІЯ ЗАГОТОВЛЕНІЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХЪ БУМАГЪ.

ЗАПИСКИ

ГРАФА ЭРНСТА МИНИХА

СЫНА ФЕЛЬДМАРШАЛА,

писанныя имъ для дѣтей своихъ въ Вологдѣ

въ 1758 г.

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ.

1891.

Издаваемая книга подъ названіемъ: Записки графа Миниха, сына, находились весьма съ давняго времени въ собраніи рукописей одного любителя отечественной исторіи и словесности. Содержаніе оной—относящееся до одной изъ епохъ, заслуживающихъ наибольшаго любопытства и вниманія; предметы, описанные слогомъ, имѣющимъ всю простоту и ясность истины; недостатокъ свѣдѣній историческихъ довольно подробныхъ о происшествіяхъ, въ первой половинѣ минувшаго вѣка случившихся въ отечествѣ нашемъ,—внушили ему мысль доставить публикѣ пріятное занятіе изданіемъ сей книги въ свѣтъ. Не нужны для нее хвалы, ни пространныя предисловія къ читателямъ. Имя сочинителя извѣстно не потому только, что отецъ его занималъ важнѣйшія мѣста въ войскахъ и правительствѣ Государства и имѣлъ великое участіе въ описанныхъ событіяхъ, въ нѣкоторыхъ же случаяхъ одно вліяніе его дѣйствовало на оныя; но и по собственнымъ своимъ качествамъ, которыя показали Россіи и свѣту въ сынѣ Миниха человѣка прямодушнаго (и въ семъ несхожаго съ отцомъ), съ чувствіями благороднѣйшими, съ сердцемъ кроткимъ, съ твердымъ духомъ и разсудкомъ отличнѣйшимъ. Въ прочемъ, сколь ни строги ни были судьи изъ читателей, въ книгѣ сей и тѣ найдутъ много обстоятельствъ, особливо касающихся до царство-

ванія и домашней жизни императрицы Анны Іоанновнь удовлетворятъ въ полной мѣрѣ ихъ любопытству. Сей на достаточно для издателя, имѣющаго въ виду одну пользу от венной исторіи и желающаго способствовать распростра познаній столь нужныхъ для Россіянина, и по нещастію до столь рѣдкихъ.

Бурхардъ Христофоръ графъ Минихъ и Христина Лукреція Вицлебена суть родители, которымъ я одолженъ жизнію. Я родился въ 1708 году генваря 10 дня новаго штиля, неподалеку отъ Еттингена, въ Швабской деревнѣ, именуемой Гейнсфуртъ. Отецъ мой, котораго покойная мать моя по обыкновенію тогдашнихъ временъ всегда на походахъ сопровождала, состоялъ въ гессенъ-кассельской службѣ маіоромъ и находился въ походѣ съ корпусомъ гессенъ-кассельскихъ войскъ, состоящимъ на жалованьи Англинской и Голландской державъ и выступившимъ тогда изъ Италіи въ Брабандію.

Мать моя, не желая остаться одна, принуждена была, на другой день по разрѣшеніи мною отъ бремени, ѣхать далѣе, что и дозволяли ей ея силы.

Въ малолѣтствѣ моемъ и по самой утрехтской миръ, отецъ мой не только имѣлъ случай военному искуству въ наилучшей школѣ обучиться, но также щастіе во многихъ походахъ, учиненныхъ имъ подъ предводительствомъ двухъ знаменитѣйшихъ полководцевъ, а именно: принца Евгенія Савойскаго и герцога Марльборугскаго, пріобрѣсть славу храбраго и искуснаго офицера.

При семъ примѣчательно, что онъ на многихъ въ сію войну происходившихъ сраженіяхъ не больше одного раза былъ раненъ. Сіе воспослѣдовало подъ Денеломъ, гдѣ одинъ французской драгунъ, которому онъ тотчасъ сдаться не хотѣлъ, ранилъ его кинжаломъ въ грудь и потомъ отвели плѣнникомъ въ Камбрай. Въ семъ городѣ имѣлъ онъ благопріятный случай, какъ о томъ самъ по свидѣтельству многихъ отзывался, не токмо познакомиться съ тогдашнимъ архіепископомъ, славнымъ Фенелономъ, но также

ГРАФЪ ЭРНСТЪ МИНИХЪ

1707 — 1788.

ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ КНИГѢ „ИСТОРИЧЕСКІЕ ТРУДЫ ГР. МИНИХА".

ИЗДАНІЕ „РУССКОЙ СТАРИНЫ".

С.-ПЕТЕРБУРГЪ, 28 МАРТА 1891 г. ЛИТОГРАФІЯ ЗАГОТОВЛЕНІЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХЪ БУМАГЪ.

ЗАПИСКИ

ГРАФА ЭРНСТА МИНИХА

СЫНА ФЕЛЬДМАРШАЛА,

писанныя имъ для дѣтей своихъ въ Вологдѣ

въ 1758 г.

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ.

1891.

здаваемая книга подъ названіемъ: Записки графа Миниха, сына, находились весьма съ давняго времени въ собраніи рукописей одного любителя отечественной исторіи и словесности. Содержаніе оной—относящееся до одной изъ епохъ, заслуживающихъ наибольшаго любопытства и вниманія; предметы, описанные слогомъ, имѣющимъ всю простоту и ясность истины; недостатокъ свѣдѣній историческихъ довольно подробныхъ о происшествіяхъ, въ первой половинѣ минувшаго вѣка случившихся въ отечествѣ нашемъ,—внушили ему мысль доставить публикѣ пріятное занятіе изданіемъ сей книги въ свѣтъ. Не нужны для нее хвалы, ни пространныя предисловія къ читателямъ. Имя сочинителя извѣстно не потому только, что отецъ его занималъ важнѣйшія мѣста въ войскахъ и правительствѣ Государства и имѣлъ великое участіе въ описанныхъ событіяхъ, въ нѣкоторыхъ же случаяхъ одно вліяніе его дѣйствовало на оныя; но и по собственнымъ своимъ качествамъ, которыя показали Россіи и свѣту въ сынѣ Миниха человѣка прямодушнаго (и въ семъ несхожаго съ отцомъ), съ чувствіями благороднѣйшими, съ сердцемъ кроткимъ, съ твердымъ духомъ и разсудкомъ отличнѣйшимъ. Въ прочемъ, сколь бы строги ни были судьи изъ читателей, въ книгѣ сей и тѣ

дутъ много обстоятельствъ, особливо касающихся до царство-

ванія и домашней жизни императрицы Анны Іоанновны, кои удовлетворятъ въ полной мѣрѣ ихъ любопытству. Сей награды достаточно для издателя, имѣющаго въ виду одну пользу отечественной исторіи и желающаго способствовать распространенію познаній столь нужныхъ для Россіянина, и по нещастію до нынѣ столь рѣдкихъ.

урхардъ Христофоръ графъ Минихъ и Христина Лукреція Вицлебена суть родители, которымъ я одолженъ жизнію. Я родился въ 1708 году генваря 10 дня новаго штиля, неподалеку отъ Еттингена, въ Швабской деревнѣ, именуемой Гейнсфуртъ. Отецъ мой, котораго покойная мать моя по обыкновенію тогдашнихъ временъ всегда на походахъ сопровождала, состоялъ въ гессенъ-кассельской службѣ маіоромъ и находился въ походѣ съ корпусомъ гессенъ-кассельскихъ войскъ, состоящимъ на жалованьи Англинской и Голландской державъ и выступившимъ тогда изъ Италіи въ Брабандію.

Мать моя, не желая остаться одна, принуждена была, на другой день по разрѣшеніи мною отъ бремени, ѣхать далѣе, что я дозволяли ей ея силы.

Въ малолѣтствѣ моемъ и по самой утрехтской миръ, отецъ мой не только имѣлъ случай военному искуству въ наилучшей школѣ обучиться, но также щастіе во многихъ походахъ, учиненныхъ имъ подъ предводительствомъ двухъ знаменитѣйшихъ полководцевъ, а именно: принца Евгенія Савойскаго и герцога Марльборугскаго, пріобрѣсть славу храбраго и искуснаго офицера.

При семъ примѣчательно, что онъ на многихъ въ сію войну происходившихъ сраженіяхъ не больше одного раза былъ раненъ. Сіе воспослѣдовало подъ Денеломъ, гдѣ одинъ французской драгунъ, которому онъ тотчасъ сдаться не хотѣлъ, ранилъ его кинжаломъ въ грудь и потомъ отвели плѣнникомъ въ Камбрай. Въ семъ городѣ имѣлъ онъ благопріятный случай, какъ о томъ самъ по свидѣтельству многихъ отзывался, не токмо познакомиться съ тогдашнимъ архіепископомъ, славнымъ Фенелономъ, но также

принятымъ быть отъ него съ великимъ снисхожденіемъ и съ особеннымъ уваженіемъ.

По заключеніи мира остался онъ полковникомъ по 1717 годъ въ гессенской службѣ, и въ сіе время, по опытности его въ инженерной наукѣ, препоручено ему отъ ландграфа гессенъ-кассельскаго построить каналъ, соединяющій близь мѣстечка Сибурга, нынѣ Карлсгавеномъ именуемаго, рѣку Димель съ Везеромъ. Сію работу привелъ онъ большею частію къ окончанію, какъ послѣ, въ уваженіе медлительнаго производства въ службѣ незнатныхъ владѣльцовъ, принялъ онъ намѣреніе вступить въ службу которой либо высокой державы, для показанія своихъ заслугъ и способностей, а сіе надѣялся онъ тогда обрѣсти въ Польшѣ.

Здѣсь король Августъ, послѣ сраженія подъ Полтавою, рѣшившагося къ нещастію Карла XII, хотя и сидѣлъ паки на престолѣ, однако колебался на ономъ, доколѣ не былъ подтвержденъ по силѣ мирнаго трактата между шведами и россіянами. Не взирая на худое положеніе дѣлъ въ Швеціи, поляки не хотѣли еще настоящему подвергнуть себя повиновенію, и ихъ такъ называемая конфедерація не мало наносила королю безпокойства: конфедераты настояли особенно на томъ, чтобы саксонскія войска изъ государства вышли; ибо король принужденъ былъ держать ихъ въ Польшѣ какъ для собственной безопасности своей, такъ и для прекращенія великихъ, происходившихъ въ то время, безпокойствъ; но какъ сіи войска большею частію содержались на иждивеніи поляковъ, то общественно взирали на нихъ какъ на непріятныхъ и крайне обременительныхъ гостей. Наконецъ чрезъ посредство Россіи заключенъ миръ и между прочихъ статей мирнаго постановленія договоренось: саксонскія войска вывесть изъ Польши и для защищенія ея учредить корпусъ войска изъ двѣнадцати тысячъ человѣкъ пѣхоты и драгуновъ, который въ мирное и военное время содержать на иждивеніи республики.

При таковыхъ обстоятельствахъ дѣлъ въ Польшѣ, отецъ мой предложилъ королю Августу свои услуги, которыя приняты весьма благосклонно, такъ что онъ въ томъ же 1717 году произведенъ генералъ-маіоромъ польской и саксонской арміи, и вскорѣ потомъ получилъ препорученіе учредить новый пѣхотный полкъ изъ четырехъ баталіоновъ, который по днесь извѣстенъ подъ именемъ польской коронной гвардіи.

Въ корпусѣ семъ долженъ былъ состоять фельдмаршалъ графъ Флемингъ дѣйствительнымъ, а мой отецъ командующимъ полковникомъ. При чемъ сдѣлано условіе, чтобы отецъ мой сперьва одинъ нѣсколько лѣтъ пользовался всѣми полковничьими доходами и раціонами, которые по нынѣшнее время на весьма знатную простираются сумму; а послѣ раздѣлялъ бы ихъ съ фельдмаршаломъ графомъ Флемингомъ, или по крайней мѣрѣ предоставлялъ для него извѣстную часть отъ оныхъ каждогодно.

Коль скоро означенное распоряженіе сдѣлано, приказалъ отецъ мой оставшейся въ Гессенъ-Касселѣ фамиліи своей пріѣхать въ Варшаву, гдѣ я по пріѣздѣ моемъ на девятомъ году возраста своего опредѣленъ прапорщикомъ въ упомянутую гвардію; ибо доселѣ я состоялъ въ томъ же званіи въ гессенской службѣ въ Кетлерскомъ пѣхотномъ полку.

Хотя по возстановленіи мира въ Польшѣ отецъ мой не имѣлъ случая оказать свои таланты на войнѣ, однако же другія его знанія и способности въ короткое время снискали ему уваженіе и благосклонность отъ короля. Онъ имѣлъ пребываніе свое всегда въ Варшавѣ и жилъ въ домѣ, нанятомъ у епископа плоцкаго. Въ контрактѣ съ хозяиномъ договорились они, чтобы епископъ, на случай пріѣзда его по нѣкоторымъ дѣламъ въ городъ, имѣлъ нѣсколько покоевъ въ томъ же домѣ для своего жительства. Между тѣмъ случилось въ 1718 году, когда означенный епископъ стоялъ у насъ на квартирѣ, что его люди въ кухнѣ, гдѣ также и наши работали, разложили на очагѣ весьма сильный огонь, отъ чего въ трубу выкинуло и послѣ цѣлый флигель дома выгорѣлъ. Епископъ, подъ предлогомъ будто бы пожаръ произошелъ отъ неосторожности нашихъ людей, требовалъ, чтобы отецъ мой за причиненный убытокъ заплатилъ, и по полученному отказу просилъ на него о томъ въ судѣ. Сіе тяжебное дѣло продолжалось нарочито долго; наконецъ епископъ перенесъ дѣло въ Римъ и отецъ мой получилъ отъ папы, который безъ сумнѣнія не вѣдалъ, что писалъ къ еретику грамоту, въ которой его святѣйшество увѣщевалъ епископа удовольствовать. Не взирая на сіе, споръ между ими долгое время безъ рѣшенія оставался какъ напослѣдокъ самъ король вошелъ въ посредство, и епископа удовлетворилъ, обѣщавъ его племяннику аббату Салуцкому, нынѣшнему гроссъ-канцлеру польскому, знатное пожаловать епископство.

Въ томъ же году проѣзжалъ чрезъ Варшаву славный и несчастный мужъ, баронъ Герцъ. По старинному знакомству присталъ онъ въ нашемъ домѣ, и дружба его къ отцу моему, равно какъ можетъ быть и желаніе сманить отъ короля Августа искуснаго генерала, простирались до того, что онъ не токмо предлагалъ отцу моему генералъ-порутчичье мѣсто въ шведской арміи, но также по силѣ данной ему полной мочи, вручилъ на показанный чинъ патентъ собственноручно: но дѣло сіе осталось безъ дальнѣйшаго успѣха; ибо Карлъ XII въ томъ же году подъ Фридрихсгамомъ застрѣленъ, а сожалѣнія достойному барону Герцу отсѣчена голова въ Стокгольмѣ.

Въ 1719 году курфиршескій саксонскій принцъ, послѣ бывшій король польскій, сочетался бракомъ съ ерцгерцогинею Маріею Іозефою въ Вѣнѣ. Король, одинъ изъ великолѣпнѣйшихъ владѣльцовъ тогдашнихъ временъ, вознамѣрился принять свою невѣсту съ величайшею пышностью и съ рѣдчайшими увеселеніями и празднествами. Всѣ первѣйшіе чиновники были туда отозваны, а равно и отецъ мой получилъ повелѣніе пріѣхать въ Саксонію. Онъ взялъ съ собою всю фамилію свою и мы пріѣхали въ половинѣ іюля мѣсяца въ Дрезденъ. Празднества открылись въ августѣ мѣсяцѣ великолѣпнымъ въѣздомъ, при чемъ саксонскій генералитетъ составлялъ особенный конный корпусъ, котораго велъ отецъ мой, какъ младшій тогда генералъ, а фельдмаршалъ графъ Флемингъ оный корпусъ замыкалъ. Какіе въ протчемъ при семъ случаѣ въ теченіе шести недѣль происходили увеселенія, объ ономъ можно видѣть во многихъ печатныхъ сочиненіяхъ. Самое рѣдкое, по мнѣнію моему, зрѣлище при томъ было возобновленіе стариннаго и столь славнаго каруселя, гдѣ всѣ прежніе употребительные законы и правила соблюдаемы были найточнѣйше.

По окончаніи сихъ увеселеній возвратились мы въ Польшу и пріѣхали въ концѣ того года въ Варшаву. Не много спустя отецъ мой пришелъ въ несогласіе съ фельдмаршаломъ графомъ Флемингомъ. Сему не хотѣлось долѣе соблюдать вышеизображеннаго условія, постановленнаго при учрежденіи гвардейскаго полка. И когда отецъ мой не намѣренъ былъ ему уступить, то графъ Флемингъ подучилъ нѣкоторыхъ офицеровъ сдѣлать доносъ, что они распоряженіемъ и управленіемъ отца моего при полку недовольны. При семъ случаѣ дошли такъ-же до свѣдѣнія отца

моего нѣкоторыя оскорбительныя рѣчи отъ одного штабъ-офицера, по прозванію Бонафу, котораго онъ, по поводу сего, вызвалъ на поединокъ и ранилъ пулею въ грудь. Опасаясь худыхъ слѣдствій когда раненый умретъ, отецъ мой за благо разсудилъ скрыться въ монастырѣ, гдѣ и пребывалъ нѣсколько недѣль, пока Бонафу изъ всей опасности вышелъ.

Въ сіе время король возымѣлъ желаніе обозрѣть каналъ, строившійся по его повелѣнію въ увеселительномъ замкѣ Уяздовѣ, подъ главнымъ надзираніемъ отца моего. Королю надлежало ѣхать мимо того монастыря, гдѣ отецъ мой укрывался. Пріѣхавъ къ оному, приказалъ онъ остановиться и вызвать моего отца, котораго посадя въ свою карету, поѣхалъ въ вышеозначенный замокъ уяздовъ. Проводя нѣсколько часовъ на обозрѣніе канала и изъявя на то свое удовольствіе, возвратился онъ въ городъ, и высадилъ моего отца изъ кареты въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ его взялъ. Между тѣмъ вражда фельдмаршала графа Флеминга отъ часу болѣе возрастала. И хотя король внутренно любилъ отца моего, однако же власть графа Флеминга надъ распоряженіями мыслей государя его не допустила слѣдовать его склонностямъ, чтобы отца моего отъ пронырствъ упомянутаго фельдмаршала защитить. Даже дошло до того, что фельдмаршалъ графъ Флемингъ приказалъ отцу моему объявить домовый арестъ. Когда же онъ собственно былъ саксонскій фельдмаршалъ, а въ Польшѣ и имянно при коронной гвардіи не другое что какъ полковникъ, напротивъ чего отецъ мой былъ и польскій генералъ-маіоръ и вице-полковникъ въ коронной гвардіи и собственно состоялъ подъ командою Гросъ-Фельдгера Синявскаго, то сей почелъ поступокъ графа Флеминга предосудительнымъ правамъ и власти своей, приказалъ того же дня отца моего извѣстить, что онъ даруетъ ему свободу, и не имѣетъ уважать объявленнаго ему отъ фельдмаршала графа Флеминга ареста; а въ протчемъ можетъ полагаться на его покровительство. Графъ Флемингъ принужденъ былъ гнѣвъ свой смирить, но послѣ по сему дѣлу никакихъ уже дальнѣйшихъ слѣдствій не оказалось.

Во время сихъ раздоровъ князь Григорій Федоровичъ Долгорукой находился россійскимъ посланникомъ при дворѣ польскомъ; неудовольствіе отца моего извѣстно ему было; почему онъ и воспользовался симъ случаемъ уговорить его, съ обѣщаніемъ величайшихъ выгодъ, въ Россійскую вступить службу.

Въ исходѣ 1720 года умеръ мой покойный дѣдъ, Антонъ Гинтеръ Минихъ, постановя, по силѣ духовной, отца моего единственнымъ наслѣдникомъ родоваго и благопріобрѣтеннаго имѣнія его. По полученному извѣстію о кончинѣ его, просилъ отецъ мой у короля позволеніе съѣздить въ свою родину, что и получилъ неукоснительно съ награжденіемъ пяти сотъ червонныхъ на путевые расходы.

Вмѣсто чтобъ ѣхать въ Ольденбургъ, отправился онъ въ началѣ 1721 года подъ чужимъ именемъ въ Санктпетербургъ, но недалѣе доѣхалъ какъ до Риги, потому что здѣсь встрѣтилъ уже императора Петра Великаго. Тутъ сдѣлалъ онъ на шесть лѣтъ договоръ съ такимъ условіемъ, чтобы не прежде какъ по прошествіи перваго года получить чинъ генералъ-порутчика. Въ протчемъ какъ уже около сего времени, а имянно въ маіѣ мѣсяцѣ 1721 года, война со Шведами прекратилась, то онъ долженъ былъ довольствоваться меньшимъ, нежели что князь Долгоруковъ въ Варшавѣ обѣщалъ; такъ что вмѣсто 8000 курантныхъ талеровъ ежегоднаго дохода, въ Польшѣ получаемаго, имѣлъ онъ теперь не больше, какъ 2400 рублей.

Изъ Риги отправился онъ въ свои вотчины для принятія ихъ въ свое владѣніе и для окончанія расчетовъ съ братьями и сестрами объ оставшемся наслѣдствѣ.

Между тѣмъ просилъ онъ короля объ увольненіи отъ службы, которое получивъ, отписалъ къ моей покойной матери, дабы она въ Гданскъ пріѣхала и тамъ дожидала его. И такъ мы всѣ пустились изъ Варшавы водою и по десятидневномъ путешествіи пріѣхали въ Гданскъ благополучно. Чрезъ нѣсколько недѣль прибылъ къ намъ отецъ мой, и потомъ всѣ вмѣстѣ предпріяли мы путь чрезъ Кенигсбергъ, Пруссію и Курляндію въ Россію.

Въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1721 года пріѣхали мы въ Ригу. Сей городъ, по силѣ заключеннаго между Россіею и Швеціею мирнаго трактата сдѣлался въ семъ году новою пограничною крѣпостію Россійской Имперіи. Отсюда отецъ мой поѣхалъ одинъ въ Санктпетербургъ, роспорядилъ тамъ все нужное для своего домоводства, и по прошествіи двухъ мѣсяцовъ возвратился опять въ Ригу, дабы съ собою взять всю фамилію свою.

Я оставленъ одинъ въ Ригѣ, обучаться въ тамошней городовой школѣ, и отданъ въ пенсіонъ въ ректору означенной

колы, весьма ученому мужу, по прозванію Горнику. Отъ роду ило мнѣ тогда около 14 лѣтъ, и великую имѣлъ я охоту къ ѣнію; но къ сажалѣнію моему кромѣ латинскаго и частію ѣческаго языка, другому въ сей школѣ весьма мало научиться ъгъ.

По прошествіи двухъ лѣтъ, отецъ мой за благо разсудилъ ослать меня въ Женеву, но напередъ приказалъ явиться въ етербургъ, куда я и пріѣхалъ въ февралѣ мѣсяцѣ 1723 года. По ріѣздѣ моемъ предложилъ мнѣ отецъ мой на выборъ, желаю и я быть ученымъ или военнымъ человѣкомъ; я рѣшился на ервое.

Въ оное время Петръ Великій имѣлъ помышленіе Ладогскій аналъ, необходимо нужный къ облегченію торговли и промыловъ жителей въ Санктпетербургѣ, привесть къ совершенному кончанію. Хотя посредствомъ небольшаго канала, соединяющаго ѣку Тверцу и Мсту неподалеку отъ Вышняго Волочка, водяная оммуникація была уже свободная отъ Каспійскаго моря даже о Санктпетербурга: однако-же какъ всѣ припасы надлежало провозить по Ладогскому озеру, на которомъ плаваніе во время ильныхъ вѣтровъ и бурей столько опасно было для плоскодонныхъ барокъ, употребляемыхъ обыкновенно для провоза Россійскихъ продуктовъ, что ни одного почти не проходило года безъ натнаго урону и гибели людямъ и товарамъ; то, дабы отвратить таковую неудобность въ перевозѣ припасовъ, императоръ Петръ Великій предпріялъ рѣку Волховъ, впадающую въ Ладогское озеро, и рѣку Неву, изъ онаго вытекающую, соединить посредствомъ канала, чрезъ что озеро оставалось въ сторонѣ и судоходство никакой опасности не подвергалось.

Сей каналъ, простирающійся вдоль берега Ладогскаго озера, пріемлетъ свое начало у Новой Ладоги и кончится у Шлиссельбурга: длина онаго содержитъ 104 версты или 15 нѣмецкихъ иль, ширина 70, а глубина подъ водою 10 англинскихъ футовъ. Онъ составленъ большею частію изъ однѣхъ прямыхъ линій въ ѣ, три и четыре версты и не дѣлаетъ большихъ угловъ, кромѣ то въ одномъ мѣстѣ находится кривизна, произшедшая отъ плошности прежняго къ строенію сего канала употребленнаго женера; но отецъ мой исправилъ сей недостатокъ сколько ожно было. Берега онаго канала были съ начала деревянные,

но послѣ сдѣланы каменные. И какъ многіе небольшіе ручьи, разливающіеся на обширное пространство весною, когда снѣгъ начнетъ таять и сходить, протекаютъ сквозь сей каналъ: то съ обѣихъ сторонъ, при впаденіи и выходѣ оныхъ, подѣланы прочные шлюзы, частію дабы управлять водою сихъ ручьевъ и частію дабы удерживать и не впускать песку и илу, которые они съ собою наносятъ. Начало канала при Новой Ладогѣ на нѣсколько футовъ выше, нежели конецъ при Шлиссельбургѣ; почему теченіе воды въ немъ весьма примѣтно бываетъ: однако-же дабы въ весьма сухіе годы не происходило никакой остановки въ судоходствѣ, то построены по обоимъ концамъ два большіе и главные шлюзы, посредствомъ которыхъ воду въ цѣломъ каналѣ останавливать и въ случаѣ нужды на нѣсколько футовъ возвышать можно.

Хотя на построеніе вышеописаннаго канала слишкомъ до милліона рублей потрачено, однако все, что ни было изготовлено оказалось въ такой неисправности, что императоръ намѣренъ былъ прежняго директора отпустить; почему поѣхалъ онъ туда вдругоредь обще съ моимъ отцемъ, который, изъяснивъ ему подробно всѣ учиненныя погрѣшности, представилъ новый проектъ, по которому и препоручено ему отъ императора важное сіе строеніе продолжать. Отецъ мой дѣйствительно приступилъ къ произведенію работы; но не получилъ ни того числа денегъ, ниже людей, сколько сперьва ему обѣщано.

Петръ Великій, по коронованіи супруги своей въ Москвѣ въ 1724 году, предпринялъ возвратный путь въ Санктпетербургъ и мимоѣздомъ хотѣлъ обозрѣть новопроизводимую отцемъ моимъ работу. Онъ пріѣхалъ на каналъ осенью тогоже года. Отецъ мой показывалъ ему часть канала, простирающуюся на 10 или 12 верстъ, что дѣлаетъ полторы мили, въ совершенной отдѣлкѣ; но только воды еще не впущено, дабы доставить императору удовольствіе лично видѣть впускъ оныя. Какъ скоро онъ работу въ означенномъ положеніи осмотрѣлъ, то пошелъ къ плотинѣ, которая воду удерживала, и приказалъ ее проломить. Позади плотины стоялъ небольшой ботъ, котораго императоръ едва лишь увидѣлъ, въ тоже мгновеніе возъимѣлъ охоту въ него сѣсть и спуститься въ каналъ съ быстростремящеюся водою. Сопутниками его были мой отецъ и еще одинъ унтеръ-офицеръ вмѣсто шту

мана. Ботъ плылъ по каналу съ несказанною быстротою; при чемъ императоръ не могъ отъ радости воздержаться, снималъ неоднократно съ себя шляпу, и махая оною надъ головою, кричалъ: ура! Удовольствіе его было столь чрезвычайное, что онъ, стоя въ ботѣ, обнималъ, цѣловалъ и благодарилъ отца моего за исправное совершеніе сея работы. Послѣ сего императоръ зашелъ въ домъ отца моего, и отъужинавъ и переночевавъ, продолжалъ на другое утро свой путь въ Санктпетербургъ,—наказавъ отцу моему тудаже пріѣхать, дабы разсудить и переговорить о средствахъ къ скорѣйшему окончанію канала. Когда сей монархъ прибылъ въ вышепомянутую столицу, то въ первомъ присудствіи своемъ въ сенатѣ представилъ въ какомъ состояніи нашелъ онъ новую работу, выхвалялъ отца моего и объявилъ, что онъ по совершеніи оной знатнаго заслуживаетъ награжденія. Но что касается до сего послѣдняго, то императоръ собственно отъ своей особы ничего болѣе сдѣлать не могъ, поелику онъ спустя нѣсколько мѣсяцовъ скончался.

Отецъ мой, желая доставить мнѣ лучшее воспитаніе, нежели какъ я въ ту пору въ Россіи имѣть могъ, отправилъ меня въ Женеву въ исходѣ ноября тогоже года. Покойная мать моя проводила меня съ Ладогскаго канала даже до Санктпетербурга. Въ декабрѣ мѣсяцѣ свершилось обрученіе великой княжны Анны Петровны съ его высочествомъ герцогомъ Голстейнъ-Готторпскимъ, и на семъ торжествѣ имѣлъ я честь въ послѣдній разъ видѣть Петра Великаго.

Нѣсколько дней послѣ сего торжества предпринялъ я свой путь чрезъ Ригу, Кенигсбергъ и Гданскъ въ Берлинъ, гдѣ имѣлъ честь представленнымъ быть покойному королю прусскому Фридриху Вильгельму на такъ называемой парадной площади. Его величество всемилостивѣйше навѣдывался у меня объ обстоятельствахъ отца моего, который ему былъ извѣстенъ. Здѣсь получилъ я отъ родственника нашего, саксонскаго министра господина Сума, которой изъ учтивства принялъ меня въ свой домъ, многія рекомендательныя письма въ Женеву. По пріѣздѣ въ Аншпахъ, имѣлъ я удовольствіе увидѣться съ моею теткою съ матерней стороны, супругою тамошняго оберъ-гофмаршала господина Кинсберга, а равно и честь быть представленнымъ вдовствующей маркграфинѣ и малолѣтному ея сыну, которые къ столу

своему меня пригласили. Послѣ сего былъ я на посѣщеніи у другой тетки моей, которая была въ замужествѣ за Эттингскимъ оберъ-егермейстеромъ господиномъ Ласпергомъ. Въ домѣ сей тетки жила покойная бабушка моя госпожа Анна Дебора Себахъ, вдовствующая Вицлебена: для сей послѣдней, какъ легко догадаться можно, былъ я не непріятный гость. По нѣсколькодневномъ пребываніи отправился я далѣе, и проѣздомъ обозрѣвъ въ Ульмѣ, Шафгаузенѣ, Солотурнѣ и Лозаннѣ всѣ библіотеки, церкви и надгробныя по старинному нѣмецкому обряду обстоятельнѣйше, пріѣхалъ, въ исходѣ марта, въ Женеву благополучно и въ добромъ здоровьи.

Здѣсь услышалъ я, что императоръ Петръ Великій въ 28 день генваря 1725 года скончался, и супруга его императрица Екатерина приняла престолъ Россійскій.

Въ Женевѣ перьвая моя забота была, чтобы отъискать хорошій пенсіонъ. Между многихъ предложенныхъ мнѣ еще въ Берлинѣ, выборъ мой палъ преимущественно на домъ г. пастора и профессора философіи Езекіиля Галлатина, прелюбезнаго и ученѣйшаго мужа, котораго память за его любовь и дружбу, равно какъ и всего семейства его ко мнѣ, по сей часъ для меня пріятна и драгоцѣнна. Я посовѣтовался съ нимъ, какимъ образомъ наиполезнѣйше распорядить мое ученіе и упражненіе въ наукахъ, и расчелъ, сколько все оное будетъ мнѣ ежегодно стоить. Нашедъ, что мои расходы по крайней мѣрѣ на тысячу спеціевъ талеровъ простираться имѣютъ, отписалъ я объ ономъ къ отцу моему, который и согласился отпускать означенную сумму, не взирая на малые тогдашніе его доходы. Въ перьвый годъ слушалъ я приватныя лекціи философическія о естественномъ и народномъ правѣ и объ институціяхъ; при чемъ обучался также танцованію, фехтованію и музыкѣ. Въ слѣдующемъ году ходилъ я къ новопріѣхавшему профессору Неккеру на лекціи о нѣмецкомъ общественномъ правѣ, вмѣстѣ съ принцомъ Кульмбахскимъ, послѣ бывшимъ маркграфомъ Барейтскимъ, двумя принцами Саксенъ-Гильдбургсгаузенскими и съ принцемъ Шварцбургъ-Рудольстатскимъ; далѣе обучался я верьховой ѣздѣ, держалъ учителя для италіанскаго языка, упражнялся въ исторіи и во французскомъ шпилѣ, учился рисовать и сдѣлалъ начало въ алгебрѣ; но въ сей послѣдней наукѣ успѣлъ столь мало, что вскорѣ

своемъ на поступки князя Меньщикова и что онъ желаетъ отъ него избавиться. По семъ изъясненіи положено было общественно, ненавидимаго князя отъ службы отставить, и тѣмъ-же часомъ данъ одному гвардейскому маіору приказъ, объявить ему объ ономъ и его самого арестовать.

Баронъ Остерманъ былъ тогда знаменитѣйшій мужъ въ имперіи и другъ отца моего. Сей получилъ неукоснительно обще, съ извѣстіемъ о паденіи князя Меньщикова, повелѣніе пріѣхать въ Санктпетербургъ для занятія президентскаго мѣста въ военной коллегіи; по пріѣздѣ его сдѣлано ему сіе лестное привѣтствіе, что кромѣ его нельзя иному лучшему надзирателю ввѣрить армію.

Остерманъ имѣлъ большую фамилію и за множествомъ поручаемыхъ ему дѣлъ, недоставало ему времени смотрѣть самому за своимъ домоводствомъ. Сіе побудило его помышлять о другомъ бракѣ. Когда же старшая сестра моя находилась фрейлиною при ея высочествѣ великой княжнѣ Елисаветѣ Петровнѣ, то сіе самое и подало ему поводъ сей дворъ посѣщать не рѣдко и познакомиться съ гофмейстериною, вдовствующею графинею Салтыковою, урожденною Мальченою (фонъ-Мальцанъ), и оба положили сочетаться бракомъ.

Между тѣмъ баронъ Остерманъ предъявилъ новый доводъ добрыхъ расположеній своихъ къ отцу моему тѣмъ, что предложилъ для меня выгодное мѣсто. Происходившіе тогда между такъ названными вѣнскими и ганноверскими союзниками споры положено было разрѣшить въ назначенномъ конгрессѣ въ Соассонѣ во Франціи; когда же россійскій дворъ, какъ выше упомянуто, приступилъ къ вѣнскому союзу, то и намѣревались отправить знатное посольство на означенный конгресъ. Князь Борисъ Ивановичъ Куракинъ, министръ при французскомъ дворѣ, и графъ Александръ Гавриловичъ Головкинъ, министръ при берлинскомъ дворѣ, были къ тому назначены; но послѣдній отправилъ одинъ сіе посольство, потому что князь Куракинъ вскорѣ послѣ сего въ Парижѣ умеръ. И такъ баронъ Остерманъ доставилъ мнѣ мѣсто при семъ посольствѣ въ званіи дворянина посольства съ жалованьемъ по 500 рублей въ годъ и 200 рублей на проѣздъ въ Берлинъ къ графу Головкину.

Около сего времени вторая сестра моя Христина Елисавета говорена была за лифляндскаго дворянина барона Іогана

что я отъ того нерадиво сталъ посѣщать школы, и мало успѣвалъ въ свѣтскомъ обращеніи; и по тому самому, спустя много времени, принужденъ былъ въ обществахъ между открытыхъ и оживленныхъ людей играть прежалкую роль нѣмого.

Осенью 1727 года получилъ я печальное извѣстіе о скоропостижной кончинѣ моей матери, которая за добродѣтель и за похвальныя качества свои общественно была почитаема.

Вскорѣ потомъ прислалъ ко мнѣ отецъ мой радостное извѣстіе, что императрица Екатерина пожаловала ему новоустановленный орденъ св. Александра Невскаго и сверхъ того въ подарокъ нѣсколько тысячъ рублей.

Въ апрѣлѣ того-же года получилъ я отъ отца моего приказаніе поѣхать въ Италію. И такъ въ началѣ маія отправился я въ сообществѣ двухъ англичанъ и одного нѣмца изъ Женевы въ Туринъ.

Здѣсь въ короткое пребываніе мое успѣлъ я познакомиться токмо съ фельдмаршаломъ Ребиндеромъ, который былъ урожденный лифляндецъ, съ французскимъ посланникомъ господиномъ Камбизомъ и съ англинскимъ министромъ господиномъ Геджесомъ.

Не прожилъ я въ Туринѣ и одного мѣсяца, какъ пришло туда извѣстіе, что императрица Екатерина скончалась и Петръ Второй вступилъ на престолъ. Между тѣмъ какъ я обольщался пріятными мыслями обозрѣть достопамятности въ Италіи, отписалъ ко мнѣ отецъ мой, чтобы я какъ можно скорѣе поспѣшилъ въ Санктпетербургъ.

Но когда онъ позабылъ прислать ко мнѣ вексель, и у меня для толь дальняго пути денегъ недоставало, то я нашелся принужденнымъ съ остальными червонцами возвратиться въ Женеву и тамъ занять потребную сумму за поручительствомъ бывшаго моего хозяина господина Галлатина; онъ склонился охотно къ сему, и какъ я предложилъ о томъ прежнему моему банкиру, то сей отвѣчалъ, что ему не надобенъ упомянутый поручитель, который хотя и честный человѣкъ, но долговъ больше, нежели достатка имѣетъ, и для того лучше вѣритъ моему честному лицу, и дастъ сколько нужно мнѣ денегъ для продолженія пути моего: почему и отпустилъ онъ мнѣ на мѣстѣ триста талеровъ испанскими пистолями.

не далеко, старшіе два сына графа Головкина получили корь въ мѣстечкѣ, именуемомъ Горнбургъ, не въ дальности отъ Брауншвейгской границы, и мы принуждены были тутъ недѣли на двѣ остановиться. Въ сосѣдствѣ на дачѣ господина Минхгаузена, называемой Линденъ, имѣлъ тогда жительство старый герцогъ Антонъ Улрихъ Бланкенбургской обще со своею супругою. Графъ Головкинъ, желая отдать свое почтеніе сему герцогу, дѣду нашего государя, поѣхалъ къ нему, взявши меня съ собою. Я имѣлъ честь у ихъ свѣтлостей обѣдать и герцогиня распрашивала меня, какъ новопріѣзжаго изъ Россіи, подробнѣйше обо всемъ, касающемся до молодаго Императора и его сестры. По окончаніи стола, пріѣхали туда же два старшіе принца Бевернскіе, внуки упомянутаго герцога, а именно вступившій вскорѣ потомъ въ правленіе герцогъ Брауншвейгскій и сочетавшійся послѣ въ Россіи съ принцессою Анною Мекленбургскою принцъ Антонъ Улрихъ. Подъ вечеръ сдѣлали мы пріятную прогулку въ лѣсу до самыхъ воротъ города Волфенбителя, и около ночи графъ Головкинъ возвратился со мною опять въ Горнбургъ.

Коль скоро больные наши оправились, поѣхали мы далѣе. Не успѣли добраться до Гама въ Вестфаліи, какъ опять на другомъ дитяти и даже на самой графинѣ корь высыпала. И такъ мы принуждены были снова простоять слишкомъ двѣ недѣли. Изъ Гама продолжали мы нашъ путь безпрепятственно даже до Везеля; здѣсь графиня Головкина почувствовала тяжкую боль въ груди, потому что она рано въ дорогу пустилась, но чрезъ 12 дней пришла опять въ состояніе спосить трясеніе отъ дороги. Изъ Везеля поѣхали мы чрезъ Мастрихтъ въ Бриссель, гдѣ вскорѣ по пріѣздѣ нашемъ герцогъ Арембергской посѣтилъ графа и графиню, и какъ графъ въ провожаніи одного меня взаимное отдалъ посѣщеніе упомянутому герцогу, то и пригласилъ онъ насъ къ вечернему столу, при которомъ находились еще состоявшій во французской службѣ графъ Деламаркъ и славный сочинитель Жанъ Баптистъ Руссо. Присутствіе сего послѣдняго произвело, что разговоръ о важныхъ матеріяхъ не долго продолжался, но вскорѣ принялъ нарочито насмѣшливый тонъ.

Изъ Брисселя отправились мы въ Монсъ, оттуда поворотили въ Лаферъ, и наконецъ, при пушечной пальбѣ, прибыли въ Соассонъ благополучно; но поелику послѣ первыхъ до пріѣзда нашего

по прошенію сего взять меня къ себѣ и употреблять къ посольскимъ дѣламъ. Но по пріѣздѣ моемъ лежалъ онъ при смерти боленъ, и нѣсколько дней спустя потомъ умеръ, и какъ чрезъ то означенное намѣреніе испровергнулось, то отецъ мой вмѣстѣ со мною возвратился къ каналу, который нашелъ я больше, нежели на половину отдѣланнымъ.

По прошествіи нѣсколькихъ недѣль получили мы извѣстіе, что князь Меньщиковъ сверженъ и въ ссылку сосланъ. Сего человѣка блаженныя памяти императоръ Петръ I изъ самаго низкаго состоянія возвелъ на высочайшія степени чиновъ и достоинствъ не за отмѣнныя его дарованія или знанія, но за то, что онъ по нраву монарха во всѣхъ случаяхъ умѣлъ угождать безподобно и главнѣйше снискалъ его благоволеніе тѣмъ, что онъ часто брался за дѣла, которыя императору отъ другихъ невозможными представлены, и старался ихъ произвесть, чего-бы они ему не стоили. Сверьхъ того въ особѣ императрицы, которая одолжена ему за начало своего щастія, имѣлъ онъ мощную защитницу, и по возшествіи ея на престолъ состоялъ въ величайшей знати и силѣ. По кончинѣ ея можно было почитать его регентомъ имперіи, особливо какъ онъ отправилъ герцога Голштинскаго и его супругу на фрегатѣ въ Киль, дабы свободнѣе и съ неограниченною властью всѣми управлять дѣлами. Молодаго императора взялъ онъ къ себѣ въ домъ и уже обручилъ его съ своею старшею дочерью. Онъ располагалъ, что когда будетъ тестемъ монарха, то власть его утвердится непоколебимо; а потому и началъ пренебрегать всѣми знатнѣйшими въ имперіи чиновниками. Самому императору и его сестрѣ великой княжнѣ Наталіи не давалъ онъ ни малѣйшей вольности даже въ самыхъ малозначущихъ дѣлахъ; чрезъ что окружавшимъ молодымъ господамъ не трудно было помрачить его въ мысляхъ императора.

Фамилія Долгорукихъ, уповая скорѣе достигнуть выгодъ, ожидаемыхъ отъ одного изъ своихъ, а именно князя Ивана Алексѣевича, начинавшаго входить въ милость къ императору, употребила наипаче сего своего родственника для низверженія князя Меньщикова. Имъ удалось въ дѣлѣ семъ успѣть до того, что какъ однажды дворъ находился въ Петергофѣ, а князь Меньщиковъ въ городѣ остался, то молодой императоръ открылся нѣкоторымъ находившимся тамъ знатнымъ особамъ въ неудовольствіи

семъ на поступки князя Меньщикова и что онъ желаетъ отъ го избавиться. По семъ изъясненіи положено было обще-венно, ненавидимаго князя отъ службы отставить, и тѣмъ-же сомъ данъ одному гвардейскому маіору приказъ, объявить ему ъ ономъ и его самого арестовать.

Баронъ Остерманъ былъ тогда знаменитѣйшій мужъ въ импе-и и другъ отца моего. Сей получилъ неукоснительно обще, съ вѣстіемъ о паденіи князя Меньщикова, повелѣніе пріѣхать въ анктпетербургъ для занятія президентскаго мѣста въ военной оллегіи; по пріѣздѣ его сдѣлано ему сіе лестное привѣтствіе, ю кромѣ его нельзя иному лучшему надзирателю ввѣрить армію.

Остерманъ имѣлъ большую фамилію и за множествомъ оручаемыхъ ему дѣлъ, недоставало ему времени смотрѣть амому за своимъ домоводствомъ. Сіе побудило его помышлять другомъ бракѣ. Когда же старшая сестра моя находилась рейлиною при ея высочествѣ великой княжнѣ Елисаветѣ Петровнѣ, ю сіе самое и подало ему поводъ сей дворъ посѣщать не рѣдко и познакомиться съ гофмейстериною, вдовствующею гра-финею Салтыковою, урожденною Мальченою (фонъ-Маль-цанъ), и оба положили сочетаться бракомъ.

Между тѣмъ баронъ Остерманъ предъявилъ новый доводъ добрыхъ расположеній своихъ къ отцу моему тѣмъ, что предло-жилъ для меня выгодное мѣсто. Происходившіе тогда между такъ названными вѣнскими и ганноверскими союзниками споры положено было разрѣшить въ назначенномъ конгрессѣ въ Соас-сонѣ во Франціи; когда же россійскій дворъ, какъ выше упо-мянуто, приступилъ къ вѣнскому союзу, то и намѣревались отправить знатное посольство на означенный конгресъ. Князь Бо-рисъ Ивановичъ Куракинъ, министръ при французскомъ дворѣ, и графъ Александръ Гавриловичъ Головкинъ, министръ при берлинскомъ дворѣ, были къ тому назначены; но послѣдній отправилъ одинъ сіе посольство, потому что князь Куракинъ вскорѣ послѣ сего въ Парижѣ умеръ. И такъ баронъ Остерманъ доставилъ мнѣ мѣсто при семъ посольствѣ въ званіи дворянина посольства съ жалованьемъ по 500 рублей въ годъ и 200 рублей на проѣздъ въ Берлинъ къ графу Головкину.

Около сего времени вторая сестра моя Христина Елисавета врена была за лифляндскаго дворянина барона Іогана

Генриха Менгдена, и отецъ мой обѣщалъ ей десять тысячь рублей въ приданое.

Въ разсужденіи старшей сестры, казалось будто бы также для нее женихъ сыскался. Новый императорскій наперсникъ, князь Иванъ Алексѣевичъ Долгорукій, возъимѣлъ къ ней столь великую склонность, что повидимому намѣренъ былъ на ней жениться. Но какъ наконецъ его родители и другіе родственники не соглашались, то все дѣло и рушилось къ величайшему счастію для моей сестры.

Въ исходѣ января 1728 года императоръ Петръ II предпринялъ путешествіе въ Москву для коронованія. Отцу моему препоручена была должность главнокомандующаго въ Санктпетербургѣ; а я, спустя нѣсколько дней, отправился въ Берлинъ.

Благосклонный пріемъ, каковый по пріѣздѣ моемъ имѣлъ я отъ графа Головкина и отъ его супруги, урожденной графини фонъ-Дона, былъ уже началомъ особенной любви и дружбы, коею четыре года безпрерывно пользовался я въ домѣ сей добродѣтельной четы. Мы отправились въ Соассонъ не прежде какъ чрезъ два мѣсяца. Между тѣмъ коронованіе императора Петра II совершено въ Москвѣ, и графъ Головкинъ при извѣстіи объ ономъ получилъ также повелѣніе установить радостное на сей случай празднество. Въ сходствіе чего графъ Головкинъ далъ великолѣпный обѣденный столъ, котораго король удостоилъ своимъ присутствіемъ, въ вечеру балъ и вечерній столъ купно съ иллюминаціею. Въ прочемъ означенный день торжества для коронованія достопамятенъ въ нашей фамиліи, потому что отецъ мой и его потомки въ графское возвышены достоинство.

Наконецъ графъ Головкинъ получилъ свои векселя, уполномочія и инструкціи. Послѣднія содержали главнѣйше ту силу, дабы онъ крайнее употребилъ домогательство исходатайствовать титулъ императорскій отъ тѣхъ державъ, которыя не согласны еще были придавать онаго россійскимъ государямъ. Сверхъ того препоручено также особенно пещись объ интересѣ герцога Голштинскаго, касательно возвращенія шлезвигской земли. Сколько онъ, какъ въ одномъ, такъ и въ другомъ успѣлъ,—объ ономъ ниже упомянуто будетъ.

Въ концѣ маія отправились мы въ Соассонъ. Но отъѣхавъ

не далеко, старшіе два сына графа Головкина получили корь въ мѣстечкѣ, именуемомъ Горнбургъ, не въ дальности отъ Брауншвейгской границы, и мы принуждены были тутъ недѣли на двѣ остановиться. Въ сосѣдствѣ на дачѣ господина Минхгаузена, называемой Линденъ, имѣлъ тогда жительство старый герцогъ Антонъ Улрихъ Бланкенбургской обще со своею супругою. Графъ Головкинъ, желая отдать свое почтеніе сему герцогу, дѣду нашего государя, поѣхалъ къ нему, взявши меня съ собою. Я имѣлъ честь у ихъ свѣтлостей обѣдать и герцогиня распрашивала меня, какъ новопріѣзжаго изъ Россіи, подробнѣйше обо всемъ, касающемся до молодаго Императора и его сестры. По окончаніи стола, пріѣхали туда же два старшіе принца Бевернскіе, внуки упомянутаго герцога, а именно вступившій вскорѣ потомъ въ правленіе герцогъ Брауншвейгскій и сочетавшійся послѣ въ Россіи съ принцессою Анною Мекленбургскою принцъ Антонъ Улрихъ. Подъ вечеръ сдѣлали мы пріятную прогулку въ лѣсу до самыхъ воротъ города Волфенбителя, и около почи графъ Головкинъ возвратился со мною опять въ Горнбургъ.

Коль скоро больные наши оправились, поѣхали мы далѣе. Не успѣли добраться до Гама въ Вестфаліи, какъ опять на другомъ дитяти и даже на самой графинѣ корь высыпала. И такъ мы принуждены были снова простоять слишкомъ двѣ недѣли. Изъ Гама продолжали мы нашъ путь безпрепятственно даже до Везеля; здѣсь графиня Головкина почувствовала тяжкую боль въ груди, потому что она рано въ дорогу пустилась, но чрезъ 12 дней пришла опять въ состояніе сносить трясеніе отъ дороги. Изъ Везеля поѣхали мы чрезъ Мастрихтъ въ Бриссель, гдѣ вскорѣ по пріѣздѣ нашемъ герцогъ Арембергской посѣтилъ графа и графиню, и какъ графъ въ провожаніи одного меня взаимное отдалъ посѣщеніе упомянутому герцогу, то и пригласилъ онъ насъ къ вечернему столу, при которомъ находились еще состоявшій во французской службѣ графъ Деламаркъ и славный сочинитель Жанъ Баптистъ Руссо. Присутствіе сего послѣдняго произвело, что разговоръ о важныхъ матеріяхъ не долго продолжался, но вскорѣ принялъ нарочито насмѣшливый тонъ.

Изъ Брисселя отправились мы въ Монсъ, оттуда поворотили въ Лаферъ, и наконецъ, при пушечной пальбѣ, прибыли въ Соассонъ благополучно; но поелику послѣ первыхъ до пріѣзда нашего

бывшихъ двухъ или трехъ собраній, въ которыхъ кромѣ вымѣна нѣкоторыхъ уполномочій ничего другаго не сдѣлано, всѣ посланники поѣхали за кардиналомъ Флери въ Парижъ; то графу Головкину не возможно было одному что-нибудь въ разсужденіи дѣлъ здѣсь произвесть, и потому онъ, оставя всю фамилію свою въ Соассонѣ, поѣхалъ обще со мною и съ однимъ секретаремъ въ упомянутую столицу.

Въ Парижѣ застали мы князя Александра Борисовича Куракина, который по смерти отца своего оставленъ во Франціи для дѣлъ, до Россіи касающихся, и ожидалъ токмо пріѣзда графа Головкина, дабы самому отправиться въ Москву.

Графъ Головкинъ неукоснительно поѣхалъ въ Версаль, имѣлъ свиданіе съ кардиналомъ Флери, равно какъ и съ хранителемъ печати господиномъ Шовелиномъ, тогдашнимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ, и отъ перваго представленъ королю въ качествѣ министра, на конгрессъ назначеннаго.

По прошествіи одного мѣсяца, собранія въ Соассонѣ опять открылись, почему и графъ Головкинъ паки туда возвратился. Но какъ въ его уполномочіяхъ означенъ императорскій титулъ, не отъ всѣхъ еще державъ признанный, то многіе не соглашались ихъ принять и слушать. Римско-императорскіе посланники, не взирая на постановленный между обоихъ дворовъ союзъ, были изъ числа первыхъ, которые на то возражали напосильнѣйше. А шведы представляли, что отъ нихъ признанъ сей титулъ для Петра I, и послѣ для императрицы Екатерины I, единственно для особъ, а отнюдь не для потомковъ ихъ. Послѣ многихъ словопреній дѣло сіе рѣшилось тѣмъ, что упомянутыя уполномочія приняты на сей разъ, съ торжественнымъ однакожъ возраженіемъ на изображенный въ оныхъ титулъ.

Послѣ двухъ собраній господа уполномоченные опять всѣ разъѣхалися и въ то уже время видно было, что въ Соассонѣ не много надѣлано будетъ. Почему графъ Головкинъ вознамѣрился со всею фамиліею своею поѣхать въ Парижъ. Здѣсь проводили мы всю зиму и я, получивъ опасную горячку, едва было не умеръ.

Еще въ бытность нашу въ Соассонѣ пришло ко мнѣ отъ отца моего извѣстіе, что онъ сочетался бракомъ съ вдовствующею графинею Солтыковою. Вскорѣ послѣ ихъ брака мачиха моя

предприняла путешествіе въ Мекленбургъ для свиданія съ родственниками своими, взявши съ собою моихъ двухъ сестеръ, Софію и Луизу: первую выдала она замужъ за прусскаго полковника Мальцана, а другую отправила къ старой госпожѣ герцогинѣ въ Бланкенбургъ, гдѣ была она не долѣе одного года придворною фрейлиною и послѣ выдана сею герцогинею замужъ за франконскаго дворянина, оберъ-шталмейстера маркграфа Ансбахскаго, барона Шаумберга.

По сіе время находился я одинъ дворяниномъ посольства при графѣ Головкинѣ, а тутъ получилъ я товарища въ особѣ молодаго нынѣ владѣющаго графа Нейвидскаго, котораго мать была графиня Дона и двоюродная сестра графини Головкиной.

Въ маіѣ мѣсяцѣ 1729 года поѣхали мы опять, и притомъ въ послѣдній разъ, въ Соассонъ, ибо по прошествіи нѣсколькихъ мѣсяцовъ, въ которые никакихъ дѣлъ тамъ производимо не было, не хотѣли больше и слышать о конгрессѣ, а казалось, что дворъ версальскій учинился нынѣ средоточіемъ переговоровъ. Итакъ предъ исходомъ лѣта возвратились мы обратно въ Парижъ для непремѣннаго тамъ пребыванія.

Здѣсь проводили мы время весьма пріятно. Графъ Головкинъ былъ акредитованъ посланникомъ при французскомъ дворѣ, получалъ по тридцати шести тысячъ рублей годоваго жалованья и содержалъ великолѣпный домъ. Похвальное свойство его души и привѣтливость произвели въ короткое время въ націи толикое къ нему уваженіе, что знатнѣйшее дворянство не токмо его посѣщало, но со своей стороны озабочено такъ же было доставлять ему всякое наивозможное увеселеніе.

Что до меня касается, то старался я совершенное снискать знаніе во французскомъ языкѣ, для изученія котораго не думаю, чтобы который либо молодый человѣкъ изъ россіянъ напередъ меня во Францію былъ посланъ, при чемъ успѣлъ я въ ономъ нарочито такъ, что когда графъ Головкинъ въ Петербургъ отозванъ и отправленіе дѣлъ мнѣ ввѣрено, то я былъ уже въ состояніи донесенія мои писать на французскомъ языкѣ.

Между тѣмъ фамилія Долгорукихъ почти всю власть въ Россіи въ свои руки захватила. Молодой императоръ принужденъ былъ обручиться съ сестрою своего наперстника; но лишь токмо мы о семъ извѣстились, какъ графъ Головкинъ чрезъ нарочнаго

получилъ неожидаемое извѣстіе, что Петръ II въ 19 день генваря 1730 года скончался и вдовствующая герцогиня Курляндская, вторая дочь царя Іоанна Алексѣевича, приняла россійскій престолъ.

Въ правленіе покойнаго императора Петра II всѣ дѣла государственныя рѣшались въ такъ названномъ верховномъ совѣтѣ, состоявшемъ изъ пяти или шести особъ, и въ которомъ князь Долгорукой больше всѣхъ голосу имѣлъ. Лишь токмо молодый императоръ свой духъ предалъ, то означенный совѣтъ съѣхался на совѣщаніе о наслѣдіи имперіи. Кончиною Петра II пресѣклось мужеское колѣно императорскаго дома, почему князь Долгорукой и его сообщники почли сіе обстоятельство удобнымъ случаемъ, власть россійскихъ государей нѣкоторымъ образомъ ограничить. Они не чаяли въ томъ ошибиться, когда, не взирая на степень родства или на перворожденіе, поднесутъ престолъ россійскій такой государынѣ, которая будетъ имъ благодарна за оказанное ей преимущество, и слѣдовательно изъ признательности подтвердитъ всѣ, какія ни будутъ ей представлены, условія.

И такъ выборъ палъ, какъ выше сказано, на вдовствующую герцогиню Курляндскую, и примѣчательнѣйшія предложенныя ей статьи были слѣдующія:

1) безъ усмотрѣнія и согласія высокаго совѣта никакого въ дѣлахъ государственныхъ не подавать рѣшенія, слѣдовательно,

2) не объявлять войны и не заключать мира.

3) Никакихъ не налагать поборовъ или налоговъ.

4) Никого за преступленіе въ оскорбленіи величества не осуждать къ смерти въ одной тайной канцеляріи и ни у единаго дворянина не конфисковать имѣнія, безъ яснаго доказательства на учиненное имъ вышеозначенное преступленіе.

5) Безпрекословно довольствоваться опредѣляемымъ на содержаніе ея особы и придворнаго штата годовымъ доходомъ.

6) Казенныхъ вотчинъ никому не дарить.

7) Не вступать въ бракъ и не назначать наслѣдника престола.

Послѣ сего къ новой императрицѣ, обрѣтавшейся въ Митавѣ, отправлены депутаты, между коими предводителемъ былъ князь Василій Лукичъ Долгорукой, какъ возвѣстить ей о избраніи ея, такъ и упомянутыя статьи предложить на утвержденіе.

Сія до формы правленія касающаяся перемѣна не могла быть столь скрытна, чтобы не спровѣдалъ объ оной камергеръ

покойнаго императора графъ Густавъ Рейнгольдъ Левенвольде, котораго старшій братъ, послѣ бывшій оберъ-шталмейстеръ у императрицы Анны Іоанновны, жилъ тогдъ въ отставкѣ въ своихъ деревняхъ въ Лифляндіи, и съ давняго уже времени преданъ былъ герцогинѣ Курляндской. Дабы увѣдомить сего и чрезъ него императрицу объ ономъ дѣлѣ какъ можно скорѣе, не нашелъ камергеръ графъ Левенвольде инаго удобнѣйшаго средства, кромѣ какъ послать своего скорохода, въ крестьянской одеждѣ, къ нему съ письмомъ въ Лифляндію. Вѣстникъ, нанявъ сани, скоро поспѣлъ туда, такъ что старшій графъ Левенвольде успѣлъ отправиться въ Митаву и пріѣхать туда цѣлыми сутками ранѣе, нежели депутаты. Онъ первый возвѣстилъ новоизбранной императрицѣ о возвышеніи ея и увѣдомилъ о томъ, что братъ къ нему писалъ въ разсужденіи ограниченія самодержавія. При чемъ онъ далъ свой совѣтъ, дабы императрица на первый случай ту бумагу, которую послѣ нетрудно разорвать, изволила подписать, увѣряя, что нація не долго довольна быть можетъ новымъ аристократическимъ правленіемъ, и что въ Москвѣ найдутся уже способы всѣ дѣла въ прежнее привесть состояніе. Послѣ сего откланявшись, безъ замедленія возвратился въ свои деревни.

Депутаты пріѣхали въ Митаву спустя одинъ день. Императрица безпрекословно подписала предложенныя условія и неукоснительно предприняла свой путь въ Москву.

Здѣсь обрѣталась она, такъ сказать, подъ опекою Долгорукихъ, и заимствовалась отъ императорскаго достоинства однимъ токмо титуломъ; но спустя нѣсколько недѣль многіе дворяне и большою частію изъ офицеровъ гвардіи подъ предводительствомъ фельдмаршала князя Трубецкаго и князя Черкасскаго, кои были послѣ кабинетскими министрами, поднесли императрицѣ прошеніе, въ которомъ содержалось, что какъ они между извѣстныхъ статей находятъ нѣкоторыя предосудительными для государства, и монархическую власть полагаютъ наиполезнѣйшею для своего отечества, то ея императорское величество просятъ всеподданнѣйше, дабы она благоволила нововведенный образъ правленія отрѣшить и управлять имперіею съ неограниченною властію по примѣру ея предковъ. Прошеніе, какъ легко представить себѣ можно, принято наиблагосклоннѣйше, гвардія собрана на площади

предъ дворцомъ, условленныя статьи разорваны и монархинѣ новая учинена присяга въ вѣрности. Вскорѣ потомъ знаменитѣйшіе изъ фамиліи Долгорукихъ въ домахъ ихъ арестованы, обвинены въ преступленіи оскорбленія величества, суждены и сосланы въ Сибирь въ заточеніе.

Когда императрица усмотрѣла, что симъ утвердилась она на престолѣ, то и совершено коронованіе въ 28 день апрѣля стараго стиля и всѣмъ въ иностранныхъ государствахъ пребывающимъ министрамъ сообщено, дабы они въ знакъ сей радости торжественныя празднества установили, на что и потребныя сумы денегъ къ нимъ доставлены. Графъ Головкинъ получилъ на сей конецъ шесть тысячъ рублей и отправилъ празднество для коронаціи слѣдующимъ образомъ: онъ пригласилъ къ себѣ слишкомъ сто человѣкъ знатныхъ особъ обоего пола. Шевалье Орлеанской, побочный сынъ прежняго регента, гроссъ-пріоръ малтійскаго ордена во Франціи, отдалъ на сей случай графу Головкину свой собственный домъ, именуемый Летампль. Торжество открылось около шести часовъ вечера концертомъ. Послѣ того былъ великолѣпный ужинъ, во время котораго какъ фасадъ дома, такъ и садъ освѣщены были огнями. По окончаніи стола начался балъ, и спустя два часа явились на оной нѣсколько сотъ масокъ по билетамъ. Веселости продолжались во всю ночь и не прежде какъ въ семь часовъ утра кончились.

Въ семъ самомъ году императрица Анна Іоанновна умножила лейбъ-гвардію двумя новыми полками, изъ которыхъ одинъ состоялъ изъ 1,200 человѣкъ рейтаръ, а другой изъ трехъ баталіоновъ или 2,800 человѣкъ пѣхотныхъ солдатъ. Учрежденіе послѣдняго препоручено графу Левенвольду, тогдашнему генералъ-адъютанту императрицы, который и пожалованъ подполковникомъ того полка. При семъ примѣчательно, что по сдѣланному проекту упомянутый пѣхотный полкъ не изъ настоящихъ россійскихъ рекрутъ, но изъ такъ называемыхъ однодворцевъ или украинцовъ набранъ, а офицеровъ опредѣляли въ оный не иныхъ, кромѣ лифляндцовъ или другихъ чужестранныхъ. Намѣреніе при семъ было такое, чтобы древнюю толпу избалованныхъ и необузданныхъ людей содержать въ рукахъ, что кажется для тогдашнихъ временъ и не безнужно было; но какъ начали по малу отъ предположенныхъ правилъ какъ

въ разсужденіи рядовыхъ, такъ и офицеровъ отступать, то въ послѣдующее время оказалося, что успѣха другаго при семъ не было, кромѣ какъ что само по себѣ опасное уже воинство сдѣлано многочисленнѣе.

Отецъ мой съ 1728 года отправлялъ должность главнокомандующаго въ Санктпетербургѣ, а лѣтомъ жилъ онъ большею частію при Ладогскомъ каналѣ и продолжалъ сію работу съ крайнимъ раченіемъ. Императрица не токмо предоставила ему упомянутыя упражненія, но также во изъявленіе своего удовольствія пожаловала ему орденъ св. Андрея.

Въ 1731 году отправился онъ въ Москву и снискалъ въ короткое время благоволеніе монархини и дружбу тогдашняго оберъ-камергера Бирона.

Сей любимецъ счастія былъ человѣкъ благопріятнаго по наружности вида, съ здравымъ разсудкомъ и съ острымъ проницаніемъ. Хотя онъ ни одного языка по правиламъ говорить не умѣлъ, однако, по природному краснорѣчію своему, въ состояніи былъ мысли свои ясно изображать и какое бы ни случилось положеніе—защищать. Онъ былъ щедръ и любилъ великолѣпіе, но при всемъ томъ разумный домоводецъ и врагъ расточенія. Въ обхожденіи своемъ могъ онъ, когда желалъ, принимать весьма ласковый и учтивый видъ; но большою частію казался по внѣшности величавъ и гордъ. Честолюбіе его не имѣло никакихъ предѣловъ; то недовѣрчивость, то легковѣріе причиняли ему нерѣдко многое напрасное безпокойство. Онъ былъ чрезмѣрно вспыльчивъ и часто обижалъ изъ предускоренія; естьли случалося иногда, что онъ погрѣшность свою усматривалъ, то хотя и старался опять примириться, однакоже никогда не доводилъ до изустнаго изъясненія, но довольствовался тѣмъ, что обиженному доставлялъ стороною какую-нибудь пріязнь или выгоду. Естьлижъ кто, напротивъ того, сдѣлалъ предъ нимъ однажды проступокъ, тотъ не могъ уже надѣяться на его великодушіе, ниже при искреннѣйшемъ принесенномъ своемъ раскаяніи. Малѣйшее покушеніе вредить ему у императрицы было непростительное преступленіе, и его мщеніе простиралось даже до жестокости. Основаніе къ счастію своему положилъ онъ еще въ Курляндіи, и вліяніе его на сердце тогдашней вдовствующей герцогини было при избраніи ея столь извѣстно, что отправленные въ Митаву депутаты

имѣли секретное приказаніе отъ сей государыни исходатайствовать обѣщаніе, чтобы Бирону не ѣхать въ Москву, а остаться въ Курляндіи. Но сіе продолжалось не долго; ибо когда самодержавіе опять возстановлено, и Долгорукіе въ ссылку сосланы, то упомянутый любимецъ явился паки въ полномъ сіяніи своемъ. Потомъ власть его возрасла до такой степени высоты, что я, будучи девять лѣтъ очевиднымъ свидѣтелемъ, нахожу мало примѣровъ въ исторіи, съ которыми сравнить оную можно.

Кромѣ сего, такъ сказать, всемогущаго любимца, состоялъ также Карлъ Густавъ старшій графъ Левенвольде въ толь великой силѣ, что хотя и не занималъ онъ никакой должности въ министерствѣ, однако никакія дѣла не проходили безъ его вѣдома и соглашенія; даже самъ Бирон, который ни съ кѣмъ другимъ не хотѣлъ дѣлить власти своей у императрицы, не токмо сего мужа, доколѣ онъ живъ былъ, при себѣ терпѣлъ, но также, чему дивиться должно, нѣкоторымъ образомъ его боялся.

Личныя свойства и качества графа Левенвольда дѣйствительно заслуживали почитанія. Сверхъ остраго и проницательнаго разума, имѣлъ онъ совершенно честное сердце, былъ великодушенъ, безкорыстенъ и охотно вспомоществовалъ всѣмъ, кои съ правымъ дѣломъ или просьбою къ нему прибѣгали. Онъ жилъ весьма умѣренно и безъ великолѣпія. Видъ его былъ важенъ, но не непріятенъ и въ домашнемъ обхожденіи находили его веселымъ и шутливымъ. Друзьямъ своимъ дѣлалъ онъ добро, и кто однажды вошелъ къ нему въ любовь, тотъ чрезъ наговорки и клеветы не скоро лишался оныя. Но буде онъ однажды кого возненавидѣлъ, то уже бывалъ вовсе непримиримъ.

Доброе согласіе между двумя вышеименованными мужами и вице-канцлеромъ графомъ Остерманомъ было въ тогдашнее время наисовершеннѣйше. Послѣдній сдѣлался необходимо нуженъ своимъ искусствомъ въ политическихъ дѣлахъ, обширными познаніями внутренняго состоянія имперіи и преизящнымъ слогомъ въ сочиненіяхъ. Отецъ мой съ давняго времени пользовался его дружбою и рекомендованъ отъ него новому оберъ-камергеру съ весьма хорошей стороны; почему не прошло еще и двухъ недѣль по пріѣздѣ его въ Москву, какъ онъ со всѣми наивозможными знаками благоволенія введенъ въ общество сихъ тріумвировъ и вскорѣ потомъ, за долговременные и обремени-

тельные труды свои, знатный получилъ подарокъ. Ибо когда не за долго предъ симъ судоходство по Ладогскому каналу открылось и симъ самимъ выполнилось толь полезное для Петербурга намѣреніе великаго основателя сего града, то въ награжденіе пожаловано ему сорокъ тысячъ рублей, и почти въ то же время упалое мѣсто фельдцейхмейстера.

Императрица для рѣшенія важнѣйшихъ государственныхъ дѣлъ учредила тайный совѣтъ или такъ называемый кабинетъ, назначивъ членами онаго канцлера графа Головкина, графа Остермана и князя Черкаскаго; отецъ мой былъ къ нимъ пріобщенъ.

Для исправленія военнаго состоянія подалъ онъ монархинѣ разныя начертанія, которыя одобрены и для исполненія ему препоручены.

При россійской арміи національные офицеры получали доселѣ половину оклада противъ чужестранныхъ того же чина, такъ что напримѣръ: иностранный капитанъ имѣлъ жалованья по 15 рублей въ мѣсяцъ, а россійскій токмо по 8 рублей. Таковое отличіе естественно производило больше зависти, нежели бодрости въ послѣднихъ. Отецъ мой изыскалъ способъ отмѣненіемъ нѣкоторыхъ напрасныхъ издержекъ при полкахъ доставить изъ таковой сбереженной суммы для каждаго класса офицеровъ единообразное жалованіе, и въ сходствіе сего новаго учрежденія національный полковникъ получалъ триста рублей противъ прежняго.

Другой проектъ состоялъ въ заведеніи кадетскаго корпуса, дабы въ немъ отъ четырехъ до пяти сотъ молодыхъ дворянъ и офицерскихъ дѣтей воспитывать и обучать какъ тѣлеснымъ и военнымъ упражненіямъ, такъ и чужестраннымъ языкамъ, художествамъ и наукамъ.

Третій проектъ относился до учрежденія двѣнадцати кирассирскихъ полковъ на нѣмецкомъ основаніи: таковое умноженіе войскъ почиталось нужнымъ наиболѣе потому, что россійская конница состояла изъ однихъ токмо весьма неисправныхъ драгуновъ, съ которыми противъ тяжелой конницы совсѣмъ никакого или весьма малаго успѣха ожидать было можно. Но дабы опредѣленная на содержаніе арміи сумма оставалась всегда въ своемъ штатѣ, намѣрены были извѣстное число драгунскихъ полковъ уничтожить, и съ начала учредить токмо три изъ

вышепомянутыхъ полковъ. Одинъ изъ сихъ долженъ былъ имѣть отца моего полковникомъ и навсегда прозываться Миниховымъ полкомъ.

Въ маіѣ мѣсяцѣ сего 1731 года получилъ я извѣстіе, что императрица пожаловала меня камеръ-юнкеромъ, и тогда же присланъ ко мнѣ на сіе званіе патентъ, равно какъ и вексель для принятія годоваго по сему званію жалованья, ибо по тогдашнему обыкновенію камергеры и камеръ-юнкеры получали жалованье свое впередъ.

Вскорѣ потомъ, когда императрица вознамѣрилась вмѣсто древняго разбитаго и преогромнаго московскаго колокола, висѣвшаго на Иванѣ Великомъ, заказать вылить другой въ девять тысячъ пудовъ, или въ три тысячи шесть сотъ центнеровъ голландскаго вѣсу, то и препоручено мнѣ отыскать въ Парижѣ искуснаго человѣка, дабы сдѣлать планъ колоколу купно со всѣми размѣреніями. По сей причинѣ обратился я къ королевскому золотыхъ дѣлъ мастеру и члену академіи наукъ Жермену, который въ сей части преискуснѣйшимъ почитался механикомъ. Сей художникъ удивился, когда я объявилъ ему о вѣсѣ колокола и сначала думалъ, что я съ нимъ шутилъ; но какъ послѣ увѣрилъ я его, что имѣю высочайшее на то повелѣніе, то онъ взялся сіе исправить. Принесши ко мнѣ планъ, вручилъ я его графу Головкину для отсылки. Но колоколъ послѣ отлитъ не по назначенному сему плану, а по другому содержанію еще въ двѣ тысячи пудовъ тяжелѣе вышепоказаннаго вѣса. Онъ вылился весьма красиво и удачно и стоялъ уже въ готовности, чтобы поднять на колокольню, какъ по несчастію въ бывшій въ 1737 году въ Москвѣ большой пожаръ отъ упавшаго на него загорѣвшаго бревна разшибся и чрезъ то сдѣлался неспособенъ для употребленія.

Въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1731 года графъ Головкинъ получилъ высочайшій рескриптъ: французскій дворъ оставить и въ званіи посланника отправиться къ генеральнымъ штатамъ въ Гагу; а я оставленъ повѣреннымъ въ дѣлахъ во Франціи. На сіе опредѣлено мнѣ по три тысячи рублей годоваго жалованья и еще по триста рублей на посылки курьеровъ, конвертовъ и прочаго и на мою собственную исправку прислано 1,000 рублей. Графъ Головкинъ вскорѣ потомъ имѣлъ отпускную аудіенцію и по

былъ у Остермана, но сей короткими словами ему отказалъ. Послѣ сего обратился онъ къ отцу моему, которому выше изображенныя условія показались столь выгодны, что онъ, хотя дѣло сіе и не принадлежало къ его части, взялся представить объ оныхъ оберъ-камергеру. Сіе онъ исполнилъ, но не съ другимъ какимъ успѣхомъ, кромѣ что пріобрѣлъ толь ненавистное тогда прозваніе французскаго сообщника.

Вскорѣ послѣ сего возвратившійся изъ вѣны оберъ-шталмейстеръ графъ Левенвольде лишь токмо о вышеозначенномъ извѣстился чрезъ оберъ-камергера, какъ употребилъ сей случай въ свою пользу, началъ на отца моего наговаривать, поступки его осуждать и изображать опаснѣйшимъ человѣкомъ.

При таковыхъ обстоятельствахъ неминуемое слѣдствіе было, что о свадьбѣ моей совсѣмъ не стали помышлять; но старались совокупными силами разорвать съ такимъ рвеніемъ, какъ будто бы она съ государственною важностію сопряжена была. И такъ не замѣшкали произвесть оное въ дѣйство. Генералъ-маіоръ Бисмаркъ, котораго графъ Левенвольде перевелъ изъ прусской въ россійскую службу, долженъ былъ посвататься и получилъ ее безъ дальнихъ околичностей.

Въ началѣ 1733 года воспослѣдовавшая кончина короля Польскаго потревожила вторично едва возстановившуюся тишину въ Европѣ. Тутъ главнѣйше зависѣло отъ удачи которой либо изъ участвующихъ державъ, дабы поставить въ республикѣ новую верховную главу. Вѣнскій дворъ состоялъ съ россійскимъ въ наилучшемъ согласіи съ того времени, какъ императоръ Римскій прислалъ къ оберъ-камергеру двѣсти тысячъ гульденовъ въ подарокъ на покупку Шлезскаго господства Вартенбергскаго. Ни единый изъ сихъ двухъ дворовъ не желалъ видѣть тестя короля французскаго на польскомъ престолѣ и Бирономъ, упоенный мыслями сдѣлаться со временемъ герцогомъ курляндскимъ, искалъ склонить выборъ на такого кандидата, который былъ бы ему одному за то обязанъ и изъ признательности способствовалъ его намѣреніямъ въ разсужденіи упомянутаго герцогскаго достоинства.

Почему, какъ скоро въ Санктпетербургѣ о вышеозначенномъ приключеніи извѣстно стало, то опредѣлено было выборъ короля польскаго себѣ предоставить, возстановленію Станислава

догналъ упомянутаго графа въ Дерптѣ, то онъ принудилъ меня перейти въ свою коляску, дабы съ нимъ вмѣстѣ ѣхать до назначеннаго мѣста.

Въ началѣ апрѣля пріѣхали мы въ Санктпетербургъ благополучно, и я имѣлъ удовольствіе послѣ пятилѣтняго почти отсутствія увидѣть отца моего въ добромъ здравіи и въ величайшемъ достоинствѣ.

Коль скоро я переодѣлся, то онъ повезъ меня съ собою ко двору и представилъ императрицѣ, обрѣтавшейся тогда въ покояхъ оберъ-камергера Бирона. Императрица удостоила меня всемилостивѣйшаго принятія, равно какъ и отъ упомянутаго любимца и его супруги при томъ находившихся принятъ я весьма учтиво и благосклонно. На другой день отецъ мой поѣхалъ со мною къ тремъ императорскимъ принцессамъ, а имянно герцогинѣ Мекленбургской, сестрѣ императрицы, великой княжнѣ Елисаветѣ Петровнѣ, дщери Петра Великаго, и къ принцессѣ Аннѣ, племянницѣ императрицы. Принцесса Анна не имѣла больше пребыванія своего со своею теткою, а жительствовала въ большомъ дворцѣ, гдѣ пользовалась всѣмъ императорскимъ придворнымъ штатомъ. Отъ всѣхъ вышеименованныхъ принцессъ принятъ я съ отличною благосклонностью и удостоился такой почести, которая тогда однимъ знаменитѣйшимъ особамъ воздавалась, а имянно, что онѣ соблаговолили поцѣловать меня въ щеку.

По пріѣздѣ моемъ открылъ мнѣ отецъ мой намѣреніе свое, женить меня на придворной фрейлинѣ Трейденъ, родной сестрѣ оберъ-камергерши Бирон. Я не успѣлъ лишь за два дни съ нею познакомиться, какъ уже принужденъ былъ выступить съ формальнымъ изъясненіемъ своей любви. Отвѣтъ ея содержалъ холодное благодареніе за мое предложеніе, купно съ дружескимъ напоминаніемъ, дабы я здраво разсудилъ самъ въ себѣ, что она всегда слаба и больна бываетъ. На таковое откровенное объясненіе почелъ я за лучшее отвѣчать, что я весьма охотно предлагаю мои услуги ходить за нею въ ея болѣзняхъ. Непосредственно послѣ сего приказано мнѣ просить у оберъ-камергерши позволенія и соглашенія на сію женитьбу. Отъ нея получилъ я слѣдующій отзывъ: что она умѣетъ личныя мои качества и честь, оказываемую мною сестрѣ ея, цѣнить по достоин-

раздѣленію Курляндіи на воеводства, то сдѣлался отнынѣ единственнымъ искателемъ, котораго упомянутый дворъ желалъ видѣть на польскомъ тронѣ.

Между тѣмъ приближеніе россійскихъ войскъ столько уже подѣйствовало, что Станиславъ для избѣжанія опасности принужденъ былъ обще съ примасомъ, французскимъ посланникомъ и многими вельможами спастись въ Гданскъ, подъ прикрытіемъ полка коронной гвардіи. Изъ прочихъ его сообщниковъ въ Варшавѣ остались токмо Потоцкій, воевода Кіевскій; Тарло, воевода Люблинскій, и Кастелланъ Терскій, коихъ вся сила состояла изъ нѣкоторыхъ такъ названныхъ польскихъ знаменъ, съ коими разъѣзжали они около и внутри Варшавы.

Какъ скоро генералъ Лассій достигъ береговъ Вислы, то явился къ нему начальники противной Станиславу партіи, и объявили, что готовы выполнить по желанію россійской императрицы, въ разсужденіи выбора короля. Настоящее выборное мѣсто, называемое Вола, находилось на той сторонѣ рѣки, гдѣ Варшава лежитъ. Но какъ другая партія вскорѣ послѣ уходу Станислава всѣ мосты сняла, и времени терять не можно было, то обрядъ избранія совершенъ на томъ самомъ по сію сторону Вислы находящемся полѣ, на которомъ въ шестнадцатомъ столѣтіи Генрихъ-де-Валоа былъ избранъ, и тутъ въ 5 день октября новаго штиля единогласно утверждена за вышеупомянутымъ курфирстомъ польская корона.

Во время сего произшествія, оставшіеся въ Варшавѣ конфедераты извѣстили россійскаго и саксонскаго министра, дабы они изъ города выѣхали, и какъ сіи того не сдѣлали, то, по прошествіи назначеннаго срока, разграбили домъ перваго, а къ квартирѣ другаго подвезши пушки, стрѣляли ядрами. Но когда на семъ приступѣ убито у нихъ отъ 30 до 40 человѣкъ, то ярость ихъ укротилась и находящіеся въ домѣ саксонскаго посланника люди истребовали капитуляцію, по силѣ которой предоставлена имъ свобода перебраться въ домъ императорскаго посланника Вельцега, гдѣ за нѣсколько дней предъ симъ оба вышеупомянутые министры прибѣжище свое имѣли.

По объявленіи королемъ польскимъ Августа III и по построеніи новыхъ мостовъ, приказалъ генералъ Лассій арміи своей переправиться чрезъ Вислу, оставя нѣсколько полковъ въ городѣ, изъ котораго поляки въ самой скорости убѣжали.

Дабы скорѣе возстановить тишину, императрица повелѣла, чтобы другой знатный корпусъ изъ Украины вступилъ въ Польшу. Съ другой стороны вошла туда саксонская армія, и когда сія овладѣла Краковымъ, то новоизбранный король тамо и коронованъ.

При всемъ томъ состояніе дѣлъ приходило часъ отъ часу въ бо́льшее замѣшательство; непріятельская сторона все еще полагалась на помощь Франціи и о другомъ королѣ, кромѣ Станислава, слышать не хотѣла. При чемъ весьма трудно было сію кочующую и всѣ мѣста опустошающую толпу усмирить; ибо она нигдѣ на одномъ мѣстѣ не останавливалась и прежде разсѣяна, нежели побита быть могла.

Для лучшей въ семъ дѣлѣ успѣшности необходимо требовалось, чтобы паче всего стѣснить и заключить самого Станислава и его сообщниковъ, почему къ генералу Лассію присланъ указъ, оставя токмо гарнизонъ въ Варшавѣ, приступить съ остальными войсками къ упомянутому городу. Онъ поспѣлъ туда уже поздно въ осени, содержалъ его нѣкоторымъ образомъ въ блокадѣ; но за недостаткомъ въ сильнѣйшихъ понудительныхъ пособіяхъ, не могъ ничего больше предпринять.

Между тѣмъ прошла зима и наступилъ уже февраль мѣсяцъ 1734 года, а Гданскъ ни на какія предложенія не соглашался. Оберъ-камергеру показалось сіе весьма медлительно. Онъ извѣдалъ расторопность и предпріимчивость отца моего во многихъ случаяхъ, и такъ ненависть принуждена была уступить необходимости, и отецъ мой сверхъ ожиданія получилъ главную команду надъ арміею въ Польшѣ, равно какъ и управленіе надъ осадою Гданска. Онъ отправленъ былъ весьма поспѣшно и скрытно, и въ двѣнадцать дней пріѣхалъ подъ прусскимъ прикрытіемъ въ лагерь, расположенный подъ означеннымъ городомъ. Тутъ нашелъ онъ корпусъ, состоящій изъ двѣнадцати тысячъ человѣкъ регулярнаго войска, изъ которыхъ однакожъ едва восемь тысячъ человѣкъ въ состояніи были службу свою нести. Потребной для осады тяжелой артиллеріи совсѣмъ тамъ не находилось, а притомъ и нельзя было ожидать оной изъ россійскихъ гаваней прежде какъ въ іюнѣ мѣсяцѣ.

Городъ Гданскъ укрѣпленъ регулярно, снабденъ хорошею внѣшнею фортификаціею и многими вокругъ лежащими шанцами; съ одной стороны былъ онъ неприступенъ, по причинѣ потопленъ-

ной земли; гарнизонъ въ городѣ, къ которому польская коронная гвардія и новоучрежденной маркизомъ де Монти драгунскій полкъ принадлежали, состоялъ, по крайней мѣрѣ, изъ десяти тысячъ человѣкъ регулярнаго войска. Всѣ укрѣпленія прикрывались достаточнымъ количествомъ исправныхъ пушекъ. Въ военной аммуниціи не имѣлось никакого недостатка, а хлѣба въ купеческихъ анбарахъ находилось столько, что жители купно и съ гарнизономъ нѣсколько лѣтъ продовольствіе имѣть могли. Есть-ли при семъ взять еще во уваженіе присутствіе короля. знатнѣйшихъ особъ государства и французскаго посланника, который именемъ своего государя обѣщевалъ городу не токмо скорую помощь, но также полное за убытки возмездіе,—то не можетъ показаться страннымъ, что магистратъ и граждане расположены были охотнѣе все вытерпѣть, нежели оставить дарованное покровительство отъ такого государя, который довѣріе свое возложилъ на ихъ вѣрность.

На другой день по пріѣздѣ отца моего, послалъ онъ во Гданскъ письменное объясненіе такого содержанія, что онъ имѣетъ повелѣніе огнемъ и мечемъ раззорить городъ, есть-ли обыватели онаго чрезъ одни сутки не рѣшатся признать Августа своимъ королемъ и Станислава купно съ его сообщниками выдать. Но отвѣтъ на сіе гласилъ, что они почитаютъ Станислава законнымъ королемъ своимъ и до послѣдней крайности обороняться станутъ.

По полученіи сего отзыва непріятельскія дѣйствія начались неукоснительно. Наступленіе сдѣлано на первое предмѣстіе, Шотландомъ именуемое, гдѣ находились городскія войска, и по сильномъ сраженіи, на которомъ около ста человѣкъ съ непріятельской стороны убито, россіяне овладѣли онымъ. Очередь вскорѣ дошла потомъ до нѣкоторыхъ шанцовъ, которые тожъ россійскими войсками заняты; но къ городу еще нельзя было приступить формально, за недостаткомъ въ потребной для осады артиллеріи.

Невеликій понесенный въ людяхъ уронъ при завладѣніи упомянутыхъ шанцовъ возбудилъ въ отцѣ моемъ желаніе отнять у непріятеля одинъ извѣстный укрѣпленный пригорокъ, съ котораго весь городъ подъ пушечнымъ стоялъ выстрѣломъ. Сей пригорокъ называется Гагелсбергъ, который имѣетъ столь выгодное положеніе,

что есть-либъ удалось его взять, то бы всеконечно вскорѣ за симъ и сдача Гданска воспослѣдовала. Въ ночи на 28 число апрѣля стараго штиля всѣ нужныя къ тому приготовленія были сдѣланы. Планъ атаки былъ такой, чтобы три тысячи человѣкъ, къ которымъ въ подкрѣпленіе присоединены еще пять тысячъ человѣкъ, наступили на означенный пригорокъ со слабѣйшей стороны. Назначенныя для приступа войска скрытно и въ наилучшемъ порядкѣ подведены уже были почти къ подошвѣ укрѣпленій, и нападеніе одной колонны съ столь хорошимъ произведено успѣхомъ, что нѣкоторые гренадеры вошли уже на валъ и завладѣли одною батареею. Но какъ по несчастію предводители двухъ другихъ колоннъ убиты непріятелемъ, войска пришли въ безпорядокъ и чрезъ то атаку по предписанному плану произвесть было невозможно, то по сей причинѣ предпріятіе сіе не имѣло надлежащаго успѣха и съ нашей стороны убито великое множество людей потому наиболѣе, что ожесточенные солдаты лучше желали погибнуть на мѣстѣ, гдѣ сильнѣйшій огонь производился, нежели отступить и жизнь свою спасать; даже оставшіеся въ живыхъ послушалися не прежде, пока подоспѣвшій туда генералъ Лассій ихъ не уговорилъ.

Потеря отъ 900 до 1,000 человѣкъ не могла бы за великое почесться при осадѣ, подобной производившейся подъ Лилемъ во Фландріи, гдѣ въ 1708 г. безуспѣшный приступъ стоилъ 6,000 человѣкъ гренадеровъ, но въ толь малочисленной арміи, какая подъ Гданскомъ стояла, означенная потеря тѣмъ чувствительнѣе была при дворѣ, что тутъ ни къ какимъ непріятнымъ извѣстіямъ не пріобыкли, и потому уныніе распростерлось столь великое, что думали будто отецъ мой со всѣмъ своимъ корпусомъ прогнанъ и разбитъ гданскими войсками. Напротивъ того, сей будучи затрудненіями больше раздражаемъ, нежели устрашенъ, не лишился бодрости своего духа, но начатыя для осады приготовленія, какъ то окопы и рвы, продолжалъ съ обыкновенною прозорливостью своею безостановочно.

Обрѣтающіяся въ Гданскѣ войска вскорѣ послѣ означеннаго произшествія многократныя и сильныя дѣлали вылазки, но по причинѣ хорошихъ къ отраженію ихъ сдѣланныхъ распоряженій всегда возвращались обратно въ городъ безъ всякаго успѣха.

Столь же безуспѣшно было предпріятіе поляковъ войти

въ Гданскъ, а именно: корпусъ изъ восьми до десяти тысячъ конныхъ поляковъ, преданныхъ Станиславу, имѣя помышленіе подъ предводительствомъ Кастеллана Терскаго присоединиться къ войскамъ въ Гданскѣ, приближились уже на нѣсколько миль къ городу и нѣкоторые форпосты принуждены были назадъ отступить; но когда отецъ мой отрядилъ противъ нихъ генерала Лассія, то упомянутый Кастелланъ возвратился вспять прежде, нежели Лассій на встрѣчу ихъ вышелъ.

Тотчасъ послѣ неудачнаго наступленія подъ Гагельсбергомъ отецъ мой искалъ силу свою увеличить частію многими назадъ возвращенными деташаментами и частію нѣкоторыми изъ Варшавы по высочайшему повелѣнію къ нему присоединившимися полками. Такожъ между симъ временемъ получилъ онъ двѣсти бомбъ купно съ четырьмя мортирами, присланныхъ къ нему скрытно отъ короля Августа изъ Саксоніи на почтовыхъ коляскахъ. и подъ названіемъ багажа герцога Вейссенфельскаго. Прибытіе оныхъ было для отца моего тѣмъ паче пріятно, что онъ по необходимости принужденъ былъ приказать выстрѣленныя изъ города ядра собирать и оными опять заряжать свои пушки.

Но въ разсужденіи осады, не взирая на показанное новое пособіе, оставалось все въ прежнемъ положеніи, и знатнѣйшими обѣщаніями непрестанно обольщаемые жители Гданска меньше всего помышляли о томъ, чтобы сдаться; маркизъ де Монти заступалъ тамъ не токмо мѣсто посланника, но также и полководца и слѣдовательно входилъ во всѣ потребныя къ защищенію города распоряженія. Онъ далъ своему двору увѣреніе, что естьли къ нему не больше какъ двѣ тысячи французскихъ войскъ прислано будетъ, то онъ надѣется съ оными и съ находящимся въ городѣ гарнизономъ принудить россіянъ осаду оставить. Почему французское министерство и отозвалось мнѣніемъ своимъ, что нужно повелѣть три баталіона въ Дюнкирхенѣ на суда посадить и отправить въ Гданскъ.

Коль скоро отецъ мой о семъ извѣстился, то предпріялъ онъ сему вспомогательному войску пресѣчь путь къ городу посредствомъ сильнаго ретраншамента. Упомянутые три баталіона вскорѣ потомъ приплыли въ устье рѣки Вислы. Командующій ими бригадиръ Деламотъ, развѣдавъ положеніе мѣстъ, усмотрѣлъ невозможность овладѣть ретраншаментомъ и симъ путемъ

пробраться въ городъ; почему съ своими войсками сѣлъ онъ опять на суда и отправился обратно въ Зундъ. Но французскій посланникъ при датскомъ дворѣ господинъ Плело, молодый и вспыльчивый человѣкъ, не хотѣлъ повѣрить донесенію стараго и опытнаго бригадира въ разсужденіи найденныхъ имъ препятствій, а объявилъ ему, что оное предпріятіе, чего-бы ни стоило, необходимо въ дѣйство произвесть должно; на каковый конецъ онъ, посланникъ, вознамѣрился самъ принять команду надъ вышеизображенными тремя баталіонами. Бригадиръ Деламотъ отвѣчалъ, что онъ въ семъ случаѣ не отречется состоять подъ его командою и слѣдовать за нимъ, куда онъ ни пожелаетъ.

Между тѣмъ отецъ мой получилъ сверьхъ вспомогательнаго войска отъ трехъ до четырехъ тысячъ человѣкъ изъ Варшавы, еще нѣсколько пушекъ съ принадлежащимъ къ тому припасомъ изъ Ревеля чрезъ Пиллавскій и Елбингскій порты.

Не много спустя французы прибыли опять на Гданскую рейду, вышли на берегъ и расположились лагеремъ подъ шанцомъ при устьѣ рѣки Вислы. Новый полководецъ ихъ графъ Плело не терялъ ни мало времени, но на другой же день повелъ ихъ прямо къ ретраншаменту. Ретраншаментъ былъ вышиною въ полтора человѣка и со внѣшней стороны выложенъ бревнами на подобіе стѣны. Напереди его сдѣланъ засѣкъ изъ вырубленныхъ деревъ и сучьевъ. Французы, не смотря на сильной противъ нихъ производимой огонь, пробрались сквозь означенной засѣкъ съ удивительною бодростію. Дошедъ до крутизны ретраншамента, господинъ Плело усмотрѣлъ поздно, что тутъ дѣлать нечего; но не имѣвъ еще времени раскаяться въ своей предускорительности, убитъ пушечнымъ ядромъ. Послѣ чего господинъ Деламотъ приказалъ бить тревогу для отступленія и по потерѣ около двухъ сотъ человѣкъ отошелъ опять къ устью рѣки Вислы, гдѣ не долго мѣшкавъ перебрался на близъ лежащій песчаный островъ и расположился тутъ лагеремъ.

Упомянутое наступленіе по сдѣланному условію долженствовало быть подкрѣплено сильнымъ нападеніемъ изъ города, но послѣднее воспослѣдовало не прежде какъ уже французы отступили, и слѣдовательно тѣмъ легче оное отразить было можно.

Извѣстіе, полученное при дворѣ о сей одержанной надъ непріятелемъ побѣдѣ, развеселило паки оберъ-камергера, опеча-

енпаго послѣднею неудачною подъ Гагелсбергомъ атакою. Онъ е могъ воздержаться, чтобы не открыться мнѣ искренно, что тецъ мой симъ достохвальнымъ подвигомъ пріобрѣлъ паки всю го довѣренность. Нѣкоторые кресты ордена св. Лудовика, сня- ые съ убитыхъ офицеровъ и въ Петербургъ присланные, пока- ывали здѣсь за рѣдкость, съ великимъ величаніемъ, каждому при ворѣ.

Два дни спустя послѣ упомянутой небольшой побѣды, при- ылъ въ лагерь къ отцу моему герцогъ Іоганъ Адольфъ Сак- енъ-Вейсенфельсскій съ корпусомъ, состоящимъ изъ десяти ты- ячъ человѣкъ Саксонскаго войска. Въ то же почти время явился, аконецъ, на Гданской рейдѣ и россійскій флотъ, состоящій изъ 7 линейныхъ кораблей, 4 фрегатовъ и 2 бомбардирныхъ га- іотовъ съ давно ожидаемою и для осады потребною артиллеріею.

Напротивъ того стоявшая въ сихъ водахъ съ нарочитаго ремени французская эскадра исчезла. Она состояла изъ трехъ оенныхъ кораблей подъ командою преискуснаго морскаго офи- ера, по прозванію Бараля. Сей конечно не могъ бы столь егко убѣжать отъ россійскаго флота, естьлибы о приближеніи наго не увѣдомился отъ одного по невѣдѣнію впередъ забѣ- авшаго фрегата, которымъ онъ овладѣлъ, не учинивъ ни еди- аго выстрѣла. Капитанъ на упомянутомъ фрегатѣ былъ одинъ звѣстный изъ французской въ россійскую службу вступившій фицеръ, по прозванію Фремери. Сей не имѣя въ своей ин- трукціи ни малѣйшаго извѣщенія о разрывѣ мира съ Франціею, ылъ столь неосторожень, что по приглашенію господина Бараля, тараго своего знакомца, взошелъ на его корабль, и не успѣлъ ишь тутъ оглядѣться, какъ его фрегатъ окруженъ тремя ли- ейными кораблями и съ угрозами потопленія всѣхъ людей ринужденъ былъ сдаться.

По прибытіи флота бомбардирные галіоты расположились не- коснительно насупротивъ песчанаго острова, гдѣ французы удьбины своей ожидали и вскорѣ принуждены были сдаться на ѣдующей капитуляціи: чтобы они изъ своего лагеря со всѣми оинскими снарядами выступили и на россійскомъ флотѣ отпра- ились въ одинъ на Восточномъ морѣ лежащій, но неименован- ый портъ; а послѣ, коль скоро прибудутъ нужныя для ихъ ревоза суда, во Францію обратно отпущены быть имѣютъ.

По подписаніи сей капитуляціи, отецъ мой переправился
островъ для обозрѣнія онаго, принялъ отъ нихъ приличествук
фельдмаршалу почести, присланіемъ къ нему знаменъ, и п
того далъ приказъ посадить ихъ на суда.

По привезеніи тяжелой артиллеріи, по прибытіи саксонс
корпуса, такожъ по занятіи устья рѣки Вислы и послѣ
дачнаго покушенія французовъ, равно какъ и послѣ нѣск
кихъ учиненныхъ пробъ новопривезенными 360 фунтовыми
бами, несчастные обыватели Гданска начали напослѣдокъ
мирнымъ склоняться расположеніямъ.

Они просили перемирія на одну недѣлю, въ чемъ однак
имъ отказано. Между тѣмъ двое прусскихъ агентовъ работ
то въ россійскомъ лагерѣ, то опять въ городѣ, открыть
къ примиренію. Наконецъ, магистратъ получилъ также дозв
ніе прислать нѣсколькихъ депутатовъ въ главную квартиру
Орѣ для переговоровъ. Предложенныя отъ отца моего за о
ваніе оныхъ условія были слѣдующія: Станислава, примаса
сударства, маркиза де-Монти, купно со всѣми въ город
службѣ состоящими войсками и чужестранными офицер
выдать государственными военноплѣнниками; королю Августу
учинить въ вѣрности присягу; отъ императрицы россійс
чрезъ отряженныхъ изъ первыхъ членовъ совѣта депутат
испросить прощеніе въ ихъ непокорливости; за убытки за
тить одинъ милліонъ двѣсти тысячъ рублей, и сверьхъ того
дать артиллеріи выкупу, за звонъ въ колокола во время ос
триста тысячъ голландскихъ червонныхъ.

Во время сихъ переговоровъ случилось происшествіе, к
рое понудило обременить обывателей Гданска тягчайшими у
віями. Сіе былъ побѣгъ Станислава. Сей, судьбою то во
шаемый, то паки низвергаемый государь, услыша, что требу
выдачи его особы, рѣшился тайнымъ образомъ убѣжать
города. На сей конецъ переодѣлся онъ въ крестьянское одѣ
и съ однимъ провожатымъ генераломъ Штейнфлихтомъ, сѣ
въ рыбачью лодку, переѣхалъ чрезъ потопленную часть Г
ской области и по шестидневномъ странствованіи, на котор
его вольность и жизнь въ непрерывной опасности находил
добрался, наконецъ, до прусскаго мѣстечка Маріенвердера.

Магистратъ не упустилъ, чтобы тѣмъ же часомъ не с

дить объ оном произшествіи къ отцу моему извѣстія и по
сти и совѣсти засвидѣтельствовать, что никто другой кромѣ
аркиза де-Монти не зналъ о побѣгѣ Станислава. Отвѣтъ отца
оего гласилъ тако: «буде бы оказалось, что магистратъ самома-
ѣйшее въ семъ побѣгѣ принималъ участіе, то платежныя
трафныя деньги еще на одинъ милліонъ рублей увеличены
ить имѣютъ».

Гданскъ нарочитое время колебался сомнѣніемъ согласиться-ли
ли нѣтъ на толь обременительныя и поносныя условія. Мар-
изъ де-Монти написалъ также къ отцу моему письмо, въ ко-
ромъ, упираясь на народное право, возражалъ онъ на тре-
емое задержаніе его особы; но напротивъ того въ отвѣтъ ему
ообщено, что привиллегіи его званія не могутъ больше быть
имѣстны съ его лицемъ, потому что онъ въ продолженіе
ады, вмѣсто должности блюстителя мира, отправлялъ долж-
ость непріятельскаго предводителя. При чемъ и магистрату обо-
ачено, что буде маркизъ де-Монти тѣмъ-же часомъ не сдастся,
непріятельскія дѣйствія неукоснительно начаться имѣютъ.

Большая часть польскихъ знатныхъ въ городѣ находившихся
собъ просили равномѣрно о дарованіи имъ вольности, и объ-
али короля Августа признать законнымъ государемъ своимъ.
ъ сказано въ отвѣтъ, дабы они ожидали прибытія короля
вгуста.

Между тѣмъ, отъ французскаго посланника получено другое
исьмо, въ которомъ онъ всѣми святыми заклинался, что маги-
ратъ ни малѣйшаго свѣдѣнія о побѣгѣ Станислава не имѣлъ,
что онъ одинъ о томъ зналъ и всѣ распоряженія къ тому
ѣлалъ; почему охотнѣе соглашается отдаться въ суровѣйшій
нъ, нежели допустить, чтобы для одной его персоны новая
ра вражды воспалилась.

Когда затрудненіе сіе прекратилось и городъ на все прочее
ласился, то, наконецъ, въ 7 день іюля 1734 года заключенъ
говоръ и немедленно у однихъ городскихъ воротъ поставленъ
сійскій караулъ.

Первѣе всего къ исполненію приведенныя статьи были обезо-
ніе набранныхъ для Станислава войскъ и отправленіе взя-
подъ арестъ маркиза де-Монти. Двѣсти тысячъ рублей, купно
тридцатью тысячами червонныхъ за звонъ въ колокола,

обязанъ былъ городъ заплатить на мѣстѣ; а остальная сумма расположена на срокъ, и до совершенной уплаты всего долга устье рѣки Вислы, занятое саксонскими войсками, задержано вмѣсто залога. Въ разсужденіи-же отпущенія милліона рублей за побѣгъ Станислава, указано магистрату съ просьбою своею отнестись прямо къ россійскому двору. Польскимъ знатнымъ особамъ дозволено до прибытія короля остаться въ городѣ. Но какъ примасъ, несмотря на многоразличныя изъявленныя ему и всему его дому знаки милости отъ императрицы, преимущественно способствовалъ къ выбору Станислава, а притомъ и не хотѣлъ отнюдь признавать короля Августа; то онъ за сіе, равно какъ и маркизъ де-Монти арестованъ и впредь до указа отправленъ въ Елбингъ.

Послѣ упомянутыхъ распоряженій, отецъ мой въ провожаніи герцога Вейсенфельсскаго и всего россійскаго и саксонскаго генералитета поѣхалъ въ городъ, гдѣ послѣ благодарственнаго молебствія учинена королю Августу въ вѣрности присяга.

Немного дней спустя прибылъ король въ находящійся въ недальности отъ Гданска монастырь Оливскій, и принималъ тамо торжественныя изъявленія знаковъ приверженности какъ отъ города, такъ и отъ обрѣтавшихся въ немъ во время осады польскихъ вельможъ. Послѣдніе представлены отъ отца моего, который, по благосклоннѣйшемъ отъ монарха пріемѣ и по донесеніи ему обо всѣхъ доселѣ для приступа къ городу учиненныхъ распоряженіяхъ, имѣлъ честь угостить его въ своей квартирѣ обѣденнымъ столомъ, къ которому слишкомъ сто человѣкъ приглашены были.

По недолговременномъ пребываніи король отправился въ Варшаву, и прощаясь съ отцомъ моимъ, повторилъ увѣренія свои въ признательности и пожаловалъ шпагу и трость, драгоцѣнными каменьями осыпанныя въ подарокъ.

Симъ образомъ кончилась четырехъ-мѣсячная и судьбу двухъ королей разрѣшившая осада города Гданска.

Россійскій флотъ съ тремя французскими полками какъ-бы съ добычею возвратился обратно въ Кронштатъ. Тридцать или сорокъ человѣкъ шведскихъ офицеровъ, находившихся при оборонѣ города, несмотря что явнаго разрыва мира съ ихъ націею еще не было, отправлены на галіотѣ въ Стокгольмъ при письмѣ;

а отецъ мой, назначивъ мѣста и порядокъ для отшествія состоящихъ подъ его командою войскъ, поѣхалъ самъ прямо въ Санктпетербургъ.

Тутъ хотя онъ, повидимому, принятъ благосклонно, однако, въ самой вещи не такъ, какъ ожидалъ и какъ оказанныя имъ услуги требовали. Причиною тому было родившееся въ оберъкамергерѣ подозрѣніе, будто отецъ мой за знатную отъ французовъ полученную сумму денегъ потакнулъ побѣгу Станислава. Ничто другое какъ одно лживое письмо отъ легкомысленнаго офицера, посыланнаго для пріема денегъ въ Гданскъ и утвердившагося на рѣчахъ двухъ тамошнихъ ремесленниковъ, показалось подозрительному любимцу нарочито убѣдительнымъ документомъ. Но за неимѣніемъ ясныхъ доказательствъ, оставилъ онъ все сіе дѣло при одномъ подозрѣніи, и никогда не имѣлъ бодрости объ упомянутомъ обвиненіи объясниться отцу моему, который безъ сумнѣнія сталъ-бы требовать удовлетворенія за оскорбленіе своея чести.

Еще до возвращенія его пріѣхали гданскіе депутаты въ Санктпетербургъ и имѣли публичную при дворѣ аудіенцію, на которой бургомистръ Валенъ приличную и весьма трогательную говорилъ рѣчь. Они имѣли въ просьбѣ своей такой успѣхъ, что другой наложенный на нихъ милліонъ былъ имъ отпущенъ. Но остатокъ перьваго обязаны они были, въ сходствіе капитуляціи, взнести въ годовой срокъ.

Въ происходившее при дворѣ по здачѣ Гданска торжество, явились ввечеру на балъ господинъ де-ла-Мотъ съ двумя полковниками маркизами де-Беллефономъ и де-ла-Люцерномъ. При чемъ имѣли они честь допущены быть къ рукѣ императрицы, которая также ихъ привѣтствовать изволила.

Упомянувъ о сихъ французскихъ чиновникахъ, не могу оставить, чтобы не пріобщить здѣсь еще слѣдующаго: когда они обще съ своими войсками сдались на такомъ условіи, что имѣютъ быть отвезены въ который-либо портъ въ Восточномъ морѣ, для отправленія ихъ оттуда на транспортныхъ судахъ обратно во Францію; то вмѣсто того, чтобы итти въ Зундъ, какъ они думали, повезены они прямо въ Кронштатъ. Причина сего поступка за тогда-же объявлена бригадиру де-ла-Моту, дабы онъ сообщилъ о томъ къ двору своему, и имянно слѣдующая: что импе-

ратрица отнюдь не желаетъ постановленной съ ними капитуляціи нарушить; но какъ французская эскадра безъ предварительнаго объявленія войны взяла въ плѣнъ одинъ россійскій пакетботъ купно съ двумя галіотами, и еще фрегатъ Митава именуемый, и послѣдній отвела даже во Францію; то ея величество за нужное находитъ равное употребить задержаніе, доколѣ съ французской стороны упомянутый фрегатъ, купно съ прочими судами, съ полнымъ ихъ снарядомъ, не будутъ возвращены и сданы въ которомъ-либо россійскомъ портѣ, и что между тѣмъ задержанные офицеры и войска имѣютъ получать все потребное для своего содержанія. Въ сходствіе чего, коль скоро они на сухой путь высажены, то и отправили ихъ въ лежащее между Санктпетербургомъ и Нарвою мѣстечко, гдѣ будучи снабдены всѣми съѣстными припасами изобильно, стояли въ лагерѣ до того, какъ требованное возвращеніе воспослѣдовало и какъ пришли суда для отвезенія ихъ во Францію.

Между тѣмъ о Станиславѣ учинилось гласнымъ, что онъ пребываніе свое утвердилъ въ Кенигсбергѣ въ Пруссіи, и обнародованнымъ для поляковъ манифестомъ увѣщевалъ, дабы они не поколебались въ вѣрности къ нему, при обѣщаніи сильнѣйшаго отъ французскаго двора вспоможенія. Означенный манифестъ подѣйствовалъ столько, что даже нѣкоторые сенаторы, кои привергнулись къ королю Августу въ Гданскѣ, опять къ нему обратились, а другіе, какъ то: воевода кіевскій Потоцкій и воевода люблинскій Тарло, въ различныхъ мѣстахъ продолжали свои грабительства и опустошенія; но когда послѣдніе отъ россіянъ разбиты, а французскаго вспомогательнаго войска къ нимъ не пришло, то какъ вышепоименованные, такъ и другіе непокорливые вельможи искали съ королемъ по возможности своей примириться.

Весною 1735 года отецъ мой вторично посланъ въ Польшу не столько для прекращенія тамошнихъ безпокойствъ, сколько для распоряженія войсками къ выступленію изъ Польши, гдѣ пребываніе ихъ было уже не нужно, и для приведенія ихъ въ движеніе къ новымъ военнымъ операціямъ.

Императоръ Карлъ VI ради Станислава навлекъ себѣ войну со стороны Франціи, и неукоснительно просилъ отъ россійскаго двора обѣщанной по силѣ трактатовъ помощи. Въ сходствіе чег

лу Лассію данъ указъ, дабы онъ выступилъ въ Рейну съ
человѣкъ войска и соединился съ арміею принца Евге-
о лишь токмо онъ въ назначенное мѣсто пришелъ, то
енъ миръ между обѣихъ державъ, и слѣдовательно при-
ъ былъ со своимъ корпусомъ назадъ возвратиться.
ежде нежели окончу я разсказываніе мое о судьбѣ Стани-
за нужное нахожу упомянуть объ одномъ произшествіи,
е другой цѣны не имѣетъ, кромѣ только, что относится
ной изъ моихъ сестеръ. Когда Станиславъ, оставя всю
у къ полученію польскаго престола, изданнымъ отъ 12-го
маія 1735 года манифестомъ предписалъ привязаннымъ
сторонѣ польскимъ подданнымъ оружіе низложить и его
Провидѣнію Божіему предоставить, то предпринялъ онъ
тный путь свой чрезъ Берлинъ во Францію. На семъ пути
калъ онъ чрезъ небольшое прусское мѣстечко, Ризенбургъ
емое, гдѣ мой зять, тогдашній подполковникъ Буденброк-
кирасирскаго полка баронъ Малцанъ, стоялъ съ однимъ
ономъ въ гарнизонѣ. Какъ скоро онъ сповѣдалъ, что
нутаго подполковника жена была дочь фельдмаршала графа
ка, то тѣмъ-же часомъ пріѣхалъ къ ней на посѣщеніе и
откушать. Первый вопросъ его былъ тотъ: какія она
ія объ отцѣ своемъ имѣетъ? И какъ она отвѣчала, что съ
итаго времени никакихъ свѣдѣній не получала, да и не
гдѣ онъ нынѣ обрѣтается, то онъ и предложилъ, что
она къ нему писать хочетъ, то бы ввѣрила ему свое
о, а онъ надежно его доставитъ, потому что имѣетъ еще
хорошее знакомство въ Польшѣ.

ецъ мой, какъ выше сказано, отрядивъ корпусъ войска
командою генерала-аншефа Лассія къ Рейну, пошелъ самъ
альными въ Польшѣ расположенными войсками въ Украину,
гамъ составить противъ турокъ и татаръ двѣ арміи, одну
собственною своею, и другую подъ командою упомянутаго
ла.

гдашняя многочисленная и военными опытами искусив-
россійская армія привела императрицу въ состояніе ощу-
нымъ образомъ отмстить извѣстнымъ разбойническимъ со-
ь. Сіи сосѣди были крымскіе и кубанскіе татары, которые
которыхъ лѣтъ частыя на пограничныя провинціи чиня

нападенія, множество тысячъ людей увозили съ собою въ нея ничество. Какія ни были на то дѣланы Портѣ Оттоман представленія, но всегда понапрасну, и непрестанный от отъ нея гласилъ такъ: что она сама не въ состояніи та обуздывать. Когда же сія отговорка казалась нелѣпою, по наиболѣе, что доказательно было, что въ лежащихъ при уст Днѣпра и Дона крѣпостяхъ Очаковѣ и Азовѣ непрестанно рецкія войска стояли, и слѣдовательно упомянутые татары воли и вѣдома Порты насильствій въ Россію производить могли; то и положено обоихъ, укрывателей и воровъ, атако и главнѣйшимъ разбойническимъ гнѣздомъ, а именно Крым овладѣть.

Для облегченія сего завладѣнія, за нужное почли на сдѣлать осадою Азова. Къ сему предпріятію назначенъ б новопожалованный фельдмаршалъ и отъ римскаго император графское достоинство возведенный генералъ Лассій. Но какъ еще не возвратился, то между тѣмъ временемъ отецъ мой въ мартѣ мѣсяцѣ 1736 года, взявши нѣсколько въ окрестн Азова стоящихъ войскъ, напалъ съ оными на турокъ нечая и въ ночное время завладѣлъ на островѣ въ Дону лежащим городъ прикрывающимъ шанцомъ Литтикомъ. При семъ, мож статься, покажется нѣкоторымъ примѣчательно, что въ са тотъ часъ, какъ онъ далъ повелѣніе къ упомянутому нападе случилось на небѣ лунное затмѣніе. Но можно ли сіе почи какимъ либо предзнаменованіемъ, о томъ оставляю судить , гимъ; только знаю я заподлинно, что въ старину ни еди прорицатель не усумнился бы въ подобномъ случаѣ изъ та явленія заключить, что тому народу, который, какъ турки, своемъ гербѣ луну имѣютъ, несчастнѣйшая война предвозвѣ лась. Когда потомъ приказалъ онъ нѣкоторые посты зан различные редуты для прикрытія войскъ сдѣлать, и городъ сухопутной стороны совсѣмъ заключить, то и препоручилъ прибытія фельдмаршала графа Лассія, главную команду г ралу Левашеву, а самъ отправился паки въ Украйну для н ныхъ распоряженій къ крымскому походу.

Крымъ отдѣляется отъ Украйны пространною степью, въ рину и длину съ лишкомъ сто верстъ содержащею. На степи ростетъ хорошая и высокая трава, но водою столь н

статочна, что во многихъ мѣстахъ на 12 или 15 миль ни одного ручейка не попадается. Упомянутая трава такое имѣетъ свойство, что лѣтомъ высыхаетъ совершенно и легко загарается, такъ что отъ того великое пространство степи въ кратчайшее время выгорѣть можетъ. Въ сію степь, какъ самый прямый и кратчайшій путь въ Украйну, пріѣзжаютъ татара, когда захотятъ зимою напасть на россійскія провинціи, гдѣ производятъ свои насильствія съ тѣмъ большею способностію, что сами живутъ довольны одною горстью снѣга; а напротивъ того ихъ лошади пріобучены разрывать передними ногами снѣгъ, и доставая изъ подъ него траву, оною и кормятся.

Изъ сего описанія само по себѣ оказывается, коликой опасности регулярная армія можетъ зимою или лѣтомъ подвергаться на сей степи, естьли-бы походъ ея лежалъ чрезъ оную. По сей причинѣ отецъ мой предпочелъ дать кругъ, пустился сперва вдоль здѣшняго берега рѣки Днѣпра до небольшаго разстоянія отъ Крыма, потомъ поворотя влѣво, шествовалъ прямо на Перекопскую линію.

Сей сухой ровъ, пересѣкающій Крымскій перешеекъ и содержащій въ длину семь верстъ или одну нѣмецкую милю, простирается отъ Чернаго даже до Азовскаго моря; ширина онаго содержитъ 12 и глубина семь саженъ. На немъ находится одинъ токмо каменный мостъ, и на той сторонѣ моста лежитъ крѣпость Оръ, иначе Перекопъ именуемая.

Какъ скоро, въ сходствіе вышеупомянутаго, россійская армія отъ Днѣпра сюда поворотила, то татары вышли уже къ ней на встрѣчу, отвѣдать своего щастія многократными нападеніями; но вскорѣ отъ полковыхъ пушекъ отступили они на такое разстояніе, что ихъ стрѣлы мало или совсѣмъ ничего не дѣйствовали. Когда-же они и тутъ долго мѣшкали, то начали бросать въ нихъ изъ мортиръ бомбы, отъ которыхъ они какъ прахъ отъ вѣтру разсѣялись.

Между тѣмъ армія, при ежедневныхъ почти встрѣчающихся вылазкахъ, подступила къ самой линіи, позади которой вся татарская сила стояла подъ Перекопомъ. Отецъ мой, дабы раздражить ихъ, приказалъ неукоснительно бросить нѣсколько бомбъ въ упомянутую крѣпость, и въ наступающую ночь далъ повелѣніе войскамъ протянуться вдоль линіи; а на другой день предъ

разсвѣтомъ пощастливилось ему со всею арміею перейти чрезъ помянутый глубокій и крутый ровъ, чего татарысо всѣмъ не воображали. Они, не въ дальности оттуда, числомъ около 80.000 человѣкъ, подъ предводительствомъ ихъ хана, покоились въ пріятномъ снѣ, и отнюдь не думали, чтобы такъ скоро и въ темную ночь переправиться было можно.

Наутріе, какъ скоро свѣтъ наступилъ, отецъ мой намѣренъ былъ атаковать ханскій лагерь; но непріятели, увидя столь близкую и неизбѣжную гибель свою, обратились въ бѣгство съ такою поспѣшностію, что никоимъ образомъ нельзя было ихъ достичь, выключая, что донскіе казаки нагнавши нѣкоторыхъ побили и другихъ въ полонъ взяли. Между добычею, полученною упомянутыми казаками при семъ случаѣ, находилась коляска татарскаго хана, на двухъ колесахъ, краснымъ сукномъ обитая, да еще его зрительная трубка. Сія была англинской работы и столь хорошая, что отецъ мой сторговалъ ее за деньги у казаковъ и въ слѣдующихъ походахъ никакой другой кромѣ сей не употреблялъ.

По обращеніи татаръ въ бѣгство, россійское войско того-же дня приступило къ крѣпости Перекопской, и по нѣсколькихъ выстрѣлахъ гарнизонъ оныя, состоящій изъ трехъ или четырехъ сотъ янычаръ и нѣсколькихъ татаръ, сдался. Тамошній магазинъ найденъ съ худымъ запасомъ; но что касается до артиллеріи, россіяне получили въ добычу шестьдесятъ пушекъ между которыхъ иныя имѣли россійскія клейма, и попали сюда въ прошломъ еще столѣтіи, послѣ несчастнаго похода въ Крымъ подъ предводительствомъ князя Василья Васильевича Голицына.

За два дни до пріѣзда курьера, отъ отца моего отправленнаго съ извѣстіемъ объ одержанной побѣдѣ въ Санктпетербургъ, императрица соизволила послать меня въ Варшаву съ орденомъ св. Андрея къ королю Августу. Въ прочемъ, касательно сего возложеннаго на меня препорученія, ничего инаго примѣтить не имѣю, кромѣ только, что король пожаловалъ мнѣ бриліантовый перстень цѣною въ 1,200 рублей и еще тысячу червонныхъ въ подарокъ.

Но прежде нежели я намѣренъ былъ предпринять возвратный путь свой, прошли почти три недѣли, въ теченіе которыхъ мирный сеймъ въ Варшавѣ продолжался, и между прочимъ рѣшена также судьба Курляндіи къ удовольствію россійскаго двора.

Курляндское дворянство за девять лѣтъ до того пользовалось правомъ, оспориваннымъ республикою до сего послѣдняго сейма. Въ 1727 году хотя Фердинандъ, послѣдній герцогъ Кетлерскаго поколѣнія, въ живыхъ еще находился; но какъ за старостію лѣтъ нельзя было ожидать отъ него наслѣдниковъ, то упомянутое дворянство единогласно положило, избрать ему наслѣдника, и сей выборъ палъ на Морица графа Саксонскаго, побочнаго сына короля польскаго Фридриха-Августа. Какъ скоро сіе извѣстнымъ учинилось, то республика отправила туда депутатовъ съ такимъ повелѣніемъ, чтобы новый герцогскій выборъ объявить недѣйствительнымъ, и курляндцамъ обозначить, что ихъ земля, послѣ смерти герцога Фердинанда, на воеводства раздѣлена и къ польскому королевству пріобщена быть имѣетъ. Я не намѣренъ вступать здѣсь въ описаніе произшествій, воспослѣдовавшихъ касательно сего въ правленіе императрицы Екатерины I, а имянно: что россійскія войска въ Курляндію вступивъ изгнали графа Саксонскаго, и что князь Меньщиковъ домогался, дабы новый герцогскій выборъ на него палъ; поелику обо всемъ ономъ въ разныхъ періодическихъ сочиненіяхъ подробнѣйшія содержатся извѣстія.

Въ семъ положеніи находились дѣла даже до вышеупомянутаго послѣдняго сейма. Но какъ оберъ-камергеръ Биронъ увидѣлъ, что король польскій, которому онъ личныя оказалъ услуги, на престолѣ нарочито утвердился, а притомъ также многомощнѣйшихъ вельможъ польскихъ разными обѣщаніями склонилъ онъ на свою сторону, то почелъ сей самый случай за удобнѣйшій, предоставя курляндцамъ право выбора, открыть самому себѣ путь къ герцогскому достоинству.

Почему россійскому министру при польскомъ дворѣ графу Кейзерлингу препоручено наиусильнѣйше домогаться на помянутомъ сеймѣ, чтобы раздѣлъ Курляндіи отмѣнить, и право выбора тамошнему дворянству предоставить.

Признательность короля, равно какъ и вельможъ польскихъ, и соображеніе слѣдствій, могущихъ произойти въ случаѣ отказа на желаніе толь высокомощной заступницы, какова была императрица россійская, произвели, что въ послѣднемъ собраніи часто упоминаемаго сейма положено и утверждено торжественнѣйше предоставить курляндскому дворянству толико желанную вольность избирать себѣ государя по своему произволенію.

Въ самое то время, какъ дѣло сіе рѣшилось, находился я въ совершенной готовности къ отъѣзду; почему и имѣлъ случай принесть первый оберъ-камергеру толь важное и радостное извѣстіе.

По возвращеніи моемъ въ Санктпетербургъ, услышалъ я не токмо о взятіи города Азова, но еще, что отецъ мой безпрепятственно продолжая свой походъ даже до Козлова, на западномъ берегу Крыма лежащаго порта, овладѣлъ симъ мѣстомъ, отъ всего гарнизона и большой части жителей оставленнымъ.

Прежде нежели онъ туда отправился, отряженъ генералъ-порутчикъ Леонтьевъ съ нѣсколькими тысячами человѣкъ войска подъ Кинбурнъ, укрѣпленное мѣсто, лежащее при устьѣ Днѣпра насупротивъ Очакова. Леонтьевъ овладѣлъ сею крѣпостью съ небольшимъ трудомъ; а при томъ получилъ еще богатую добычу, состоящую изъ лошадей, рогатаго скота и барановъ, которыхъ татары для безопасности своей туда пригнали.

Изъ Козлова простирался походъ, при провожаніи безпрерывно окружающаго армію непріятеля, въ Бакчисарай, столицу татарскаго хана. Сей городъ найденъ почти совсѣмъ опустошеннымъ, и сверьхъ нѣкоторыхъ старыхъ людей, никого другаго тамъ не было, какъ трое или четверо католическихъ патеровъ, одинъ французскій консулъ и нѣсколько жидовъ. Какіе ни обрѣтались въ домахъ пожитки и приборы, отданы солдатамъ въ добычу и всѣ строенія выжжены. Дворецъ хана равномѣрно въ цѣлости не оставленъ. Онъ построенъ на турецкій вкусъ весьма красиво. Столы и скамьи въ комнатахъ были опрятные, цвѣтами обмалеванные, другіе опять позолоченные или вылакированные. На среднемъ дворѣ стояла баня мраморная, въ которой самая чистая вода фонтанами била. Все сіе толь великолѣпное зданіе въ нѣсколько часовъ разграблено и въ пепелъ обращено. Любопытнѣйшія и позолоченныя украшенія съ кровлею отосланы отъ отца моего въ Санктпетербургъ.

Ахмечеть, обыкновенное мѣсто пребыванія такъ называемаго Калга султана, или полководца татарскаго, подобной участи былъ подверженъ. Непріятель устрашился россійскихъ войскъ до того, что скрывшись въ горахъ, показывался оттуда арміи не иначе, какъ малыми толпами и притомъ издали. Почему отецъ мой не имѣлъ великихъ затрудненій пробраться до Кафы, величайшаго

и богатѣйшаго города въ Крыму, и онымъ завладѣть. Но къ чувствительнѣйшему его прискорбію отъ жаровъ и суши тамошняго воздуха произшедшія въ арміи болѣзни усилились столько, что и половины здоровыхъ не находилось; да и сіи отъ безсилія едва ходить могли. Сей ради причины нашелся онъ принужденнымъ назадъ поворотить, и сей отступъ совершенъ безъ всякихъ со стороны непріятеля препятствій.

Перекопъ, равно какъ и Кинбурнъ, до основанія раззорены; находившаяся въ обоихъ сихъ городахъ артиллерія, купно съ плѣнниками, увезена и армія, послѣ похода около двухъ мѣсяцовъ продолжавшагося, расположилась въ Украйнѣ на зимнихъ квартирахъ.

Поелику изъ опытовъ извѣдано, что въ нездоровой и отъ самихъ жителей въ различныхъ мѣстахъ опустошенной землѣ, чѣмъ многочисленнѣе бываютъ войска, тѣмъ болѣе болѣзни между ими распространяются, къ тому же какъ по всѣмъ получаемымъ извѣстіямъ подтверждался слухъ, что турки дѣлаютъ великія къ войнѣ приготовленія; то при дворѣ положено и опредѣлено въ наступающемъ году главную армію обратить противъ сихъ послѣднихъ, а татаръ занимать въ ихъ землѣ посредственнымъ токмо корпусомъ.

Карлъ VI, не взирая, что онъ въ недавномъ еще времени отъ веденной съ Франціею войны освободился, обязанъ былъ по требованію Россіи, за данное ему въ прошломъ году въ походѣ къ Рейну вспомогательное войско, или лучше сказать, дабы впредь въ случаѣ нужды сильнѣйшее получить пособіе, новую съ турками предпринять войну. Сколь съ начала обѣ императорскія арміи повидимому ни были согласны, что каждая должна будетъ порознь дѣйствовать противъ непріятеля; однакожъ вскорѣ между нихъ въ разсужденіи операцій толикое произошло несогласіе, что онѣ во всю войну мало пособія одна другой подавали. Съ римско-императорской стороны представляли, что великій визирь съ отборнѣйшимъ корпусомъ турецкаго войска противъ нихъ выступилъ, и потому требовали, чтобы 20 или 30 тысячь человѣкъ россійскаго войска прислать къ нимъ на помощь. Напротивъ того со стороны Россіи отзывались, что по приступѣ къ одной или другой на сей сторонѣ лежащей крѣпости, какъ то Очакова или Бендеръ, развяжутся у нихъ руки,

то есть, что великій визирь принужденъ будетъ знатный корпусъ отъ своего войска отдѣлить и чрезъ то силу свою ослабить. Но каждая сторона при своемъ мнѣніи оставалась, а упрекамъ и укоризнамъ не было конца.

Естьли бы первое представленіе отца моего отъ двора было одобрено, то многотрудные и опасные марши чрезъ степи были бы отвращены. Ибо мнѣніе его съ самаго начала было, чтобы сперьва атаковать турокъ въ Молдавіи, и къ тому концу взять кратчайшую и способнѣйшую дорогу, а именно, чрезъ южныя провинціи Польши. Но сіе представленіе опровергалъ оберъкамергеръ Биронъ, который, до избранія своего герцогомъ курляндскимъ и до признанія въ семъ достоинствѣ отъ республики, нужнымъ почиталъ поберегать поляковъ и ни въ какомъ случаѣ не наносить имъ отягощенія. При всемъ томъ нельзя сказать, чтобы отецъ мой равномѣрно не признавалъ за нужное, перьвѣе всего овладѣть Очаковымъ, дабы отнять чрезъ то у непріятеля способъ, атаковать съ тылу дѣйствующую въ Крыму вторую армію. Что я упомянулъ о маршированіи войска чрезъ степи, оное относится собственно токмо до похода въ 1738 году. Но въ нынѣшнемъ походѣ, о которомъ теперь говорить стану, необходимо требовалось держаться путемъ сихъ опустошенныхъ мѣстъ; поелику переправа чрезъ протекающую тамъ рѣку Бугъ нигдѣ не бываетъ столь удобна, какъ токмо не въ дальнемъ отъ устья оныя разстояніи.

И такъ начертанный къ сему походу планъ состоялъ главнѣйше въ томъ, чтобы овладѣть лежащею при устьѣ Днѣпра и Чернаго моря крѣпостью Очаковымъ; потомъ, буде въ семъ предпріятіи пощастливится, посадить нѣсколько войскъ на суда и вдоль береговъ отправить въ Бѣлградъ, дабы сіе гнѣздо буджакскихъ татаръ истребить. Для исполненія послѣдняго предпріятія назначена построенная въ Брянскѣ и опредѣленная для перевоза потребныхъ къ осадѣ орудій флотилія.

Въ концѣ апрѣля 1737 года, когда армія на той сторонѣ Днѣпра насупротивъ Переволочны собралась, отецъ мой пошелъ прямымъ путемъ въ степь, между Днѣпромъ и Молдавіею и отъ польской границы даже до Чернаго моря простирающуюся. Естественное качество сей обширной страны сходствуетъ съ вышеописанною крымскою степью. Трава на ней ростетъ столь высо-

ня, что достаетъ по самое брюхо лошадямъ, и притомъ весьма питательна. Грунтъ земли вообще плодоносенъ такъ, что произрастаетъ не токмо лучшую спаржу и разныя огородныя и цѣлительныя травы, но также вишни довольно вкусныя, и нѣкоторый родъ дикихъ персиковъ, растущихъ малыми кустами. Дичины, какъ то: зайцовъ, рябчиковъ, куропатокъ и перепеловъ, находится тамъ превеликое множество и къ ловлѣ столь не пріобычны, что солдаты нерѣдко окруживъ зайца хватали руками. Напротивъ того, нигдѣ не видно тамъ дровянаго лѣсу, кромѣ небольшихъ кустарниковъ; да какъ и сіи встрѣчаются изрѣдка и не вездѣ, то часто раскладывали огонь для варенія пищи изъ лошадинаго навоза и сушеной травы. Недостатокъ въ водѣ есть главнѣйшій порокъ въ сихъ впротчемъ толико пріятныхъ мѣстахъ. Ибо хотя многія рѣки, какъ то Бугъ, Днѣстръ и иные небольшіе впадающіе въ нихъ ручьи, протекаютъ въ оныхъ; однако, разстояніе пространства земли между упомянутыхъ рѣкъ и ручьевъ столь обширно, что во многихъ мѣстахъ случается ѣхать по цѣлому дню, пока отъ одной рѣки до другой добраться можно.

Собранная къ сему походу армія состояла отъ 50 до 60 тысячь человѣкъ регулярнаго войска, и изъ 10 до 12 тысячь донскихъ, запорожскихъ и украинскихъ козаковъ, не включая притомъ погонщиковъ и другихъ въ обозѣ служащихъ людей.

Сей многочисленный народъ цѣлые полгода питать въ пустынѣ не трудно, статься можетъ, показалось бы израильскому полководцу Мойсею; но отцу моему причиняли потребныя къ тому распоряженія тѣмъ больше труда и докуки, что тѣ самые люди, на которыхъ возложено доставлять провіантъ въ армію, поступали съ превеликою и безотвѣтною нерадивостію, и потому нужный запасъ для арміи никогда въ надлежащую пору не привозили. Въ Украинѣ закупилъ онъ отъ 40 до 50 тысячь воловъ, дабы на нихъ везти полугодовый запасъ съѣстныхъ припасовъ, купно съ разными полевыми приборами въ слѣдъ за арміею. Къ послѣднимъ принадлежали также многія порожжія бочки, которыя распредѣлены по всѣмъ провіантскимъ фурамъ по одной на каждую; въ сихъ бочкахъ везли воду, когда разстоянія пространства земли между рѣкъ попадались обширныя, и въ потребномъ случаѣ можно было употребить ихъ также для настилки понтонныхъ мостовъ; поелику тутъ стоило токмо нѣсколько

бочекъ подъ навьюченную фуру веревками подвязать, чтобы изъ того сдѣлать часть пловучаго моста.

При чемъ упряжка воловъ доставляла еще и ту не меньше важную выгоду, что коль скоро провіантъ на нихъ везомый изойдетъ, то послѣ били воловъ и говядину раздѣляли между солдатъ.

Симъ образомъ обезпечено было содержаніе войскъ. Но дабы толь великій запасъ прикрыть, и безпрепятственно продолжать маршированіе, на которомъ каждодневно надлежало опасаться, чтобы не быть окружену отъ разъѣзжающихъ бѣлградскихъ и липканскихъ татаръ, подвигалась армія въ видѣ баталіона каре, въ срединѣ коего находился провіантъ, артиллерія и весь обозъ. Почему когда татары со всѣхъ сторонъ встрѣчали копьями рейтаровъ и полевыми пушками снабдѣнный фронтъ, то не долго противъ онаго стояли; а обыкновенно отходили послѣ небольшихъ стычекъ съ расположенными по угламъ баталіона каре гусарами и донскими козаками. Сверьхъ того, для отвращенія опасности настоящей въ томъ, чтобы отъ загаранія травы не учинился вредъ провіанту и пороховому магазейну, равно какъ и людямъ и скоту, повелѣно и накрѣпко подтверждено, чтобы съ той стороны, куда огонь распространяться начнетъ, немедленно копать широкіе рвы; кромѣ что въ каждомъ полку имѣлось въ готовности извѣстное число метелъ и деревянныхъ лопатъ, которыми солдаты помянутый огонь тушить обязаны были.

Когда армія—маршируя около двухъ мѣсяцовъ, достигла разстояніемъ на три мили по сю сторону отъ Очакова, то въ первый разъ показались тутъ турки. Они, частію спаги, частію-же босняки и арнауты, числомъ до шести тысячъ человѣкъ, выступили всѣ на лошадяхъ на встрѣчу арміи россійской, желая оную развѣдать, а притомъ и показать опытъ храбрости своей. Коль скоро они приближились, то высланы противъ нихъ гусары и донскіе козаки, которые по кровопролитномъ сраженіи принудили ихъ возвратиться въ городъ. Одинъ взятый при семъ случаѣ въ плѣнъ татарскій мурза объявилъ, что трехъ-бунчужный сераскиръ-паша за нѣсколько дней туда пріѣхалъ, что гарнизонъ въ городѣ состоитъ слишкомъ изъ 20 тысячъ человѣкъ и что вскорѣ ожидаютъ туда еще нарочитаго вспоможенія.

Послѣ сего отецъ мой представлялъ состоящимъ подъ его

командою генераламъ, что хотя еще не подоспѣли потребныя къ осадѣ орудія, везомыя Днѣпромъ, однако онъ мнѣніемъ своимъ полагалъ, что необходимо нужно городъ замкнуть и чрезъ то пресѣчь путь приближающемуся вспомогательному войску. Въ сходствіе чего армія, подвинувшись далѣе, въ 1 день іюля имѣла Очаковъ въ своемъ виду.

Очаковъ лежитъ на углу, который составляется отъ устья Днѣпра, именуемаго въ семъ мѣстѣ Лиманомъ, и отъ берега Чернаго моря. Грунтъ земли тамошней содержитъ весьма твердую иловатую породу, и на полторы мили въ окрестности ни одного стебелька травы не видно. Крѣпостныя укрѣпленія состояли изъ восьми нерегулярныхъ полевыхъ камнемъ одѣтыхъ болверковъ и изъ двойнаго сухаго рва. На валахъ стояли металлическія пушки числомъ около ста. Съѣстные припасы можно было безпрепятственно туда привозить по Черному морю, доколѣ россійская флотилія не пришла. Въ городѣ находились одинъ сераскиръ, семь пашей и двадцать тысячъ отборнаго войска; а предъ лиманомъ стояли также на якорѣ нѣсколько турецкихъ галеръ.

Какъ скоро упомянутый многочисленный гарнизонъ увидѣлъ россійскую армію, то большая часть онаго, выступя изъ крѣпости какъ бы на показъ, расположилась въ боевый строй. Напротивъ того отецъ мой приказалъ своей арміи стать въ линію въ образѣ полумѣсячія, и положа ружья на плеча съ музыкою идти противъ нихъ и прямо къ городу. Тутъ сераскиръ, не желая вступить въ сраженіе, отступилъ назадъ въ городъ неукоснительно. Россійская же армія, прогнавъ всѣхъ турокъ изъ ихъ редутовъ, которые въ окрестныхъ садахъ города находились, остановилась при наступающей ночи разстояніемъ на одинъ пушечный выстрѣлъ отъ города.

Еще въ ту-же самую ночь начали рвы копать, равно какъ и бомбы бросать въ городъ. Послѣднія произвели столь хорошій успѣхъ, что въ городѣ, наполненномъ тѣснымъ деревяннымъ строеніемъ, въ разныхъ мѣстахъ вскорѣ сдѣлались пожары; и когда на разсвѣтѣ продолжали бомбардированіе сильнѣе прежняго, то не токмо весь городъ пламенемъ былъ объятъ, но и пороховый магазинъ съ преужаснымъ трескомъ взорванъ.

Сіи печальныя обстоятельства побудили сераскира выслать

Въ самое то время, какъ дѣло сіе рѣшилось, находился я въ совершенной готовности къ отъѣзду; почему и имѣлъ случай принесть первый оберъ-камергеру толь важное и радостное извѣстіе.

По возвращеніи моемъ въ Санктпетербургъ, услышалъ я не токмо о взятіи города Азова, но еще, что отецъ мой безпрепятственно продолжая свой походъ даже до Козлова, на западномъ берегу Крыма лежащаго порта, овладѣлъ симъ мѣстомъ, отъ всего гарнизона и большой части жителей оставленнымъ.

Прежде нежели онъ туда отправился, отряженъ генералъ-порутчикъ Леонтьевъ съ нѣсколькими тысячами человѣкъ войска подъ Кинбурнъ, укрѣпленное мѣсто, лежащее при устьѣ Днѣпра насупротивъ Очакова. Леонтьевъ овладѣлъ сею крѣпостью съ небольшимъ трудомъ; а при томъ получилъ еще богатую добычу, состоящую изъ лошадей, рогатаго скота и барановъ, которыхъ татары для безопасности своей туда пригнали.

Изъ Козлова простирался походъ, при провожаніи безпрерывно окружающаго армію непріятеля, въ Бакчисарай, столицу татарскаго хана. Сей городъ найденъ почти совсѣмъ опустошеннымъ, и сверьхъ нѣкоторыхъ старыхъ людей, никого другаго тамъ не было, какъ трое или четверо католическихъ патеровъ, одинъ французскій консулъ и нѣсколько жидовъ. Какіе ни обрѣтались въ домахъ пожитки и приборы, отданы солдатамъ въ добычу и всѣ строенія выжжены. Дворецъ хана равномѣрно въ цѣлости не оставленъ. Онъ построенъ на турецкій вкусъ весьма красиво. Столы и скамьи въ комнатахъ были опрятные, цвѣтами обмалеванные, другіе опять позолоченные или вылакированные. На среднемъ дворѣ стояла баня мраморная, въ которой самая чистая вода фонтанами била. Все сіе толь великолѣпное зданіе въ нѣсколько часовъ разграблено и въ пепелъ обращено. Любопытнѣйшія и позолоченныя украшенія съ кровлею отосланы отъ отца моего въ Санктпетербургъ.

Ахмечеть, обыкновенное мѣсто пребыванія такъ называемаго Калга султана, или полководца татарскаго, подобной участи былъ подверженъ. Непріятель устрашился россійскихъ войскъ до того, что скрывшись въ горахъ, показывался оттуда арміи не иначе, какъ малыми толпами и притомъ издали. Почему отецъ мой не имѣлъ великихъ затрудненій пробраться до Кафы, величайшаго

и богатѣйшаго города въ Крыму, и онымъ завладѣть. Но къ чувствительнѣйшему его прискорбію отъ жаровъ и суши тамошняго воздуха произшедшія въ арміи болѣзни усилились столько, что и половины здоровыхъ не находилось; да и сіи отъ безсилія едва ходить могли. Сей ради причины нашелся онъ принужденнымъ назадъ поворотить, и сей отступъ совершенъ безъ всякихъ со стороны непріятеля препятствій.

Перекопъ, равно какъ и Кинбурнъ, до основанія раззорены; находившаяся въ обоихъ сихъ городахъ артиллерія, купно съ плѣнниками, увезена и армія, послѣ похода около двухъ мѣсяцовъ продолжавшагося, расположилась въ Украйнѣ на зимнихъ квартирахъ.

Поелику изъ опытовъ извѣдано, что въ нездоровой и отъ самихъ жителей въ различныхъ мѣстахъ опустошенной землѣ, чѣмъ многочисленнѣе бываютъ войска, тѣмъ болѣе болѣзни между ими распространяются, къ тому же какъ по всѣмъ получаемымъ извѣстіямъ подтверждался слухъ, что турки дѣлаютъ великія къ войнѣ приготовленія; то при дворѣ положено и опредѣлено въ наступающемъ году главную армію обратить противъ сихъ послѣднихъ, а татаръ занимать въ ихъ землѣ посредственнымъ токмо корпусомъ.

Карлъ VI, не взирая, что онъ въ недавномъ еще времени отъ веденной съ Франціею войны освободился, обязанъ былъ по требованію Россіи, за данное ему въ прошломъ году въ походѣ къ Рейну вспомогательное войско, или лучше сказать, дабы впредь въ случаѣ нужды сильнѣйшее получить пособіе, новую съ турками предпринять войну. Сколь съ начала обѣ императорскія арміи повидимому ни были согласны, что каждая должна будетъ порознь дѣйствовать противъ непріятеля; однакожъ вскорѣ между ними въ разсужденіи операцій толикое произошло несогласіе, что онѣ во всю войну мало пособія одна другой подавали. Съ римско-императорской стороны представляли, что великій визирь съ отборнѣйшимъ корпусомъ турецкаго войска противъ нихъ выступилъ, и потому требовали, чтобы 20 или 30 тысячь человѣкъ россійскаго войска прислать къ нимъ на помощь. Напротивъ того со стороны Россіи отзывались, что по приступѣ къ одной или другой на сей сторонѣ лежащей крѣпости, какъ то Очакова или Бендеръ, развяжутся у нихъ руки,

то есть, что великій визирь принужденъ будетъ знатный корпусъ отъ своего войска отдѣлить и чрезъ то силу свою ослабить. Но каждая сторона при своемъ мнѣніи оставалась, а упрекамъ и укоризнамъ не было конца.

Естьли бы первое представленіе отца моего отъ двора было одобрено, то многотрудные и опасные марши чрезъ степи были бы отвращены. Ибо мнѣніе его съ самаго начала было, чтобы сперьва атаковать турокъ въ Молдавіи, и къ тому концу взять кратчайшую и способнѣйшую дорогу, а именно, чрезъ южныя провинціи Польши. Но сіе представленіе опровергалъ оберъ-камергеръ Бирономъ, который, до избранія своего герцогомъ курляндскимъ и до признанія въ семъ достоинствѣ отъ республики, нужнымъ почиталъ поберегать поляковъ и ни въ какомъ случаѣ не наносить имъ отягощенія. При всемъ томъ нельзя сказать, чтобы отецъ мой равномѣрно не признавалъ за нужное, перьвѣе всего овладѣть Очаковымъ, дабы отнять чрезъ то у непріятеля способъ, атаковать съ тылу дѣйствующую въ Крыму вторую армію. Что я упомянулъ о маршированіи войска чрезъ степи, оное относится собственно токмо до похода въ 1738 году. Но въ нынѣшнемъ походѣ, о которомъ теперь говорить стану, необходимо требовалось держаться путемъ сихъ опустошенныхъ мѣстъ; поелику переправа чрезъ протекающую тамъ рѣку Бугъ нигдѣ не бываетъ столь удобна, какъ токмо не въ дальнемъ отъ устья оныя разстояніи.

И такъ начертанный къ сему походу планъ состоялъ главнѣйше въ томъ, чтобы овладѣть лежащею при устьѣ Днѣпра и Чернаго моря крѣпостью Очаковымъ; потомъ, буде въ семъ предпріятіи пощастливится, посадить нѣсколько войскъ на суда и вдоль береговъ отправить въ Бѣлградъ, дабы сіе гнѣздо буджакскихъ татаръ истребить. Для исполненія послѣдняго предпріятія назначена построенная въ Брянскѣ и опредѣленная для перевоза потребныхъ къ осадѣ орудій флотилія.

Въ концѣ апрѣля 1737 года, когда армія на той сторонѣ Днѣпра насупротивъ Переволочны собралась, отецъ мой пошелъ прямымъ путемъ въ степь, между Днѣпромъ и Молдавіею и отъ польской границы даже до Чернаго моря простирающуюся. Естественное качество сей обширной страны сходствуетъ съ вышеописанною крымскою степью. Трава на ней ростетъ столь высо-

кая, что достаетъ по самое брюхо лошадямъ, и притомъ весьма питательна. Грунтъ земли вообще плодоносенъ такъ, что произрастаетъ не токмо лучшую спаржу и разныя огородныя и цѣлительныя травы, но также вишни довольно вкусныя, и нѣкоторый родъ дикихъ персиковъ, растущихъ малыми кустами. Дичины, какъ то: зайцовъ, рябчиковъ, куропатокъ и перепеловъ, находится тамъ превеликое множество и къ ловлѣ столь не пріобычны, что солдаты нерѣдко окруживъ зайца хватали руками. Напротивъ того, нигдѣ не видно тамъ дровянаго лѣсу, кромѣ небольшихъ кустарниковъ; да какъ и сіи встрѣчаются изрѣдка и не вездѣ, то часто раскладывали огонь для варенія пищи изъ лошадинаго навоза и сушеной травы. Недостатокъ въ водѣ есть главнѣйшій порокъ въ сихъ впротчемъ толико пріятныхъ мѣстахъ. Ибо хотя многія рѣки, какъ то Бугъ, Днѣстръ и иные небольшіе впадающіе въ нихъ ручьи, протекаютъ въ оныхъ; однако, разстояніе пространства земли между упомянутыхъ рѣкъ и ручьевъ столь обширно, что во многихъ мѣстахъ случается ѣхать по цѣлому дню, пока отъ одной рѣки до другой добраться можно.

Собранная къ сему походу армія состояла отъ 50 до 60 тысячь человѣкъ регулярнаго войска, и изъ 10 до 12 тысячь донскихъ, запорожскихъ и украинскихъ козаковъ, не включая притомъ погонщиковъ и другихъ въ обозѣ служащихъ людей.

Сей многочисленный народъ цѣлые полгода питать въ пустынѣ не трудно, статься можетъ, показалось бы израильскому полководцу Мойсею; но отцу моему причиняли потребныя къ тому распоряженія тѣмъ больше труда и докуки, что тѣ самые люди, на которыхъ возложено доставлять провіантъ въ армію, поступали съ превеликою и безотвѣтною нерадивостію, и потому нужный запасъ для арміи никогда въ надлежащую пору не привозили. Въ Украинѣ закупилъ онъ отъ 40 до 50 тысячь воловъ, дабы на нихъ везти полугодовый запасъ съѣстныхъ припасовъ, купно съ разными полевыми приборами въ слѣдъ за арміею. Къ послѣднимъ принадлежали также многія порожжія бочки, которыя распредѣлены по всѣмъ провіантскимъ фурамъ по одной на каждую; въ сихъ бочкахъ везли воду, когда разстоянія пространства земли между рѣкъ попадались обширныя, и въ потребномъ случаѣ можно было употребить ихъ также для настилки понтонныхъ мостовъ; поелику тутъ стоило токмо нѣсколько

бочекъ подъ навьюченную фуру веревками подвязать, чтобы изъ того сдѣлать часть пловучаго моста.

При чемъ упряжка воловъ доставляла еще и ту не меньше важную выгоду, что коль скоро провіантъ на нихъ везомый изойдетъ, то послѣ били воловъ и говядину раздѣляли между солдатъ.

Симъ образомъ обезпечено было содержаніе войскъ. Но дабы толь великій запасъ прикрыть, и безпрепятственно продолжать маршированіе, на которомъ каждодневно надлежало опасаться, чтобы не быть окружену отъ разъѣзжающихъ бѣлградскихъ и липканскихъ татаръ, подвигалась армія въ видѣ баталіона каре, въ срединѣ коего находился провіантъ, артиллерія и весь обозъ. Почему когда татары со всѣхъ сторонъ встрѣчали копьями рейтаровъ и полевыми пушками снабдѣнный фронтъ, то не долго противъ онаго стояли; а обыкновенно отходили послѣ небольшихъ стычекъ съ расположенными по угламъ баталіона каре гусарами и донскими козаками. Сверьхъ того, для отвращенія опасности настоящей въ томъ, чтобы отъ загаранія травы не учинился вредъ провіанту и пороховому магазейну, равно какъ и людямъ и скоту, повелѣно и накрѣпко подтверждено, чтобы съ той стороны, куда огонь распространяться начнетъ, немедленно копать широкіе рвы; кромѣ что въ каждомъ полку имѣлось въ готовности извѣстное число метелъ и деревянныхъ лопатъ, которыми солдаты помянутый огонь тушить обязаны были.

Когда армія—маршируя около двухъ мѣсяцовъ, достигла разстояніемъ на три мили по сю сторону отъ Очакова, то въ первый разъ показались тутъ турки. Они, частію спаги, частію-же босняки и арнауты, числомъ до шести тысячъ человѣкъ, выступили всѣ на лошадяхъ на встрѣчу арміи россійской, желая оную развѣдать, а притомъ и показать опытъ храбрости своей. Коль скоро они приближились, то высланы противъ нихъ гусары и донскіе козаки, которые по кровопролитномъ сраженіи принудили ихъ возвратиться въ городъ. Одинъ взятый при семъ случаѣ въ плѣнъ татарскій мурза объявилъ, что трехъ-бунчужный сераскиръ-паша за нѣсколько дней туда пріѣхалъ, что гарнизонъ въ городѣ состоитъ слишкомъ изъ 20 тысячь человѣкъ и что вскорѣ ожидаютъ туда еще нарочитаго вспоможенія.

Послѣ сего отецъ мой представлялъ состоящимъ подъ его

омандою генераламъ, что хотя еще не подоспѣли потребныя ь осадѣ орудія, везомыя Днѣпромъ, однако онъ мнѣніемъ воимъ полагалъ, что необходимо нужно городъ замкнуть и резъ то пресѣчь путь приближающемуся вспомогательному ойску. Въ сходствіе чего армія, подвинувшись далѣе, въ 1 день оля имѣла Очаковъ въ своемъ виду.

Очаковъ лежитъ на углу, который составляется отъ устья нѣпра, именуемаго въ семъ мѣстѣ Лиманомъ, и отъ берега ернаго моря. Грунтъ земли тамошней содержитъ весьма твер-ую иловатую породу, и на полторы мили въ окрестности ни ного стебелька травы не видно. Крѣпостныя укрѣпленія со-тояли изъ восьми нерегулярныхъ полевыхъ камнемъ одѣтыхъ олверковъ и изъ двойнаго сухаго рва. На валахъ стояли метал-ическія пушки числомъ около ста. Съѣстные припасы можно ыло безпрепятственно туда привозить по Черному морю, до-олѣ россійская флотилія не пришла. Въ городѣ находились инъ сераскиръ, семь пашей и двадцать тысячъ отборнаго ойска; а предъ лиманомъ стояли также на якорѣ нѣсколько урецкихъ галеръ.

Какъ скоро упомянутый многочисленный гарнизонъ увидѣлъ оссійскую армію, то большая часть онаго, выступя изъ крѣ-ости какъ бы на показъ, расположилась въ боевый строй. На-ротивъ того отецъ мой приказалъ своей арміи стать въ линію ь образѣ полумѣсячія, и положа ружья на плеча съ музыкою ти противъ нихъ и прямо къ городу. Тутъ сераскиръ, не же-ая вступить въ сраженіе, отступилъ назадъ въ городъ неуко-нительно. Россійская же армія, прогнавъ всѣхъ турокъ изъ хъ редутовъ, которые въ окрестныхъ садахъ города находи-ись, остановилась при наступающей ночи разстояніемъ на инъ пушечный выстрѣлъ отъ города.

Еще въ ту-же самую ночь начали рвы копать, равно какъ бомбы бросать въ городъ. Послѣднія произвели столь хорошій спѣхъ, что въ городѣ, наполненномъ тѣснымъ деревяннымъ строеніемъ, въ разныхъ мѣстахъ вскорѣ сдѣлались пожары; и огда на разсвѣтѣ продолжали бомбардированіе сильнѣе преж-яго, то не токмо весь городъ пламенемъ былъ объятъ, но и ороховый магазинъ съ преужаснымъ трескомъ взорванъ.

Сіи печальныя обстоятельства побудили сераскира выслать

одного депутата и просить перемирія на 24 часа. Отвѣтъ на сіе былъ, чтобы онъ со всѣмъ гарнизономъ своимъ отдался въ военный плѣнъ, и на размышленіе дано ему не больше времени, какъ одинъ часъ, съ такимъ напоминаніемъ, что естьли онъ прежде исхода часа не рѣшится, то ни единый человѣкъ пощаженъ не будетъ. Но какъ послѣ провѣдали, что сераскиръ обрѣтался на той сторонѣ крѣпости у берега моря и съ нѣсколькими людьми покушался убѣжать на галерахъ, то за нимъ въ догоню посланы гусары и козаки; а армія въ то-же время сдѣлала нападеніе на непріятеля, который, оставя огнемъ пожираемый городъ, бросился въ покрытую дорогу. При семъ случаи отецъ мой изъявилъ столько усердія и мужества, что самъ пѣшій командовалъ баталіономъ Измайловской гвардіи, и знамя онаго собственными руками водрузилъ на гласисѣ. Сраженіе было весьма кровопролитное и съ обѣихъ сторонъ упорнѣйшее. Турки стояли до самой головы покрытые за паллисадами и стрѣляли очень мѣтко, потому что ружья свои могли прислонять къ паллисадамъ. Сколь часто ни летали вокругъ ядра, но отецъ мой, не устрашась оныхъ, не сходилъ со своего мѣста и не прежде уговорили его оставить оное, пока не показали, что его шляпа въ двухъ мѣстахъ и складки на мундирѣ по обѣимъ сторонамъ прострѣлены. Принцъ Брауншвейгскій Антонъ Ульрихъ, обрѣтавшійся на семъ походѣ волонтеромъ, находился безпрерывно при немъ, и оба по щастію ни на одинъ волосъ вреда не получили, не взирая что подлѣ нихъ стоящій пажъ упомянутаго принца застрѣленъ и его адъютантъ-подполковникъ Геймбургъ двумя пулями раненъ. Наконецъ сѣлъ онъ на лошадь, дабы посмотрѣть, что въ другихъ мѣстахъ происходило. Но и тутъ не меньшей подвергался опасности; ибо не токмо лошадь подъ нимъ въ голову ранена и чапракъ прострѣленъ, но сквозь сертукъ его, который по щастію былъ разстегнутъ и нѣсколько отъ тѣла сдвигнутъ, пролетѣла въ самый шовъ на спинѣ пуля, не причинивъ ему ни малѣйшаго вреда. Куда ни обращался онъ, всюду усматривалъ преужасное пораженіе отъ сильнаго огня непріятельскаго. Храбрый генералъ Левендаль раненъ въ руку, а генералъ Кейтъ въ колѣно.

Напослѣдокъ послѣ отчаянной обороны слишкомъ два часа, и когда непріятели за недостаткомъ въ порохѣ бросали вокрестъ

ми, крючьями и лопатами, вломились наши въ покрытую
. Тутъ убивство еще не прекратилось, поелику яростный
ротимый солдатъ россійскій никому не дѣлаетъ пощады;
съ отчаянія новую получили бодрость, и обороняясь саб-
длинными ножами до послѣдней капли крови, многихъ
гелей съ собою во гробъ унесли.
ло двухъ тысячь человѣкъ турокъ убѣжавшихъ, какъ
помянуто, къ морскому берегу, спаслись удачливо на
галерахъ. Но почти столько же народа плывучи къ онымъ
ственно потонули: ибо всѣ суда, коль скоро стрѣлять въ
тали, поднявъ якори, отвалили отъ береговъ съ величай-
оспѣшностію.
лѣ толь ужаснаго пораженія, изъ тридцати тысячь чело-
частію воиновъ и частію обывателей, находившихся за
ько часовъ въ семъ несчастномъ мѣстѣ, спасли жизнь
е болѣе какъ пять тысячь человѣкъ, считая женъ и дѣтей.
лѣ плѣнниковъ былъ также и сераскиръ-именуемой Аггія,
человѣкъ разумный, благонравный и собою статный. Онъ
ить отрѣшеннаго великаго визиря Али-паши, и во время
нія его государственными дѣлами, находился оберъ-шта-
омъ при султанѣ.
семи пашей, состоявшихъ подъ упомянутымъ сераски-
стался токмо одинъ въ живыхъ, а именно, комендантъ
и Очаковской, а между другихъ плѣнниковъ иного знат-
новника не было, кромѣ Османа-бея, сына погибшаго
ерцеговинскаго. Сей, имѣя отъ роду не больше 13 лѣтъ,
валъ уже тремя тысячами человѣкъ босняковъ. Пріятный
ъ и веселый нравъ побудили отца моего взять его къ
о возвращеніи своемъ въ Санктпетербургъ представить
рицѣ, которая, по перекрещеніи его въ христіанскій
возвысила въ дворянское достоинство съ проименованіемъ
и пожаловавъ ему земли, опредѣлила пажемъ ко двору.
полученная при завоеваніи Очакова, была весьма знат-
смотря, что многое огнемъ истреблено, такъ что сол-
несли съ собою полныя шляпы турецкихъ червонцовъ.
мой выкупилъ у нихъ множество драгоцѣнныхъ вещей,
: золотыхъ и бриліантами осыпанныхъ саблей, кинжа-
нскихъ приборовъ и часовъ, для поднесенія императрицѣ,

королю польскому и оберъ-камергеру Бирону въ подарокъ; что послѣ и исполнено.

На другой день послѣ взятія Очакова, или паче послѣ сраженія, отправлено благодарственное молебствіе на гласисѣ крѣпости. Армія выступила вся въ строй и произвела обыкновенный троекратный бѣглый огонь. Послѣ сего повели сераскира мимо всего фронта въ шатеръ отца моего, который пригласилъ его къ своему столу. Пришедъ сюда, вопросилъ его отецъ мой: какъ россійскія войска ему кажутся? Онъ отвѣчалъ: что лучшихъ во всю жизнь свою не видалъ. И какъ первый на сіе сказалъ, что господинъ сераскиръ, по мнѣнію его, не имѣетъ причины пожаловаться на ихъ храбрость, то сей далъ въ отвѣтъ: «естьлибъ они не столь храбрые люди были, то не уповательно, чтобъ я въ сей день имѣлъ честь свидѣтельствовать мое почтеніе россійскому господину генералу-фельдмаршалу».

Съ извѣстіемъ о сей важной одержанной побѣдѣ отправилъ ко двору отецъ мой своего тогдашняго генералсъ-адъютанта и роднаго племянника подполковника Вильдеманна, который произвелъ тамо чрезвычайную радость, ибо тамъ вовсе не знали еще, что армія подъ Очаковъ пришла. Придворные не оставили отцу моему приложить извѣстное реченіе: Veni, vidi, vici, то есть: пришелъ, увидѣлъ, побѣдилъ. Вѣстникъ пожалованъ отъ императрицы полковникомъ и получилъ двѣ тысячи рублей въ подарокъ. Что до меня касается, я награжденъ, въ день отправленія при дворѣ торжества о сей побѣдѣ, камергерскимъ ключемъ, котораго семь лѣтъ дожидался.

Сколь ни велико было отца моего желаніе предпринять еще какое либо важное дѣйствіе противъ непріятеля, однако невозможно было иначе приступить къ непріятелю, какъ либо пойти подъ Бендеры, на что долговремянное по степи странствованіе требовалось; либо, высадя войска на берегахъ Чернаго моря, искать его далѣе внутри земли. Первое почиталось неудобнымъ, какъ за неполученіемъ еще потребной къ осадѣ артиллеріи, такъ равно и по причинѣ описаннаго въ сіе время года случающагося загоранія изсохшей травы; а на другое надлежало бы употребить флотилію, но суда оныя столь плохо были построены, что по учиненнымъ опытамъ нельзя было на нихъ ходить, а кольми паче дѣйствовать на Черномъ морѣ. Почему отецъ мой, учи-

нивъ всѣ нужныя распоряженія для починки Очаковской крѣпости, заложивъ внѣ оныя множество редутовъ и оставя тутъ генералъ-маіора Бахметева съ 6,000 человѣкъ войска, съ полугодовымъ провіантомъ и нарочитою аммуниціею, принужденъ былъ рѣшиться съ остальною арміею предпринять возвратный походъ въ Украйну. На семъ походѣ, гдѣ многія кровопролитныя происходили сшибки съ высланными изъ Бендеръ для развѣдыванія турками, приказалъ онъ для свободнѣйшей коммуникаціи не токмо заложить большой шанецъ неподалеку отъ того мѣста, гдѣ Бугъ въ Днѣпръ впадаетъ, но еще подѣлать нѣсколько редутовъ вдоль большой дороги даже до россійскихъ границъ.

Едва токмо войска на зимнихъ квартирахъ расположились, какъ пришло извѣстіе, что корпусъ турокъ и татаръ числомъ до 40 тысячь человѣкъ подъ предводительствомъ Гензія паши, приближась къ Очакову, приступилъ къ осадѣ онаго. Возвратиться туда съ арміею было невозможно, по причинѣ наступившей зимы и за чрезмѣрною отдаленностію. Почему наилучшее средство оставалось токмо единое: чтобы въ самой скорости отправить туда по Днѣпру, на которомъ судоходство еще открыто было, сильное вспоможеніе на подкрѣпленіе гарнизона въ Очаковѣ. Отецъ мой сдѣлалъ было уже всѣ нужныя къ тому приготовленія и намѣревался самъ туда поѣхать, какъ получилъ отъ храбраго генералъ-маіора Штоффеля, который не за долго предъ симъ вмѣсто генералъ-маіора Бахметева туда переведенъ, радостное донесеніе, что непріятель, осаждая двѣ недѣли крѣпость безъ всякаго успѣха и по потерѣ нѣсколькихъ тысячь людей, принужденъ былъ, оставя свое предпріятіе, отступить назадъ, покинувъ на мѣстѣ почти всю свою аммуницію.

Сіе произшествіе заслуживало тѣмъ большаго уваженія, что отъ усилившихся болѣзней, къ которымъ и язва даже присоединилась, изъ всего гарнизона не больше какъ 1,500 человѣкъ въ состояніи были носить оружіе. Отецъ мой особенную имѣлъ причину радоваться сему случаю, ибо таковое неудачное непріятельское покушеніе яснымъ служило доказательствомъ, что завоеванное имъ мѣсто не маловажно для Турокъ, или и не простое гнѣздо было. Пріѣхавшаго къ нему съ симъ извѣстіемъ курьера, сына генералъ-маіора Штоффеля, отправилъ онъ неукоснительно въ Санктпетербургъ, да и самъ туда-же

отъѣхать приготовился. Дворъ, какъ казалось, доволенъ былъ нынѣшнимъ его походомъ. Отъ императрицы принятъ онъ весьма благосклонно; а оберъ-камергеръ Бирономъ, новоизбранный горцогъ Курляндскій, не преминулъ обласкать его всѣми признаками почести.

Учрежденный въ Немировѣ, небольшомъ мѣстечкѣ въ Подоліи, конгрессъ, по желанію турокъ,—разъѣхался опять безъ всякаго успѣха; а римско-императорскія войска, имѣвшія съ начала щастливый въ Венгріи походъ, окончали оный столь неблагополучно, что фельдмаршалъ графъ Секендорфъ отозванъ въ Вѣну къ отчету. И потому необходимо нужно было со стороны Россіи принять наиудобнѣйшія мѣры къ открытію новаго похода.

Графъ Остейнъ, римско-императорскій министръ, равно какъ и нарочно для того отправленный въ Санктпетербургъ генералъ-порутчикъ маркизъ де-Ботта, настояли, чтобы къ ихъ арміи въ Венгрію отправить корпусъ вспомогательнаго войска. Но когда о семъ дѣлѣ предложено къ разсужденію, то отецъ мой утверждалъ, что полезнѣе для Россіи непріятеля въ двухъ различныхъ мѣстахъ атаковать и чрезъ то понудить его большую часть силы своей отъ Австрійцовъ отвлечь, нежели здѣшнюю армію отдѣляемымъ отъ нее корпусомъ ослабить. Мнѣніе его принято и опредѣлено воинскія операціи не токмо въ Крыму продолжать, но также обратить оныя противъ Молдавіи; а чтобы кратчайшую и способнѣйшую взять туда дорогу, и имянно чрезъ Польшу, оное для нѣкоторыхъ частныхъ видовъ на сей разъ еще не дозволено; но надлежало по примѣру израильтянъ пустынею проходить въ обѣтованную землю, то есть походъ предпринять туда чрезъ обширную степь.

Прежде нежели я приступлю къ описанію сего похода, за нужное считаю въ кратцѣ упомянуть о томъ, что въ сіе время съ самимъ мною происходило.

Родившаяся во мнѣ склонность къ придворной фрейлинѣ баронессѣ Аннѣ Доротеѣ Менгденъ довела меня до того, что я прозьбою своею утруждалъ монархиню о милостивомъ дозволеніи взять ее себѣ въ замужство, и вскорѣ потомъ приключившаяся со мною болѣзнь отъ простуды заставила меня проситься

на теплыя воды въ Ахенъ. Какъ первое, такъ и другое разрѣшено отъ императрицы всемилостивѣйше, и отецъ мой, давно уже желавшій видѣть меня супругомъ, въ разсужденіи перваго былъ чрезвычайно доволенъ и радъ.

Не много дней спустя потомъ отецъ мой отправился въ Украйну, а я остался на нѣсколько еще недѣль въ Петербургѣ и выѣхалъ не прежде какъ въ исходѣ февраля 1738 года. Откланявшись монархинѣ, получилъ я у себя на дому двѣ тысячи рублей на дорогу въ подарокъ.

Что касается до похода въ семъ году подъ предводительствомъ отца моего, имѣю объявить, что войска шли при всѣхъ прежнихъ и вышеописанныхъ распоряженіяхъ вторично чрезъ степь и прямо къ Днѣстру. На той сторонѣ Днѣстра и не поподалеку отъ Бендеръ собралась многочисленная турецкая армія съ намѣреніемъ воспрепятствовать переправѣ россійскихъ войскъ. По долговремянномъ походѣ, на которомъ частыя и сильныя, особливо при нѣкоторыхъ забираніяхъ фуража, стычки съ непріятелемъ происходили, достигъ отецъ мой береговъ упомянутой рѣки. Но Запорожскіе козаки, которые одни на ту пору проводниками были, вели его по незнанію своему такъ дурно, что онъ не токмо встрѣчалъ весьма неудобныя дороги, но и вышелъ прямо на глаза расположившагося на другой сторонѣ рѣки лагеремъ непріятеля. Тамошній берегъ въ длину на нѣсколько миль простирался сплошь весьма крутый и каменистый; а турецкій лагерь прикрывался изъ камня высѣченнымъ ретраншаментомъ, и сверьхъ того многочисленною снабдѣнъ былъ артиллеріею.

Когда за симъ казалось невозможно имѣть здѣсь какой либо успѣхъ въ предпріятіи, то отецъ мой, послѣ нѣсколькихъ для виду въ ретраншаментъ учиненныхъ пушечныхъ выстрѣловъ, поворотилъ въ право, и подвинулся вдоль рѣки по выше. Намѣреніе его было, чтобы частію встрѣтить узкое мѣсто для переправы, и частію заманить непріятеля перебраться чрезь рѣку и вступить въ сраженіе. Послѣдняго ожидалъ онъ съ тѣмъ большимъ основаніемъ, что нарочно сдѣлалъ видъ, будто бы походъ свой прямо къ Хотину направилъ. Но думать должно, что Турки на сей разъ не имѣли охоты драться; ибо безъ всякихъ дальнихъ предпріятій слѣдовали они за Россійскою арміею на

другомъ берегу, пересылая на сію сторону однихъ токмо Т
для обезпокоиванія нашихъ войскъ. Однажды толпа янı
въ ночное время отважилась на маленькихъ судахъ чрезъ
переѣхать и при выступленіи арміи въ походъ атаковать
гардъ; однако столь хорошо отъ сей приняты, что по п
нѣсколькихъ сотъ человѣкъ, едва успѣли остальные кое к
образомъ убраться на другую сторону.

Симъ образомъ отецъ мой почти до самаго Хотина ı
нувшись, и не находя никакого средства цѣли своей дости
къ томужъ при наступившей осени болѣзни между солдат
ото дня умножались, разсудилъ онъ за благо походъ сей
чить. Но какъ не ловко было чрезъ степь возвратиться, п
наиболѣе, что Татары во множайшихъ мѣстахъ траву н
выжгли, то рѣшился онъ свою армію раздѣлить на кол
изъ коихъ послѣднюю себѣ оставилъ, и сопроводить ее
часть Польскаго владѣнія къ Россійской границѣ. Хотя в
ный гетманъ графъ Потоцкій и дѣлалъ на то возражені
имени республики, но въ отвѣтъ ему сообщено, что
законъ измѣняетъ; что въ проходъ арміи всѣ припа
наличныя деньги покупаемы будутъ, и что, въ случаѣ п
неннаго какого либо вреда, за весь убытокъ заплачено
имѣетъ.

Такъ кончился походъ 1738 года, и хотя на ономъ ник
новыхъ завоеваній не пріобрѣтено, однако Россійскій сол
при славѣ своей за пріобрѣтенную храбрость и при споко
духа расположеніи, сохраненъ и сей разъ совершенно.

Съ операціями австрійскихъ войскъ въ Венгріи проис
въ семъ году несчастливѣе, нежели въ прошломъ. Ибо к
что они на многихъ сраженіяхъ рѣдко побѣдителями отх
потеряли еще крѣпость Орсову со всею находившеюся в
артиллеріею, и наконецъ въ пребѣдственномъ состояніи в
тились на зимнія квартиры.

Въ сихъ оставляю я на время обѣ арміи, дабы упом
въ кратцѣ о моей свадьбѣ и объ употребительныхъ при
въ тогдашнее время обрядахъ при дворѣ Россійскомъ.

Когда придворная фрейлина выходитъ за мужъ, то полу
она отъ двора не токмо приданое деньгами, смотря по с

Послѣ краткой приличной къ сему торжеству рѣчи, говоренной архіепископомъ новгородскимъ, совершенъ торжественный обрядъ вѣнчанія онымъ же архіепископомъ. По окончаніи благодарственнаго молебствія, при пушечной пальбѣ съ обѣихъ крѣпостей и при троекратномъ бѣгломъ огнѣ, отъ полковъ произведенномъ, весь штатъ возвратился обратно во дворецъ по прежде описанному порядку, выключая, что теперь принцъ Брауншвейгскій ѣхалъ вмѣстѣ съ императрицею въ каретѣ. Во дворцѣ принимала монархиня, сперьва отъ новосочетавшихся бракомъ и потомъ отъ всѣхъ съѣхавшихся знатныхъ обоего пола особъ, поздравленія и жаловала ихъ къ рукѣ. Въ полдень императрица имѣла открытый обѣденной столъ обще съ великою княжною Елисаветою Петровною, принцессою Анною и принцомъ Брауншвейгскимъ. Къ сему столу приглашенъ также герцогъ Курляндскій со всею его фамиліею. Въ вечеру былъ балъ, который не долѣе двухъ часовъ продолжался.

На другой день предъ полуднемъ принцъ купно съ супругою своею поѣхали въ лѣтній дворецъ и имѣли приватный обѣденный столъ у императрицы. Въ вечеру былъ въ галлереи балъ въ присутствіи монархини. Во время бала пріѣхалъ императорскій посланникъ маркизъ де Ботта, для принесенія императрицѣ поздравленія. Онъ нашелъ ее въ другой комнатѣ подлѣ галлереи, и отдавши поклонъ императрицѣ, просила она его сѣсть. По краткомъ разговорѣ оба встали и пошли въ галлерею смотрѣть какъ танцуютъ; при каковомъ случаѣ упомянутый посланникъ вступилъ въ разговоръ съ принцессою, и наконецъ спустя три четверти часа уѣхалъ. Около 10 часовъ принцесса обще съ принцомъ и всѣ приглашенныя обоего пола особы имѣли вечерній столъ въ большомъ залѣ; а императрица кушала въ другомъ покоѣ съ герцогомъ Курляндскимъ и его фамиліею. Послѣ стола танцы не долго продолжались, и такъ сей день кончился.

На третій день императрица удостоила новобрачныхъ своимъ посѣщеніемъ, и имѣла у нихъ обѣденный столъ обще съ герцогомъ Курляндскимъ и его фамиліею.

4 числа былъ день отдохновенія; но 5-го въ лѣтнемъ дворцѣ маскерадъ, изъ четырехъ кадрилей состоящій, на которомъ находился и маркизъ де Ботта, сложившій съ себя наканунѣ сего

дня званіе чрезвычайнаго посланника. Вечерній столъ былъ въ саду подъ обширнымъ шатромъ, и въ аллеяхъ танцовала публика.

6 числа представлена италіянская опера.

7 и послѣдняго числа былъ въ лѣтнемъ дворцѣ балъ и ужинъ, и въ заключеніе сего торжества на Невѣ рѣкѣ сожженъ великолѣпный и драгоцѣнный фейерверкъ.

Съ военными операціями въ семъ году происходило слѣдующее:

Въ исходѣ апрѣля отецъ мой вторично выступилъ изъ Украйны съ арміею, состоявшею отъ 60 до 70 тысячъ человѣкъ регулярнаго войска, не включая другихъ нерегулярныхъ.

Послѣ удобнаго и спокойнаго марша чрезъ южныя польскія провинціи, отецъ мой остановился въ мѣстечкѣ Синявки, на берегу Днѣстра.

Вода въ сей рѣкѣ отъ тогдашней сухой лѣтней погоды стояла столь низко, что въ иныхъ мѣстахъ на лошади переѣхать можно было. Дабы непріятеля, начинавшаго показываться на той сторонѣ рѣки нѣкоторыми партіями, пріохотить къ сраженію, приказалъ онъ неукоснительно сдѣлать приготовленія будто желаетъ накинуть мостъ. Между тѣмъ въ ночи оставя небольшую команду въ лагерѣ, выступилъ онъ со всею остальною арміею, шелъ нѣсколько миль выше по Днѣстру, указалъ пѣхотнымъ солдатамъ сѣсть къ драгунамъ на лошади, и на разсвѣтѣ переправился въ неглубокомъ мѣстѣ чрезъ рѣку столь благополучно, что непріятель вовсе того не видѣлъ и не вѣдалъ.

Въ тотъ же самый день атакованъ онъ сильнымъ корпусомъ турецкой конницы и татарами; но по жестокомъ сраженіи непріятель принужденъ былъ назадъ отступить.

Между тѣмъ отъ наступившихъ нечаянно дождей вода въ Днѣстрѣ поднялась весьма высоко такъ, что прошло нѣсколько дней, пока остальная часть арміи съ артиллеріею и багажемъ присоединиться къ нему могла. Но какъ скоро сіе учинено, то армія подвинулась далѣе противъ непріятеля.

Послѣ нѣсколькихъ маршей въ первый разъ предстала взору главная турецкая армія. Но сія, не желая на сей случай дѣлать сопротивленія, отступала по малу назадъ такъ, что россійская обыкновенно въ вечеру приходила на то мѣсто, гдѣ турецкая армія утромъ станъ свой имѣла.

Наконецъ непріятель рѣшился на горѣ подлѣ мѣстечка Ставушана, неподалеку отъ Хотина, оградить себя ретраншаментами и дожидать россійскаго войска.

17 числа августа, отецъ мой прибылъ къ сему мѣсту и нашелъ, что турки превыгодное имѣютъ положеніе. Укрѣпленный станъ ихъ занималъ вершину горы, къ которой приступъ былъ не токмо весьма крутой, но также ограждался протекающимъ у подошвы небольшимъ ручьемъ. Непріятельская сила національными турками простиралась, по извѣщенію плѣнниковъ, до 70 тысячъ человѣкъ, а татаръ было толикое же число. Накапунѣ сраженія сераскиръ, именуемый Вели-паша, присоединилъ къ себѣ пашу изъ Хотина почти со всѣмъ его гарнизономъ.

Коль скоро непріятель усмотрѣлъ, что россійская армія прямо къ нему подвигается, отрядилъ онъ впередъ всѣхъ татаръ купно съ сильнымъ корпусомъ турецкой конницы, подъ командою упомянутаго хотинскаго паши, дабы во время атаки ворваться въ крыло россійской арміи. Въ сходствіе чего окружили они россійскую армію съ обѣихъ сторонъ и съ зади; но далѣе ни на что отважиться не смѣли, по причинѣ производимаго изъ пушекъ огня такъ, что отецъ мой, не уважая сей толпы, непрерывно подвигался къ горѣ, и не взирая на турецкую пальбу, переправился въ непродолжительномъ времени чрезъ болотистый ручеекъ, который по его повелѣнію хворостомъ и фашинникомъ загруженъ былъ. Тутъ увидя, что непріятель на лѣвомъ крылѣ своемъ занимается доканчиваніемъ работы надъ ретраншаментомъ, приказалъ въ то время, когда для виду атакована была передняя часть горы, правое крыло протянуть къ упомянутой лѣвой сторонѣ непріятельскаго стана и тамъ настоящій учинить приступъ. Турки съ своей стороны не замѣшкали, какъ скоро армія у подошвы горы въ боевой становилась порядокъ, на нее наступить. Нѣсколько тысячъ янычаръ, голыми руками держа сабли, бросились съ горы прямо на нее; но тутъ имѣли они столь мало удачи, что двукратно съ нарочитымъ урономъ прогоняемы были; когда же непріятель примѣтилъ, что наступленіе клонится на его слабѣйшую сторону, то объятый страхомъ обратился въ бѣгство, покинувъ множество своей артиллеріи, аммуниціи и палатокъ.

На семъ побѣгѣ имѣлъ бы онъ великое пораженіе, есть либъ не требовалось, по причинѣ разъѣзжающихъ около арміи

Карлъ VI, Римскій императоръ, не упуская ни единаго случая отъ временъ правленія Екатерины I и Петра II, чтобы Россію вовлечь въ интересъ своего дома, надѣялся таковымъ новымъ союзомъ родства положить основаніе къ тѣснѣйшей и непоколебимѣйшей дружбѣ между обоихъ дворовъ. Судя по возрасту и по лѣтамъ, надлежало бы браку сему совершиться уже ранѣе. Но что собственно тому препятствовало, объ оном заподлинно сказать не могу. То истинно, что многіе всю вину возлагали на герцога Курляндскаго, будто бы сей одинъ все дѣло остановилъ съ намѣреніемъ старшему сыну своему, когда онъ надлежащаго возраста достигнетъ, доставить толь высокую невѣсту.

Когда же Вѣнскій дворъ, хотя и не началъ еще недовѣряться, однако уже весьма нетерпѣливо взиралъ на таковое отлагательство, то императоръ рѣшился къ скорѣйшему окончанію онаго дѣла, и притомъ, для приданія принцу бо̀льшаго уваженія, приступить къ формальному сватовству посредствомъ чрезвычайнаго посольства.

Маркизъ Ботта де Адорно, находившійся тогда императорскимъ министромъ при Россійскомъ дворѣ, получилъ уже въ мартѣ мѣсяцѣ 1739 года надлежащее о томъ предписаніе. По силѣ данной ему инструкціи препоручено также всѣми мѣрами домогаться, дабы принцесса въ день обрученія или бракосочетанія объявлена была наслѣдницею престола; но герцогъ Курляндскій Бирон умѣлъ неукоснительно на сіе возразить слѣдующимъ отзывомъ: что все дѣло остановиться и рушиться можетъ, естьли императрицѣ представить объ избраніи наслѣдницы; поелику она сочтетъ, что въ долговременности ея жизни сомнѣніе имѣютъ и что ей какъ будто о смерти напоминаютъ. На представленіе же отъ Брауншвейгскаго министра господина Крама, состоящее въ томъ, чтобы приданое за принцессою опредѣлить и назначить, сколько она на содержаніе свое получать имѣетъ, отвѣтствовано, что при жизни императрицы ни въ чемъ недостатка имѣть она не будетъ; а послѣ ея кончины все ей, то есть принцессѣ, достанется неоспоримо.

Нѣкоторые полагаютъ, будто бы они настоящую изыскали причину опроверженія обоихъ вышепоказанныхъ предложеній, и относятъ оную къ недовѣрчивости нрава любимца Бирона, ко-

татарами и составляла слишкомъ сто тысячь человѣкъ, однако признаться ему надобно, что невозможно было противустоять такому войску, какое онъ теперь видитъ, гдѣ толь хорошая дисциплина и послушаніе введены, присовокупя къ тому, что «огонь Россійской арміи несравненно превосходнѣе турецкаго».

Въ оный же день сей паша, Калчакъ, то есть хромымъ проименованный, обще съ нѣкоторыми другими турецкими плѣнниками, угощены отъ отца моего обѣденнымъ столомъ. Во время стола подносили имъ за здравіе императрицы, которое запивали они, въ противность заповѣданія отъ Магомета, венгерскимъ виномъ изъ большихъ бокаловъ.

По совершенномъ разсѣяніи непріятеля, надѣялся отецъ мой прочія операціи сего похода окончить съ немногимъ числомъ войска. По чему и отправилъ онъ три баталіона и одинъ эскадронъ гвардіи, равно какъ и нѣкоторые другіе полки, на зимнія квартиры. Съ сими посланы также военноплѣнники, составляющіе около двухъ тысячь человѣкъ обоего пола, а при томъ и побѣдоносные трофеи, состоящіе изъ сабли паши, нѣсколькихъ серебряныхъ командирныхъ жезловъ и изъ двадцати семи знаменъ.

Послѣ сего отецъ мой, оставя въ Хотинѣ достаточный гарнизонъ, выступилъ въ походъ и прямо пошелъ къ рѣкѣ Пруту.

Подольское дворянство, которое, въ случаи несчастливаго похода для Россіянъ, безъ сумнѣнія намѣрено было соединиться съ турками противу насъ, за нужное почло, послѣ описаннаго произшествія, отправить къ отцу моему знатныхъ депутатовъ для поздравленія съ одержанною побѣдою.

О непріятелѣ ничего больше не слышно было, какъ что турки отступили весьма поспѣшно къ Дунаю, а татара вдоль Днѣпра къ Буджаку, такъ что отецъ мой послѣ трехъ маршей пришелъ къ Пруту, накинулъ чрезъ оный нѣсколько мостовъ и со всею арміею переправился чрезъ него благополучно.

Названіе сея рѣки отъ 1711 года было весьма противное слово для ушей россійскихъ. Петръ Великій въ упомянутомъ году преслѣдуя турокъ, вспомоществовавшихъ Карлу XII, подвинулся даже до береговъ рѣки Прута; но за недостаткомъ въ съѣстныхъ припасахъ пришелъ съ своею арміею въ толь худое положеніе, что онъ, будучи отъ непріятеля, такъ сказать, осажденъ, не могъ ни въ ту, ни въ другую сторону отступить.

съ собою и обручила ихъ на мѣстѣ въ присутствіи вышеименованнаго посланника. По семъ обрученіи посланникъ вручилъ принцессѣ невѣстѣ, отъ имени Римскаго императора, богатый склаважъ изъ драгоцѣнныхъ камней и восточныхъ жемчуговъ, и послѣ возвратился восвояси.

4 числа іюля, въ день бракосочетанія, съѣхались ко двору рано по утру всѣ знатныя обоего пола особы, назначенныя для сей церемоніи, и на улицахъ, чрезъ которыя слѣдовало шествіе до соборной церькви Казанскія Богоматери, стояли полки въ два ряда по обѣимъ сторонамъ.

Между 10 и 11 часовъ предъ полуднемъ шествіе воспріяло свое начало. Впереди ѣхалъ отрядъ конной гвардіи, за нимъ верьхами придворные трубачи и литаврщики, послѣ гофъ-фурьеры, и за сими слѣдовалъ гофмаршалъ въ открытой колясклѣ, съ жезломъ въ рукахъ. Потомъ воинскіе и гражданскіе первыхъ пяти классовъ особы по двое и по чинамъ въ каретахъ, въ шесть лошадей, сопровождаемые ливрейными ихъ служителями, которые шли пѣшіе. Позади сихъ ѣхалъ оберъ-гофмаршалъ тожъ съ жезломъ въ рукѣ. Потомъ слѣдовалъ герцогъ Курляндскій въ большой парадной каретѣ. За симъ и непосредственно предъ каретою, гдѣ императрица сидѣла, ѣхали верьхами камергеры и камеръ-юнкеры по два въ рядъ по старшинству. Принцесса невѣста сидѣла съ императрицею въ одной каретѣ насупротивъ ея. У кареты ѣхали верьхами оберъ-шталмейстеръ и генералъ-адъютанты. За императрицею слѣдовала великая княжна Елисаветъ Петровна съ своимъ придворнымъ штатомъ, и потомъ герцогиня Курляндская въ великолѣпнѣйшемъ екипажѣ, нежели какъ у самой императрицы. Тутъ ѣхалъ опять отрядъ конной гвардіи, а за нимъ оберъ-гофмейстерина, штатсъ-дамы, придворныя фрейлины и другія знатныя женскаго пола особы по рангамъ ихъ. Наконецъ все шествіе замыкалъ третій отрядъ конной гвардіи.

По прибытіи въ церьковь, императрица обще съ принцессою невѣстою остановилась на царскомъ мѣстѣ насупротивъ олтаря. Принцъ Брауншвейгскій, пріѣхавшій сюда за четверть часа напередъ, стоялъ въ нарочно приготовленномъ у стѣны мѣстѣ, по лѣвую руку императрицы. Всѣ прочіе присутствующіе расположились по обѣимъ сторонамъ церькви на построенныхъ ступеняхъ.

слѣ краткой приличной къ сему торжеству рѣчи, говорен-
рхіепископомъ новгородскимъ, совершенъ торжественный
ъ вѣнчанія онымъ же архіепископомъ. По окончаніи бла-
ственнаго молебствія, при пушечной пальбѣ съ обѣихъ
стей и при троекратномъ бѣгломъ огнѣ, отъ полковъ про-
нномъ, весь штатъ возвратился обратно во дворецъ по
е описанному порядку, выключая, что теперь принцъ Браун-
скій ѣхалъ вмѣстѣ съ императрицею въ каретѣ. Во
ѣ принимала монархиня, сперьва отъ новосочетавшихся
мъ и потомъ отъ всѣхъ съѣхавшихся знатныхъ обоего
особъ, поздравленія и жаловала ихъ къ рукѣ. Въ полдень
атрица имѣла открытый обѣденной столъ обще съ ве-
княжною Елисаветою Петровною, принцессою Анною и
омъ Брауншвейгскимъ. Къ сему столу приглашенъ также
гъ Курляндскій со всею его фамиліею. Въ вечеру былъ
который не долѣе двухъ часовъ продолжался.

а другой день предъ полуднемъ принцъ купно съ супру-
воею поѣхали въ лѣтній дворецъ и имѣли приватный обѣ-
й столъ у императрицы. Въ вечеру былъ въ галлереи балъ
исутствіи монархини. Во время бала пріѣхалъ император-
посланникъ маркизъ де Ботта, для принесенія императ-
поздравленія. Онъ нашелъ ее въ другой комнатѣ подлѣ
реи, и отдавши поклонъ императрицѣ, просила она его
По краткомъ разговорѣ оба встали и пошли въ галлерею
ѣть какъ танцуютъ; при каковомъ случаѣ упомянутый
нникъ вступилъ въ разговоръ съ принцессою, и наконецъ
три четверти часа уѣхалъ. Около 10 часовъ принцесса
съ принцомъ и всѣ приглашенныя обоего пола особы
вечерній столъ въ большомъ залѣ; а императрица ку-
въ другомъ покоѣ съ герцогомъ Курляндскимъ и его фа-
ю. Послѣ стола танцы не долго продолжались, и такъ сей
кончился.

а третій день императрица удостоила новобрачныхъ своимъ
ценіемъ, и имѣла у нихъ обѣденный столъ обще съ гер-
ъ Курляндскимъ и его фамиліею.

числа былъ день отдохновенія; но 5-го въ лѣтнемъ дворцѣ
радъ, изъ четырехъ кадрилей состоящій, на которомъ на-
ся и маркизъ де Ботта, сложившій съ себя наканунѣ сего

дня званіе чрезвычайнаго посланника. Вечерній столъ былъ въ саду подъ обширнымъ шатромъ, и въ аллеяхъ танцовала публика.

6 числа представлена италіянская опера.

7 и послѣдняго числа былъ въ лѣтнемъ дворцѣ балъ и ужинъ, и въ заключеніе сего торжества на Невѣ рѣкѣ сожженъ великолѣпный и драгоцѣнный фейерверкъ.

Съ военными операціями въ семъ году происходило слѣдующее:

Въ исходѣ апрѣля отецъ мой вторично выступилъ изъ Украйны съ арміею, состоявшею отъ 60 до 70 тысячъ человѣкъ регулярнаго войска, не включая другихъ нерегулярныхъ.

Послѣ удобнаго и спокойнаго марша чрезъ южныя польскія провинціи, отецъ мой остановился въ мѣстечкѣ Синявки, на берегу Днѣстра.

Вода въ сей рѣкѣ отъ тогдашней сухой лѣтней погоды стояла столь низко, что въ иныхъ мѣстахъ на лошади переѣхать можно было. Дабы непріятеля, начинавшаго показываться на той сторонѣ рѣки нѣкоторыми партіями, пріохотить къ сраженію, приказалъ онъ неукоснительно сдѣлать приготовленія будто желаетъ накинуть мостъ. Между тѣмъ въ ночи оставя небольшую команду въ лагерѣ, выступилъ онъ со всею остальною арміею, шелъ нѣсколько миль выше по Днѣстру, указалъ пѣхотнымъ солдатамъ сѣсть къ драгунамъ на лошади, и на разсвѣтѣ переправился въ неглубокомъ мѣстѣ чрезъ рѣку столь благополучно, что непріятель вовсе того не видѣлъ и не вѣдалъ.

Въ тотъ же самый день атакованъ онъ сильнымъ корпусомъ турецкой конницы и татарами; но по жестокомъ сраженіи непріятель принужденъ былъ назадъ отступить.

Между тѣмъ отъ наступившихъ нечаянно дождей вода въ Днѣстрѣ поднялась весьма высоко такъ, что прошло нѣсколько дней, пока остальная часть арміи съ артиллеріею и багажемъ присоединиться къ нему могла. Но какъ скоро сіе учинено, то армія подвинулась далѣе противъ непріятеля.

Послѣ нѣсколькихъ маршей въ первый разъ предстала взору главная турецкая армія. Но сія, не желая на сей случай дѣлать сопротивленія, отступала по малу назадъ такъ, что россійская обыкновенно въ вечеру приходила на то мѣсто, гдѣ турецкая армія утромъ станъ свой имѣла.

Наконецъ непріятель рѣшился на горѣ подлѣ мѣстечка Ста-
ушана, неподалеку отъ Хотина, оградить себя ретраншаментами
дожидать россійскаго войска.

17 числа августа, отецъ мой прибылъ къ сему мѣсту и на-
елъ, что турки превыгодное имѣютъ положеніе. Укрѣпленный
танъ ихъ занималъ вершину горы, къ которой приступъ былъ
е токмо весьма крутой, но также ограждался протекающимъ у
одошвы небольшимъ ручьемъ. Непріятельская сила національ-
ыми турками простиралась, по извѣщенію плѣнниковъ, до 70
ысячъ человѣкъ, а татаръ было толикое же число. Накапунѣ
раженія сераскиръ, именуемый Вели-паша, присоединилъ къ
ебѣ пашу изъ Хотина почти со всѣмъ его гарнизономъ.

Коль скоро непріятель усмотрѣлъ, что россійская армія прямо
ъ нему подвигается, отрядилъ онъ впередъ всѣхъ татаръ купно
ъ сильнымъ корпусомъ турецкой конницы, подъ командою упо-
янутаго хотинскаго паши, дабы во время атаки ворваться въ
рыло россійской арміи. Въ сходствіе чего окружили они рос-
ійскую армію съ обѣихъ сторонъ и съ зади; но далѣе ни на
то отважиться не смѣли, по причинѣ производимаго изъ пу-
екъ огня такъ, что отецъ мой, не уважая сей толпы, непре-
ывно подвигался къ горѣ, и не взирая на турецкую пальбу,
ереправился въ непродолжительномъ времени чрезъ болотистый
учеекъ, который по его повелѣнію хворостомъ и фашинникомъ
агруженъ былъ. Тутъ увидя, что непріятель на лѣвомъ крылѣ
воемъ занимается доканчиваніемъ работы надъ ретраншаментомъ,
риказалъ въ то время, когда для виду атакована была передняя
асть горы, правое крыло протянуть къ упомянутой лѣвой сто-
онѣ непріятельскаго стана и тамъ настоящій учинить приступъ.
урки съ своей стороны не замѣшкали, какъ скоро армія у по-
ошвы горы въ боевой становилась порядокъ, на нее наступить.
Ѣсколько тысячъ янычаръ, голыми руками держа сабли, бро-
ились съ горы прямо на нее; но тутъ имѣли они столь мало
дачи, что двукратно съ нарочитымъ урономъ прогоняемы были;
огда же непріятель примѣтилъ, что наступленіе клонится на
го слабѣйшую сторону, то объятый страхомъ обратился въ бѣг-
тво, покинувъ множество своей артиллеріи, аммуниціи и палатокъ.

На семъ побѣгѣ имѣлъ бы онъ великое пораженіе, есть
ибъ не требовалось, по причинѣ разъѣзжающихъ около арміи

татаръ, войска содержать вмѣстѣ. Въ вечеру вся армія взошла на гору и въ непріятельскомъ лагерѣ расположилась. Послѣ чего и татары, видя свою немощь, ускакали прочь.

Прогнанные турки, какъ то вскорѣ отъ высланныхъ лазутчиковъ провѣдано, продолжали свой побѣгъ, не отдыхая ни днемъ ни ночью, прямо къ рѣкѣ Дунаю, и взятую съ собою артиллерію почти всю оставили въ разныхъ мѣстахъ на дорогѣ.

На другой день послѣ сей побѣды отецъ мой выступилъ къ Хотину. Войска въ сей крѣпости находилось около десяти тысячь человѣкъ, которые большею частію, какъ выше упомянуто, находились на прежнемъ сраженіи. Но когда турки обращены въ бѣгство, то и они, не желая оставить своихъ товарищей, воспользовались симъ случаемъ, дабы скорѣе возвратиться во свояси, такъ что паша едва могъ нѣсколько сотъ человѣкъ уговорить вступить опять въ городъ.

Коль скоро отецъ мой приближился къ городу, то тотчасъ требовалъ здачи онаго. Паша не долго размышлялъ и сдался со всѣмъ малочисленнымъ войскомъ своимъ на милость.

Артиллеріи найдено здѣсь 157 мѣдныхъ пушекъ, 22 мѣдныхъ мортиръ, купно съ великимъ запасомъ аммуниціи и провіанта.

Между плѣнными находились также наложницы паши и его сынъ Махметъ Бей, которые однако же, по усильнѣйшей ихъ прозьбѣ, получили дозволеніе отъѣхать въ Константинополь. Ибо упомянутый паша представлялъ, что отправленіе его семьи послужитъ единственнымъ средствомъ освободить его отъ подозрѣнія въ недостодолжномъ исполненіи своей должности.

Изъ обывателей остались токмо бѣднѣйшіе въ городѣ; но богатые со всѣмъ имуществомъ своимъ убѣжали въ близь граничащую Польшу.

На другой день по завоеваніи города, утромъ рано армія выступя изъ лагеря расположилась въ строй, и по отпѣтіи благодарственнаго молебствія выпалено изо 101 пушки съ Хотинской крѣпости, при троекратномъ бѣгломъ огнѣ отъ всей арміи.

Потомъ отецъ мой въ провожаніи паши, янычарскаго аги и другихъ знатнѣйшихъ турецкихъ чиновниковъ, поѣхалъ, всѣ верьхами, отъ одного крыла на другое. При семъ случаѣ означенный паша отозвался, что хотя турецкая армія обще съ

татарами и составляла слишкомъ сто тысячь человѣкъ, однако признаться ему надобно, что невозможно было противустоять такому войску, какое онъ теперь видитъ, гдѣ толь хорошая дисциплина и послушаніе введены, присовокупя къ тому, что «огонь Россійской арміи несравненно превосходнѣе турецкаго».

Въ оный же день сей паша, Калчакъ, то есть хромымъ проименованный, обще съ нѣкоторыми другими турецкими плѣнниками, угощены отъ отца моего обѣденнымъ столомъ. Во время стола подносили имъ за здравіе императрицы, которое запивали они, въ противность заповѣданія отъ Магомета, венгерскимъ виномъ изъ большихъ бокаловъ.

По совершенномъ разсѣяніи непріятеля, надѣялся отецъ мой прочія операціи сего похода окончить съ немногимъ числомъ войска. По чему и отправилъ онъ три баталіона и одинъ эскадронъ гвардіи, равно какъ и нѣкоторые другіе полки, на зимнія квартиры. Съ сими посланы также военноплѣнники, составляющіе около двухъ тысячь человѣкъ обоего пола, а при томъ и побѣдоносные трофеи, состоящіе изъ сабли паши, нѣсколькихъ серебряныхъ командирныхъ жезловъ и изъ двадцати семи знаменъ.

Послѣ сего отецъ мой, оставя въ Хотинѣ достаточный гарнизонъ, выступилъ въ походъ и прямо пошелъ къ рѣкѣ Пруту.

Подольское дворянство, которое, въ случаи несчастливаго похода для Россіянъ, безъ сумнѣнія намѣрено было соединиться съ турками противу насъ, за нужное почло, послѣ описаннаго произшествія, отправить къ отцу моему знатныхъ депутатовъ для поздравленія съ одержанною побѣдою.

О непріятелѣ ничего больше не слышно было, какъ что турки отступили весьма поспѣшно къ Дунаю, а татара вдоль Днѣпра къ Буджаку, такъ что отецъ мой послѣ трехъ маршей пришелъ къ Пруту, накинулъ чрезъ оный нѣсколько мостовъ и со всею арміею переправился чрезъ него благополучно.

Названіе сея рѣки отъ 1711 года было весьма противное слово для ушей россійскихъ. Петръ Великій въ упомянутомъ году преслѣдуя турокъ, вспомоществовавшихъ Карлу XII, подвинулся даже до береговъ рѣки Прута; но за недостаткомъ въ съѣстныхъ припасахъ пришелъ съ своею арміею въ толь худое положеніе, что онъ, будучи отъ непріятеля, такъ сказать, осажденъ, не могъ ни въ ту, ни въ другую сторону отступить.

Почему и не оставалось другаго средства, кромѣ какъ подкупить великаго визиря деньгами и заключить миръ на невыгодныхъ условіяхъ, въ силу которыхъ половина состоящей доселѣ подъ россійскою державою Украйны уступлена Польшѣ, Азовъ возвращенъ туркамъ и заложенный на Черномъ морѣ флотъ, купно съ таганрогскимъ портомъ, истребленъ и раззоренъ до основанія.

Когда отецъ мой чрезъ сію проклятую рѣку безъ всякихъ затрудненій переправился, то сіе подало ему поводъ написать въ посланной ко двору реляціи, что онъ поносный Прутъ сдѣлалъ опять честнымъ.

Симъ образомъ россійская армія вступила наконецъ въ Молдавію.

Провинція сія есть одна изъ плодоноснѣйшихъ и благословеннѣйшихъ земель въ Европѣ. Въ ней хлѣба, вина и плодовъ произрастаетъ въ великомъ изобиліи и наилучшаго рогатаго скота находится чрезвычайное множество. Жители исповѣдуютъ греческій законъ, и управляетъ ими собственный ихъ князь, называемый господарь, котораго достоинство хотя и наслѣдственно, однако рѣдко пребываетъ въ одномъ поколѣніи; поелику турки за малѣйшее неудовольствіе на поступки господаря, отрѣша его, возводятъ другаго. Впрочемъ на сіе достоинство избираютъ они обыкновенно достойнаго и заслуженнаго мужа изъ грековъ.

На маршѣ къ главному городу Яссамъ принималъ отецъ мой депутатовъ отъ молдавскихъ чиновъ съ такимъ предложеніемъ, что они подвергаются державѣ россійской императрицы и просятъ милости и покровительства ея. При чемъ депутаты, между коихъ предводителемъ былъ князь Кантакузинъ, объявили, что господарь ихъ Григорій Гика, оставленный какъ отъ турокъ, такъ и отъ собственнаго своего войска, пошелъ къ Дунаю. Сіи депутаты отправлены отъ отца моего съ отвѣтными письмами къ чинамъ молдавскимъ.

Приближась къ Яссамъ, разстояніемъ на двѣ версты отъ города, вышли къ нему на встрѣчу все духовенство, совѣтъ господаря и дворянство въ предшествіи митрополита. Сей, облаченный въ церковныхъ ризахъ и со крестомъ, далъ благословеніе отцу моему и всей арміи; а притомъ краткою рѣчью изъяснилъ, сколь радостно подвергаются они достославному скипетру

императрицы Анны Іоанновны, препоручая себя со всѣми единоземцами подъ покровъ и благоволеніе сей монархини.

Отецъ мой удостовѣрилъ ихъ въ удовлетвореніи ихъ прозьбы на условіи вѣрностнаго и послушнаго поведенія, и они поѣхали черьхами за отцемъ моимъ въ городъ до дворца бѣжавшаго господаря, гдѣ принятъ онъ при безпрерывной музыкѣ съ пушечною пальбою и съ радостнымъ восклицаніемъ многочисленнаго народа.

На третій день по прибытіи его приказалъ онъ созвать чиновъ молдавскихъ и сдѣлалъ съ ними расположеніе какъ о контрибуціи, такъ и о поставкѣ съѣстныхъ припасовъ и фуража для арміи.

Между тѣмъ какъ онъ, обо всемъ вышеупомянутомъ донеся какъ своему двору, такъ и Римско-Императорскому генералитету въ Венгріи, дожидалъ новыхъ инструкцій, отрядилъ онъ сильныя партіи гусаръ и Донскихъ козаковъ частію въ Буджакскую татарію, частію же въ турецкія провинціи, граничащія съ Валахіею и Седмиградскою землею.

Дѣла состояли теперь въ такомъ положеніи, что не токмо наилучшія зимнія квартиры для войскъ запасены, но уже и открытый путь предстоялъ атаковать непріятеля въ будущемъ походѣ внутри его земель.

Но вся польза и выгода, какихъ можно было токмо, какъ Россіи, такъ и римскому императору, отъ таковыхъ успѣховъ ожидать, разрушились заключеннымъ при Бѣлградѣ пагубнымъ мирнымъ трактатомъ къ удивленію цѣлаго свѣта, и жалостнымъ образомъ испровергнулись безъ возврата.

Послѣ несчастнаго покушенія подъ Кроцкою римско-императорскія войска пришли въ такое уныніе, что болѣе не въ состояніи находили себя какой либо успѣхъ имѣть въ предпріятіяхъ противу турокъ. И какъ сіи между тѣмъ приступили къ осадѣ Бѣлграда, то генералъ графъ Нейпергъ воспользовался данною ему отъ императора полною властію, и отъѣхалъ въ турецкій станъ съ предложеніями о мирѣ, гдѣ находившійся французскій посланникъ господинъ Вильневъ столько подкрѣпилъ его, что мирный трактатъ, чрезъ посредство Франціи, заключенъ на слѣдующихъ условіяхъ, а имянно: чтобы многими милліонами построенную крѣпость Бѣлграда и область оныя, купно со всею

Сервіею, уступить Оттоманской портѣ; что самое въ непродолжительномъ времени и не дожидаясь императорской ратификаціи исполнено быть долженствовало: что же касается до Россіи, она равномѣрно въ сей мирный трактатъ включена, но токмо условія съ нею предоставлено постановить, подъ французскимъ же посредствомъ, колико можно выгоднѣйшія.

Три дни спустя по подписаніи вышеизображеннаго трактата, римско-императорскій генералитетъ получилъ съ курьеромъ извѣстіе о разбитіи турецкаго войска подъ Ставасломъ, о взятіи Хотина и о приступленіи россійской арміи къ Яссамъ.

Напротивъ того, въ самое то время, какъ отецъ мой овладѣвъ всею уже Молдавіею, занимался величайшими проектами истинный вкусить плодъ отъ своихъ завоеваній, пришла къ нему вѣсть объ ономъ внезапномъ произшествіи, которое не токмо границы императора въ Венгріи нарочито сократило, но и всю надежду Россіи прекратить настоящую войну, съ коликою выгодою, съ толикою и славою, почти до конца испровергнуло.

Судя по тогдашнимъ обстоятельствамъ на вѣрное полагать можно, что Россія одна въ состояніи была съ турками управиться, естьли бы въ томъ же году шведы, подущеніемъ Франціи, не приготовились вступить въ Финляндію, дабы союзникамъ своимъ туркамъ сдѣлать чрезъ то диверсію. Въ сходствіе чего россійскій дворъ заблагоразсудилъ на сей разъ удовольствоваться одною пріобрѣтенною славою и заключить миръ на слѣдующихъ условіяхъ: Азовъ и Очаковъ до основанія разорить; нарочитое пространство земли, какъ Крымской, такъ и на другой сторонѣ Днѣпра лежащей степи, присоединить къ россійскимъ границамъ; всѣхъ въ турецкой неволѣ находящихся россійскихъ подданныхъ освободить, и наконецъ султану признавать императорскій титулъ россійскихъ государей. Напротивъ того императрица обязалась войска свои изъ Молдавіи возвратить и всѣхъ турецкихъ плѣнниковъ, кромѣ принявшихъ христіанскій законъ, отпустить въ ихъ отчизну.

Хотя теперь упомянутыя статьи вскорѣ послѣ заключеннаго римскимъ императоромъ мира постановлены, однако обмѣнъ ратификацій не прежде какъ въ концѣ сего года послѣдовалъ, и потому отецъ мой съ арміею оставался до тѣхъ поръ въ Молдавіи, а выступилъ оттуда уже въ декабрѣ мѣсяцѣ.

По пріѣздѣ въ Украйну выдалъ онъ младшую сестру мою
уизу Доротею, вдовствующую фонъ Логаумбергъ, за состоявшаго тогда въ россійской военной службѣ графа Солмса Вильенфельской линіи, послѣ отправился въ Санктпетербургъ.

Начало 1740 года было примѣчательно великолѣпнѣйшимъ
ржествомъ, каковаго никогда въ Россіи не бывало, по поводу
ключеннаго между сею имперіею и турками мира.

14 числа февраля рано поутру съѣхались ко двору всѣ знат-
ыя обоего пола особы первыхъ пяти классовъ. По окончаніи
тургіи въ придворной церкви, архіепископъ новгородскій го-
рилъ приличную сему торжеству рѣчь, въ которой не оста-
лъ приписать похвалы и отцу моему. Потомъ двое герольдовъ
ступили на середину церкви и одинъ изъ нихъ читалъ пе-
атный манифестъ о мирѣ. За симъ началось благодарственное
олебствіе, по окончаніи котораго оба герольды поѣхали на ло-
адяхъ въ знатнѣйшія мѣста города для обнародованія мира, и
амъ кидали въ народъ золотые и серебреные жетоны.

По отпѣтіи молебствія императрица въ провожаніи всѣхъ
патныхъ особъ шествовала въ галлерею и привѣтствовала тутъ
раткою рѣчью слѣдующаго содержанія: что какъ она за час-
ыя турками и татарами производимыя въ ея имперіи насиль-
твія и оскорбленія достохвальнымъ и мужественнымъ подви-
омъ обоихъ генералъ-фельдмаршаловъ графа Миниха и Лас-
я полное получила удовлетвореніе, то заблагоразсудила, быв-
имъ по сіе время ея врагамъ, даровать паки миръ и чрезъ
о сохранить вѣрноподданныхъ своихъ отъ пролитія крови и
шенія имущества ихъ; и чтобы сіи чрезъ настоящее облегче-
іе вкусили предварительно плоды мира, соизволяетъ она обык-
овенный подушный сборъ со всѣхъ безъ изъятія подданныхъ
а первые шесть мѣсяцевъ сего текущаго года оставить и не
ымать; а тѣ воинскаго и гражданскаго званія чины, которые,
ъ теченіе сея войны, отличныя усердіемъ своимъ показали за-
луги, имѣютъ въ сей же день существенные ощутить знаки все-
илостивѣйшаго ея благоволенія.

Въ отвѣтъ на сіе привѣтствіе императрицы читалъ тогдаш-
й кабинетскій министръ князь Черкаскій отъ имени всего
рода длинную на шести листахъ кругомъ рѣчь, содержащую

благодареніе за материнское попеченіе императрицы въ защищеніи оскорбленныхъ ея подданныхъ, поздравленіе съ достославнымъ миромъ, и при преданнѣйшемъ увѣреніи въ признательности, за дарованное опущеніе полугоднаго подушнаго сбора, многія желанія о высочайшемъ здравіи и благополучномъ царствованіи ея величества.

Послѣ сего слѣдующія происходили пожалованія: герцогу курляндскому подарила императрица большой золотой и бриліантами осыпанный бокалъ, въ которомъ находился указъ о принятіи изъ рентереи 500 тысячъ рублей. Супруга герцога получила орденъ св. Екатерины, два сына его орденъ св. Андрея, а его дочь портретъ императрицы, всѣ пребогато украшенные бриліантами. Оба фельдмаршалы получили каждый по шпагѣ, бриліантами осыпанной, равно какъ и генералъ-аншефы, на турецкой войнѣ находившіеся. Но сверьхъ того, наканунѣ сего дня императрица соизволила пожаловать отцу моему драгоцѣнную звѣзду и крестъ ордена св. Андрея. Принцъ Брауншвейгскій пожалованъ изъ маіоровъ въ подполковники втораго лейбъ-гвардіи полка, а отецъ мой въ подполковники перваго тожъ лейбъ-гвардіи полка. Генералъ-поручики: Кейтъ, Левендаль, Бисмаркъ и Густавъ Бирономъ произведены генералъ-аншефами; при чемъ также пожалованы имъ шпаги, бриліантами осыпанныя. Орденъ св. Александра Невскаго получили шесть человѣкъ, въ числѣ коихъ и я удостоенъ сей высокой милости. Отцу моему опредѣлена была пенсія по 5 тысячъ рублей въ годъ; а фельдмаршалу Лассію и графу Остерману по 3,000 рублей въ годъ. Кабинетскій министръ Волынскій получилъ въ подарокъ 20 тысячъ рублей, а князь Черкаскій и оберъ-маршалъ графъ Левенвольде бриліантовые перстни по цѣнѣ отъ 5 до 6 тысячъ рублей. Генералъ-аншефу Ушакову пожалованъ портретъ императрицы, бриліантами украшенный, цѣною отъ 3 до 4 тысячъ рублей.

Кромѣ сихъ подарковъ императрица указала многимъ особамъ выдать въ заемъ знатныя суммы денегъ на многіе годы безъ всякихъ процентовъ. Даже тотъ самый, который за любимою сучкою императрицы присмотръ имѣлъ и по природѣ былъ князь, получилъ за ревностную свою службу 3,000 рублей въ подарокъ, не упоминая о многихъ другихъ не столь знатныхъ пожалованіяхъ и повышеніяхъ чинами.

На другой день пополудни было опять собраніе при дворѣ. Какъ скоро императрица изъ своихъ внутреннихъ покоевъ вытти изволила, жаловала она собственноручно золотыя медали, на случай заключеннаго мира чеканенныя; самыя большія медали содержали вѣсомъ 50, а меньшія 30 червонныхъ. Всѣ, какъ присутствующія, такъ и отсутствующія знатныя особы, считая отъ генералъ-фельдмаршала до генералъ-маіора, равно какъ и чужестранные министры получили по одной изъ упомянутыхъ медалей.

Послѣ сего императрица подошедъ къ окну, обращенному къ площади предъ дворцемъ, приказала бросать собравшемуся многочисленному народу золотые и серебреные жетоны; а потомъ изволила смотрѣть на предивное и обычайное въ Россіи зрѣлище, а имянно: что народъ по данному сигналу бросился на выставленнаго на площади жаренаго быка и другіе съѣстные припасы, равно какъ и на вино и водку, которыя фонтаномъ били въ нарочно сдѣланные большіе бассейны.

Въ вечеру былъ балъ, на которомъ содержавшійся по днесь въ плѣну сераскиръ Агія-паша, купно съ пашею хотинскимъ имѣли честь быть представлены императрицѣ; при чемъ первый приносилъ монархинѣ за всѣ ощущенныя высокія милости, съ текущими изъ глазъ слезами, благодареніе краткою на турецкомъ языкѣ, но преисправно сложенною рѣчью.

Императрица явила и симъ двумъ мужамъ знаки своихъ щедротъ; а имянно сераскиру пожаловала соболью шубу цѣною въ нѣсколько тысячъ рублей, а пашѣ хотинскому драгоцѣнную шубу изъ куницъ въ подарокъ.

По окончаніи бала былъ вечерній столъ и потомъ зажженъ преогромный фейерверкъ, изображающій храмъ Януса, купно съ иллюминаціею.

Слѣдующаго дня представлена на придворномъ театрѣ новая итальянская опера. На четвертый и послѣдній день былъ большой маскерадъ съ великолѣпнымъ ужиномъ, которымъ и кончились увеселенія сего торжества.

9 число маія сего года было для нашего дома сугубо радостный день: первое, что тогда праздновалъ отецъ мой день своего рожденія, и второе, въ самой тотъ день жена моя родила перваго сына. Воспріемниками были герцогъ Курляндской

съ своею супругою, почему сынъ мой и получилъ имена Іогана Готлиба.

Въ началѣ лѣта въ здравіи императрицы чувствительная оказалась перемѣна. Она слишкомъ за 15 лѣтъ ощущала боль отъ каменной болѣзни, которые припадки по сіе время еще сносны были. Но тутъ не токмо стала претерпѣвать ужаснѣйшее мученіе, но и жизненныя ея силы начали день ото дня умаляться и ослабѣвать. Между тѣмъ имѣла она радость при жизни своей видѣть рожденнаго ея внука. Ибо въ 12 день августа принцесса Анна разрѣшилась отъ бремени молодымъ принцомъ благополучно. Воспріемницею была сама императрица, а при крещеніи нареченъ онъ Іоанномъ.

6 числа октября императрица, сѣвши за столъ и покушавъ немного, вдругъ сдѣлался съ нею обморокъ, и безъ памяти отнесли ее въ постель.

Герцогъ Курляндской въ то-же мгновеніе приказалъ позвать къ себѣ отца моего, двухъ кабинетскихъ министровъ, князя Черкасскаго и тайнаго совѣтника Бестужева, и оберъ-маршала графа Левенвольда.

По пріѣздѣ отца моего, герцогъ, проливая токи слезъ и съ внутреннимъ отъ скорби терзаніемъ, вопіялъ: сколь онъ нещастливъ нынѣ, что толь прежде-времянно и неожидаемо лишается государыни, которая удостоивала его непомѣрною милостію и довѣренностію своею; что онъ послѣ кончины ея не можетъ ничего добраго себѣ обѣщевать въ такой землѣ, гдѣ, какъ ему не безъизвѣстно, имѣетъ онъ больше враговъ, нежели друзей, и за всѣ оказанныя имъ государству заслуги инаго награжденія не ожидаетъ, кромѣ неблагодарности и ненависти; что при всемъ томъ сіе, въ разсужденіи собственной его персоны, не столько прискорбія сердцу его приноситъ, сколько навлекаетъ горести состояніе, въ которомъ государство по кончинѣ императрицы находиться будетъ; наипаче когда онъ поднесь всѣми силами споспѣшествовалъ къ благоденствію онаго: что наслѣдникъ еще младенецъ, въ колыбели, не достигъ и восьми недѣль возраста своего; что о назначеніи его къ наслѣдію престола по сіе время отъ императрицы ничего гласнаго не вышло и потому не извѣстно, какъ отъ народа, оказавшагося недовольнымъ въ прежнія правленія малолѣтныхъ государей, новое при нынѣшнихъ обстоя-

ъ избраніе принято будетъ; что шведы, которые по
рестаютъ вооружаться, не могутъ благопріятнѣйшаго же-
ная атаковать Россію, какъ естьли внутреннія родятся
есогласія; что при положеніи сихъ дѣлъ крайне важно
о правленіе государства ввѣрить такой особѣ, которая
достаточную снискала опытность въ дѣлахъ государ-
ъ, но также имѣетъ довольно твердости духа непостоян-
одъ содержать въ тишинѣ и обузданіи; что онъ, хотя
ъ ничего сказать въ предосужденіе характера и свой-
и принцессы Анны, матери молодаго принца, но думаетъ,
учинившись правительницею, по природной нѣжности
воего, неотмѣнно пригласитъ въ Россію родителя своего
мекленбургскаго Карла Леопольда, и предоставитъ ему
участіе въ государственномъ правленіи, и что тогда
настоять будетъ, дабы упомянутой герцогъ, который,
безъизвѣстно, по крутому и своебычливому нраву сво-
могъ съ собственными подданными въ согласіи ужиться,
понилъ принцессу, дочь свою, на предпріятія вредныя и
не токмо для нея, но, сгаться можетъ, и для сына ея;
надлежитъ принцу брауншвейгскому, то онъ и того ме-
атриваетъ, чтобы государственное правленіе ему ввѣрить
жно, ибо онъ заподлинно вѣдаетъ, что тогда государ-
означеннымъ принцомъ, но вѣнскимъ посланникомъ
емо, и слѣдовательно во всѣ раздоры австрійскаго дома
ю будетъ.

спѣлъ лишь герцогъ курляндской послѣднія слова сей
оизнесть, какъ оба кабинетскіе министры, князь Чер-
и Бестужевъ, вошли въ покой. Симъ повторилъ онъ до
же самое, что отцу моему говорилъ, равно какъ и
аршалу Левенвольду уже напередъ о томъ же изъяснился:
ченія своей рѣчи онъ никому не дѣлалъ, будучи благо-
ъ, что каждый мысли его легко угадать можетъ. Князь
кій былъ первый, который началъ говорить такъ: что онъ
другаго достойнымъ и способнѣйшимъ не находитъ, ко-
можно бы было ввѣрить правленіе, какъ герцога кур-
го; поелику сей съ толикимъ усердіемъ и славою трак-
дѣла государственныя, и что личная его польза, въ раз-
герцогства курляндскаго, съ благоденствіемъ Россіи

сопряжена тѣснѣйшими узами, и потому онъ думаетъ цѣлой имперіи оказать услугу, естьли всепокорнѣйше станетъ утруждать герцога, дабы онъ благоволилъ и впредь обратить вниманіе и попеченіе свое къ пользѣ и славѣ государства.

Къ сему предложенію тайный совѣтникъ Бестужевъ приступилъ согласіемъ своимъ неукоснительно. Отецъ моей, равно какъ и графъ Левенвольде, предусматривая, что не токмо тщетно, но и крайне опасно будетъ на сіе прекословить, за благо разсудили на сей случай худому послѣдовать примѣру.

Обстоятельство сіе было весьма щекотливое, въ какомъ токмо честный человѣкъ находиться можетъ, ибо все то, что гнуснѣйшая лесть, какъ герцогу, такъ и его фамиліи оказываемая, придумать можетъ, оное поднесь императрица не токмо всегда попущала, но даже въ угожденіе свое поставляла. Напротивъ того за малѣйшія оскорбленія, учиненныя отъ кого-либо сему любимцу, столь сурово взыскивала по обыкновенію своему, что премножество несчастныхъ примѣровъ на то имѣлось. Хотя же медики малую къ выздоровленію императрицы подавали надежду, однако ни единой изъ нихъ не могъ сказать заподлинно, что кончина ея близко предстояла. Почему есть ли бы случилось, что она опять оправилась, то одной недѣли было бы довольно къ погубленію того, кто захотѣлъ бы въ глаза сказать герцогу чистую правду. Въ сходствіе чего естьли кто упомянутыя обстоятельства сообразитъ благоразсудительно, тому чаятельно не покажется въ семъ дѣлѣ поступокъ отца моего страннымъ и съ здравымъ разсудкомъ несовмѣстнымъ.

Когда герцогъ отъ всѣхъ вышеименованныхъ лицъ выманилъ желанное привѣтствіе, то отвѣтствовалъ, что учиненное предложеніе могло бы чрезмѣрно удивлять его, есть-ли-бъ онъ не почиталъ искреннѣйшую любовь и дружбу ихъ къ нему единственнымъ къ тому побужденіемъ; но что онъ имъ самимъ предоставляетъ разсудить, сколь мало участниковъ въ таковыхъ патріотическихъ расположеніяхъ въ публикѣ найдется, что онъ чужестранецъ, въ которомъ имперія россійская не интересована; что благоволеніе императрицы къ нему возбудило безчисленныхъ завистниковъ, и что онъ по часту съ прискорбіемъ видѣлъ, какъ чистѣйшія его намѣренія гнуснѣйшими обезображены были толками; чего же не воспослѣдуетъ, когда онъ верьховную

власть получить? сколь немногихъ можетъ онъ сдѣлать тогда благодарными, и коликимъ дѣйствіямъ оклеветанія будетъ онъ подверженъ? что по сіе время императрица защищала и охраняла его отъ всѣхъ враговъ; но кто впредь станетъ за него стоять и способствовать къ его оборонѣ? что онъ милостію императрицы награжденъ столь богато, что въ семъ свѣтѣ ничего другаго желать ему не остается, какъ токмо пристойнымъ образомъ отъѣхать въ свою отчизну; что таковаго утѣшенія, надѣется онъ, не похотятъ лишить его и первые враги его; что есть ли какія либо уваженія въ состояніи побудитъ его къ воспріятію толь тяжкаго бремени, то не находитъ онъ другихъ, кромѣ признательности своей къ великимъ благодѣяніямъ, ощущеннымъ отъ императрицы, привязанности къ ея высокой фамиліи и усердія, съ каковымъ онъ во всякое время расположенъ былъ къ славѣ и благоденствію Россійской имперіи; но что онъ ни на что рѣшиться не можетъ, пока мнѣнія другихъ благонамѣренныхъ патріотовъ не узнаетъ, и потому щитаетъ за нужное слѣдующаго дня учредить къ тому концу совѣтъ изъ знаменитѣйшихъ особъ Сената, Генералитета и придворныхъ чиновъ; что паче всего необходимо потребно молодаго принца Іоанна объявить наслѣдникомъ престола и ему учинить присягу въ вѣрности; почему и совѣтуетъ онъ, обо всемъ ономъ разсудить и сообразить съ графомъ Остерманомъ, приложивъ стараніе въ сію же ночь заготовить манифестъ, дабы онъ на другое утро отъ императрицы подписанъ и обнародованъ быть могъ.

Хитраго графа Остермана еще въ 1730 году послѣ кончины Петра II буде неистинная, то по крайней мѣрѣ притворная, болѣзнь благополучно освободила отъ присутствованія въ томъ собраніи, въ которомъ тогда объ ограниченіи самодержавной власти разсуждаемо и положеніе сдѣлано было; но на сей разъ дѣйствительная подагра въ обѣихъ ногахъ, ради чего онъ болѣе пяти лѣтъ безпрерывно сидѣлъ дома, не могла избавить, чтобъ не дать, также какъ и другіе, своего согласія на регентство герцога Курляндскаго. Какъ скоро отецъ мой, купно съ прочими вышеименованными особами, извѣстилъ его обо всемъ происхожденіемъ, то онъ немедленно, при величайшихъ знакахъ усердія, согласіе свое изъявилъ, присовокупя, что есть ли герцогъ Курляндской въ нерѣшимости своей останется, то надлежитъ самую императрицу утруждать, дабы она преклонила его къ тому.

Потомъ сочинили тѣмъ же часомъ манифестъ и за нужное сочли въ чрезвычайной совѣтъ пригласить еще слѣдующихъ особъ, а имянно: генерала Ушакова, адмирала графа Головина, оберъ-шталмейстера князя Куракина, генералъ-прокурора князя Трубецкаго, генералъ-порутчика Солтыкова и гофмаршала Шепелева.

На другой день рано поутру всѣ прежде и теперь именованныя особы съѣхались ко двору и собрались въ комнатахъ герцога Курляндскаго. Даже самъ графъ Остерманъ не оставилъ туда явиться, котораго принесли въ креслахъ. Равномѣрно дано повелѣніе четыремъ лейбъ-гвардіи полкамъ того же утра собраться на площади предъ дворцемъ.

Какъ скоро императрица манифестъ подписала, то прочтенъ оной въ многочисленномъ собраніи знаменитѣйшихъ воинскихъ и гражданскихъ чиновъ въ придворной церкви, и тутъ принцу Іоанну, яко наслѣднику престола, учинена въ вѣрности присяга. Во всѣхъ городскихъ церквахъ то же самое совершено. Стоявшіе предъ дворцемъ лейбъ-гвардіи полки присягали поротно.

Послѣ сего приступили къ разсужденію объ управленіи государствомъ: всѣ не токмо согласились, что герцогъ Курляндскій признается способнѣйшею къ тому особою, но за нужное нашли о семъ единогласномъ мнѣніи своемъ письменное императрицѣ сдѣлать представленіе и утруждать просьбою, дабы ея величество, всемилостивѣйше одобривъ оное, благоволила герцога Курляндскаго склонить къ принятію регентства. При чемъ положили такъ же для подписанія поднести императрицѣ декларацію, въ которой значилось, что герцогъ Курляндскій имѣетъ, въ званіи регента, управлять всѣми государственными дѣлами до того, какъ молодой принцъ достигнетъ семнадцати лѣтъ возраста своего.

Графъ Остерманъ взялъ на себя какъ то, такъ и другое предложить императрицѣ, но онъ не могъ прежде получить аудіенцію, какъ по прошествіи двухъ дней.

Между симъ временемъ созваны отъ 40 до 50 знатнѣйшихъ воинскихъ, статскихъ и придворныхъ чиновъ, которымъ представя необходимость для государства имѣть регента въ особѣ герцога, понудили согласныхъ на то подписать свои имена.

Сколь ни великую герцогъ Курляндскій имѣлъ власть надъ

ердцемъ императрицы; но ничто не стоило ему толикаго труда, акъ преклонить, дабы она въ разсужденіи будущаго надлежащее бо всемъ сдѣлала распоряженіе. Императрица о смерти совсѣмъ лышать еще не хотѣла и почитала оное провозвѣщаніемъ близаго ея конца. Напослѣдокъ какъ она согласилась выслушать рафа Остермана, то сей, убѣдительно представя ей о положеіи дѣлъ, поднесъ принесенныя съ собою бумаги. Императрица приняла ихъ съ спокойнымъ духомъ и положила подъ свое изголовье, вѣщавъ, что резолюція отъ нея дана будетъ послѣ.

Между тѣмъ какъ нѣсколько дней никакой не выходило резолюціи, то герцогъ началъ безпокоиться и опасаться, дабы каія-либо естественныя уваженія императрицу отъ того не удерали, и потому вздумалъ принцессѣ Аннѣ, чрезъ извѣстную особу, яко бы постороннее, сообщить, дабы она сама рѣшилась просить его о принятіи регентства, а послѣ и императрицу утружать о назначеніи его на оное.

Отвѣтъ принцессы на сіе странное предложеніе гласилъ акъ: что она никогда не мѣшалась въ дѣла государственныя, а при настоящихъ обстоятельствахъ еще менѣе отваживается ступать въ оныя; что хотя императрица повидимому въ опасности жизни находится, однако съ помощію Божіею и въ уваженіи ея лѣтъ можетъ паки получить свое здравіе, и потому есть-ли ея величеству представить о помянутомъ, то сіе значитъ снова напоминать о смерти, къ чему она, принцесса, приступить отнюдь не соглашается; что когда ея императорскому величеству всемилостивѣйше благоугодно было принца Іоанна избрать наслѣдникомъ престола, то и нельзя сомнѣваться, чтобы ея величество не соизволила здѣлать нужныя и о государственномъ правленіи распоряженія; почему все оное и предоставляетъ она на собственное ея величества благоусмотрѣніе; а впрочемъ не непріятно ей будетъ, есть ли императрица благоволитъ ввѣрить герцогу регентство во время малолѣтства принца Іоанна.

Герцогъ на сіе полученное отвѣтствіе никакого не дѣлалъ отзыва; но тотъ самый, кто сіе препорученіе исполнилъ, не преминулъ объ ономъ извѣстить въ совѣтѣ. Послѣ чего неукоснительно положено нѣкоторымъ членамъ совѣта поѣхать къ принцессѣ и стараться преклонить ее на то, чего герцогъ желалъ.

Депутаты ѣздили къ ней на другой день, но не получили иного и лучшаго отвѣта, какъ и предъидущій посланный.

И такъ герцогъ видѣлъ себя принужденнымъ самъ по дѣлу своему стряпать, и хотя императрица откровеннѣйше предостерегала его сими словами:

— «Я сожалѣю о тебѣ, герцогъ! ты несчастливъ будешь!».

Онъ однако-жъ до тѣхъ поръ не отставалъ, пока императрица, позвавъ графа Остермана, подписала въ его присутствіи декларацію и приказала положить оную въ стоящій подлѣ ея постели шкафъ съ алмазными вещами.

Потомъ графъ Остерманъ, вышедъ изъ комнаты императрицы, возвѣстилъ сіе важное извѣстіе всему между страха и надежды колеблющемуся собранію.

Спустя нѣсколько минутъ явился и самъ герцогъ Курляндскій и увѣрялъ всѣхъ вообще, что императрица не токмо изъявила всемилостивѣйшее благоволеніе свое на всѣ ихъ для пользы Имперіи предпринятые подвиги, но такъ же обѣщала имъ всѣмъ, буде Богъ ей поможетъ, существенные показать знаки своего удовольствія; а для изъявленія собственной своей признательности употребилъ онъ сіе восклицаніе:

— «Вы, господа, поступили какъ древніе Римляне!»

Между тѣмъ императрица часъ отъ часу въ худшее приходила состояніе своего здоровья; но не смотря на сіе принимала она почти ежедневно посѣщенія отъ великой княжны Елисаветы Петровны, принцессы Анны и ея супруга, и всѣми вопросами и разговорами своими доказывала, что она имѣла еще полное употребленіе своего разсудка.

17 числа октября по полудни почувствовала она, что у нея лѣвая нога отнялась, и какъ въ вечеру великая княжна Елисавета Петровна и принцесса Анна съ своимъ супругомъ къ ней вошли, то она съ весьма спокойнымъ духомъ съ ними прощалась. Въ 9 часовъ получила она конвульсивные припадки, и какъ потомъ ея духовникъ, придворный священникъ и пѣвчіе, дабы дать молитву по Греческому закону, въ комнату позваны, то вошелъ туда такъ же отецъ мой, князь Черкаскій и нѣкоторые другіе. Перваго узнала умирающая императрица и вѣщала къ нему: „прощай, фельдмаршалъ!“ другихъ не могла она больше различить; но спрашивала, кто они таковы? и они, бывъ по именамъ названы, сказала всѣмъ: „прощайте“! Послѣ сего со-

боровали ее масломъ, и по окропленіи святою водою предала свой духъ.

Такъ кончилось житіе и правленіе одной изъ величайшихъ государынь, на Россійскомъ престолѣ царствовавшихъ. Она была одарена хорошимъ разумомъ, имѣла безпримѣрную память, и говорила на природномъ языкѣ лучше, нежели статься можетъ кто другой въ Россіи. Въ публичныхъ церемоніяхъ умѣла она показать себя съ превеличайшею важностью и приличіемъ. Есть ли же хотѣла кому-либо благопріятство свое изъявить, то знала употреблять на то выраженія лестнѣйшія и обязательнѣйшія. Выговоры ея были чувствительны, но безъ всякой обиды. Она упоена была честолюбіемъ и во всѣхъ предпріятіяхъ своихъ стремилась къ славѣ. Хотя въ правленіе ея пышность въ строеніяхъ, домашнихъ уборахъ, экипажахъ и одеждахъ несравненно превосходила великолѣпіе всѣхъ предъидущихъ государей, однако при всемъ томъ расходы ея никогда не превышали обыкновенныхъ доходовъ двора, но еще нарочитая сумма оставалась въ запасѣ. За оказанныя заслуги награждала она щедро. Предшественниковъ ея одаренія состояли большею частію изъ земель; но наличными деньгами никто не жаловалъ столь великія суммы какъ она. Она не токмо ежедневно слушала предлагаемыя ей дѣла съ великимъ вниманіемъ и терпѣливостью, но не оставляла рачительно освѣдомляться объ исполненіи оныхъ. Она любима была своими подданными, благоденствіе которыхъ, лучшее распоряженіе внутренняго домоводства, приращеніе коммерціи и умноженіе манufактуръ, составляли главнѣйшую заботу ея сердца; но когда желаніе ея не такъ, какъ должно выполнялось, то всю вину надлежитъ относить частію къ особенному интересу извѣстныхъ особъ, частію же къ прилѣпленію къ нѣкоторымъ худымъ стариннымъ правиламъ. Она умножила войска нарочито и ввела въ оныхъ лучшую дисциплину и порядокъ, нежели прежде было: никогда армія не имѣла искуснѣйшихъ иностранныхъ генераловъ и офицеровъ, какъ въ ея правленіе. Что касается до флота, хотя она и намѣрена была произвесть въ немъ нѣкоторыя вновь распоряженія, однако исполненіе оныхъ не удалось ей при жизни своей видѣть. Дабы снабдить Россійскую конницу годными лошадьми, приказала она превеликое множество наилучшихъ иностранныхъ лошадей выписать, учредить многіе конскіе заводы

и на содержаніе ихъ опредѣлить богатыя деревни и земли. На Сибирскихъ желѣзныхъ и мѣдныхъ заводахъ, для полученія бо́льшей пользы отъ нихъ, состояли въ ея правленіе многіе искусные въ горной наукѣ мужи, выписанные изъ чужихъ земель по ея повелѣнію, не упоминая, что къ распространенію означенныхъ заводовъ дѣлала она подкрѣпленіе отпускомъ знатныхъ изъ казны денежныхъ суммъ. Для умноженія алмазовъ и сокровищъ царскихъ потрачены ею нѣсколько милліоновъ рублей. Петра Великаго недокончанные проекты старалась она въ дѣйство произвести наитщательнѣйше. Ладогской каналъ строеніемъ окончанъ въ ея правленіе. На строеніе Кронштатскаго канала и принадлежащихъ къ тому доковъ отпускала она по 200 тысячь рублей ежегодно. Во время ея царствованія большая часть деревянныхъ домовъ въ Санктпетербургѣ передѣланы каменными, неупоминая, что многія пустыя мѣста вновь застроены. Сколько она попеченія имѣла о споспѣшествованіи наукамъ и художествамъ, оное доказываютъ заведеніе Кадетскаго корпуса, пріобщенной къ Академіи наукъ Гимназіи и учрежденіе при ней школы для живописнаго, рѣзнаго и гравировальнаго художествъ. Словомъ: все, что можетъ правительницу прославлять, оное императрица Анна Іоанновна предпринимала и частію привела во исполненіе.

Даже ничто не помрачало бы сіянія сей императрицы, кромѣ (что изъ многихъ надъ знаменитыми и великими особами смертныхъ приговоровъ оказывалось) что она больше собственному прогнѣвленію, нежели законамъ и справедливости послѣдовала.

Въ приватномъ обхожденіи была она ласкова, весела, говорлива и шутлива. Сердце ея наполнено было великодушіемъ, щедротою и соболѣзнованіемъ; но ея воля почти всегда зависѣла больше отъ другихъ, нежели отъ ея самой. Верьховную власть надъ оною сохранялъ герцогъ Курляндскій даже до кончины ея неослабно, и въ угожденіе ему сильнѣйшая монархиня въ христіанскихъ земляхъ лишила себя вольности своей до того, что не токмо всѣ поступки свои по его мыслямъ наиточнѣйше распоряжала, но такъ же ни единаго мгновенія безъ него обойтись не могла, и рѣдко другаго кого къ себѣ принимала, когда его не было. Хотя недовѣрчивое свойство герцога Кур-

Какъ скоро императрица скончалась, то по обыкновенію открыли двери у той комнаты, гдѣ она лежала, и всѣ, сколько ни находилось при дворѣ, въ оную впущены. Тутъ видѣнъ и слышанъ былъ токмо вопль и стенаніе. Принцесса Анна сидѣла въ углу и обливалась слезами. Герцогъ Курляндскій громко рыдалъ и метался по горницѣ безъ памяти. Но спустя минутъ пять, собравшись съ силами, приказалъ онъ внесть декларацію касательно его регентства и прочитать предъ всѣми въ слухъ. Почему когда генералъ-прокуроръ князь Трубецкой съ означенною декларациею подступилъ къ ближайшей на столѣ стоявшей свѣчѣ, и всѣ присутствующіе за нимъ туда обратились, то герцогъ, увидя, что принцъ Брауншвейгскій за стуломъ супруги своей стоялъ, тамъ и остался, спросилъ его неукоснительно: не желаетъ ли и онъ послушать послѣдней воли императрицы? Принцъ, ни слова не вѣщавъ, пошелъ, гдѣ куча бояръ стояла, и съ спокойнымъ духомъ слушалъ собственный свой, или паче супруги своея, приговоръ. Послѣ сего герцогъ пошелъ въ свои покои, а принцесса купно съ принцомъ опочивали въ сію ночь у колыбели молодаго императора.

На другое утро на разсвѣтѣ стояли уже лейбъ-гвардіи полки въ строю предъ лѣтнимъ дворцемъ, и когда около девяти часовъ съѣхались ко дворцу всѣ воинскія и гражданскія знатныя особы, то графъ Остерманъ возвѣстилъ имъ о преставленіи императрицы и прочиталъ декларацію о регентствѣ.

Потомъ въ придворной церкви какъ молодому императору,

увѣренъ, но такъ же избыточно снабдѣнъ былъ повсемѣстными лазутчиками. Ни при единомъ дворѣ, статься можетъ, не находилось больше шпіоновъ и наговорщиковъ, какъ въ то время при Россійскомъ. Обо всемъ, что въ знатныхъ бесѣдахъ и домахъ говорили, получалъ онъ обстоятельнѣйшія извѣстія; и поелику ремесло сіе отверзало путь какъ къ милости, такъ и къ богатымъ наградамъ, то многія знатныя и высокихъ чиновъ особы не стыдились служить къ тому орудіемъ.

Подозрѣніе и легковѣріе всегда сопряжены бываютъ неразрывно; почему злобнымъ сердцамъ нетрудно было и безвиннѣйшихъ людей замарать и оговорить. Иной, будучи наканунѣ наиблагосклоннѣйше отъ императрицы принятъ, дивился, когда на другой день съ величайшею холодностію съ нимъ обращались, не вѣдая и не домысливаясь, отъ чего таковая перемѣна послѣдовала.

Никогда въ свѣтѣ, чаю, не бывало дружественнѣйшей четы, пріемлющей взаимно въ увеселеніи или скорби совершенное участіе, какъ императрица съ герцогомъ Курляндскимъ.

Оба почти никогда не могли во внѣшнемъ видѣ своемъ притворствовать. Есть ли герцогъ явился съ пасмурнымъ лицемъ, то императрица въ то же мгновеніе встревоженной принимала видъ. Буде тотъ веселъ, то на лицѣ монархини явное напечатлѣвалось удовольствіе. Есть ли кто герцогу не угодилъ, тотъ изъ глазъ и встрѣчи монархини тотчасъ могъ примѣтить чувствительную перемѣну.

Въ знаніи и цѣнѣ людей герцогъ подверженъ былъ преускорительности и великимъ погрѣшностямъ. Пришлецами обольщался онъ скоро, но скоро опять ими скучалъ. Любимцамъ его и всѣмъ вообще Курляндцамъ нерѣдко императрица оказывала, сверхъ мѣры и благопристойности, отличную почесть.

Всѣхъ милостей надлежало испрашивать отъ герцога и чрезъ его одного императрица на оныя рѣшалась. Даже сердечно любимая императрицею племянница, принцесса Анна, принуждена была изъ опытовъ научиться, что безъ сего ходатая долги ея не будутъ заплачены, равно какъ и не могла надѣяться получить прибавку на содержаніе свое. Ибо щедрая по природѣ монархиня не даривала безъ вѣдома герцога ни малѣйшей суммы, и своимъ домашнимъ служителямъ, ниже иному, коего услугами она была довольна.

Родъ жизни ея расположенъ былъ весьма умѣренно и порядочно. Она кушала немного и самую простую пищу; обыкновенной ея напитокъ былъ не другое что, какъ пиво; ибо за столомъ пила она токмо одну, или много что двѣ рюмки, стараго венгерскаго вина. За столъ садилась не позже какъ въ 12 часовъ по полудни и въ 9 часовъ въ вечеру. Часы, въ которые она изъ комнатъ своихъ въ публику выходила, во весь круглой годъ регулярно опредѣлены были. Есть ли дѣла не удерживали, то выходила она обыкновенно предъ полуднемъ отъ 11 до 12 часовъ; а послѣ полудни отъ 4 до половины 9 часа. Въ 10 часовъ вечера ложилась она опочивать, а утромъ вставала около 6 или 7 часовъ.

Въ досужное время не имѣла она ни къ чему опредѣленной склонности. Въ первые годы своего правленія играла она почти каждой день въ карты. Потомъ провожала цѣлые полдни, не вставая со стула, въ разговорахъ, или слушая крикъ шутовъ и дураковъ. Когда всѣ сіи каждодневно встрѣчающіяся упражненія ей наскучили, то возъимѣла она охоту стрѣлять, въ чемъ пріобрѣла такое искуство, что безъ ошибки попадала въ цѣль и на лету птицу убивала. Сею охотою занималась она дольше другихъ, такъ что въ ея комнатахъ стояли всегда заряженныя ружья, которыми, когда заблагоразсудится, стрѣляла изъ окна въ мимопролетающихъ ласточекъ, воронъ, сорокъ и тому подобныхъ. Въ Петергофѣ заложенъ былъ звѣринецъ, въ которомъ впущены привезенные изъ Нѣмецкой земли и Сибири зайцы и олени. Тутъ нерѣдко, сидя у окна, смотрѣла на охоту, и когда заецъ или олень мимо пробѣжитъ, то сама стрѣляла въ него изъ ружья. Зимою во дворцѣ въ концѣ галлереи вставлена была черная доска съ цѣлью, въ которую при свѣчахъ упражнялась она попадать изъ винтовки.

Герцогъ Курляндскій имѣлъ чрезвычайную охоту къ лошадямъ, и потому почти цѣлое утро проводилъ либо въ своей конюшнѣ, либо въ манежѣ. Когда же императрица никогда съ терпѣніемъ не могла сносить его отсутствіе, то не токмо часто къ нему туда приходила, но такъ же возъимѣла желаніе обучаться верьховой ѣздѣ, въ чемъ наконецъ и успѣла столько, что могла по дамски съ одной стороны на лошади сидѣть и лѣтомъ по саду въ Петергофѣ проѣзжаться.

Въ торжественные и праздничные дни одѣвалась она весьма великолѣпно, а впрочемъ ходила просто, но всегда чисто и опрятно. Придворные чины и служители не могли лучшаго сдѣлать ей уваженія, какъ есть ли въ дни ея рожденія, тезоименитства и коронованія, которые каждогодно съ великимъ торжествомъ празднованы, пріѣдутъ въ новыхъ и богатыхъ платьяхъ во дворецъ.

Темныхъ цвѣтовъ какъ она, такъ и герцогъ Курляндскій, нарочитое время терпѣть не могли. Послѣдняго видѣлъ я, что онъ пять или шесть лѣтъ сряду ходилъ въ испещренныхъ женскихъ штофахъ. Даже сѣдые старики, принаравливаясь къ сему вкусу, не стыдились наряжаться въ розовые, желтые и попугайные зеленые цвѣты.

Домашнія услуги не отъ каждаго безъ различія она принимала, но токмо отъ немногихъ, къ которымъ привыкла.

Я былъ одинъ изъ тѣхъ, кои пользовались честію ей прислуживать, и никогда не имѣлъ сверхъ одного или двухъ товарищей. Какъ однажды отецъ мой просилъ герцога о назначеніи меня министромъ къ Датскому двору, то онъ получилъ въ отвѣтъ, что императрица такую сдѣлала ко мнѣ привычку, что трудно будетъ склонить, дабы она отпустила меня отъ себя.

Она была богомольна и при томъ нѣсколько суевѣрна; однако духовенству никакихъ вольностей не позволяла, но по сей части держалась точныхъ правилъ Петра Великаго.

Станомъ была она велика и взрачна. Недостатокъ въ красотѣ награждаемъ былъ благороднымъ и величественнымъ лицерасположеніемъ. Она имѣла большіе каріе и острые глаза, носъ немного продолговатый, пріятныя уста и хорошіе зубы. Волосы на головѣ были темные, лице рябоватое и голосъ сильной и проницательной.

Сложеніемъ тѣла была она крѣпка и могла сносить многія удрученія. Судя по умѣренному образу житія ея, могла бы она долговременною и здоровою наслаждаться жизнію, есть-ли-бы токмо каменная болѣзнь, подагра и хирагра, наслѣдованныя скорби, не прекратили дней ея.

при дворѣ чувствительно ослабилось; причиною чего сказываютъ были нѣкоторыя вольныя его рѣчи о поступкахъ герцога. И какъ онъ посему мало добра отъ нынѣшняго регента ожидать могъ, то всѣ его помышленія стремились къ тому единственно чтобы его низринуть. Но средство, изобрѣтенное имъ на то, едва его самаго въ величайшее не ввергнуло нещастіе.

Когда онъ о возвышеніи герцога и несправедливости, учиненной чрезъ то принцессѣ Аннѣ, многократно въ разговорахъ изъявлялъ свое неудовольствіе довѣреннѣйшимъ своимъ кліентамъ, нѣкоторымъ отставнымъ лейбъ-гварліи офицерамъ, и сіи дали отъ себя увѣреніе, какъ въ добромъ расположеніи своемъ къ упомянутой принцессѣ, такъ и что бо́льшая часть офицеровъ изъ лейбъ-гвардіи полковъ готовы за нее на все отважиться, то заключеніе сдѣлано такое, чтобы въ семъ дѣлѣ поступить такимъ же образомъ, какъ въ 1730 году при возстановленіи самодержавія въ Москвѣ происходило. На каковый конецъ и положено, чтобы въ назначенный день всѣ безъ изъятія къ заговору приступившіе пошли къ принцессѣ Аннѣ и у ногъ ея просили, дабы она избавила ихъ отъ ненавистнаго регента, и приняла на себя правленіе во время малолѣтства сына ея императора.

Предводителемъ въ семъ дѣлѣ не хотѣлъ быть самъ графъ Головкинъ, но предложилъ на то тогдашняго кабинетскаго министра князя Черкаскаго, разсудивъ неосновательно, что сей столь же охотно согласится на сіе, какъ и прежде того сдѣлалъ, а имянно: когда онъ покойной императрицѣ подносилъ прошеніе отъ дворянъ объ уничтоженіи аристократической формы правленія. Сдѣлавъ такое положеніе, назначенъ былъ и день, чтобы объ ономъ предложить князю Черкаскому.

Когда означенный день наступилъ, то упомянутые отставные лейбъ-гвардіи офицеры, явясь къ князю Черкаскому, представили о причинѣ своего прихода, напоминали ему о прежнемъ для блага отечества предпринятомъ подвигѣ, и усильнѣйше просили, дабы онъ, обще съ ними, пошелъ къ принцессѣ и за нихъ предстательствовалъ. Князь Черкаскій, выслушавъ ихъ весьма терпѣливо, похвалилъ намѣреніе ихъ, и подъ предлогомъ отправленія необходимо нужныхъ дѣлъ, просилъ ихъ, дабы они на другой день опять къ нему пришли. Но самъ, отпустя ихъ, поѣхалъ прямо къ герцогу и увѣдомилъ его обо всемъ, что происходило.

такъ и регенту, учинена присяга въ вѣрности. За симъ обратились всѣ къ герцогу и приносили ему поздравленіе.

Герцогъ говорилъ къ стоящимъ подлѣ его сенаторамъ слѣдующее: что онъ ненужнымъ считаетъ рекомендовать имъ о продолженіи того усердія, съ каковымъ поднесь подвизались ко благу имперіи, будучи увѣренъ, что единое уваженіе нѣжнаго возраста молодаго императора сильнѣйшимъ къ тому побужденіемъ служить будетъ; что онъ съ своей стороны каждодневно и каждочасно посвящать себя будетъ на службу имперіи; почему не могутъ они яснѣйшаго довода своей довѣренности предъявлять, какъ есть ли со всѣми полезными проектами и нужными резолюціями прямо къ нему относиться станутъ; что онъ наперсниковъ у себя имѣть не будетъ, и его двери всегда для всѣхъ честныхъ людей отверсты быть имѣютъ.

Возвратясь въ свои покои, повелъ онъ съ собою отца моего, графа Остермана, князя Черкаскаго и тайнаго совѣтника Бестужева, благодарилъ ихъ за оказанную ими ревность, увѣрялъ, что онъ не оставитъ на дѣлѣ доказать свою признательность и просилъ о вспомоществованіи ему впредь добрыми совѣтами своими.

Того же самаго утра приказалъ онъ малолѣтнаго императора переселить въ зимній дворецъ, куда также и принцесса Анна купно съ принцомъ переѣхали. Напротивъ того онъ самъ остался въ лѣтнемъ дворцѣ, и не прежде намѣренъ былъ оттуда выѣхать, пока тѣло покойной императрицы не будетъ предано погребенію.

По полудни поѣхалъ онъ на посѣщеніе молодаго императора и его родителей и изъявя свое соболѣзнованіе принцессѣ Аннѣ, увѣрялъ, что онъ незамедлительно опредѣлитъ на содержаніе ея соразмѣрное жалованье, дабы она по приличію своей породы и званія штатъ имѣть могла.

Отсюда поѣхалъ онъ къ ея высочеству великой княжнѣ Елисаветѣ Петровнѣ, которой присудилъ ежегодной пенсіи по 50 тысячъ рублей.

Въ первые дни регентства своего занимался онъ подробнѣйшее снискать свѣдѣніе о состояніи арміи и государственныхъ доходовъ.

Тако-жъ старался онъ обласкать сенатъ, лишенный въ началѣ правленія императрицы Анны Іоанновны прерогативы верховнаго мѣста по учрежденіи кабинета, тѣмъ что неодноврапно въ собраніяхъ онаго присутствовалъ.

Но на другой день герцогъ препоручилъ дядѣ моему, дѣйствительному тайному совѣтнику Миниху, съѣздить къ принцу и изъясниться, что буде онъ желаетъ, дабы впредь ему вѣрили, то обязанъ дать за себя залогъ, состоящій въ томъ, чтобы онъ неукоснительно отказался отъ своего званія генералъ-порутчика отъ арміи, и особливо отъ должности лейбъ-гвардіи подполковника. Принцъ согласился на сіе, и послалъ того же дня герцогу объявить, что онъ должности свои низлагаетъ, о чемъ тотчасъ при арміи и лейбъ-гвардіи полкахъ публиковано было.

Герцогъ не удовольствовался таковымъ оскорбленіемъ, принцу нанесеннымъ, но отправилъ къ нему еще странное посольство съ извѣщеніемъ, что благо и полезно для него остаться на нѣсколько дней въ своемъ домѣ; ибо опасаться надлежитъ, чтобы народъ, огорченный за множество ради его истязанныхъ людей, не отважился, статься можетъ, предпринять что либо непристойное противъ его особы.

Въ семъ положеніи находились дѣла и ежедневно ожидали, что какъ принцъ, такъ и принцесса или выѣдутъ изъ государства, или должны будутъ въ отдаленномъ мѣстѣ милостивымъ довольствоваться подаяніемъ; какъ вдругъ отецъ мой предпріялъ всѣ дальнѣйшія насильствія прекратить, и сіе произвелъ онъ въ дѣйство слѣдующимъ образомъ.

8 числа ноября (1740 г.) предъ полуднемъ, поѣхалъ онъ къ принцессѣ, представилъ ей, какой опасности не токмо всѣ вѣрные служители императорскихъ родителей, но также и сама она, подвержены въ случаѣ, когда герцогъ Курляндскій далѣе въ регентствѣ останется, и вызвался, буде ей токмо угодно, предать герцога арестантомъ въ ея руки; но дабы офицерамъ и солдатамъ, которыхъ онъ къ тому употребить намѣренъ, придать больше бодрости, просилъ онъ благоволенія присутствовать ей при томъ персонально. Чѣмъ меньше принцесса таковаго предложенія ожидала, тѣмъ пріятнѣе оно ей было; но только не могла рѣшиться, чтобы самой туда поѣхать. Между тѣмъ договоренось, чтобъ отецъ мой въ наступающую ночь пріѣхалъ опять къ принцессѣ, взялъ отъ нея съ караула потребную команду, и съ оною регента арестовалъ. Послѣ чего отецъ мой, присовѣтовавъ ей никому и даже ея супругу ни слова о томъ не сказывать, откла-

устрашить, какъ то герцогъ надѣялся, служили единственно къ превращенію ненависти въ огорченіе и мщеніе.

Между симъ временемъ пришло извѣстіе, что Римской императоръ Карлъ VI, $^{11}/_{21}$ числа октября, и слѣдовательно за недѣлю прежде кончины императрицы Анны Іоанновны, умеръ. Сколько участія принималъ бы герцогъ въ распряхъ австрійскаго дома, есть-ли-бъ онъ далѣе въ регентствѣ пребылъ, объ ономъ мало тогда заключать было можно. Но что онъ намѣревался гарантированную императрицею Анною Іоанновною прагматическую санкцію подкрѣплять, оное доказывалъ послѣ паденія его гласнымъ учинившійся трактатъ съ саксонскимъ дворомъ. По силѣ сего трактата польскому королю обѣщано не дѣлать со стороны Россіи никакого помѣшательства въ требованіяхъ его на Австрійское наслѣдство по праву его супруги и дѣтей. Король напротивъ того гарантировалъ герцога и его наслѣдниковъ въ спокойномъ владѣніи герцогствами Курляндскимъ и Семигальскимъ.

Сей союзъ есть единый, который дозволило ему время съ иностранными державами постановить.

Что касается до внутреннихъ государственныхъ дѣлъ, примѣчательнаго другаго ничего не было, кромѣ что онъ освободилъ народъ отъ четырехъ мѣсячнаго подушнаго оклада, дабы вступленіе въ правленіе молодаго императора или паче свое регентство ознаменовать публичнымъ благодѣяніемъ.

По арестованіи вышеупомянутыхъ офицеровъ, не проходило ни единаго почти дня, чтобы герцогу не доносили на разнаго званія людей, кои по его повелѣнію были истязуемы. Вина сихъ состояла токмо въ нѣкоторыхъ соблазнительныхъ рѣчахъ.

Но вдругъ открытъ формальный заговоръ, при которомъ слѣдующія были обстоятельства.

Сенаторъ и тайный дѣйствительный совѣтникъ Михайло (Гавриловичъ) Головкинъ, по своей супругѣ, урожденной княгинѣ (княжнѣ Екатеринѣ Ивановнѣ) Ромодановской, и съ матерней стороны двоюродной сестрѣ императрицы Анны Іоанновны, могъ похвалиться честію, что онъ весьма тѣсными сопряженъ узами родства съ императорскимъ домомъ. Не взирая на сіе, въ послѣдніе годы императрица принимала его съ нарочитымъ пренебреженіемъ, такъ что уваженіе его

при дворѣ чувствительно ослабилось; причиною чего сказываютъ были нѣкоторыя вольныя его рѣчи о поступкахъ герцога. И какъ онъ посему мало добра отъ нынѣшняго регента ожидать могъ, то всѣ его помышленія стремились къ тому единственно чтобы его низринуть. Но средство, изобрѣтенное имъ на то, едва его самаго въ величайшее не ввергнуло нещастіе.

Когда онъ о возвышеніи герцога и несправедливости, учиненной чрезъ то принцессѣ Аннѣ, многократно въ разговорахъ изъявлялъ свое неудовольствіе довѣреннѣйшимъ своимъ кліентамъ, нѣкоторымъ отставнымъ лейбъ-гварліи офицерамъ, и сіи дали отъ себя увѣреніе, какъ въ добромъ расположеніи своемъ къ упомянутой принцессѣ, такъ и что бо́льшая часть офицеровъ изъ лейбъ-гвардіи полковъ готовы за нее на все отважиться, то заключеніе сдѣлано такое, чтобы въ семъ дѣлѣ поступить такимъ же образомъ, какъ въ 1730 году при возстановленіи самодержавія въ Москвѣ происходило. На каковый конецъ и положено, чтобы въ назначенный день всѣ безъ изъятія къ заговору приступившіе пошли къ принцессѣ Аннѣ и у ногъ ея просили, дабы она избавила ихъ отъ ненавистнаго регента, и приняла на себя правленіе во время малолѣтства сына ея императора.

Предводителемъ въ семъ дѣлѣ не хотѣлъ быть самъ графъ Головкинъ, но предложилъ на то тогдашняго кабинетскаго министра князя Черкаскаго, разсудивъ неосновательно, что сей столь же охотно согласится на сіе, какъ и прежде того сдѣлалъ, а имянно: когда онъ покойной императрицѣ подносилъ прошеніе отъ дворянъ объ уничтоженіи аристократической формы правленія. Сдѣлавъ такое положеніе, назначенъ былъ и день, чтобы объ ономъ предложить князю Черкаскому.

Когда означенный день наступилъ, то упомянутые отставные лейбъ-гвардіи офицеры, явясь къ князю Черкаскому, представили о причинѣ своего прихода, напоминали ему о прежнемъ для блага отечества предпринятомъ подвигѣ, и усильнѣйше просили, дабы онъ, обще съ ними, пошелъ къ принцессѣ и за нихъ предстательствовалъ. Князь Черкаскій, выслушавъ ихъ весьма терпѣливо, похвалилъ намѣреніе ихъ, и подъ предлогомъ отправленія необходимо нужныхъ дѣлъ, просилъ ихъ, дабы они на другой день опять къ нему пришли. Но самъ, отпустя ихъ, поѣхалъ прямо къ герцогу и увѣдомилъ его обо всемъ, что происходило.

Чрезъ два часа всѣ вышеобъявленные къ князю Черкаскому пріѣзжавшіе офицеры арестованы и того же дня начали о другихъ сообщникахъ ихъ подъ пыткою допрашивать.

Они указали на нѣкоторыхъ, но ни одинъ не объявилъ о графѣ Головкинѣ, хотя весьма строго о томъ развѣдывали, поелику каждому извѣстно было, что они графскіе кліенты. Одинъ изъ уличенныхъ былъ секретарь изъ россіянъ принца Брауншвейгскаго. Когда сего пытать стали, то онъ признался не токмо что объ ономъ дѣлѣ вѣдалъ, но открылъ также совсѣмъ новый заговоръ, къ которому употребленъ онъ съ вѣдома и съ согласія принца. По его извѣту намѣреніе было такое, чтобы уговорить офицеровъ изъ того лейбъ-гвардіи полка, въ которомъ принцъ Брауншвейгскій былъ подполковникомъ, и какъ весь полкъ согласенъ будетъ, то приступить ко двору и взять регента со всѣми его участниками. Между тѣмъ секретарь открылся дотолѣ одному токмо офицеру, а имянно, капитану князю Путятину, и возложилъ на него стараніе склонять прочихъ. Путятинъ тожъ подъ пыткою во всемъ признался и показалъ поимянно тѣхъ, которыхъ подговаривалъ. Сихъ было числомъ два капитана и одинъ порутчикъ изъ означеннаго лейбъ-гвардіи полка.

Теперь герцогъ довольные имѣлъ опыты, что его правленіемъ публика была недовольна. Не смотря на то, отваживался онъ подкрѣплять себя строгостію, полагаясь особенно на вѣрность двухъ лейбъ-гвардіи полковъ, какъ то Измайловскаго и Коннаго, изъ которыхъ первымъ командовалъ его братъ Густавъ Бирон, а другимъ старшій его сынъ, принцъ Петръ.

И такъ желая принцу Брауншвейгскому показать, сколь мало онъ его страшится, приказалъ онъ его къ себѣ попросить, выговаривалъ ему въ присутствіи многихъ особъ за покушеніе по извѣту секретаря, называлъ его неблагодарнымъ, кровожаждущимъ и что онъ, есть-ли-бъ имѣлъ въ рукахъ своихъ правленіе, сдѣлалъ бы несчастнымъ и сына своего и всю имперію. Даже когда принцъ безъ намѣренія положилъ лѣвую руку на ефесъ своей шпаги, то герцогъ, принявъ сіе за угрозу, и ударяя по своей, говорилъ, что онъ готовъ и симъ путемъ, буде принцъ желаетъ, съ нимъ раздѣлаться. По долгомъ словопреніи, на которомъ принцъ во всемъ запирался, и увѣрялъ, что онъ никакого зла на него не мыслитъ, разошлись они другъ съ другомъ безъ всякихъ дальнѣйшихъ слѣдствій.

Еще предъ разсвѣтомъ обнародовано о семъ произшествіи въ цѣломъ городѣ и всѣ чиновники вообще, по учиненнымъ повѣсткамъ, съѣхались ко двору. По принесенномъ поздравленіи родителямъ императора, было чрезвычайное собраніе совѣта, въ которомъ положено просьбою утруждать принцессу, съ титуломъ императорскаго высочества великой княгини Россійской, принять правленіе во время малолѣтства ея сына.

Принцесса, принявъ оное ко благоугодности своей, и по отпѣтіи литургіи и благодарственнаго молебна при пушечной пальбѣ учинена ей въ вѣрности присяга, и въ тотъ-же самый день, какъ во всѣ провинціи Имперіи, такъ и къ иностраннымъ дворамъ, отправлены курьеры съ извѣстіемъ о сей воспослѣдовавшей перемѣнѣ.

Въ вечеру прежде бывшій регентъ купно со своею фамиліею подъ сильнымъ прикрытіемъ отправленъ въ Шлиссельбургскую крѣпость, въ 60 верстахъ отъ Санктпетербурга. Принцесса при вывозѣ его изъ дворца стояла у окна и смотрѣла; но не могши удержать своихъ слезъ, вѣщала, что она совсѣмъ иное ему готовила, есть-ли-бъ онъ самъ не понудилъ ее иначе съ собою поступить, присовокупя къ тому, что есть-ли-бъ онъ прежде предложилъ ей добровольно правленіе, то бы она съ честію и со всѣми сокровищами отпустила его въ Курляндію.

Слѣдующій день назначенъ былъ для раздачи разныхъ милостей и чиновъ, и всѣмъ, кои входъ ко двору имѣютъ, повѣщено предъ полуднемъ собраться въ комнатахъ принцессы.

Дабы не показалось кому либо страннымъ, что въ сіе производство графъ Остерманъ великимъ адмираломъ и князь Черкаской великимъ канцлеромъ пожалованы, нужнымъ считаю вкратцѣ упомянуть, какія причины служили къ тому поводомъ.

нялся и поѣхалъ прямо къ герцогу почтеніе свое отдать, и что того страннѣе—въ тотъ же самый день у него обѣдалъ.

Послѣ стола отецъ мой, возвратясь въ свой домъ, ожидалъ ночи съ великою нетерпѣливостію. Между тѣмъ жена моя, которая столь же мало, какъ и я, о томъ вѣдала, обще съ бароншею Менгденъ, своячиною моею, поѣхала къ герцогинѣ, ужинала у нея вмѣстѣ съ регентомъ и почти до полуночи съ ними просидѣла. При семъ случаѣ герцогъ приказалъ чрезъ жену мою сказать ея свекру, а моему отцу, что какъ скоро погребеніе императрицы отправлено будетъ, то онъ повелитъ выдать ему нарочитую сумму денегъ на уплату его долговъ. Когда же жена моя поздно домой пріѣхала, и считала, что отецъ мой уже спитъ, то исполненіе своего препорученія отложила до другаго утра.

Около двухъ часовъ по полуночи, отецъ мой съ однимъ токмо тогдашнимъ генеральсъ-адъютантомъ своимъ, подполковникомъ Манштейномъ, послѣ бывшимъ генералъ-маіоромъ въ прусской службѣ, поѣхалъ во дворецъ, вошелъ въ заднія ворота, которыя нарочно на то отверсты стояли, и прямо въ покои принцессы. Принцесса легла уже опочивать съ своимъ супругомъ; но напередъ наказала жены моей сестрѣ, фрейлинѣ Іуліанѣ Менгденъ, какъ скоро отецъ мой придетъ, войти къ ней и ее разбудить. Сія, сколько ни старалась, не могла исполнить оное такъ скромно, чтобы и принцъ отъ того не пробудился; но какъ сей вопросилъ у принцессы, что ей сдѣлалось и зачѣмъ она встаетъ, то въ отвѣтъ сказала она, что ей занемоглось, и чтобъ онъ остался въ постели, а она тотчасъ назадъ будетъ.

Вышедъ къ отцу моему, говорилъ онъ ей, что теперь настоящая пора дѣло свершить, и вторично просилъ, дабы она вмѣстѣ съ нимъ поѣхала.

Она ни подъ какимъ видомъ на то не соглашалась, почему отецъ мой совѣтовалъ, чтобъ она, по крайней мѣрѣ, приказала позвать въ верьхъ караульныхъ офицеровъ, и объявила имъ о семъ предпріятіи, сдѣлавъ увѣщеваніе, дабы они вѣрно во всемъ поступили и за нимъ слѣдовали.

Сей совѣтъ принятъ и когда офицеры вошли, то она вѣщала, что она надѣется на нихъ какъ на честныхъ людей, что не отрекутся малолѣтному императору и его родителямъ важнѣйшую оказать

услугу, состоящую въ томъ, чтобы арестовать герцога, котораго насильствія сколько имъ ненавистны, столько и извѣстны. Почему и просить она все, что отъ фельдмаршала приказано будетъ, доброхотно исполнять и увѣрену быть, что ихъ вѣрность безъ награжденія оставлена не будетъ. Наконецъ, обняла она отца моего, допустила офицеровъ къ рукѣ и желала имъ благополучнаго успѣха.

Послѣ сего пошелъ онъ съ ними въ коръ-де-гардію, взялъ 30 человѣкъ съ караула съ тремя офицерами, и направилъ стопы свои прямо къ лѣтнему дворцу, въ которомъ регентъ тогда находился.

Въ сіе самое время лежалъ я, не вѣдая ничего, въ передней комнатѣ у малолѣтнаго императора, будучи тогда дежурнымъ камергеромъ, въ пріятнѣйшемъ снѣ; почему не мало ужаснулся какъ вдругъ, пробудясь, увидѣлъ принцессу на моей постели сидящую. Я вопросилъ о причинѣ: она съ трепещущимъ голосомъ отвѣчала.

— «Мой любезный Минихъ, знаешь-ли, что твой отецъ предпріялъ? Онъ пошелъ арестовать регента». Къ чему присовокупила еще: «дай Боже! чтобы сіе благополучно удалось»!

И я того же желаю, сказалъ я, и просилъ, чтобъ она не пугалась, представляя что отецъ мой не преминулъ надежныя на то принять мѣры.

Потомъ принцесса обще съ фрейлиною Менгденъ, которая одна при ней находилась, пошла въ спальню малолѣтнаго императора, а я скорѣе выскочилъ изъ постели и одѣлся. Не много спустя пришелъ и принцъ, которому принцесса тутъ во всемъ открылась.

Съ какою теперь нетерпѣливостью ожидали мы извѣстія объ успѣхѣ означеннаго предпріятія, оное всякъ легко себѣ вообразить можетъ.

Регентъ, какъ упомянуто, обрѣтался въ лѣтнемъ дворцѣ, гдѣ лежало еще тѣло покойной императрицы. Здѣсь находился караулъ слишкомъ изъ трехъ сотъ человѣкъ, которые, буде бы на герцогской сторонѣ были, арестованію его легко воспрепятствовать могли, но отецъ мой изъ предосторожности къ предпріятію сему избралъ такой день, въ которой всѣ караулы изъ Преображенскаго полку наряжены, гдѣ онъ былъ подполковникомъ.

Приближась на нѣсколько шаговъ къ лѣтнему дворцу, выслалъ онъ впередъ офицера сказать караульному капитану, дабы онъ никакого шуму не подымалъ, а пришелъ бы къ нему съ двумя другими офицерами. Сіи явились безъ замедленія, и когда онъ о причинѣ своего прихода имъ объявилъ, то они увѣряли, что у нихъ ни одинъ караульный не пошевелится. Послѣ чего отецъ мой продолжалъ шествіе свое до самаго въѣзда во дворецъ. Отсюда отрядилъ онъ своего генеральсъ-адъютанта Манштейна съ 12 гренадерами въ герцогскія комнаты.

Всѣ мимо встрѣчающіеся часовые, по данному имъ приказу, пропускали его безъ задержанія, такъ что Манштейнъ дошелъ благополучно до дверей спальни и приказалъ ихъ ломать, потому что они изъ внутри заперты были. Герцогъ пробудился на сей шумъ, вскочилъ и думая, что его убить хотятъ, намѣренъ былъ подъ кровать спрятаться; но Манштейнъ наступилъ на него и пока герцогъ руками и ногами оборонялся, подбѣжали гренадеры и его схватили. Накинувъ на него шубу, посадили его въ подвезенную отца моего карету. Супруга его и дѣти оставлены въ ихъ покояхъ за карауломъ. Съ сею добычею отецъ мой отправился опять къ принцессѣ, и принесенною имъ самимъ первою вѣстію неизреченную произвелъ радость.

На семъ возвращеніи арестованъ также и братъ герцога Густавъ Бирон, имѣвшій жительство въ одной мимо лежащей улицѣ, и то же самое въ ту же ночь сдѣлано надъ тайнымъ совѣтникомъ и кабинетскимъ министромъ Бестужевымъ, котораго винили, что онъ отмѣнно преданъ былъ регенту.

За симъ герцога, равно какъ и брата его, посадили до дальнѣйшаго распоряженія въ особыхъ покояхъ дворца за крѣпкимъ карауломъ.

въ рукахъ паче у природныхъ Россіянъ, нежели у иностранцовъ, то еще предложилъ я графа Михайла Головкина въ вице-канцлеры.

Когда потомъ, какъ выше упомянутыя, такъ и другія къ повышенію и награжденію слѣдующія особы росписаны, то приказалъ мнѣ отецъ мой списать съ того росписанія копію, съѣздить во дворецъ и поднесть оное принцессѣ на утвержденіе.

По прошествіи нѣсколькихъ часовъ пріѣхалъ онъ и самъ, и получилъ ея согласіе на всѣ изображенныя въ росписаніи статьи.

Около 11-ти часовъ предъ полуднемъ, когда всѣ по учиненнымъ повѣсткамъ въ переднихъ комнатахъ собрались, выступила великая княгиня, одѣянная въ голубой лентѣ и со звѣздою ордена св. Андрея, и жаловала всѣхъ къ рукѣ. Потомъ отъ имени императора читано росписаніе о пожалованныхъ, въ силу котораго принцъ Брауншвейгскій объявленъ генералиссимомъ всея сухопутныя и морскія силы. Далѣе пожалованы: фельдмаршалъ графъ Минихъ первымъ министромъ, графъ Остерманъ великимъ адмираломъ и остаться ему при иностранныхъ дѣлахъ, князь Черкаскій великимъ канцлеромъ, и князь Михайло Головкинъ вице-канцлеромъ и кабинетскимъ министромъ.

Орденъ св. Андрея получили: оберъ-шталмейстеръ князь Куракинъ, генералъ-аншефъ Ушаковъ, адмиралъ Головинъ и пребывающій въ Гагѣ посланникъ графъ Александръ Головкинъ.

Орденъ св. Александра Невскаго пожалованъ президенту и камергеру барону Менгдену, камергеру Стрешневу, зятю графа Остермана, и въ отсутствіи находившемуся тайному совѣтнику и камергеру князю Юсупову. Оберъ-маршалъ графъ Левенволде и дядя мой тайный совѣтникъ Минихъ получили на заплату долговъ своихъ, первый 80 тысячъ и другой—20 тысячъ рублей.

Гофмаршалу Шепелеву и генералъ-маіору Апраксину пожалованы богатыя деревни въ Россіи, не упоминая о многихъ другихъ повышеніяхъ чинами и подаркахъ.

Какъ по окончаніи сей церемоніи отецъ мой вторично принесъ принцессѣ свое благодареніе, то она вручила ему ордеръ о принятіи 100 тысячъ рублей изъ рентереи, приказавъ притомъ перебраться близь дворца въ тотъ домъ, гдѣ прежде она сама пребываніе свое имѣла.

Утромъ весьма рано приказалъ отецъ мой позвать къ себѣ меня, купно съ президентомъ барономъ Менгденомъ, и предложилъ, чтобы мы, кого считаемъ достойнымъ къ пожалованію или къ награжденію, представили ему, и притомъ съ показаніемъ нашего мнѣнія, чѣмъ и какъ кто наилучше награжденъ быть можетъ. Мы исполнили сіе тутъ же; послѣ чего приказалъ онъ мнѣ взять перо и писать, что онъ мнѣ говорить станетъ. Первое было, чтобы ея высочество великая княгиня и регентша благоволила возложить на себя орденъ св. Андрея, и второе генералъ-фельдмаршала графа Миниха, за оказанную имъ услугу, пожаловать въ генералиссимы.

Окончавъ сіе, представилъ я ему, что хотя онъ по всѣмъ правамъ и заслугамъ сего достоинства требовать можетъ, однако я думаю, что статься можетъ принцъ Брауншвейгскій для себя оное готовитъ; почему и нужно бы было пристойнымъ образомъ о семъ у него развѣдать; въ каковомъ случаѣ совѣтовалъ я отцу моему испросить себѣ титулъ перваго министра. На сіе онъ согласился, и оставя прежде упомянутое достоинство избралъ для себя послѣднее.

Послѣ сего спросилъ отъ меня и барона Менгдена, какъ же можетъ графъ Остерманъ надъ собою терпѣть перваго министра? Мы отвѣчали, что надлежало бы и ему назначить достоинство, которое съ высшимъ чиномъ сопряжено, нежели каковый онъ по сіе время имѣлъ.

Отецъ мой вѣщалъ, что онъ вспомнилъ какъ графъ Остерманъ въ 1732 году, работая надъ новымъ положеніемъ для флота, намекалъ, что онъ охотно желалъ бы быть великимъ адмираломъ.

— Да кто же будетъ великимъ канцлеромъ? вопросилъ я.— Видя, что отецъ мой на сіе ничего не отвѣчалъ, сказалъ я, что хотя князь Черкаскій за свои поступки больше наказанія, нежели награжденія заслуживаетъ, однако я думаю, что въ началѣ новаго правленія милосердіемъ и великодушіемъ скорѣе утвердиться можно, нежели чрезъ мѣру строгимъ изслѣдованіемъ и наказаніемъ уличенныхъ преступниковъ; что въ сходствіе того ея высочество великая княгиня не можетъ убѣдительнѣйшаго предъявить довода своего великодушія, какъ естьли упомянутаго князя Черкаскаго на вакантное великаго канцлера достоинство возвыситъ. Наконецъ, дабы знатнѣйшія достоинства оставались

въ рукахъ паче у природныхъ Россіянъ, нежели у иностранцовъ, то еще предложилъ я графа Михайла Головкина въ вице-канцлеры.

Когда потомъ, какъ выше упомянутыя, такъ и другія къ повышенію и награжденію слѣдующія особы росписаны, то приказалъ мнѣ отецъ мой списать съ того росписанія копію, съѣздить во дворецъ и поднесть оное принцессѣ на утвержденіе.

По прошествіи вѣсколькихъ часовъ пріѣхалъ онъ и самъ, и получилъ ея согласіе на всѣ изображенныя въ росписаніи статьи.

Около 11-ти часовъ предъ полуднемъ, когда всѣ по учиненнымъ повѣсткамъ въ переднихъ комнатахъ собрались, выступила великая княгиня, одѣянная въ голубой лентѣ и со звѣздою ордена св. Андрея, и жаловала всѣхъ къ рукѣ. Потомъ отъ имени императора читано росписаніе о пожалованныхъ, въ силу котораго принцъ Брауншвейгскій объявленъ генералиссимомъ всея сухопутныя и морскія силы. Далѣе пожалованы: фельдмаршалъ графъ Минихъ первымъ министромъ, графъ Остерманъ великимъ адмираломъ и остаться ему при иностранныхъ дѣлахъ, князь Черкаскій великимъ канцлеромъ, и князь Михайло Головкинъ вице-канцлеромъ и кабинетскимъ министромъ.

Орденъ св. Андрея получили: оберъ-шталмейстеръ князь Куракинъ, генералъ-аншефъ Ушаковъ, адмиралъ Головинъ и пребывающій въ Гагѣ посланникъ графъ Александръ Головкинъ.

Орденъ св. Александра Невскаго пожалованъ президенту и камергеру барону Менгдену, камергеру Стрешневу, зятю графа Остермана, и въ отсутствіи находившемуся тайному совѣтнику и камергеру князю Юсупову. Оберъ-маршалъ графъ Левенволде и дядя мой тайный совѣтникъ Минихъ получили на заплату долговъ своихъ, первый 80 тысячъ и другой—20 тысячъ рублей.

Гофмаршалу Шепелеву и генералъ-маіору Апраксину пожалованы богатыя деревни въ Россіи, не упоминая о многихъ другихъ повышеніяхъ чинами и подаркахъ.

Какъ по окончаніи сей церемоніи отецъ мой вторично принесъ принцессѣ свое благодареніе, то она вручила ему ордеръ о принятіи 100 тысячъ рублей изъ рентереи, приказавъ притомъ перебраться близь дворца въ тотъ домъ, гдѣ прежде она сама пребываніе свое имѣла.

Въ тотъ же самый день принцесса всемилостивѣйше пожаловала меня оберъ-гофмаршаломъ съ чиномъ генералъ-порутчика и съ жалованьемъ и пенсіею по 3.000 рублей въ годъ. Сверьхъ того указала она мнѣ имѣть придворный екипажъ, каковымъ другіе высокіе чины императорскаго двора пользуются, и пожаловала мнѣ въ подарокъ домъ неподалеку отъ дворца.

Принцесса оказала также помилованіе бѣднымъ арестантамъ, заключеннымъ отъ прежняго регента, и претерпѣвшимъ преужасное истязаніе. Они всѣ немедленно освобождены и частію чинами повышены, частію же съ награжденіями къ прежнимъ мѣстамъ опредѣлены. Надъ тѣми, которые пытку выдержали, прикрывали напередъ знамя. Послѣ того они всѣ жалованы къ рукѣ, при чемъ съ одной стороны соболѣзнованіе и съ другой признательность искреннѣйшія извлекали слезы.

Благородное и къ милосердію склонное ея сердце воспамятовало при первомъ началѣ принятія регентства и о тѣхъ несчастныхъ, которые въ правленіе императрицы Анны Іоанновны за государственныя преступленія въ Сибирь и въ другія мѣста въ ссылку сосланы были. Она въ досужные часы свои прослушавъ дѣла о важнѣйшихъ изъ сихъ преступниковъ, почти всѣ учиненные надъ ними приговоры отмѣнила. Число сихъ ссылочныхъ, какъ знатныхъ, такъ и простаго званія людей, простиралось до нѣсколько тысячъ человѣкъ, между коими находились также Курляндскіе дворяне.

Прежде нежели я приступлю къ прочимъ произшествіямъ краткаго правленія сея принцессы, намѣренъ я немногими словами описать личныя ея качества.

Она сопрягала съ многимъ остроуміемъ благородное и добродѣтельное сердце. Поступки ея были откровенны и чистосердечны, и ничто не было для нея несноснѣе, какъ толь необходимое при дворѣ притворство и принужденіе; почему и произошло, что люди, пріобыкшіе въ прошлое правленіе къ грубѣйшимъ ласкательствамъ, несправедливо почитали ее надмѣнною и яко бы всѣхъ презирающею. Подъ видомъ внѣшней холодности, была она внутренно снисходительна и чистосердечна. Принужденная жизнь, которую она вела отъ двѣнадцать лѣтъ своего возраста даже до кончины императрицы Анны Іоанновны (поелику тогда кромѣ торжественныхъ дней никто посторонній къ ней

ть не смѣлъ и за всѣми ея поступками строго присматри-
вліяла въ нее такой вкусъ къ уединенію, что она всегда
удовольствіемъ наряжалась, когда во время ея регентства
кало ей принимать и являться въ публикѣ. Пріятнѣйшіе
для нея были тѣ, когда она въ уединеніи и въ избранней-
малочисленной бесѣдѣ проводила, и тутъ бывала она сколько
а въ обхожденіи, столько и весела въ обращеніи. Дѣла
ть и рѣшить не скучала она ни въ какое время, и дабы
е люди способнѣе могли о нуждахъ своихъ ей представ-
назначенъ былъ одинъ день въ недѣлю, въ который дозво-
ось каждому прошеніе свое подавать во дворцѣ кабинет-
секретарю. Она знала цѣнить истинныя достоинства
оказанныя заслуги награждала богато и доброхотно. Вели-
іе ея и скромность произвели, что она вовсе не была
ѣрчива и многихъ основательныхъ требовалось доводовъ,
она повѣритъ какому либо впротчемъ и несомнѣнному
енію. Для снисканія ея благоволенія нужна была больше
венность, нежели другія совершенства. Въ законѣ своемъ
она усердна, но отъ всякаго суевѣрія изъята. Обращеніе
ло большею частію съ иностранными, такъ что нѣкоторые
ужестранныхъ министровъ каждодневно въ приватныя ея
ы приглашались ко двору. Хотя она привезена въ Россію
оромъ году возраста своего, однако, пособіемъ окружав-
ее иностранцовъ, знала нѣмецкій языкъ совершенно. По
усски разумѣла она лучше, нежели говорила. До чтенія
была она великая охотница, много читала на обоихъ упо-
ыхъ языкахъ, и отмѣнный вкусъ имѣла къ драматиче-
стихотворству. Она мнѣ часто говаривала, что нѣтъ для
ичего пріятнѣе, какъ тѣ мѣста, гдѣ описывается несчаст-
плѣнная принцесса, говорящая съ благородною гордостію.
почитала много людей съ такъ называемымъ счастливымъ
расположеніемъ, и судила бо́льшею частію по лицу о ду-
ыхъ качествахъ человѣка. Къ домашнимъ служителямъ сво-
была она снисходительна и благотворна.

съ моей стороны имѣю причину, какъ за многія изліян-
на меня милости, такъ и за дружественное обхожденіе, ко-
ъ она меня удостоивала, почитать память ея во всю жизнь
съ величайшею признательностію.

Что касается до внѣшняго ея вида: росту была она средняго, собою статна и полна, волосы имѣла темноцвѣтные, а лице-начертаніе хотя и не регулярно пригожее однако пріятное и благородное. Въ одеждѣ была она великолѣпна и съ хорошимъ вкусомъ. Въ уборкѣ волосъ никогда модѣ не слѣдовала, но собственному изобрѣтенію, отъ чего большею частію убиралась не къ лицу.

Какъ скоро трактатъ, о которомъ выше упомянуто, между королемъ польскимъ и бывшимъ регентомъ заключенъ, то не оставилъ саксонскій дворъ въ то же время сообщить объ оном берлинскому двору; а сіе возродило въ семъ надежду, Россію безъ всякаго затрудненія на то преклонить, и что она въ исполненіи его намѣреній на австрійское наслѣдство препятствовать ему не будетъ. Въ сходствіе чего прусскому министру въ Санктпетербургѣ и повелѣно уже было вступить въ переговоры. Но сей едва успѣлъ къ тому приступить, какъ паденіе регента воспослѣдовало. Когда же чрезъ сіе совсѣмъ другой оборотъ дѣлъ въ Россіи произошелъ, поелику нельзя было подумать, что великая княгиня и ея супругъ, какъ ближайшіе родственники королевы венгерской, станутъ безпристрастнымъ окомъ взирать на поддержаніе прагматической санкціи, то король прусскій, остановя начатую негоціацію, старался здѣшняго двора благосклонность снискать предложеніемъ къ постановленію дружественнаго трактата и оборонительнаго союза, и чрезъ то какъ бы его усыпить; почему и далъ онъ въ декабрѣ мѣсяцѣ барону Мардефельду повелѣніе вручить проектъ означеннаго союза Россійскому министерству.

Отецъ мой лежалъ тогда при смерти боленъ, и прошло нѣсколько недѣль, пока онъ въ состояніи былъ приняться паки за дѣла. Между тѣмъ графъ Остерманъ, который всегда Прусскому двору доброжелательствовалъ, въ предосужденіе австрійцовъ умѣлъ принцессѣ съ столь хорошей стороны объ оном дѣлѣ представить, что она склонилась на то совершенно. Какъ скоро отецъ мой не много пооправился, приказала она извѣстить его объ оном съ истребованіемъ его мнѣнія. Отецъ мой отвѣчалъ, что заключить союзъ съ королемъ прусскимъ, близкимъ и сильнымъ сосѣдомъ Россіи, при малолѣтствѣ императора и предстоящемъ разрывѣ мира со шведами, не иначе какъ крайне

вредно и предосудительно для Имперіи быть можетъ; но какъ въ гарантіи Австрійскаго наслѣдства принято со стороны Россіи участіе, и время еще не дозволило распознать, отъ кого королева Венгерская добра или зла ожидать имѣетъ, а чаятельно въ скоромъ времени не преминутъ отъ вѣнскаго двора вступить на то предложенія, то полагаетъ онъ своимъ мнѣніемъ, что благопристойности и искренности соразмѣрно остановить постановленіе всякихъ новыхъ трактатовъ до того, пока можно будетъ видѣть, какимъ образомъ свойственнѣе сообразить ихъ съ прежними.

Между тѣмъ какъ настоящія намѣренія короля прусскаго въ то время никому отнюдь извѣстны не были, и принцесса на томъ настояла, то и постановленъ трактатъ на слѣдующихъ условіяхъ: обѣ стороны гарантируютъ одна за другую владѣнія своихъ земель, и въ случаѣ непріятельскаго наступленія имѣетъ одна другой посылать по 12.000 человѣкъ вспомогательнаго войска.

По поводу сего король прусскій предлагалъ отцу моему вотчину Бигенъ въ Бранденбургіи, купно съ суммою 3.000 рейхсталеровъ; но онъ пристойнымъ образомъ отъ обоего отказался, съ такимъ увѣреніемъ, что онъ во всѣхъ случаяхъ стараться будетъ удостовѣрить короля въ искренней преданности своей.

Не за долго до праздника Рождества Христова совершено погребеніе императрицы Анны Іоанновны со всѣми употребительными въ Россіи обрядами наивеликолѣпнѣйше. Принцесса шествовала за гробомъ пѣшкомъ.

Въ генварѣ мѣсяцѣ 1741 года пріѣхалъ отправленный отъ короля прусскаго генералъ-адъютантъ господинъ Винтерфельдъ, зять моей мачихи, въ Санктпетербургъ, съ принесеніемъ отъ имени короля поздравленія принцессѣ со вступленіемъ въ регентство. Оный же господинъ Винтерфельдъ привезъ отцу моему собственноручное отъ короля письмо, съ изустнымъ притомъ увѣреніемъ о всегдашнемъ и непремѣнномъ его уваженіи и почитаніи. И наконецъ упомянутый Винтерфельдъ имѣлъ препорученіе поднести мнѣ вышеозначенный подарокъ, который отцемъ моимъ не принятъ.

Винтерфельдъ, по принесеніи на приватной аудіенціи великой княгинѣ отъ короля поздравленія и по полученіи отъ имени

ея чрезъ меня отвѣта, продолжалъ рѣчь свою тако: что поелику король, его государь, вотчину Бирэмъ единожды на всегда предназначилъ той особѣ въ Россіи, которая будетъ его другомъ, а фельдмаршалъ Минихъ принять ее не хочетъ, то и препоручаетъ онъ упомянутую вотчину въ собственное распоряженіе ея императорскаго высочества, прося, дабы она благоволила пожаловать оную въ вѣчное и потомственное владѣніе кому-либо изъ фамиліи фельдмаршала Миниха, и буде ея высочеству угодно, именно его сыну.—Великая княгиня отвѣчала на сіе, что весьма охотно соглашается удовлетворить въ семъ случаѣ желанію короля. И такъ я засвидѣтельствовалъ первое мое благодареніе принцессѣ, а потомъ отблагодарилъ и королю чрезъ письмо, которое Винтерфельдъ повезъ съ собою и на которое обратно получилъ я весьма благосклонное отписаніе.

Почти въ то же время пріѣхалъ въ Санктпетербургъ саксонскій полковникъ Нейбауръ для принесенія принцессѣ отъ имени короля польскаго поздравленія со вступленіемъ въ регентство.—Сей имѣлъ, сверьхъ того, препорученіе отъ государя своего, тогдашняго имперскаго викарія, предложить отцу моему дипломъ на графское достоинство Римской имперіи, а мнѣ орденъ Бѣлаго Орла.

Сей орденъ вскорѣ потомъ привезенъ уполномоченнымъ отъ упомянутаго короля министромъ графомъ Линаромъ, и въ 17 день генваря имѣлъ я честь знаки онаго ордена принять изъ рукъ принцессы.

Въ уваженіи родства съ отцомъ моимъ, получили также означенный орденъ президентъ и камергеръ Карлъ Лудвигъ баронъ Менгденъ и мой зять графъ Солмсъ, тогдашній россійскій министръ при саксонскомъ дворѣ.

Маркизъ де Ботта въ прошлое пребываніе свое при дворѣ россійскомъ умѣлъ привѣтливыми поступками своими пріобрѣсть благоволеніе принцессы столько, что она, по вступленіи своемъ въ регентство, не токмо вѣнскому двору обозначила, что назначеніе упомянутаго маркиза въ качествѣ министра при россійскомъ дворѣ не токмо особенно будетъ для нея пріятно, но также приказала мнѣ къ нему отписать и уговорить его лично объ ономъ мѣстѣ домогаться; какъ первое, такъ и другое имѣли такой успѣхъ, что онъ въ февралѣ мѣсяцѣ пріѣхалъ въ Санктпетербургъ.

Вскорѣ послѣ его пріѣзда получилъ отецъ мой письмо отъ королевы венгерской, въ которомъ сія монархиня не токмо всемилостивѣйше удостовѣрила его въ своемъ высокомъ благоволеніи, но также пожаловала ему господство Виртембергское въ вѣчное и потомственное владѣніе.

По сіе время королева венгерская пользовалась тишиною, ничего меньше не ожидала, какъ нечаяннаго короля прусскаго вступленія съ войскомъ въ Силезію. Извѣстіе о семъ произшествіи подало поводъ къ преважнымъ разсужденіямъ въ Санктпетербургѣ, потому наипаче, что неминуемо отъ вѣнскаго двора ожидали требованія помощи противъ короля прусскаго, съ которымъ однакожъ не вдавнѣ союзъ постановленъ и съ которымъ неохотно желали раздружиться, по причинѣ опасенія къ разрыву мира съ шведами. Въ семъ замѣшательствѣ оставалось единое удобнѣйшее средство, а имянно: стараться письмомъ склонить короля прусскаго, миролюбно условиться съ королевою венгерскою и на сіе предложить посредство россійскаго двора.

Означенное письмо, которое самъ графъ Остерманъ сочинялъ, почитается, по мнѣнію всѣхъ знатоковъ, однимъ изъ прекраснѣйшихъ и убѣдительнѣйшихъ, каковое когда-либо изъ его пера происходило.

Отвѣтъ короля прусскаго на то гласилъ, что буде королева венгерская миролюбно согласится уступить ему тѣ княжества въ Силезіи, на которыя онъ законное право требованія имѣетъ, то онъ не токмо намѣренъ заключить съ нею миръ, но также обязуется вспомоществовать ей всею силою своею противъ всѣхъ оказывающихся впредь ея непріятелей.

Частое повтореніе сея декларації со стороны короля прусскаго ко двору россійскому не подаетъ никакого сомнѣнія заключать, что есть-ли-бы королева въ самомъ началѣ рѣшилась немногимъ чѣмъ пожертвовать, то бы она, конечно, не потеряли большую часть Силезіи. Но непримиримость къ королю прусскому и тогдашняя удивительная довѣренность къ Франціи были причиною, что ни о какомъ примирительствѣ со стороны вѣнскаго двора слышать не хотѣли; а охотнѣе желали, какъ маркизъ де Ботта отцу моему сказывалъ, предаться въ руки французовъ.

Симъ образомъ въ Вѣнѣ ни о чемъ другомъ какъ о мщеніи не помышляли, и дабы оное на дѣлѣ изъявить, предложенъ отъ вѣнскаго министерства проектъ тройнаго союза, въ который надѣялись вовлечь Россію и короля польскаго. Они думали петербургскій дворъ побудить къ тому безъ дальнихъ затрудненій; а саксонскій склонить знатными обѣщаніями. Послѣднее имѣло даже такой успѣхъ, что уже въ мартѣ мѣсяцѣ работали въ Дрезденѣ надъ планомъ, по силѣ котораго положено соединенными россійскими, австрійскими и саксонскими силами атаковать короля прусскаго, и его земли, какъ добычу, раздѣлить между собою. Тутъ ничего другаго не требовалось, какъ единственно приступленія Россіи для дѣйствительнаго исполненія толь важнаго проекта. А какимъ образомъ домогались онаго, и съ какимъ усердіемъ отецъ мой тому сопротивлялся, оное явствуетъ изъ нижеслѣдующаго.

Коль скоро король прусскій вступилъ съ войскомъ своимъ въ Силезію, то вѣнскіе министры, въ Санкпетербургѣ пребывавшіе, маркизъ де-Ботта и резидентъ Гохголцеръ, въ силу трактата, неукоснительно требовали отъ россійскаго двора вспоможенія наисильнѣйше. На сіе представлено имъ, что россійскій дворъ сколь искренно ни расположенъ съ своей стороны способствовать къ поддержанію прагматической санкціи, однако осторожность требуетъ не прежде вдаваться въ толь обширное дѣло, пока не извѣстится о мѣрахъ, принятыхъ по сему обстоятельству отъ двухъ главнѣйшихъ гарантировавшихъ державъ, а именно: Англіи и Голландіи. Сверьхъ того надѣется онъ, что доколѣ королева не будетъ другихъ имѣть непріятелей, кромѣ одного короля прусскаго, дотолѣ можетъ она собственною своею силою управляться. При семъ за полезнѣйшее почитается, чтобы австрійскій домъ, по колику вящшія статься можетъ угрожаютъ ему напасти, старался короля прусскаго, пожертвованіемъ ему нѣкоторыхъ земель, сдѣлать своимъ другомъ, нежели вдаваясь съ нимъ въ войну истощать свои силы.

Но вѣнскій дворъ, не принимая сихъ наставленій и совѣтовъ, настоялъ на прямомъ ему вспоможеніи и не упустилъ притомъ ничего, что могло служить къ раздраженію принцессы и принца Брауншвейгскаго лично противъ короля прусскаго, къ чему принуждены были всѣми мѣрами и частыми письмами способствовать обѣ вдовствующія герцогини Брауншвейгскія, изъ

которыхъ одна была бабушка какъ королевы венгерской, такъ и принца, а другая мать сего и тетка королевы. Онѣ подѣйствовали столько, что какъ скоро дрезденскій планъ двору сообщенъ, то принцесса въ непродолжительномъ времени его одобрила.

Графъ Остерманъ, который за болѣзненными припадками своими не выѣзжалъ больше изъ дому, снискалъ толикую довѣренность отъ принца Брауншвейгскаго, что сей ни единаго дня не упускалъ, чтобъ его не посѣтить. Какъ скоро онъ чрезъ упомянутаго принца извѣстился о намѣреніяхъ великой княгини, касательно дрезденскаго плана, то почелъ нужнымъ благопріятный сей случай изловить, какъ для того, чтобы собственно самому подслужиться, такъ и дабы легко предвидѣнному отъ отца моего противорѣчію придать несправедливый и ненавистный толкъ. Въ сходствіе чего воздержался онъ отъ всѣхъ возраженій, но представлялъ, что можно безъ отлагательства времени уполномочить россійскаго при саксонскомъ дворѣ министра въ ближайшую относительно означеннаго союза вступить конференцію.

Когда потомъ принцесса, при особенномъ переговорѣ съ отцемъ моимъ, желала вѣдать его мысли, касательно упомянутаго плана, то онъ утверждалъ, что какъ по силѣ дѣйствующихъ уже трактатовъ мы обязаны австрійскому дому давать вспомогательное войско, то и не предвидитъ онъ причины, почто обязанности свои безъ крайней нужды увеличивать, и даже въ противность всей справедливости сосѣда, жившаго съ Россіею въ непрестанномъ добромъ согласіи и дружбѣ, непріятельски атаковать и къ погибели его способствовать.

Сіе съ волею принцессы и принца несогласующее отвѣтствіе имѣло точно то дѣйствіе, которое графъ Остерманъ предполагалъ. Искренность отца моего названа пристрастіемъ, и доводъ на оное почерпнутъ изъ оказанной графомъ Остерманомъ на то непреклонности, яко изъ несумнѣннаго источника.

Почему сей возмнилъ начатую роль свою до конца доиграть, и отца моего, котораго первенства въ министерствѣ никогда онъ терпѣть не могъ, довесть до крайности.

Приступленіе къ дрезденскому плану утверждено безъ дальнѣйшихъ съ отцемъ моимъ совѣтованій, и къ россійскому министру въ Дрезденѣ сочиненъ рескриптъ, по силѣ котораго имѣетъ онъ вступить въ предложенную негоціацію. Означенный рескриптъ присланъ отъ графа Остермана къ отцу моему для

подписанія съ такимъ отзывомъ, что содержаніе онаго отъ великой княгини именно повелѣно и одобрено.

Отецъ мой чувствительно былъ симъ тронутъ. Онъ поѣхалъ немедленно къ принцессѣ и жаловался, что его принуждаютъ подписывать такія дѣла, кои онъ, по мнѣнію своему, опровергалъ основательно и на которыя никогда согласія своего дать не можетъ; при чемъ изъяснялся, что есть-ли принцесса безотмѣнно войну предпринять желаетъ, то онъ совѣтуетъ искреннѣйше, предупредить паче угрожающихъ шведовъ, нежели допускать имъ больше времени и способности сполна вооружиться противъ Россіи. Когда же принцесса въ отвѣтъ на сіе вѣщала, что онъ одинъ сему дѣлу сопротивляется, къ которому графъ Остерманъ и прочіе министры единогласно присовѣтовали, то отецъ мой отвѣчалъ, что прежде нежели долженъ онъ подавать и впредь несоглашеніями своими поводъ принцессѣ къ прогнѣвленію на него, охотнѣе осмѣливается всеподданнѣйше просить уволить его отъ службы. Потомъ откланявшись принцессѣ, и коль скоро домой пріѣхалъ, написалъ онъ письменное возраженіе, для какихъ причинъ не желаетъ рескрипта къ министру въ Дрезденѣ подписывать и приказалъ взнесть оное въ протоколъ кабинета.

Графъ Остерманъ купно со своею партіею, опасаясь, чтобы постоянство отца моего не открыло очи принцессы, почли за нужное, не теряя времени, настроить многихъ клеветниковъ, которые всѣ разными наговорами и происками преклонили кроткую и великодушную принцессу, что она отца моего отъ службы уволить согласилась.

И такъ 7 числа марта (1741 г.) въ бывшемъ совѣтѣ опредѣлено отца моего отъ службы уволить. Но какъ никто не имѣлъ бодрости объ ономъ его извѣстить, то принцесса за благо разсудила на меня и оберъ-маршала графа Левенвольде сіе препорученіе возложить, съ приказаніемъ объявить отцу моему, что сколь ни совершенно увѣрена она въ искренности и усердіи его къ интересу императора, однако же находитъ себя принужденною, для предупрежденія опасныхъ слѣдствій отъ дальнѣйшаго несогласія въ министерствѣ, даровать ему то, о чемъ онъ самъ ее прозьбою своею утруждалъ, увѣряя, что она никогда не забудетъ вѣрныхъ и важныхъ оказанныхъ имъ заслугъ и не преминетъ при настоящемъ случаѣ вещественныхъ изъявить признаковъ непрестаннаго почитанія и благоволенія своего.

Отецъ мой, принявъ сію вѣсть съ обыкновенною твердостію духа своего, приказалъ намъ обратно принцессѣ донести, что есть-ли увольненіе его отъ службы могло доставить ей малѣйшую благоугодность, то онъ съ удовольствіемъ, исполняя ея повелѣнія, отъ всѣхъ должностей своихъ отрекается, а за присовокупленное милостивое увѣреніе свидѣтельствуетъ всепреданнѣйшую свою признательность, ожидая нетерпѣливо того часа, въ который ея высочеству угодно будетъ ему дозволить изустно изъявить оную.

По полученіи слѣдующаго дня на сіе дозволенія, принцесса опредѣлила ему по 15.000 рублей годовой пенсіи съ тѣмъ, что онъ имѣетъ ее получать гдѣ бы ни разсудилъ жительство свое утвердить.

Сія съ отцемъ моимъ воспослѣдовавшая перемѣна лично для моей персоны не токмо не была вредна, но паче произвела сильнѣйшія увѣренія въ милости со стороны принцессы.

Теперь вѣнское министерство считало себя побѣдителемъ. Маркизъ де-Ботта, будучи мой всегдашній другъ, посѣтилъ меня спустя нѣсколько дней послѣ увольненія отца моего отъ службы. Вопросивъ, доволенъ-ли онъ графомъ Остерманомъ, не могъ онъ нахвалиться добрыми его расположеніями. Какъ онъ окончалъ свою рѣчь, то сказалъ я, что не могу удержаться, дабы не открыть ему моихъ мыслей, сколь ни странны онѣ покажутся, а именно: что по мнѣнію моему вѣнскій дворъ скорѣе достигъ-бы цѣли желаній своихъ, есть-ли-бъ отецъ мой при министерствѣ остался, нежели теперь, когда воля графа Остермана всему рѣшеніе подаваля; что отецъ мой внутренно никогда не отдаленъ былъ австрійскому дому способствовать, и есть-ли-бы другихъ требованій кромѣ вспомогательнаго войска не было, то я увѣренъ, что не много стоило бы труда преклонить его на то; ибо онъ коль скоро однажды дастъ свое слово, то всегда оное сдержать старается; но что касается до графа Остермана, у него обѣщать и сдержать двѣ вещи различныя; что онъ издревле былъ другъ прусскаго двора, а вѣнскому никогда не благопріятствовалъ; что теперешняя его преклонность другаго повода не имѣла, какъ чтобы раздражить принцессу на возраженія отца моего; но что вскорѣ сей Протей умѣть будетъ видъ свой столь разнообразно перемѣнять, что маркизу де-Ботта должно

быть сверьхъестественному человѣку, есть-ли бы восхотѣлъ настоящія мысли его извѣдать.

Предсказаніе мое сбылось совершенно; ибо въ самое то время, какъ всей арміи данъ указъ быть въ готовности къ походу, графъ Остерманъ увѣрилъ прусскаго министра барона Мардефельда по довѣренности своей, что онъ никогда и въ мысляхъ не имѣлъ наносить вредъ королю Прусскому, и что вскорѣ дѣла другой оборотъ примутъ. Сіе самое воспослѣдовало въ скоромъ времени, и когда произшедшее между саксонскимъ и вѣнскимъ дворомъ несогласіе испровергнуло весь проектъ тройнаго союза, а маркизъ де-Ботта еще сталъ настоять на диверсіи въ пользу своей королевы, то при торжественнѣйшихъ увѣреніяхъ въ дружбѣ принужденъ онъ былъ отъѣхать съ симъ утѣшеніемъ, что безотмѣнно не будетъ оставлено выполнить все то, о чемъ въ трактатахъ договоренось, коль скоро дѣло въ разсужденіи шведовъ развяжется.

Въ іюнѣ мѣсяцѣ сего года прежде бывшій регентъ и герцогъ курляндскій, содержавшійся доселѣ въ Шлиссельбургской крѣпости, отправленъ, обще съ своею супругою, двумя сыновьями и дочерью, въ Сибирь въ заточеніе. А что отецъ мой въ обнародованномъ при семъ случаѣ манифестѣ, въ силу котораго, какъ герцогъ, такъ и два брата его и зять, генералъ Бисмаркъ, обвинены въ оскорбленіи величества, не принималъ никакого участія, объ ономъ по времени, въ которое онъ публикованъ, легко заключать можно.

Поступки и дѣянія отца моего произвели въ прусскомъ королѣ толикое къ нему уваженіе, что онъ не токмо собственноручнымъ писаніемъ увѣрялъ его въ своемъ высокомъ благоволеніи и признательности весьма лестными выраженіями, но также въ таковыхъ расположеніяхъ своихъ существенное удостовѣреніе предъявилъ на дѣлѣ; ибо онъ по завоеваніи Силезскихъ земель, по собственному побужденію, освободилъ Вартенбергское владѣніе отъ всѣхъ налоговъ и военныхъ контрибуцій.

Въ тоже почти время вручилъ мнѣ баронъ Мардефельдъ при королевской жалованной грамотѣ на вотчину Бигенъ и вексель въ 2.000 талеровъ курантныхъ, яко принадлежащій мнѣ доходъ за первую половину года съ упомянутой вотчины.

Вологда. 1758 г.

ЗАМѢЧАНІЯ

НА

ЗАПИСКИ МАНШТЕЙНА О РОССІИ

1724—1744 гг.

графа Іоанна Эрнста Миниха

написанныя въ 1770-хъ годахъ.

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ.

Въ 1875 году при „Русской Старинѣ“, въ приложеніи, напечатаны нами „Записки генерала Манштейна о Россіи, 1727—1744 гг.“ — въ переводѣ съ французскаго подлинника, автографа, принадлежащаго Его Императорскому Высочеству Государю Великому Князю Константину Николаевичу.

Переводъ и изданіе этихъ драгоцѣнныхъ по интересу и значенію Записокъ были исполнены съ благосклоннаго разрѣшенія Августѣйшаго Владѣтеля города Павловска, въ дворцовой библіотекѣ котораго хранится помянутая рукопись.

Въ объясненіяхъ, примѣчаніяхъ и среди разныхъ документовъ, сопровождающихъ это изданіе—нами, между прочимъ, сказано:

„Независимо отъ помѣщенныхъ приложеній, мы предполагали дополнить настоящее изданіе „Записокъ Манштейна“ замѣчательными и полными интереса примѣчаніями гр. Эрнста Миниха (род. 1707, † 1788, сынъ фельдмаршала), оберъ-гофмейстера двора правительницы Анны Леопольдовны, сосланнаго, по восшествіи на престолъ императрицы Елисаветы Петровны, въ Вологду, возвращеннаго оттуда въ 1762 г. и скончавшагося на службѣ въ чинѣ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника и андреевскаго кавалера. Примѣчанія эти помѣщены въ „Отечественныхъ Запискахъ“ изданія 1825—1828 годовъ, П. И. Свиньина, части XXI—XXV. XXV—XXXIX. Дополняя, исправляя и оспаривая нѣкоторыя извѣстія Манштейна, даже сами по себѣ, безъ отношенія къ его труду—Замѣчанія Миниха-сына принадлежатъ къ числу любопытныхъ историческихъ матеріаловъ для эпохи Анны Іоанновны, правленій Бирона и принцессы Анны Леопольдовны.

„Но перепечатывать историческій памятникъ изъ изданія Свиньина, притомъ напечатанный имъ не вполнѣ, мы не признали удобнымъ потому, что въ эпоху издательской дѣятельности этого писателя не считалось предосудительнымъ (по крайней мѣрѣ со стороны Свиньина), исправлять и подновлять слогъ памятника и дѣлать въ немъ сокращенія и пропуски; въ послѣднемъ

отношеніи весьма усердно помогала издателямъ цензура. Всѣ же старанія наши отыскать подлинную рукопись этихъ Замѣчаній или возможно полный и исправный списокъ — до сихъ поръ оказались тщетными".

Вслѣдъ за выходомъ нашего изданія „Записокъ Манштейна" — К. А. Висковатовъ нашелъ въ бумагахъ своего покойнаго отца Александра Васильевича Висковатаго, извѣстнаго въ свое время любителя отечественной исторіи и военнаго писателя, ту самую рукопись, которую мы тщетно искали, и передалъ ее въ распоряженіе ред. „Русской Старины".

Рукопись „Замѣчаній" переписана новымъ почеркомъ настоящаго вѣка, на 100 полулистахъ, и такъ какъ подстрочныя примѣчанія въ ней тѣ же самыя, какія находятся въ „Отечественныхъ Запискахъ" П. И. Свиньина, то несомнѣнно, что эта именно рукопись служила для напечатанія помянутыхъ „Замѣчаній на Записки Манштейна".

Сличая, однако, рукопись съ печатнымъ текстомъ „Отечественныхъ Записокъ", мы, какъ и предугадывали, нашли весьма существенныя разности — пропуски, сокращенія и измѣненія рукописнаго текста въ печати. Для образца приводимъ на выдержку слѣдующую страницу:

По тексту «Отеч. Зап.»

(стр. 224—226 XXI ч. „Отеч. Зап.").

„Впрочемъ, оставляемъ на судъ безпристрастнаго читателя рѣшить: можно ли было въ семъ случаѣ обвинять графа Остермана въ оскорбленіи величества и объявить, что онъ утаилъ завѣщательную грамату Екатерины I, обнародованную во всѣхъ публичныхъ вѣдомостяхъ тогдашняго времени? Хотя Остерманъ, съ другими, сосланъ былъ въ заточеніе, но замѣтить надлежитъ, что та же самая государыня, которая по тогдашнимъ обстоятельствамъ поступила такъ противу него и другихъ, съ нимъ сосланныхъ, оказала милость и снисхожденіе Долгоруковымъ, возвративъ ихъ изъ заточенія и возведя въ прежнее достоинство. Милосердіе императрицы Елизаветы Петровны простерлось и

По рукописи.

„Впрочемъ, оставляемъ на судъ безпристрастнаго читателя рѣшить: можно ли было въ семъ случаѣ обвинять графа Остермана въ оскорбленіи величества и объявить, что онъ утаилъ завѣщательную грамату Екатерины I, обнародованную во всей Россіи и напечатанную во всѣхъ публичныхъ вѣдомостяхъ того времени?

„Однако, Елисавета, по восшествіи своемъ на престолъ, не токмо обвинила графа Остермана, министра рѣдкихъ достоинствъ, оказавшаго Россіи важныя заслуги, но едва уже на самомъ лобномъ мѣстѣ остановила занесенную надъ главою его руку палача. Остерманъ, съ другими первѣйшими государственными мужами, сосланъ былъ въ заточеніе. Все пре-

шаго герцога курляндскаго
возвративъ его изъ Сибири,
ыня сія пожаловала ему на
ніе по шести тысячъ рублей
о, и опредѣлила для житель-
домъ въ Ярославлѣ. Кажет-
завета думала, будто Биронъ.
ѣ во время регентства съ
ъ Брауншвейгскимъ, помы-
возведеніи ея на престолъ".

ступленіе ихъ состояло въ томъ, что, сохраняя вѣрность присягѣ, учиненной императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ, признали они, согласно съ волею и опредѣленіемъ ея, наслѣдникомъ всероссійскаго престола Іоанна Антоновича, коего, по силѣ узаконенія Петра Великаго, Анна Іоанновна имѣла полную свободу, право и власть назначить. Замѣтить надлежитъ, что та же самая государыня, которая съ толикою гордостію и неправосудіемъ поступила противу Остермана и другихъ съ нимъ сосланныхъ, оказала жалость и снисхожденіе Долгоруковымъ, возвративъ ихъ изъ заточенія и возведя въ прежнее достоинство, хотя именно Долгоруковы въ 1730 году исключили ее отъ права наслѣдія.

„Благоволеніе ея простерлось и на бывшаго герцога курляндскаго, Бирона: возвративъ его изъ Сибири, императрица пожаловала ему на содержаніе по шести тысячъ рублей, ежегодно, и опредѣлила для жительства его домъ въ Ярославлѣ. Кажется, Елисавета думала, будто бы Биронъ, поссорясь во время регентства съ принцемъ Брауншвейгскимъ, помышлялъ о возведеніи ея на престолъ, почему и оказала ему таковое благодѣяніе".

вольно этого образчика, чтобы понять, что новое изданіе „Замѣчаній"— ечатанныя нами Записки Манштейна было положительно необходимо, и сдѣлали, цѣликомъ напечатавъ ихъ въ „Русской Старинѣ", изд.

о авторъ „Замѣчаній" и когда они писаны?

этотъ вопросъ изслѣдователи отвѣчали различно; между прочимъ, вопросу посвящено особое и интересное изслѣдованіе П. Н. Петрова, э мы помѣстили въ XXVI-мъ томѣ „Русской Старины" изд. 1879 г., текста „Замѣчаній". Здѣсь, однако, должны сказать, что „Замѣчанія" во второй половинѣ прошлаго вѣка, не позже 1770-хъ годовъ, и пи- е Ѳедоромъ Андреевичемъ Остерманомъ, не гр. Иваномъ Андрееви- Остерманомъ, какъ то думали прежде, и не графомъ Петромъ Ивано- Панинымъ, какъ то думалъ и доказывалъ, повидимому, довольно

основательно, П. Н. Петровъ, но именно графъ Эрнстъ Минихъ, какъ то, оказывается вполнѣ справедливо, утверждалъ еще П. К. Щебальскій, напечатавшій по сему вопросу особую статью: „Кто написалъ „Замѣчанія на Записки Манштейна“ („Чтенія въ Московскомъ обществѣ исторіи и древностей“ 1859 г., книга III)—и что нынѣ вполнѣ безспорно доказалъ Арведъ Яковлевичъ Юргенсонъ.

Спб., февраль 1891 г.

О происхожденіи Екатерины Алексѣевны I.

[Зап. Манш., изд. 1875 г., стр. 1].

Г. Манштейнъ, начиная Записки свои повѣствованіемъ происшествій, воспослѣдовавшихъ въ Россіи по кончинѣ императрицы Екатерины I, ничего не упоминаетъ о происхожденіи этой необыкновенной жены, почему почитаю достойнымъ любопытства читателя сообщить слѣдующее о семъ извѣстіе, какъ самое достовѣрное.

Кажется, что желавшіе прикрыть низкость породы Екатерины I, производя оную отъ лифляндскаго или польскаго дворянства, не размыслили достаточно о томъ, что таковымъ вымышленнымъ происхожденіемъ ни мало не усугубляется слава чрезвычайнаго возвышенія ея, ибо онымъ обязана она единственно прелестямъ красоты и ума своего.

Екатерина родилась въ Якобштадтѣ, небольшомъ городкѣ въ Курляндіи [1]), принадлежавшемъ въ прежнія времена одному командору Тевтоническаго ордена. Отецъ ея, бывшій учителемъ при школѣ въ Якобштадтѣ, имѣя многочисленное семейство, нуждался въ содержаніи его. Глюкъ, лютеранскій пасторъ въ Маріенбургѣ [2]), съ которымъ отецъ Екатерины находился въ дружескихъ связяхъ, изъявилъ желаніе взять къ себѣ одну изъ дочерей послѣдняго и пристроить ее; жребій палъ на Екатерину. Пасторъ принялъ дѣвицу сію въ домъ свой, имѣлъ попеченіе о воспитаніи ея, и въ 1702 году помолвилъ ее за одного швед-

[1]) Зельбургскаго уѣзда.

[2]) Лифляндской губерніи.

каго унтеръ-офицера, служившаго въ квартировавшемъ въ Маріенбургѣ полку.

Чрезъ нѣсколько дней по сговорѣ Екатерины, россіяне приблизились къ Маріенбургу, осадили, покорили оной приступомъ и всѣхъ жителей плѣнили [1]). По существовавшему тогда обыкновенію, таковые плѣнные отсылались внутрь Россіи, какъ для умноженія народонаселенія, такъ и для распространенія ремеслъ и художествъ.

Русскіе вельможи, возымѣвъ отличное мнѣніе о дарованіяхъ лифляндокъ и шведокъ, старались помѣщать ихъ въ домоводки и наставницы къ дѣтямъ своимъ. По покореніи Маріенбурга, Екатерина досталася въ удѣлъ генералъ-поручику Бауру, но не надолго оставалась у него; князь Меншиковъ увидѣлъ ее, пожелалъ имѣть у себя и получилъ согласіе г. Баура. Вскорѣ послѣ сего, Петръ Великій, посѣтивъ любимца своего, нечаянно встрѣтился съ юною прекрасною Екатериною; восхитясь прелестями ея, немедленно спросилъ, кто сія дѣвица? Кн. Меншиковъ, разсказавъ о состояніи Екатерины, превознесъ похвалами способности ума и кротость нрава ея. Императоръ, пылкій въ страстяхъ своихъ, тотчасъ рѣшился соединиться съ Екатериною. Съ сего дня раздѣляла она съ государемъ ложе, хотя чрезъ долгое время потомъ не была еще объявлена супругою [2]) императора: торжественное бракосочетаніе Петра съ Екатериною послѣдовало [3]) по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ.

О родственникахъ Екатерины I.

Екатерина имѣла брата и двухъ сестеръ, которые съ семействомъ своимъ, во время жизни Петра Великаго, будучи призваны въ Россію, жительствовали въ Петербургѣ, получая пристойное содержаніе. По восшествіи на престолъ Екатерины, появились при дворѣ россійскомъ дѣти родныхъ ея: рожденныя

---

[1]) По одержаніи фельдмаршаломъ графомъ Борисомъ Петровичемъ Шереметевымъ двухъ побѣдъ надъ шведскимъ генераломъ Шлиппенбахомъ, въ окрестностяхъ Дерпта и при рѣкѣ Эмбахѣ, вскорѣ одна за другою послѣдовавшихъ, россіяне овладѣли Маріенбургскимъ замкомъ 25-го августа 1702 года.

[2]) Объявленіе послѣдовало передъ отправленіемъ въ прутскій походъ 1711 г.

[3]) 19-го февраля 1712 г. Прим. рукоп.

отъ брата—подъ именемъ графовъ и графинь Скавронскихъ; происшедшія отъ старшей сестры—подъ названіемъ графовъ Гендрыковыхъ, а отъ младшей—подъ именемъ графовъ Ефимовскихъ.

О семействѣ пастора Глюка.

Прежній благодѣтель Екатерины пасторъ Глюкъ также не остался въ забвеніи. Щедро одаренный, по прибытіи его въ Россію, былъ опредѣленъ начальникомъ вновь заведенной гимназіи. Сыновья его вступили въ гражданскую службу, а дочери помѣщены были ко двору; старшая изъ нихъ, бывшая въ супружествѣ за адмираломъ Виллбоа, была изъ первыхъ статсъ-дамъ по учрежденіи сего достоинства при россійскомъ дворѣ.

Поступокъ Петра II противъ бабки его.

[Зап. Маншт., стр. 2—3].

Сочинитель въ разсказѣ своемъ долженствовалъ бы, по всей справедливости, поступокъ Петра II противу бабки его приписать точно родственной любви, а не относить оный къ благодѣтельному обыкновенію россійскихъ монарховъ, которые, желая вступленіе свое на престолъ ознаменовать благотвореніями, освобождаютъ нѣкоторыхъ преступниковъ, содержимыхъ въ заключеніи. Младый императоръ, равномѣрно какъ и сестра его царевна Наталья Алексѣевна, во многихъ случаяхъ явили, что они имѣли душу столь же сострадательную, сколько и благотворительную.

О царицѣ Евдокіи изъ рода Лопухиныхъ.

О царицѣ Евдокіи достаточно упомянуть вкратцѣ. Совершенная противоположность и несходство въ нравахъ ея и Петра I подавали поводъ къ непрестанному несогласію между супругами. Царь, коего возвышенный умъ и сердце заняты были единственно великими преднамѣреніями къ благоденствію отечества, не обрѣтая успокоенія въ чертогахъ своихъ, напослѣдокъ поте-

ъ терпѣніе и соскучилъ всегдашнимъ неудовольствіемъ, пре-ловіями и сопротивленіемъ непокорливой супруги. По возвра-ніи своемъ, въ 1698 году, изъ чужихъ краевъ въ Москву, не елалъ онъ уже и видѣть Евдокію, и сослалъ ее въ Суздаль, дѣ и пострижена была въ дѣвичьемъ монастырѣ [1]). По проше-твіи нѣсколькихъ лѣтъ, будучи замѣшана въ дѣлѣ сына своего аревича Алексѣя Петровича, Евдокія была перевезена въ Ста-ую Ладогу и содержалась тамъ подъ строгимъ присмотромъ. Въ семъ заключеніи пробыла она до вступленія на престолъ внука воего и токмо уже по паденіи кн. Меншикова призвана была Петромъ II въ Москву, гдѣ жительствовала въ Кремлѣ, имѣя ри себѣ небольшой статъ. Вскорѣ, соскучивъ дворскою жизнью, далилась въ дѣвичій Вознесенскій монастырь, что въ Кремлѣ, ъ которомъ, въ царствованіе императрицы Анны, скончалась и огребена [2]) въ 1731 г. Братъ ея, Авраамъ Ѳеодоровичъ Лопу-инъ, содѣлался жертвою приверженности своей къ царевичу лексѣю и былъ казненъ; оставивъ двухъ сыновей, изъ коихъ ладшій, Василій Авраамовичъ, дослужась до званія генералъ-ншефа, съ честію палъ на полѣ сраженія въ гроссъ-егерсдорф-кой битвѣ съ прусскимъ фельдмаршаломъ Левальдомъ, послѣ-овавшей въ 1757 году.

звѣстіе о графѣ Бассевичѣ, находившемся голштинскимъ посланникомъ при россійскомъ дворѣ.

[Зап. Манш., стр. 3—4].

Графъ Бассевичъ, происходившій отъ одной древней мекле-ургской дворянской фамиліи, нѣкоторое время находился въ ольшой силѣ при россійскомъ дворѣ. Графъ сей одаренъ былъ роницательнымъ умомъ, плодовитымъ воображеніемъ и твердо-тью въ предпріятіяхъ, ничѣмъ непоколебимою. Расточительный, селонравный графъ, будучи великій говорунъ, не умѣлъ иногда охранить ввѣренную ему тайну.

[1]) Евдокія Ѳеодоровна изъ дому Лопухиныхъ, по постриженіи ея въ Суз-лѣ, въ Покровскомъ монастырѣ, наречена была въ иночествѣ Еленою.

[2]) Вознесенскій монастырь, въ Москвѣ, воздвигнутъ въ 1329 году иждивеніемъ Евдокіи Димитріевны, супруги славнаго Донскаго, а въ 1721 году перестроенъ и возобновленъ по повелѣнію Петра Великаго. Примѣч. рукоп.

Онъ служилъ уже при голштинскомъ дворѣ въ то время, когда знаменитый баронъ Герцъ объѣзжалъ дворы главныхъ европейскихъ державъ, убѣждая ихъ водворить спокойствіе на сѣверѣ и примирить Карла XII съ Петромъ Великимъ, дабы общія силы сихъ монарховъ обратить противу прочихъ непріятелей несчастнаго героя. Герцъ, испытавъ искусство графа Бассевича, отправилъ его въ Петербургъ для открытія мирныхъ переговоровъ и предложенія о бракѣ шлезвигъ-голштинскаго герцога Карла Фридриха со старшею дочерью императора. Хотя первыя покушенія Бассевича были неудачны, но Петръ получилъ доброе мнѣніе о способностяхъ министра, а князь Меншиковъ, которому, во время осады Тенингена и, потомъ, въ Помераніи, Бассевичъ оказалъ многія услуги, имѣлъ къ нему полную довѣренность. Посланникъ сей, имѣя разныя порученія отъ государя своего и отъ самого Петра Великаго, неоднократно ѣздилъ въ Вѣну, Берлинъ и Штокгольмъ, и, возвратясь въ Россію, склонилъ императора на предложенное бракосочетаніе. Обрученіе царевны Анны Петровны съ герцогомъ Карломъ Фридрихомъ совершилось въ Петербургѣ [1]) и тогда голштинскій дворъ возымѣлъ большую надежду получить возмездіе за понесенныя потери, какъ внезапная кончина императора россійскаго, послѣдовавшая чрезъ нѣсколько недѣль по обрученіи [2]), вдругъ разрушила всѣ лестныя ожиданія герцога.

Происки графа Бассевича къ возведенію на россійскій престолъ Екатерины I.

И такъ, надлежало графу Бассевичу истощить всѣ способы ума своего, дабы споспѣшествовать возведенію на россійскій престолъ такой особы, которая столько же бы принимала участія въ судьбѣ голштинскаго герцога, сколько оказывалъ Петръ Великій. Знаменитый сей государь, свершивъ преславное поприще, находился при послѣднемъ издыханіи, не учинивъ никакого распоряженія о наслѣдствѣ. Во всякомъ монаршескомъ правленіи, гдѣ наслѣдіе преходитъ по первородству мужескаго поколѣнія, не пред-

[1]) 24-го ноября 1724 г.
[2]) 28-го января 1725 г.

стало-бъ ни малѣйшаго затрудненія; въ самой Россіи долженствовали вѣдать какъ слѣдуетъ поступить въ семъ случаѣ, ибо существовалъ внукъ Петра Великаго. Но, поелику монархъ сей издалъ узаконеніе [1]), по коему самодержцы Россійской имперіи имѣютъ власть наименовать наслѣдника по избранію и волѣ своей, то право юнаго Петра, не бывъ утверждено императоромъ, казалось сомнительнымъ. Во власти Петра I состояло назначить преемницею престола или супругу, или которую изъ дщерей своихъ. И такъ, въ настоящихъ обстоятельствахъ, когда не былъ опредѣленъ преемникъ державы, кому принадлежало право наслѣдія? Екатеринѣ-ли, какъ вѣнчанной главѣ, или малолѣтнему внуку, единственному отраслю мужескаго поколѣнія Романова дома? Первое мнѣніе не подкрѣплялось никакимъ обнародованнымъ объявленіемъ, ниже какимъ-либо тайнымъ постановленіемъ. Второе основано было на правѣ самой природы, и не имѣли ни малѣйшаго доказательства, чтобы императоръ намѣревался устранить внука своего отъ наслѣдія престола. Слѣдовательно, право Петра II не подвергалось прекословію. Хотя бо́льшая часть вельможъ, собравшихся по кончинѣ Петра Великаго, мыслили согласно съ симъ заключеніемъ,—однако, происки одного предпріимчиваго человѣка, который умѣлъ извлечь пользу изъ страха другаго честолюбца, разрушили самый естественный порядокъ наслѣдія. Съ одной стороны, выгоды голштинскаго герцога, обрученнаго со старшею дщерію покойнаго императора, требовали, дабы въ случаѣ, если нельзя будетъ невѣстѣ занять престолъ, возвести на оный матерь ея; съ другой стороны, Меншиковъ, мало любимый, или, справедливѣе сказать, ненавидимый боярами, не иначе могъ удержать за собою власть, какъ доставивъ скипетръ Екатеринѣ, постоянной его покровительницѣ и которая сама была ему много обязана.

Не трудно было Бассевичу преклонить князя Меншикова на рѣшительный поступокъ, успѣхъ котораго долженствовалъ вѣнчать честолюбіе сего князя. По внушенію голштинскаго ми-

---

[1]) Подробное свѣдѣніе о семъ узаконеніи Петра Великаго любопытный можетъ видѣть въ книжкѣ подъ заглавіемъ: „Правда воли монаршей во опредѣленіи наслѣдника державы своей“. Примѣч. рукоп.

нистра, князь Меншиковъ, въ самое мгновеніе кончины Петра Великаго, овладѣлъ императорскою казною, обольстилъ начальниковъ и офицеровъ гвардіи, окружилъ дворецъ войскомъ и предъ лицемъ онаго провозгласилъ всероссійскою императрицею Екатерину.

Все совершилось по желанію: Екатерина безпрепятственно вступила на престолъ; князь Меншиковъ содѣлался могущественнымъ и первымъ вельможею; бракосочетаніе царевны Анны Петровны вскорѣ послѣдовало и графъ Бассевичъ получилъ богатые подарки и оба россійскіе ордена. А герцогъ голштинскій, подкрѣпляемый могущественнымъ союзомъ съ Россіею, возымѣлъ твердую надежду пріобрѣсти Шлезвигскую область.

Что при семъ случаѣ получилъ герцогъ Голштинскій.

Тогда европейскія державы раздѣлены были на два большіе союза, ганноверскій и вѣнскій. Бассевичъ преклонилъ Россію приступить къ послѣднему, а въ пользу герцога голштинскаго исходатайствовалъ, чтобы императоръ и король испанскій выдавали сему герцогу, до возвращенія ему шлезвигскаго владѣнія, ежегодно по пятидесяти тысячъ рейхсталеровъ.

Нѣчто о завѣщаніи Екатерины I.

Достопримѣчательная духовная грамота императрицы Екатерины, обнародованная и помѣщенная во всѣхъ публичныхъ актахъ тогдашняго времени, равномѣрно есть твореніе Бассевича. Въ оной, между прочими, находились и слѣдующія двѣ статьи: чтобы впредь навсегда содержать въ Москвѣ и Петербургѣ дома для помѣщенія посланниковъ голштинскаго герцога, и чтобы, въ возмездіе ревности, съ каковою графъ Бассевичъ не преставалъ содѣйствовать о возвращеніи герцогу Голштинскому достоянія предковъ его, наградить графа Бассевича Гусумскимъ помѣстьемъ въ Шлезвигѣ, по обратномъ пріобрѣтеніи сего герцогства.

Царевна Анна Петровна съ супругомъ своимъ отправлены въ Киль.

[Зап. Маншт., стр. 4].

Въ продолженіе царствованія Екатерины графъ Бассевичъ постоянно пользовался полною довѣренностію князя Меншикова; но, по кончинѣ сей императрицы, Меншиковъ, желая одинъ господство-

бургскаго кабинета, учрежденная по заключеніи союза съ вѣнскимъ дворомъ, перервала дальнѣйшія покушенія Пруссіи. Императоръ Карлъ VI предложилъ въ супруги принцессѣ Аннѣ племянника своего Антона Ульриха, принца брауншвейгъ-вольфенбютельскаго, который и не замедлилъ отправиться въ Петербургъ.

О нѣкоторыхъ случаяхъ при кончинѣ Петра II.

[Зап. Маншт., стр. 19—20].

О подлогѣ духовнаго завѣщанія Петра II представили доказательства. Князь Сергѣй Григорьевичъ Долгоруковъ обвиненъ былъ и признался въ сочиненіи онаго на-черно; за сіе князь Сергѣй Долгоруковъ лишенъ всѣхъ достоинствъ и колесованъ въ Новѣгородѣ 26-го октября 1739 года. Г. Манштейнъ заблуждается, разсказывая, будто князь Иванъ Алексѣевичъ Долгоруковъ [1]), въ самое мгновеніе кончины Петра II, вышедши съ обнаженною шпагою изъ комнаты, гдѣ скончался государь, провозгласилъ императрицею обрученную сестру свою княжну Екатерину Алексѣевну [2]). Сего не было и на таковой дерзновенный поступокъ не могъ рѣшиться князь Долгоруковъ, не вѣдая еще о преднамѣреніяхъ верховнаго совѣта, собравшагося для сужденія и рѣшенія о наслѣдіи трона. Все же, что потомъ сочинитель говоритъ о избраніи герцогини курляндской, о причинахъ, побудившихъ предпочесть ее другимъ особамъ царскаго дома, и о условіяхъ, на коихъ желали вручить ей державу,—согласно съ истиною.

[1]) Князь Иванъ Алексѣевичъ, сынъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника и члена тайнаго верховнаго совѣта, камерюнкеръ императора Петра II, при кончинѣ сего государя едва вступилъ на 19-й годъ; не смотря на таковую молодость, блистательныя связи, обрученіе сестры его съ монархомъ—доставили ему важнѣйшія почести: онъ былъ оберъ-камергеромъ, гвардіи Преображенскаго полка маіоромъ, кавалеромъ св. Андрея и св. Александра. Сей князь съ другими несчастными Долгоруковыми, при Аннѣ Іоанновнѣ, лишенъ былъ всѣхъ почестей и колесованъ въ Новѣгородѣ.

[2]) Княжна Екатерина Алексѣевна Долгорукова, дочь дѣйств. тайн. сов. князя Алексѣя Григорьевича, вторая невѣста Петра II, получила орденъ св. Екатерины въ день обрученія, въ 1730 году: по восшествіи на престолъ Анны Іоанновны, лишена была ордена и сослана, вмѣстѣ съ родителемъ своимъ, въ ссылку, откуда при Елисаветѣ возвращена и вступила въ супружество съ генераломъ графомъ Александромъ Брюсомъ. Примѣч. рукоп.

О графѣ Остерманѣ.

[Зап. Маншт., стр. 21].

Можетъ быть, что графъ Остерманъ, старый и подверженный болѣзнямъ человѣкъ, находясь неотлучно, по званію оберъ-гофмейстера, при воспитаніи при умирающемъ отъ оспы Петрѣ II, дѣйствительно изнурился и занемогъ. Можетъ статься, что, подъ предлогомъ болѣзни, желалъ онъ и уклониться отъ присутствія въ совѣтѣ при крайне затруднительномъ разсужденіи о наслѣдіи. Не разрѣшая сего, замѣтимъ, что если бы графъ Остерманъ явился въ верховный совѣтъ и пожелалъ бы защищать духовное завѣщаніе императрицы Екатерины I-й, то не оказалъ бы важной услуги дочери ея. Завѣщаніе сіе, за два года предъ тѣмъ обнародованное, у всѣхъ находилось въ свѣжей памяти. Долгоруковы и Голицыны хорошо вѣдали о существованіи и о содержаніи онаго; но они никакъ не хотѣли видѣть на престолѣ дщерь Петра I, и рѣшительно объявили, что, по извѣстнымъ имъ причинамъ, царевна Елисавета долженствуетъ быть устранена отъ престола. Нельзя опровергать мнѣнія г. Манштейна, что, можетъ быть, если бы Елисавета Петровна предстала предъ народъ, то оный и войско, принявъ участіе въ судьбѣ сей царевны, вручили-бъ ей державу, но извѣстно, что болѣзнь, отъ которой тогда не совсѣмъ еще она оправилась, не допустила ея прибѣгнуть къ сему средству.

Впрочемъ, оставляемъ на судъ безпристрастнаго читателя рѣшить: можно ли было въ семъ случаѣ обвинять графа Остермана въ оскорбленіи величества, и объявить, что онъ утаилъ завѣщательную грамату Екатерины I, обнародованную во всей Россіи и напечатанную во всѣхъ публичныхъ вѣдомостяхъ того времени?

Однако Елисавета, по восшествіи своемъ на престолъ, не токмо обвинила графа Остермана, министра рѣдкихъ достоинствъ, оказавшаго Россіи важныя заслуги, но едва уже на самомъ лобномъ мѣстѣ остановила занесенную надъ главою его руку палача. Остерманъ, съ другими первѣйшими государственными мужами, сосланъ былъ въ заточеніе. Все преступленіе ихъ состояло въ томъ, что, сохраняя вѣрность присягѣ, учиненной императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ, признали они, согласно съ волею и опредѣленіемъ

ея, наслѣдникомъ всероссійскаго престола Іоанна Антоновича, коего, по силѣ узаконенія Петра Великаго, Анна Іоанновна имѣла полную свободу, право и власть назначить. Замѣтить надлежитъ, что та же самая государыня, которая съ толикою строгостью и неправосудіемъ поступила противу Остермана и другихъ съ нимъ сосланныхъ, оказала милость и снисхожденіе Долгоруковымъ, возвративъ ихъ изъ заточенія и возведя въ прежнее достоинство, хотя именно Долгоруковы, въ 1730 году, исключили ее отъ права наслѣдія. Благоволеніе ея простерлось и на бывшаго герцога курляндскаго Бирона: возвративъ его изъ Сибири, императрица пожаловала ему на содержаніе по шести тысячъ рублей ежегодно, и опредѣлила для жительства его домъ въ Ярославлѣ. Кажется, Елисавета думала, будто бы Бирону, поссорясь во время регентства съ принцемъ Брауншвейгскимъ, помышлялъ о возведеніи ея на престолъ, почему и оказала ему таковое благодѣяніе.

Объ отправленіи Сумарокова гр. Ягужинскимъ къ Аннѣ Іоанновнѣ съ извѣщеніемъ о замыслахъ верховнаго совѣта.

[Зап. Манштт., стр. 22].

Не чрезъ г. Сумарокова, отправленнаго графомъ Ягужинскимъ, Анна Іоанновна получила первое извѣстіе о избраніи ея на россійскій престолъ и объ условіяхъ, на коихъ верховный совѣтъ предполагалъ вручить ей скипетръ правленія. Графъ Карлъ Густавъ Левенвольдъ, находившійся тогда камергеромъ при россійскомъ дворѣ, отправилъ тайнымъ образомъ нарочнаго къ старшему брату своему Рейнгольду, жившему въ Лифляндіи. Посланный, переодѣтый въ крестьянское платье, вышелъ пѣшкомъ за заставу города, сѣлъ въ приготовленныя въ нѣкоторомъ разстояніи сани, употребилъ возможную поспѣшность и удачно прибылъ въ Лифляндію съ письмомъ гр. Карла Левенвольда. Графъ Рейнгольдъ тотчасъ поскакалъ въ Митаву и первый подробно донесъ Аннѣ Іоанновнѣ о распоряженіяхъ московскаго верховнаго совѣта. Таковый опытъ приверженности графовъ Левенвольдовъ пріобрѣлъ полную довѣренность императрицы Анны, которая вскорѣ взвела ихъ на первыя степени въ государствѣ [1]).

[1]) Графъ Рейнгольдъ Левенвольдъ былъ оберъ-гофмаршаломъ и кавалеромъ св. Андрея и св. Александра. Въ 1742 году, по восшествіи на престолъ

О стараніи Анны Іоанновны пріобрѣсти на свою сторону приверженцевъ.

[Зап. Манш., стр. 23].

Анна Іоанновна не имѣла ни малѣйшей надобности ссорить членовъ верховнаго совѣта, ниже обольщать подарками гвардію. По прибытіи въ Москву, она нашла множество къ особѣ ея сердецъ. Россійское дворянство, пріобыкшее въ теченіи многихъ столѣтій повиноваться самодержавной власти, дышущее неимовѣрною любовію къ монархамъ своимъ, съ сокрушеніемъ взирало на деспотическую аристократію, сосредоточествовавшуюся въ двухъ фамиліяхъ, которыя, по всѣмъ вѣроподобіямъ, всѣ почести и милости изливали бы единственно на однихъ своихъ приверженниковъ. Дѣйствительно, какое другое правленіе можетъ быть прочнѣе, полезнѣе, славнѣе для государства, а особенно для столь обширнаго, какова Россія, какъ самодержавное? Мудрый, человѣколюбивый, слѣдственно и попечительный о благѣ подданныхъ своихъ, самодержецъ всѣ вѣтви народоправленія объемлетъ недремлющимъ взоромъ, всемогущественною дланію приводитъ въ безостановочное движеніе. И такъ, многіе дворяне, военные и гражданскіе чиновники, одушевленные лобовію къ престолу, не хотѣли долѣе видѣть ограниченную власть государыни, прибѣгнули къ князьямъ Ивану Юрьевичу Трубецкому и Алексѣю Михайловичу Черкаскому, просили сихъ бояръ быть ихъ путеводителями и отъ имени всѣхъ ихъ поднести императрицѣ прошеніе, дабы она благоволила самодержавно царствовать, по подобію предшественниковъ своихъ. Упомянутые князья склонились на предложеніе. Оставалось токмо узнать образъ мыслей императрицы, за поступками коея тщательно присматривали князья Долгоруковы. Тайну сію ввѣрили госпожѣ Салтыковой, родной сестрѣ жены князя Черкаскаго, а князя Трубецкаго—племянницѣ. Г-жа Салтыкова, имѣвшая свободный

Елисаветы Петровны, съ другими знаменитыми вельможами, учинился несчастною жертвою неправосудія, и былъ сосланъ въ заточеніе въ Соликамскъ, гдѣ и умеръ въ 1758 году. Графъ Карлъ, умершій въ 1735 году, былъ оберъ-шталмейстеромъ, генералъ-поручикомъ, генералъ-адъютантомъ и гвардіи Измайловскаго полка подполковникомъ; имѣлъ орденъ св. Андрея. Примѣч. рукоп.

ея, наслѣдникомъ всероссійскаго престола Іоанна Антоновича, коего, по силѣ узаконенія Петра Великаго, Анна Іоанновна имѣла полную свободу, право и власть назначить. Замѣтить надлежитъ, что та же самая государыня, которая съ толикою строгостью и неправосудіемъ поступила противу Остермана и другихъ съ нимъ сосланныхъ, оказала милость и снисхожденіе Долгоруковымъ, возвративъ ихъ изъ заточенія и возведя въ прежнее достоинство, хотя именно Долгоруковы, въ 1730 году, исключили ее отъ права наслѣдія. Благоволеніе ея простерлось и на бывшаго герцога курляндскаго Бирона: возвративъ его изъ Сибири, императрица пожаловала ему на содержаніе по шести тысячъ рублей ежегодно, и опредѣлила для жительства его домъ въ Ярославлѣ. Кажется, Елисавета думала, будто бы Биронъ, поссорясь во время регентства съ принцемъ Брауншвейгскимъ, помышлялъ о возведеніи ея на престолъ, почему и оказала ему таковое благодѣяніе.

Объ отправленіи Сумарокова гр. Ягужинскимъ къ Аннѣ Іоанновнѣ съ извѣщеніемъ о замыслахъ верховнаго совѣта.

[Зап. Манш., стр. 22].

Не чрезъ г. Сумарокова, отправленнаго графомъ Ягужинскимъ, Анна Іоанновна получила первое извѣстіе о избраніи ея на россійскій престолъ и объ условіяхъ, на коихъ верховный совѣтъ предполагалъ вручить ей скипетръ правленія. Графъ Карлъ Густавъ Левенвольдъ, находившійся тогда камергеромъ при россійскомъ дворѣ, отправилъ тайнымъ образомъ нарочнаго къ старшему брату своему Рейнгольду, жившему въ Лифляндіи. Посланный, переодѣтый въ крестьянское платье, вышелъ пѣшкомъ за заставу города, сѣлъ въ приготовленныя въ нѣкоторомъ разстояніи сани, употребилъ возможную поспѣшность и удачно прибылъ въ Лифляндію съ письмомъ гр. Карла Левенвольда. Графъ Рейнгольдъ тотчасъ поскакалъ въ Митаву и первый подробно донесъ Аннѣ Іоанновнѣ о распоряженіяхъ московскаго верховнаго совѣта. Таковый опытъ приверженности графовъ Левенвольдовъ пріобрѣлъ полную довѣренность императрицы Анны, которая вскорѣ взвела ихъ на первыя степени въ государствѣ [1]).

[1]) Графъ Рейнгольдъ Левенвольдъ былъ оберъ-гофмаршаломъ и кавалеромъ св. Андрея и св. Александра. Въ 1742 году, по восшествіи на престолъ

сей единственно за невоздержности языка своего дважды сосланъ былъ въ заточеніе: первый разъ за площадную пословицу, употребленную имъ въ разговорѣ съ царевичемъ, несчастнымъ сыномъ Петра I; другой разъ за оскорбительныя слова, произнесенныя на счетъ императрицы Анны. По возвращеніи изъ ссылки въ царствованіе Елисаветы Петровны, князь Долгоруковъ былъ пожалованъ президентомъ государственной военной коллегіи. Грубыми поступками и непристойными шутками лишилъ онъ Россію многихъ превосходныхъ иностранныхъ офицеровъ, и, между прочими, двухъ генераловъ, которые впослѣдствіи, предъ лицомъ всей Европы, ознаменовали отличныя и самыя блистательныя дарованія свои въ военномъ ремеслѣ: я говорю о Левендалѣ и Кейтѣ.

О перемѣнѣ Бирономъ настоящей своей фамиліи.

[Зап. Маншт., стр. 31].

Справедливо, что наперсникъ Анны Іоанновны перемѣнилъ настоящую свою фамилію Биренъ на Бирона; но ложно, что онъ принялъ гербъ сего дома французскихъ герцоговъ. Гербъ, пожалованный Бирону при возведеніи его императоромъ Карломъ VI въ графское достоинство, совсѣмъ различествовалъ отъ перваго. Впрочемъ, герцогъ Курляндскій, желая выводить происхожденіе свое отъ французскихъ Бироновъ, имѣлъ по сему предмету переписку со старшимъ герцогомъ сей фамиліи, который отвѣчалъ: «Мнѣ вовсе неизвѣстно, чтобы кто нибудь изъ фамиліи нашей переселился въ другія государства; но если одинъ изъ владѣтельныхъ европейскихъ государей почитаетъ себя происшедшимъ отъ французскаго дворянства, то симъ дѣлаетъ онъ честь народу французскому».

Продолженіе о Биронѣ.

[Зап. Маншт., стр. 31–32].

Биронъ былъ уменъ, и хотя онъ никакого языка не зналъ порядочно, но отъ природы одаренъ былъ краснорѣчіемъ. Кто сказалъ г. Манштейну, будто бы Биронъ не имѣлъ разсудка здраваго, тотъ худо зналъ сего герцога. Единственно исхитивъ титулъ регента, сей любимецъ счастія мгновенно потерялъ его.

находился членомъ тайнаго кабинета и л.-гв. Семеновскаго полка подполковникомъ, и получилъ иностранные ордены Бѣлаго Орла и Слона; въ 1730 году лишенъ всѣхъ чиновъ и знаковъ отличій и сосланъ былъ въ заточеніе; при Елисаветѣ возвращенъ изъ ссылки, получилъ прежнія почести и, сверхъ, орденъ св. Александра; будучи президентомъ военной коллегіи, умеръ въ 1746 году.

Примѣч. рукоп.

О португальскомъ принцѣ донѣ Эмануэлѣ.

[Зап. Манш., стр. 35].

Весьма естественно, что Бирономъ не согласился и не одобрилъ намѣренія графа Вратислава, вѣнскаго министра, предлагавшаго о бракосочетаніи императрицы Анны Іоанновны съ португальскимъ принцемъ домомъ Эмануэлемъ. Принцъ сей пріѣзжалъ въ Москву; не взирая на любезность его, нимало не понравился; будучи принятъ весьма вѣжливо и получа богатые подарки, безъ всякаго успѣха возвратился онъ въ Вѣну. Но несправедливо заключеніе г. Манштейна: «къ счастію, что въ то время вѣнскій дворъ не имѣлъ надобности въ помощи Россіи»; ибо именно въ то время помышляли уже исходатайствовать отъ Россіи ручательство по прагматическому уложенію Карла VI, а щедрые подарки и почести отличныя, оказанныя симъ монархомъ Бирону, достаточно убѣждаютъ, что вѣнскій кабинетъ тщательно домогался о снисканіи дружества Россіи. Впрочемъ, вѣнскій ли дворъ намѣревался сочетать дона Эмануэля, или токмо самъ принцъ сей помышлялъ объ ономъ, но достовѣрно, что императоръ, желая сблизиться съ Россіею, не замедлилъ предложить о супружествѣ племянника своего съ принцессою Анною Карловною.

Объ адмиралѣ Сиверсѣ.

[Зап. Манш., стр. 38].

Г. Манштейнъ несправедливо почитаетъ графа Миниха виновникомъ наказанія, претерпѣннаго адмираломъ Сиверсомъ и г. Финкомъ. Петръ II, отправясь въ Москву, ввѣрилъ главное начальство въ С.-Петербургѣ Миниху; императрица Анна, по вступленіи своемъ на престолъ, подтвердивъ его въ семъ званіи, препоручила ему тщательно наблюдать за поступками недовольныхъ. Когда графъ Минихъ приводилъ къ присягѣ на вѣрность службы новой императрицѣ войско и гражданъ Петербурга, г. Сиверсъ оказалъ нѣкоторыя затрудненія и медлилъ привести къ присягѣ подчиненныхъ ему морскихъ служителей. Въ то же время гг. Сиверсъ и Финкъ весьма неосторожно разсуждали

о сдѣланномъ неправосудіи въ исключеніи отъ наслѣдія престола царевны Елисаветы. Священный долгъ вѣрности повелѣвалъ Миниху довести сіе до свѣдѣнія двора. Слѣдующій случай еще болѣе показываетъ безразсудность г. адмирала. Графъ Минихъ, по случаю восшествія на престолъ Анны Іоанновны, давалъ празднество, на которое приглашенъ былъ и г. Сиверсъ; за столомъ графъ, подавая бокалъ шампанскаго, предложилъ Сиверсу выпить за здравіе новой императрицы. Послѣдній отказался, сказавъ:

— «Тогда выпью, когда получу изъ Москвы достовѣрнѣйшія извѣстія». Отъ самого графа Миниха слышалъ я о семъ.

О китайскомъ посольствѣ.

[Зап. Манш., стр. 41].

Китайское посольство, о коемъ упоминаетъ г. Манштейнъ, не есть первое къ россійскому двору. Присланное въ предшествовавшемъ году, таковое же прибыло въ Москву съ поздравленіемъ о восшествіи на престолъ Анны Іоанновны и съ испрошеніемъ свободнаго пропуска чрезъ Сибирскія губерніи для посольства, назначеннаго отъ китайскаго императора къ калмыцкому хану. Посольство сіе при россійскомъ дворѣ было принято милостиво, успѣло въ переговорахъ и возвратилось въ Китай съ особеннымъ удовольствіемъ. Въ слѣдующій годъ, т. е. въ 1732 году, прибыло въ С.-Петербургъ вторичное, упоминаемое г. Манштейномъ. Оно состояло изъ трехъ пословъ; главный изъ нихъ въ произнесенной рѣчи, между прочимъ, упоминаетъ, что китайскій императоръ повелѣлъ имъ принести россійской императрицѣ благодарность за благосклонное принятіе перваго посольства, засвидѣтельствовать о чувствахъ дружества повелителя ихъ и поднести ея величеству подарки.

Императрица, сидящая на тронѣ, окруженная пышнымъ дворомъ, приняла китайское посольство. Послы, вошедши въ тронную, немедленно стали на колѣна, и во все продолженіе аудіенціи находясь въ семъ раболѣпномъ положеніи, каждый разъ при произношеніи имени ея величества, падали ницъ. Свита посольская, при отверстыхъ дверяхъ изъ тронной, пребывала въ другой

комнатѣ, такъ же на колѣнахъ стоя и падая ницъ вмѣстѣ съ послами своими.

Подарки состояли въ фарфорѣ, статуйкахъ, украшенныхъ кораллomъ и жемчужною маткою, въ шолковыхъ тканяхъ, разрисованныхъ и позлащенныхъ обояхъ, въ небольшихъ лакированныхъ бумажныхъ приборахъ и въ превосходномъ чаѣ.

Несправедливо говоритъ г. Манштейнъ, что въ Петербургѣ недовольны были поведеніемъ сего китайскаго посольства. Напротивъ, я самъ неоднократно имѣлъ случай видѣться и разговаривать съ послами и съ прочими чиновниками, къ свитѣ принадлежавшими: всѣ они были люди вѣжливые, разсудительные и обходительные. Даже съ услугою своею, никогда не слыхано о дурныхъ поступкахъ сего посольства.

О размолвкѣ графа Миниха съ Бирономъ.

[Зап. Манш., стр. 44—45].

Довѣренность, коею пользовался графъ Минихъ, поколебалась прежде путешествія императрицы Анны Іоанновны по Ладожскому каналу. Причины сему были слѣдующія. Въ Россіи весьма обыкновенно, что человѣка, пользующагося благоволеніемъ двора, если онъ успѣшно отправляетъ службу свою, почитаютъ способнымъ ко всѣмъ дѣламъ и возлагаютъ на него премножество разнообразныхъ должностей. Графъ Минихъ, честолюбивый, ревностный, дѣятельный, неутомимый, не отрекался ни отъ какого порученія. Въ одно и то же время былъ онъ фельдмаршаломъ надъ войскомъ, членомъ тайнаго кабинета, президентомъ военной коллегіи, генералъ-фельдцейхмейстеромъ, генералъ-директоромъ надъ фортификаціями, главнымъ директоромъ Ладожскаго канала и генералъ-полиціймейстеромъ. Занимая такое множество важнѣйшихъ обязанностей, можно ли отправлять ихъ успѣшно? можно ли угодить всему обществу? — Особенно преобразованіе, учиненное имъ въ гвардіи, навлекло на него негодованіе знатныхъ. Графъ Минихъ уничтожилъ въ гвардейскихъ полкахъ званіе капитанъ-поручика, не существовавшее въ царствованіе Петра Великаго, и всѣхъ капитанъ-поручиковъ перевелъ въ армію, старшихъ — подполковниками, а младшихъ — маіорами.

о сдѣланномъ неправосудіи въ исключеніи отъ наслѣдія престола царевны Елисаветы. Священный долгъ вѣрности повелѣвалъ Миниху довести сіе до свѣдѣнія двора. Слѣдующій случай еще болѣе показываетъ безразсудность г. адмирала. Графъ Минихъ, по случаю восшествія на престолъ Анны Іоанновны, давалъ празднество, на которое приглашенъ былъ и г. Сиверсъ; за столомъ графъ, подавая бокалъ шампанскаго, предложилъ Сиверсу выпить за здравіе новой императрицы. Послѣдній отказался, сказавъ:

— «Тогда выпью, когда получу изъ Москвы достовѣрнѣйшія извѣстія». Отъ самого графа Миниха слышалъ я о семъ.

О китайскомъ посольствѣ.

[Зап. Манш., стр. 41].

Китайское посольство, о коемъ упоминаетъ г. Манштейнъ, не есть первое къ россійскому двору. Присланное въ предшествовавшемъ году, таковое же прибыло въ Москву съ поздравленіемъ о восшествіи на престолъ Анны Іоанновны и съ испрошеніемъ свободнаго пропуска чрезъ Сибирскія губерніи для посольства, назначеннаго отъ китайскаго императора къ калмыцкому хану. Посольство сіе при россійскомъ дворѣ было принято милостиво, успѣло въ переговорахъ и возвратилось въ Китай съ особеннымъ удовольствіемъ. Въ слѣдующій годъ, т. е. въ 1732 году, прибыло въ С.-Петербургъ вторичное, упоминаемое г. Манштейномъ. Оно состояло изъ трехъ пословъ; главный изъ нихъ въ произнесенной рѣчи, между прочимъ, упоминаетъ, что китайскій императоръ повелѣлъ имъ принести россійской императрицѣ благодарность за благосклонное принятіе перваго посольства, засвидѣтельствовать о чувствахъ дружества повелителя ихъ и поднести ея величеству подарки.

Императрица, сидящая на тронѣ, окруженная пышнымъ дворомъ, приняла китайское посольство. Послы, вошедши въ тронную, немедленно стали на колѣна, и во все продолженіе аудіенціи находясь въ семъ раболѣпномъ положеніи, каждый разъ при произношеніи имени ея величества, падали ницъ. Свита посольская, при отверстыхъ дверяхъ изъ тронной, пребывала въ другой

комнатѣ, такъ же на колѣнахъ стоя и падая ницъ вмѣстѣ съ послами своими.

Подарки состояли въ фарфорѣ, статуйкахъ, украшенныхъ кораллomъ и жемчужною маткою, въ шолковыхъ тканяхъ, разрисованныхъ и позлащенныхъ обояхъ, въ небольшихъ лакированныхъ бумажныхъ приборахъ и въ превосходномъ чаѣ.

Несправедливо говоритъ г. Манштейнъ, что въ Петербургѣ недовольны были поведеніемъ сего китайскаго посольства. Напротивъ, я самъ неоднократно имѣлъ случай видѣться и разговаривать съ послами и съ прочими чиновниками, къ свитѣ принадлежавшими: всѣ они были люди вѣжливые, разсудительные и обходительные. Даже съ услугою своею, никогда не слыхано о дурныхъ поступкахъ сего посольства.

О размолвкѣ графа Миниха съ Биpономъ.

[Зап. Манш., стр. 44—45].

Довѣренность, коею пользовался графъ Минихъ, поколебалась прежде путешествія императрицы Анны Іоанновны по Ладожскому каналу. Причины сему были слѣдующія. Въ Россіи весьма обыкновенно, что человѣка, пользующагося благоволеніемъ двора, если онъ успѣшно отправляетъ службу свою, почитаютъ способнымъ ко всѣмъ дѣламъ и возлагаютъ на него премножество разнообразныхъ должностей. Графъ Минихъ, честолюбивый, ревностный, дѣятельный, неутомимый, не отрекался ни отъ какого порученія. Въ одно и то же время былъ онъ фельдмаршаломъ надъ войскомъ, членомъ тайнаго кабинета, президентомъ военной коллегіи, генералъ-фельдцейхмейстеромъ, генералъ-директоромъ надъ фортификаціями, главнымъ директоромъ Ладожскаго канала и генералъ-полиціймейстеромъ. Занимая такое множество важнѣйшихъ обязанностей, можно ли отправлять ихъ успѣшно? можно ли угодить всему обществу? — Особенно преобразованіе, учиненное имъ въ гвардіи, навлекло на него негодованіе знатныхъ. Графъ Минихъ уничтожилъ въ гвардейскихъ полкахъ званіе капитанъ-поручика, не существовавшее въ царствованіе Петра Великаго, и всѣхъ капитанъ-поручиковъ перевелъ въ армію, старшихъ — подполковниками, а младшихъ — маіорами.

дѣятельнѣйшаго предводителя. Графъ Минихъ отправился изъ Петербурга на́-скоро, ночью и весьма тайно, поспѣшно ѣхалъ, и по прибытіи въ Польшу немедленно принялъ начальство надъ войсками.

Ожиданіе петербургскаго двора оправдалось: несчастный Гданскъ убѣдился въ важной истинѣ, что малосильнымъ владѣніямъ не слѣдуетъ мѣшаться въ распри великихъ державъ. Свѣтъ видѣлъ съ коликимъ успѣхомъ россіяне дѣйствовали въ сей войнѣ. При каждой встрѣчѣ поражали они поляковъ, которые никогда не дерзали противостать десяти русскимъ. Таково превосходство ума и благоустройства надъ безпорядочнымъ многолюдствомъ.

Объ осадѣ Гданска.

[Зап. Маншт., стр. 55].

Главныя силы, предназначенныя къ осадѣ Гданска, находились еще въ окрестностяхъ Варшавы. Фельдмаршалъ, ослабленный потерею при неудачномъ нападеніи на Гагельбергское укрѣпленіе, предписалъ г. Люберасу, начальствовавшему упомянутыми войсками, немедленно выступить къ Гданску. Генералъ сей ослушался, угождая волѣ графа Левенвольда младшаго, бывшаго тогда въ Варшавѣ россійскимъ посломъ и помышлявшаго болѣе о личной своей безопасности въ такомъ городѣ, который окруженъ былъ войсками, сторону Лещинскаго державшими. Фельдмаршалъ далъ вторичное повелѣніе старшему по Люберасѣ генералу тотчасъ выступить къ Гданску, а Любераса, уповавшаго на покровительство могущественнаго Левенвольда, приказалъ за оказанное ослушаніе арестовать. Похвальная строгость, которую надлежитъ всегда употреблять противу тѣхъ, кои, въ безсмысліи своемъ, возлагаютъ надежду на побочныя опоры, не дорожатъ пользами отечества и не повинуются повелѣніямъ начальства.

Прибытіе французской флотиліи на помощь къ Гданску.

[Зап. Маншт., стр. 57].

Флотилія французская, прибывшая на помощь къ городу Гданску, состояла токмо изъ трехъ военныхъ кораблей и нѣсколькихъ перевозныхъ судовъ. На сей эскадрѣ находились три

пѣхотныхъ баталіона десантнаго войска. Слабымъ этимъ отрядомъ расчетливый Флери думалъ споспѣшествовать возведенію Лещинскаго на престолъ польскій. Начальствовавшій эскадрою г. Бараль, высадивъ сухопутныя войска, успѣлъ благовременно отплыть, и такимъ образомъ избѣжалъ опасности быть обхваченнымъ россійскимъ флотомъ, прибывшимъ уже къ Пиллау. При семъ случаѣ удалось ему захватить одинъ русскій фрегатъ, много удалившійся отъ своей дивизіи. Капитанъ Фремери, начальствовавшій фрегатомъ, при встрѣчѣ онаго съ французскою эскадрою, былъ приглашенъ г. Баралемъ на корабль; не зная ничего о разрывѣ съ Франціею, Фремери согласился на приглашеніе, и едва вступилъ на корабль, какъ фрегатъ русскій былъ окруженъ всею французскою эскадрою съ угрозою потопить его. Силы были слишкомъ несоразмѣрны, не оставалось—какъ сдаться.

Объ отправленіи французскихъ военно-плѣнныхъ.

[Зап. Манштейна, стр. 59].

Французы удержаны были въ Россіи до возвращенія захваченнаго Баралемъ фрегата; они содержались между Нарвою и Петербургомъ. Оттуда, когда версальскій дворъ возвратилъ упомянутый фрегатъ, отправили ихъ во Францію. Императрица, любопытствуя видѣть отличнѣйшихъ изъ плѣнныхъ офицеровъ, призвала въ Петербургъ бригадира Деламотта и полковниковъ Бельфона и Люцерна. Офицеры сіи были представлены государынѣ, милостиво ею приняты и приглашались ко двору. Поелику французскіе плѣнные отправлялись поздно осенью, то императрица велѣла каждаго рядоваго снабдить овчиннымъ тулупомъ. Хотя, по монаршей милости, предохранены они были отъ стужи, но не менѣе того много потерпѣли отъ бурей, и едва половина сихъ плѣнныхъ возвратились въ отечество свое.

Почему мало пользы пріобрѣтено отъ турецкой войны.

[Зап. Манштейна, стр. 64 и слѣд.].

Россія не извлекла пользы отъ турецкой войны, веденной при императрицѣ Аннѣ, потому что вѣнскій дворъ, встревоженный несчастіемъ оружія своего, поторопился заключить миръ съ Портою. Въ началѣ война сія предвѣщала конечное изгнаніе отто-

мановъ изъ Европы. Но фортуна обыкновенно прилѣпляется къ уму и искусству. Австрійцы плохо располагали дѣйствіями своими, а потому много утратили изъ прежней воинской своей славы. Предавшись страху, лишились они Бѣлграда, надежнѣйшаго оплота, ограждающаго предѣлы ихъ. Турки въ сей войнѣ вели себя благоразумно, по приличію противопоставляли они непріятелю мужественный отпоръ, или медленіемъ и уклоненіемъ отъ битвъ утомляли и разстраивали его. Россіяне похвально торжествовали надъ турками, покорили много крѣпостей и областей непріятельскихъ, покрыли оружіе свое славою. Истративъ на сію брань знатныя иждивенія, потерявъ множество народа, наконецъ россіяне были оставлены робкимъ союзникомъ, и единственно по сей причинѣ, не пріобрѣтя существенныхъ выгодъ отъ кровопролитной войны, долженствовали приступить къ миру.

О графѣ Ласси.

[Зап. Маншт., стр. 97—98].

Графы Минихъ и Ласси никогда не были въ явной ссорѣ. Петръ Петровичъ Ласси, видѣвшій возрождающуюся славу россійскаго оружія при Петрѣ Великомъ, никогда невмѣшивавшійся въ дѣла государственныя, посѣдѣлый на поляхъ брани, былъ человѣкъ самый кроткій, обходительный, хладнокровный, любимый ратникомъ и дорожащій кровью его. Всегда безпрекословно повиновался онъ всѣмъ начальникамъ, отъ правительства назначаемымъ. Хотя всегда по службѣ и въ чинѣ генерала-аншефа былъ онъ старѣе Миниха, но терпѣливо перенесъ пожалованіе послѣдняго въ фельдмаршалы, и безъ малѣйшаго затрудненія служилъ подъ начальствомъ его при осадѣ Гданска. Къ чести Лассія упомяну, что и великій Евгеній уважалъ его. Ласси пожалованъ фельдмаршаломъ въ 1736 г., а въ 1739—графомъ Россійской имперіи; имѣлъ ордена св. Андрея и св. Александра; умеръ въ Ригѣ, гдѣ былъ генералъ-губернаторомъ, въ 1751 году.

Разсужденіе о кампаніи Россіянъ 1736 года.

[Зап. Маншт., стр. 96—100].

Бытописаніе всѣхъ временъ доказываетъ, что наилучшимъ образомъ предначертанныя и обдуманныя предпріятія главноначальствующаго не получаютъ часто успѣха, по нерадѣнію, оплош-

ности, безмыслію, а иногда по злонамѣреннымъ видамъ исполнителей и другихъ лицъ, долженствующихъ споспѣшествовать при произведеніи оныхъ. Г. Манштейнъ, выдающій себя за ревностнаго почитателя графа Миниха, напрасно приписываетъ ему ошибки кампаніи 1736 года. Ибо самъ г. Манштейнъ сознается, «что фельдмаршалъ истощилъ всѣ средства и употребилъ всю заботливость для учрежденія магазиновъ, и что не онъ, но военные комиссары были виновны за недостатокъ подводъ для перевоза провіанта» (стр. 96). Потомъ говоритъ: «лучше-бъ было открыть кампанію двумя мѣсяцами позже, нежели вести армію въ удаленную сторону и подвергаться опасностямъ голода, въ единственной надеждѣ, что, можетъ статься, возможно будетъ продовольствовать оную на счетъ непріятеля» (стр. 96). Заключеніе сіе вовсе несправедливо, потому что фельдмаршалъ учинилъ всѣ потребныя распоряженія къ продовольствію арміи, учредилъ въ Украинѣ знатные хлѣбные и другихъ жизненныхъ припасовъ магазины, собралъ потребное для перевозки число людей, лошадей и быковъ, дабы имѣть свободное сообщеніе съ главнымъ хранилищемъ, построилъ на пути, по коему шла армія, редуты съ приличною въ оныхъ обороною. Слѣдственно, Минихъ сдѣлалъ все, что требовать должно отъ умнаго и попечительнаго вождя, слѣдственно, вина въ неприбытіи подвозовъ непосредственно падаетъ на провіантскихъ чиновниковъ и на князя Трубецкаго, коему перевозка сія была препоручена. И могъ-ли фельдмаршалъ, отправляясь въ армію, предвидѣть таковую пагубную неисправность? Говоря, что лучше-бъ было открыть кампанію двумя мѣсяцами позже,—то есть въ исходѣ іюля мѣсяца,—г. Манштейнъ не обратилъ вниманія на одно важное обстоятельство. Въ сіе годовое время, въ степяхъ, чрезъ которыя графъ Минихъ долженствовалъ вести войска, трава совсѣмъ высыхаетъ и удобно возгорается. Татары не упустили-бъ зажечь степи, и тогда армія наша, лишенная возможности доставать кормъ для лошадей, никакъ не могла-бъ ни на шагъ впередъ подвинуться. Напослѣдокъ, г. Манштейнъ укоряетъ фельдмаршала въ жестокости, что онъ безъ надобности утомлялъ войско; что, вмѣсто того, дабы пользоваться прохладою ночей, выступалъ чрезъ два или три часа по восхожденіи солнца, отчего войско подверглось многимъ болѣзнямъ (стр. 96).

На сіи укоризны отвѣчаю: что часто называютъ генерала жестокимъ за то, если онъ, подобно графу Миниху, старается возстановить благоустройство и наказываетъ негодяевъ. Что невнимательнымъ людямъ кажется утомленіемъ войска то, когда полководецъ, поступая по правиламъ военнаго искусства, безостановочно преслѣдуетъ непріятеля, дабы отверзть себѣ пути въ страну, гдѣ ожидаетъ его избыточное продовольствіе. Вѣроятно, что и фельдмаршалъ желалъ бы воспользоваться ночною прохладою,—время, въ которое татары, предаваясь сну, оставляютъ непріятеля въ покоѣ,—но тогда и россійское войско, утомленное ночнымъ походомъ, неминуемо бы долженствовало отдыхать уже днемъ для возстановленія силъ. Кто бы удержалъ бодрствующихъ татаръ? они бы безпрестанно нападали и тревожили русскихъ. И таковыя, среди успокоенія и отдыха, нападенія непріятеля не болѣе ли бъ истощили войско наше, чѣмъ походъ въ знойный день?—И такъ, великій уронъ въ людяхъ (если справедливо показаніе о семъ г. Манштейна), понесенный россіянами въ эту кампанію, надлежитъ относить не малой проницательности главноначальствующаго, ниже упрямству его, по слѣдующимъ причинамъ: 1) армія, проходя чрезъ пространныя степи, на коихъ взоръ ничего не встрѣчалъ кромѣ камыша, непрестанно долженствовала отражать нападенія буйныхъ татаръ; почти на каждомъ шагу встрѣчали ихъ. Отбитые въ одномъ мѣстѣ, исчезали они и въ мигъ появлялись на другомъ. Ограждались отъ непріятеля рогатками, отражали пушечными выстрѣлами, высылали противу него казаковъ и легкую конницу. Нерѣдко случалось, когда вѣтеръ бывалъ противный русскимъ, татары зажигали траву. Тогда не оставалось иного средства, какъ на-скоро вырыть ровъ и сдѣлать насыпь, дабы остановить разъяренное пламя. Всѣ таковыя непрерывныя стычки не могли происходить безъ потери людей. Тягостный походъ, труды и работы неминуемо долженствовали изнурять войско. 2) На сихъ степяхъ часто не находили ручьевъ для утоленія жажды, и хотя фельдмаршалъ имѣлъ попеченіе везти въ обозѣ множество бочекъ и наполнить оныя прѣсною водою, но можетъ ли таковая вода вознаградить недостатокъ рѣчной или ключевой? Обстоятельство сіе также немало споспѣшествовало потерѣ людей. 3) Бой на Черной долинѣ; покореніе перекопской линіи, охраняемой турецкимъ гар-

низономъ и всѣми силами татарскими; покореніе Кинбурна и Бакчисарая; словомъ, занятіе Крыма стоило много народа. 4) Въ опустошенномъ полуостровѣ не обрѣтали пищи, приобычной русскому ратнику, и часто нуждались въ прѣсной водѣ. 5) Нездоровый климатъ, соединившись съ несносными жарами и засухою, произвелъ въ войскѣ многія болѣзни.

О покоренІи Очакова.

[Зап. Манштт., стр. 109—115].

Здѣсь можно приложить графу Миниху извѣстное изреченіе: пришелъ, увидѣлъ, побѣдилъ. Не взирая на мнѣніе сочинителя „Записокъ о Россіи", графъ Минихъ весьма искусно рѣшился на единственный способъ, во власти его остававшійся. Лишенный всѣхъ пособій, необходимыхъ при осадѣ; увидѣвъ пагубную неисправность нерадивыхъ чиновниковъ, долженствовавшихъ доставить подводы водою по Днѣпру; тщетно ожидая прибытія съ сими подводами кн. Трубецкаго; вступивъ въ землю безплодную; не имѣя, на нѣсколько миль вокругъ, потребнаго лѣса на дѣланіе фашинъ; нуждаясь въ лугахъ для корма лошадей,—что лучшаго могъ придумать гр. Минихъ, какъ не рѣшиться на средство, внушенное мужествомъ его? Однако, г. Манштейнъ осуждаетъ фельдмаршала, что онъ двинулъ на приступъ, не имѣя плана, не обозрѣвъ мѣстнаго положенія и безъ всякой пощады войска. Но порицатель долженствовалъ бы замѣтить: 1) что не всегда можно достать исправные и вѣрные планы чужихъ крѣпостей; что россійскій дворъ, при открытіи войны съ Портою, не имѣлъ никакого плана Очакова. Что надлежало довольствоваться тѣмъ, который на-скоро и, можетъ быть, во многихъ мѣстахъ по соображенію, снялъ инженеръ, посыланный въ крѣпость съ нѣкоторыми порученіями къ сераскиру. 2) Происшествія такъ быстро слѣдовали одно за другимъ, что не оставалось фельдмаршалу времени изслѣдовать силу укрѣпленій чего всеконечно не оставилъ бы учинить Минихъ, если бы предстояла правильная осада. 3) Не съ тѣмъ намѣреніемъ повелъ онъ войско къ сторонѣ крѣпости, лучше укрѣпленной, чтобы произвести приступъ,—но самъ средствомъ желалъ единствен-

но озаботить гарнизонъ и воспрепятствовать ему тушить усилившійся отъ бомбардированія пожаръ; напослѣдокъ скажемъ, что если осуждаютъ Миниха за то, что онъ учинилъ нападеніе на покрытый путь, въ который почти весь гарнизонъ бросился, укрываясь отъ пламени, пожиравшаго Очаковъ, и что при семъ случаѣ осаждающіе потеряли много народа, то съ равною несправедливостію можно укорять его и за покореніе въ двадцать четыре часа крѣпости, управляемый храбрымъ сераскиромъ, охраняемой двадцатью тысячами отборнаго войска, образованнаго извѣстнымъ Боневалемъ, и вооруженной многочисленною артиллеріею. Быть можетъ, что, отозвавъ на нѣкоторое время съ гласиса торжествующее войско, уменьшилъ бы фельдмаршалъ ужасное кровопролитіе, коему подвергся гарнизонъ; но подобныя движенія, въ виду непріятеля, въ отчаяніе приведеннаго, нельзя производить собственныхъ силъ безъ величайшей опасности. Разразившаяся бомба цѣлый пороховой погребъ подняла на воздухъ, потрясла и низринула прилежащія строенія, увеличила и пожаръ и ужасъ: и такъ, надлежало воспользоваться смятеніемъ гарнизона, и среди пламени, пожирающаго городъ, не теряя ни одного мгновенія, внести побѣдоносное оружіе внутрь крѣпости.

О ссорѣ гр. Миниха съ Кейтомъ.

[Зап. Маншт., стр. 115—116].

Не взирая на неудовольствіе, причиненное графомъ Минихомъ г. Кейту при нападеніи на покрытый путь Очакова, при чемъ г. Кейтъ опасно былъ раненъ въ колѣно; не взирая, что неудовольствіе сіе произвело между ими охлажденіе дружества,— не взирая на все это, оба полководца не преставали взаимно уважать другъ друга. Слѣдующій случай послужитъ доказательствомъ заключенію моему. Г. Кейтъ, послѣ возмущенія гвардіи въ станѣ передъ Выборгомъ, негодуя на безпорядокъ и ослушаніе, водворившееся въ войскахъ подъ начальствомъ фельдмаршала графа Лассія, въ присутствіи многихъ офицеровъ сказалъ:

— „Очень примѣтно, что не Минихъ предводительствуетъ сими войсками. Желательно, дабы хотя на одни сутки явился онъ предъ лицомъ ихъ: съ появленіемъ Миниха все бы приняло иной видъ!“

О кампаніи, въ 1737 году произведенной.

[Зап. Манш., стр. 150].

Фельдмаршалъ, вынужденный въ прошедшемъ году вести армію свою чрезъ необитаемыя степи, и тогда весьма желалъ взять направленіе чрезъ польскую Украину; но въ 1736 году россійскій дворъ тщательно уважалъ неприкосновенность областей польской Украины, всевозможно остерегаясь подать приверженникамъ Станислава малѣйшій поводъ къ вооруженію, желалъ весь польскій народъ расположить къ признанію Бирона курляндскимъ герцогомъ. Но когда все сіе совершилось и Биронъ былъ утвержденъ въ своемъ достоинствѣ, тогда перестали щадить поляковъ, и графъ Минихъ получилъ повелѣніе выступить въ Молдавію кратчайшимъ путемъ. Потребовали отъ республики позволенія провести армію, и, не дожидая отвѣта, немедленно ввели войска въ польскіе предѣлы. Предъявивъ, что необходимость, не покоряющая себя никакимъ законамъ, принудила предпринять сей походъ, обѣщали наблюдать строжайшее благочиніе и за всѣ припасы платить наличными деньгами. Сначала, когда россійскія знамена приближались къ границамъ республики, поляки громогласно кричали, что никакъ не допустятъ нарушить неутралитетъ. Но когда увидѣли себя окруженными россійскими силами,—въ мигъ умолкли и смирились.

О письмѣ графа Миниха къ князю Лобковичу.

[Зап. Манш., стр. 168—173].

Письмо сіе, лучше написанное на нѣмецкомъ языкѣ, нежели переведенное на французскій, надѣлало много шума. Вѣнское министерство принесло жалобу за оное; но петербургскій дворъ изъявилъ свое удовольствіе графу Миниху. Сама Австрія не могла сокрыть справедливаго негодованія къ торопливости, съ коею Нейпергъ и Валлисъ, при посредствѣ французскаго министра маркиза Вилленева, заключили постыдный миръ. Миръ сей исхитилъ у Россіи весь плодъ побѣдъ и завоеваній, и вовсе разрушилъ принятое и обдуманное преднамѣреніе унизить гордость оттоманъ и предписать законы султану предъ стѣнами Константинополя.

Объ умерщвленіи шведскаго маіора Цинклера.

[Зап. Маншт., стр. 177—179].

До самаго происшествія съ Цинклеромъ, Россія не подавала Швеціи ни малѣйшаго повода къ неудовольствію. Напротивъ, штокгольмскій дворъ, не обрѣтая средствъ къ вознагражденію чрезвычайныхъ потерей, имъ понесенныхъ, не переставалъ оказывать недоброжелательство свое къ Россіи, пользовался всѣми случаями, дабы вредить сей державѣ, стараясь всегда слабыя силы свои подкрѣплять дѣйствіями какого нибудь могущественнаго союзника. Во время осады Гданска присланы были изъ Штокгольма къ полякамъ, державшимъ сторону Станислава, тридцать офицеровъ; они служили во все продолженіе осады, а по покореніи города графъ Минихъ отправилъ ихъ на фрегатѣ въ Штокгольмъ. Извѣстно было, что Швеція получила вспомогательныя деньги отъ версальскаго двора, и что она домогалась исходатайствовать денежныя пособія отъ Порты, обѣщаясь учинить развлеченіе россійскихъ силъ въ пользу турковъ. Но какъ штокгольмскій кабинетъ крайне мѣшкотно приступалъ къ совершенію предложеній своихъ, то Россія предуспѣла разрушить замыслы его, заключивъ миръ съ оттоманами. Что принадлежитъ до умерщвленія шведскаго маіора Цинклера, везшаго изъ Константинополя утвержденный со Швеціею союзный договоръ, то въ тогдашнее время представлены были убѣдительныя доказательства, что отправленнымъ для сего русскимъ офицерамъ приказано было токмо захватить бумаги, находившіяся у Цинклера. Посягнувшіе на жизнь его офицеры были преданы суду и за самовольный поступокъ достойнымъ образомъ наказаны, а къ оправданію памяти графа Миниха замѣчу, что онъ никакого участія въ семъ дѣлѣ не принималъ. Получивъ изъ Петербурга предписаніе, онъ токмо приказалъ избрать и отправить куда слѣдовало офицеровъ, которые исполняли и поступали по даннымъ имъ наставленіямъ отъ министерства.

Причина несчастія и казни кабинетскаго министра Волынскаго.

[Зап. Маншт., стр. 188—190].

Умный Волынскій зналъ совершенно, что крайне опасно явнымъ образомъ возставать противу могущественнаго временщика. Записка, о коей упоминаетъ Манштейнъ, не иное что была,

какъ переводъ на россійскій языкъ стариннаго италіанскаго сочиненія съ приложеніемъ письма къ императрицѣ, въ видѣ приношенія. Г. Волынскій страстно любилъ чтеніе, но, не зная инаго языка кромѣ природнаго, поручалъ переводить для себя разныя иностранныя книги; такимъ образомъ, между прочими, переведено было Макіавелево сочиненіе. Переводъ сей г. Волынскій предварительно показывалъ Бирону, а потомъ, съ согласія герцога, поднесъ государынѣ, присоединивъ къ оному письмо, въ коемъ, сказавъ много ласкательнаго на счетъ Анны Іоанновны, утверждалъ, что сочинитель желалъ единственно порицать тирановъ, и, изложивъ жестокія ихъ дѣянія, представилъ пути, по которымъ должествуютъ шествовать добродѣтельные монархи. Поднесеніе сіе не имѣло никакихъ послѣдствій, и даже, при торжествѣ заключенія мира съ турками, г. Волынскій, наравнѣ съ другими государственными чиновниками, получилъ въ награжденіе двадцать тысячъ рублей серебромъ. Но, четыре мѣсяца спустя потомъ, злополучный сей министръ погубилъ себя безвозвратно. Императрица поручила тайному кабинету разсмотрѣть требованіе нѣкоторыхъ поляковъ, просившихъ вознагражденія за убытки, причиненные имъ при проходѣ россійскихъ войскъ. Дѣло сіе рѣшено было въ пользу просителей. Одинъ Волынскій былъ противнаго мнѣнія. Представивъ, что всѣ поляки вообще принимали сторону враговъ Россіи—турокъ, Волынскій доказывалъ, что требованія просителей вовсе неосновательны, показанія ихъ вымышленныя, доводы пустые, и заключилъ тѣмъ, что, не будучи ни владѣльцемъ въ Польшѣ, ни вассаломъ сей республики, не находитъ ни малѣйшей причины ласкать и щадить народъ, издревле враждебный отечеству нашему.

Таковое заключеніе не могло понравиться Бирону. Онъ оскорбился словомъ: вассалъ, и въ тотъ же день просилъ императрицу, чтобы она повелѣла судить его и Волынскаго. Легко вообразить можно, что предали суду одного послѣдняго, взяли его подъ стражу и посадили въ Петропавловскую крѣпость, гдѣ, среди жесточайшихъ пытокъ, вынудили отъ него признаніе, что, поднося императрицѣ Макіавелево сочиненіе, желалъ онъ представить изображеніе наперсника ея. Дабы обвинить Волынскаго въ оскорбленіи величества, исторгли у него признаніе, что заставлялъ онъ переводить сочиненную Юстомъ Липсіемъ исторію

Іоанны II, неаполитанской королевы, и противу нѣкоторыхъ мѣстъ въ книгѣ написалъ: она, она,—разумѣя подъ сими словами россійскую императрицу. Долговременная служба въ полѣ, судахъ, на конгрессахъ, напослѣдокъ—въ верховномъ мѣстѣ; умъ, отличная способность къ дѣламъ,—ничто не могло спасти несчастнаго министра отъ гоненія злобнаго и кровожаднаго временщика. Оберъ-шталмейстеръ и кабинетный министръ Артемій Петровичъ Волынскій, среди многолюдной толпы народа, привлеченнаго любопытствомъ и въ трепетъ ужасомъ поверженнаго, лишился головы на лобномъ мѣстѣ, въ Петербургѣ, въ 1740 году. Не укротилась симъ лютость тирана; вмѣстѣ съ Волынскимъ пострадали и другія жертвы: тайный совѣтникъ и сенаторъ графъ Платонъ Мусинъ-Пушкинъ и генералъ-кригсъ-коммисаръ Соймоновъ—какъ друзья злополучнаго; тайный совѣтникъ Хрущевъ, гофъ-интендантъ Еропкинъ и секретарь Зуда—за переводъ книгъ, а кабинетскій секретарь Эйхлеръ—за то, что онъ сообщалъ Волынскому разговоры, каковые иногда императрица имѣла о немъ съ Бирономъ. Хрущевъ и Еропкинъ казнены; графъ Мусинъ-Пушкинъ и Соймоновъ, по лишеніи чиновъ—а первый и ордена св. Александра,—заключены въ заточеніе, а Эйхлеръ и Зуда наказаны кнутомъ и сосланы въ Сибирь. На столь безчеловѣчные приговоры склонялася Анна, постыднымъ образомъ управляемая иноплеменнымъ извергомъ!

Описаніе послѣднихъ дней императрицы Анны Іоанновны.

[Зап. Манштейна, стр. 192—193].

Г. Манштейнъ не могъ достовѣрно знать о подробностяхъ, происходившихъ во время болѣзни императрицы Анны Іоанновны, ни о происках герцога Бирона, въ послѣдніе дни жизни благодѣтельницы его употребленныхъ; почему почитаю нужнымъ поправить погрѣшности сего сочинителя.

Анна Іоанновна нѣсколько лѣтъ страдала подагрою, но отнюдь не опасно. Скрытная и злѣйшая ея болѣзнь была каменная, ибо, по вскрытіи тѣла по кончинѣ императрицы, нашли въ чреслахъ камень такой величины, что онъ обнималъ всю внутренность утробы и совершенно обезобразилъ устроеніе оной. Въ полдень 6-го октября 1740 г., Анна Іоанновна, сѣвши за обѣдъ съ герцогомъ курлянд-

кимъ и его супругою, едва скушала нѣсколько ложекъ супа, какъ
кругъ, почувствовавъ тошноту, упала въ обморокъ. Немедленно,
еренесли ее въ почивальную и положили на кровать, въ совершен-
омъ безпамятствѣ. Бирономъ, приведенный симъ внезапнымъ не-
частіемъ въ крайнее смятеніе, выбѣжалъ въ переднюю, дабы
ослать за врачами, и усмотрѣвъ тутъ президента коммерцъ-
оллегіи барона Менгдена, обыкновенно въ сей часъ посѣщав-
аго его, поручилъ ему, какъ можно поспѣшнѣе, увѣдомить графа
Минниха о болѣзни императрицы и просить его немедленно пріѣ-
ать во дворецъ. Въ то же время послалъ за кабинетскими ми-
истрами княземъ Черкаскимъ и графомъ Бестужевымъ, и за
оберъ-гофмаршаломъ графомъ Левенвольдомъ.

Графъ Минихъ немедленно пріѣхалъ во дворецъ, гдѣ нашелъ
же оберъ-гофмаршала г. Левенвольда. Едва лишь фельдмаршалъ
ошелъ, какъ Бирономъ, выказывая крайнее отчаяніе и заливаясь
лезами, произнесъ:

— «Ахъ! я самый злополучнѣйшій человѣкъ; теряю преждe-
ременно и внезапно государыню, удостоивавшую меня неограни-
енною довѣренностью, осыпавшую меня благодѣяніями несчет-
ыми. Что послѣдуетъ со мною по кончинѣ ея? Чего ожидать
нѣ въ государствѣ, въ которомъ премножество людей, въ на-
раду оказанныхъ мною отечеству заслугъ, питаютъ ко мнѣ не
лагодарность, а ненависть! Впрочемъ, личная моя польза не
олько занимаетъ сердце мое, какъ бѣдствіе, неминуемо угро-
ающее государству по кончинѣ императрицы: наслѣдникъ еще
ъ пеленахъ, и права его требуютъ утвержденія государыни.
ельзя предвидѣть всѣхъ гибельныхъ послѣдствій, каковыя мо-
етъ произвести о семъ манифестъ, обнародованный въ настоя-
ихъ обстоятельствахъ, среди такого народа, который всегда во
ремена малолѣтія своихъ государей предавался возмущеніямъ и
якимъ неистовствамъ. Шведы, производящіе сильныя вооруженія,
е преминутъ, среди безпорядковъ и несогласій, напасть на Рос-
ію. И такъ, въ сихъ смутныхъ обстоятельствахъ, крайне нужно,
бы правленіе ввѣрено было рукѣ такой особы, которая, вѣдая
овершенно о положеніи всѣхъ государственныхъ дѣлъ, одарена
была потребною твердостью для обузданія мятежныхъ головъ
удержанія благоустройства въ нѣдрахъ имперіи. Хотя, по
раведливости, нельзя порицать характера принцессы Анны,

матери малолѣтняго наслѣдника, но должно опасаться, что, учинившись правительницею, а вмѣстѣ съ тѣмъ самовластною, призоветъ она въ Россію герцога мекленбургскаго, родителя своего, и допуститъ его мѣшаться въ дѣла государства. Своенравіе и суровость сего принца извѣстны, и онъ легко завлечетъ дщерь свою къ поступкамъ пагубнымъ. Что принадлежитъ до принца брауншвейгскаго, то еще менѣе можно ввѣрить ему кормило народоправленія: ибо нѣтъ сомнѣнія, что тогда Россія будетъ управляема австрійскимъ посломъ; слѣдственно, неизбѣжно завлечется во всѣ брани вѣнскаго двора».

Едва окончилъ Бирон рѣчь свою, какъ прибыли князь Черкаскій и г. Бестужевъ, и симъ господамъ повторилъ онъ сказанное фельдмаршалу и графу Левенвольду. Князь Черкаскій прежде всѣхъ сказалъ:

— «Я не знаю никого способнѣе и достойнѣе вашей свѣтлости къ управленію государствомъ. Во все продолженіе царствованія императрицы, съ толикою ревностію и успѣхомъ вы производили всѣ дѣла государственныя. Мудрость и искусство ваши всѣмъ извѣстны; частныя выгоды герцогства вашего тѣсно сопряжены съ пользами Россіи. И такъ, для блага отечества нашего, всеусерднѣйше прошу вашу свѣтлость продолжать ваше попеченіе о Россіи, подъ какимъ то ни было титуломъ».

Тайный совѣтникъ Бестужевъ повторилъ то же привѣтствіе; графы Минихъ и Левенвольдъ, ясно видя, что всякое противорѣчіе будетъ безполезно, долженствовали изъявить и свое согласіе. Дѣйствительно, обстоятельство сіе было самое затруднительное, въ каковомъ токмо можетъ находиться честный человѣкъ. Самая раболѣпная лесть, въ угожденіе императрицѣ, оказываема была всѣми царедворцами Бирону и всей его фамиліи; а непомѣрная строгость, съ коею наказывала за малѣйшее оскорбленіе, наперснику ея учиненное, привела всѣхъ въ страхъ. А потому никто не отваживался противорѣчить могущественному временщику. Хотя врачи не уповали, чтобы государыня выздоровѣла, однако не смѣли объявить и о приближеніи кончины ея. И такъ, еслибы получила она облегченіе въ болѣзни на нѣсколько токмо дней, то и сего времени достаточно-бъ было, дабы безвозвратно погубить дерзнувшаго оказать Бирону не токмо сопротивленіе, но и малѣйшее прекословіе.

Выманивъ отъ призванныхъ особъ желаемое предложеніе, коварный Бирон ъ произнесъ:

— «Чрезмѣрно бы изумило меня предложеніе ваше, еслибы не былъ я твердо увѣренъ, что оно внушено вамъ чувствами искренней ко мнѣ приверженности. Но размыслите, одобритъ ли общество желаніе ваше, на любви къ отечеству основанное? Я иноземецъ, и знаю, что благоволеніе императрицы навлекло мнѣ безчисленное множество завистниковъ. Знаю, что благонамѣреннѣйшія мои распоряженія всегда обезображиваемы были гнуснѣйшею клеветою. Что же послѣдуетъ въ то время, когда восприиму я верховную власть? До сего дня единственно покровительство государыни охраняло меня. Кто пожелаетъ и въ силахъ будетъ защитить меня впредь? По милости и щедротѣ всемилостивѣйшей нашей монархини, я нахожусь въ столь счастливомъ положеніи, что не остается мнѣ ничего иного желать, какъ пристойнымъ образомъ возвратиться въ Курляндію и жить тамъ въ тишинѣ и спокойствіи. Я надѣюсь, что вы, лучшіе мои друзья, не пожелаете лишить меня сего утѣшенія».

Нельзя не похвалить сей рѣчи; но каково было заключеніе оной?

— «Впрочемъ,—продолжалъ Бирон ъ,—если что нибудь можетъ преклонить меня къ воспріятію тяжкаго бремени, вами предлагаемаго, то единственно чувство глубочайшей благодарности къ благодѣяніямъ, изліяннымъ на меня императрицею, и пламенное усердіе мое къ благоденствію и славѣ Россіи. Однако, не вѣдая о семъ важномъ предметѣ мнѣнія другихъ благонамѣренныхъ патріотовъ, ни на что не могу я рѣшиться, и прошу васъ собрать завтрашняго дня совѣтъ изъ первѣйшихъ государственныхъ чиновъ».

Сказавъ сіе, Бирон ъ присовокупилъ, что въ настоящихъ обстоятельствахъ всего нужнѣе объявить скорѣе наслѣдникомъ престола малолѣтняго принца Іоанна; для чего просилъ призванныхъ господъ немедленно отправиться къ графу Остерману, согласиться съ нимъ о всѣхъ потребныхъ распоряженіяхъ и приготовить къ завтрешнему утру манифестъ.

Покоряясь волѣ Бирона, всѣ вышеупомянутыя особы тотчасъ поѣхали къ Остерману. Министръ сей, страдавшій разслабленіемъ въ ногахъ, уже нѣсколько лѣтъ не выѣзжалъ изъ дома. Узнавъ

о бывшемъ разговорѣ съ герцогомъ, крайне осторожный во всѣхъ своихъ поступкахъ, графъ Остерманъ не токмо поспѣшилъ изъявить согласіе, но и присовокупилъ, что въ случаѣ, если герцогъ отречется принять на себя предлагаемое достоинство, надлежитъ просить императрицу, дабы она благоволила преклонить его къ сему. Потомъ, составивъ, съ общаго согласія, манифестъ о наслѣдіи престола, условились, чтобы для разсужденія о регентствѣ собрать чрезвычайный совѣтъ, въ которой, сверхъ министровъ тайнаго кабинета, пригласить еще нѣсколько изъ знаменитѣйшихъ чиновниковъ.

На другой день Биронъ, получивъ заготовленныя бумаги, пошелъ къ императрицѣ, поднесъ ей къ подписанію манифестъ и указъ объ обнародованіи онаго. По подписаніи, немедленно манифестъ отнесли въ придворную церковь, прочли его предъ многочисленнымъ собраніемъ и тутъ же приняли на вѣрность Іоанну, какъ наслѣднику всероссійскаго престола, присягу отъ всѣхъ знатныхъ чиновъ, при семъ случаѣ присутствовавшихъ. Гвардейскіе полки, собранные на площади предъ дворцомъ, то же учинили. А прочіе жители Петербурга приведены были къ присягѣ въ приходскихъ церквахъ.

Непосредственно по совершеніи сего обряда, приступили къ разсужденію о регентствѣ. Всѣ, признавъ герцога Бирона единственною особою, способною управлять государствомъ, опредѣлили поднести о семъ докладъ императрицѣ и убѣдительнѣйше просить, дабы ея величество благоволила преклониться на желаніе народа (такъ самопроизвольно собраніе располагало волею онаго)—повелѣла бы герцогу управлять государствомъ до совершеннолѣтія наслѣдника и соизволила бы подписать о семъ постановленіе. Графъ Остерманъ, принесенный въ собраніе въ креслахъ, вызвался представить государынѣ прошеніе и постановленіе къ подписанію; но токмо по прошествіи трехъ сутокъ Биронъ успѣлъ исходатайствовать у императрицы позволеніе допустить къ ней Остермана. Симъ временемъ воспользовались, чтобы присовокупить къ просителямъ еще человѣкъ пятьдесятъ изъ почетнѣйшихъ военныхъ и гражданскихъ чиновниковъ.

Легко предуспѣлъ Биронъ въ назначеніи преемника престола; но, не смотря на великую власть его надъ сердцемъ Анны

Іоанновны, чрезвычайнаго труда стоило ему убѣдить государыню сдѣлать прочія распоряженія объ управленіи государствомъ. Устраняя самую мысль о смерти, она съ гнѣвомъ принимала всякое разсужденіе объ оной, а предложеніе Бирона называла предвѣстіемъ кончины своей. Напослѣдокъ, по неотступнымъ домогательствамъ любимца, допустила къ себѣ графа Остермана. Министръ сей, изложивъ съ величайшимъ краснорѣчіемъ и силою затруднительное положеніе государства, растрогалъ императрицу. Потребовавъ принесенныя имъ бумаги, равнодушно положила ихъ подъ изголовье свое, сказавъ кратко: „Я разсмотрю“.

Нѣсколько дней прошло, а императрица ничего не упоминала о поднесенныхъ ей бумагахъ. Встревоженный Биронъ, страшась, что родственная любовь къ принцессѣ Аннѣ удерживаетъ государыню утвердить предложенныя распоряженія, до такой степени забылся, что поручилъ барону Менгдену объясниться съ принцессою и внушить ей, что благоденствіе ея собственное и малолѣтняго ея сына требуетъ, дабы она всевозможно старалась убѣдить императрицу возложить на Бирона правленіе государства. Принцесса, терпѣливо выслушавъ странное сіе предложеніе, отвѣчала:

— „Я никогда не мѣшалась въ государственныя дѣла, а при настоящихъ обстоятельствахъ еще менѣе осмѣлюсь приступить къ сему. Хотя здравіе императрицы находится въ величайшей опасности, но я уповаю, что, при милости Божіей, она оправится отъ болѣзни. Сердце мое никакъ не позволяетъ мнѣ предвѣщать кончину любезнѣйшей моей тетки... Впрочемъ, мнѣ кажется, что герцогъ все уже сдѣлалъ, убѣдивъ государыню къ наименованію наслѣдника престола, и, имѣя свободный доступъ къ ея величеству, удобно можетъ исходатайствовать утвержденіе ея и на прочія распоряженія объ управленіи имперіи. Что принадлежитъ до меня, то, покоряясь совершенно волѣ императрицы, моей благодѣтельницы, я безпрекословно буду повиноваться всему, что благоугодно будетъ ей постановить“.

Биронъ никому не открылъ о переговорахъ съ принцессою, ни объ отвѣтѣ ея; но повѣренный тайны его сообщилъ о семъ нѣкоторымъ членамъ совѣта. Въ ономъ немедленно опредѣлили, чтобы отправить двухъ членовъ къ принцессѣ и отъ лица всего совѣта убѣдить ее принести просьбу императрицѣ. Но гос-

пода сіи, бывшіе у принцессы на другой день, получили отъ нея отзывъ, совершенно подобный слѣданному барону Менгдену.

Императрица, не взирая на жестокое разслабленіе свое, сохраняла всю память и разсудокъ. Она чувствовала и понимала, что право опеки надъ младенцемъ, наслѣдникомъ престола, по всей справедливости принадлежитъ родителямъ его. А потому никакъ не рѣшалась назначить регентомъ Бирона; государыня всемѣрно отклоняла любимца своего отъ сего пагубнаго замысла. Убѣждала въ безразсудности онаго, и съ истинно милостивымъ чистосердечіемъ сказала ему:

— „Я сожалѣю о тебѣ, герцогъ: ты стремишься къ погибели своей“.

Но какія препоны могутъ воздержать тщеславнаго честолюбца? высокомѣріе и подлость неразлучно шествуютъ; горделивецъ по приличію принимаетъ на себя личину и той и другой. Биронъ въ сіе время старался всѣхъ обласкать. Всѣ имѣвшіе доступъ къ больной императрицѣ не переставали дѣлать ей внушенія, согласныя съ намѣреніемъ герцога. Наконецъ, неотступными просьбами и всякими происками, Биронъ достигъ желанія своего: Анна Іоанновна, призвавъ графа Остермана, подписала постановленіе о регентствѣ, которое немедленно и положили въ шкафъ, стоявшій съ драгоцѣнными вещами подлѣ императрицыной постели! Весьма вѣроятно, что монархиня, ежечасно теряя тѣлесныя силы и пришедши въ крайнее изнеможеніе, не читала сего постановленія, сочиненнаго по точной волѣ Бирона, и подозрѣваю, что подписала оное, худо вѣдавъ о содержаніи его.

Когда императрица позвала къ себѣ графа Остермана, тогда прочіе министры собрались въ комнатахъ Бирона, и тамъ, колеблемые страхомъ и надеждою, ожидали рѣшенія ея. Графъ Остерманъ не замедлилъ успокоить ихъ, принеся важное извѣстіе о подписаніи постановленія. Скоро пришелъ и самъ герцогъ, благодарилъ ихъ именемъ государыни, присовокупивъ, что ея величество весьма милостиво приняла подвигъ ихъ и обѣщала каждому изъ нихъ оказать явные опыты благоволенія своего, коль скоро получитъ облегченіе въ болѣзни. Желая изъявить и свою признательность, Биронъ не кстати употребилъ слова сіи: «Вы, господа, поступили какъ римляне!» Повидимому, онъ хотѣлъ сказать: „какъ патріоты“.

Не взирая на то, что болѣзнь императрицы усиливалась примѣтнымъ образомъ, ежедневно принимала она къ себѣ царевну Елисавету Петровну, принцессу Анну и супруга послѣдней принца Брауншвейгскаго. Октября 17-го числа, по полудни, Анна Іоанновна лишилась владѣнія лѣвой ноги, а когда, вечеромъ въ тотъ день, вошли въ почивальню принцъ и племянница ея, то она простилась съ ними съ величайшимъ спокойствіемъ духа. Въ девять часовъ приключились съ нею сильные судорожные припадки; по успокоеніи отъ оныхъ, велѣли ввести духовника, придворныхъ священниковъ и пѣвчихъ, для совершенія по обряду греко-россійской церкви молитвы, и пригласили присутствовать при оной знаменитѣйшихъ изъ случившихся тогда во дворцѣ особъ. Не смотря на разслабленіе свое, Анна Іоанновна узнала графа Миниха и дрожащимъ голосомъ сказала ему: «прощай, фельдмаршалъ!» Не могши распознать другихъ предстоявшихъ, ко всѣмъ вообще произнесла «прощайте!» Послѣ сего соборовали государыню масломъ и окропили святою водою. Среди жесточайшихъ припадковъ, императрица съ большою твердостью и упованіемъ на Бога предала въ руцѣ Его душу свою. Такъ скончалась Анна Іоанновна, имѣя отъ рожденія 46 лѣтъ, 8 мѣсяцевъ, 19 дней.

Нѣкоторыя подробности, относящіяся къ особѣ императрицы Анны Іоанновны и къ правленію ея.

[Зап. Маншт., стр. 19—194].

Царствованіе императрицы Анны Іоанновны составляетъ эпоху, обильную важными для Россіи происшествіями, почему поставляю себѣ долгомъ представить нѣкоторыя подробности, относящіяся къ особѣ сей государыни и къ ея правленію.

Анна Іоанновна, дщерь царя Іоанна Алексѣевича и Прасковьи Ѳеодоровны, изъ дома бояръ Салтыковыхъ, родилась въ Москвѣ 1694 г. января 28-го. Лишась въ младенчествѣ родителя, оставалась на попеченіи роднаго дяди своего Петра Великаго, который отлично жаловалъ ее. Въ 1710 г. Фридрихъ I-й, въ Маріенвендерѣ, предложилъ въ супруги Аннѣ Іоанновнѣ близкаго своего родственника Фридриха Вильгельма, герцога курляндскаго. Императоръ принялъ предложеніе и бракъ совершился въ С.-Петербургѣ. Но счастіе молодыхъ супруговъ

не долго продолжалось: отъѣзжая изъ Россіи въ Курляндію, герцогъ занемогъ на дорогѣ и умеръ въ Кипени. По кончинѣ супруга, Анна Іоанновна, до самаго избранія ея на всероссійскій престолъ, имѣла постоянное пребываніе въ Митавѣ. Тамъ, въ придворномъ ея статѣ, находилось нѣсколько особъ изъ придворныхъ россіянъ; но всею довѣренностью сей государыни обладалъ Бирономъ.

Высокій станъ и видъ величественный Анны Іоанновны внушали къ особѣ ея благоговѣніе. Благородство и привлекательность лица награждали въ ней недостатокъ красоты. Глаза имѣла она большіе, голубые и острые, носъ орлиный; пріятныя уста, съ прекрасными зубами; волосы на головѣ каштановаго цвѣта; лицо рябоватое, тѣло смуглое, голосъ чистый и сильный. Одаренная крѣпкимъ сложеніемъ тѣла, ведя жизнь умѣренную и единообразную, государыня сія могла бы еще долго прожить, ежели-бъ подагра, а особенно жестокая каменная болѣзнь не сократили дней ея. Государыня сія была умна, судила о вещахъ здраво и сообразно съ тѣмъ поступала во всѣхъ случаяхъ, когда предубѣжденіе и пагубная страсть къ наперснику не препятствовали дѣйствіямъ ея. Краснорѣчіе украшало уста императрицы; разговоръ ея былъ пріятенъ и веселъ. Въ торжественные дни представляла себя съ приличною важностью; благоволеніе свое изъявляла отборными и благопривѣтливыми выраженіями; выговоры ея были чувствительны, но не оскорбительны.

Образъ жизни Анны Іоанновны расположенъ былъ порядочно: вставала она съ постели въ семь и часто въ шесть часовъ утра; за обѣдъ садилась ровно въ полдень, а за ужинъ въ девять часовъ вечера. Пища приготовлялась для нея самая простая. Ложилась опочивать въ одиннадцать часовъ вечера. Каждый день выходила изъ внутреннихъ комнатъ въ собранія и оставалась въ оныхъ поутру отъ 11-ти часовъ до полудня, а послѣ обѣда съ пяти до восьми часовъ. Въ ежедневныхъ забавахъ не имѣла опредѣлительной и постоянной склонности; но избравъ единожды какую нибудь, не скоро оставляла ее. Въ первые годы царствованія своего, въ вечернихъ собраніяхъ играла въ карты; потомъ нѣкоторое время цѣлые вечера просиживала въ собраніяхъ, не вставая съ креселъ: занималась разговорами и временно слушала разсказы шутовъ.

Императрица всегда изволила присутствовать при продажѣ съ публичнаго торга китайскихъ товаровъ, ежегодно ко двору привозимыхъ. Продажа сія происходила во дворцѣ, въ такъ называвшейся италіанской залѣ; часто предлагала цѣну продаваемой вещи, и не гнѣвалась, ежели кто изъ предстоявшихъ покупщиковъ возвышалъ цѣну противъ объявленной ею. Послѣ, когда наскучило ей таковое времяпровожденіе, получила охоту къ стрѣлянью изъ ружей и толикое искусство пріобрѣла въ ономъ, что не токмо мѣтко попадала въ цѣль, но наравнѣ съ лучшими стрѣлками убивала птицъ на-лету. Сею забавою, вовсе неприличною женскому полу, долѣе и почти до кончины своей занималась. Во дворцѣ, находившемся на берегу Невы, всегда въ комнатахъ ея стояли заряженныя ружья, изъ коихъ стрѣляла она изъ окна въ мимо летающихъ птицъ. Зимою ставили въ дворцовой галлереѣ мишень, въ которую, по вечерамъ, при яркомъ освѣщеніи, императрица метала изъ лука стрѣлы. Въ Петергофѣ построенъ былъ звѣринецъ, наполненный зайцами, кабанами, ланями, тунгускими и доставленными изъ Германіи прекрасными оленями. Тамъ, сидя подъ великолѣпнымъ намётомъ, утѣшалась, смотря на охоту, и сама изрѣдка стрѣляла по пробѣгающимъ звѣрямъ.

Въ частной жизни, Анна Іоанновна была ласкова и благопривѣтлива, бо́льшею частію весела и расположена къ шуткамъ; по природѣ добра, сострадательна и великодушна; но, къ несчастію ея и цѣлой имперіи, воля монархини окована была безпредѣльною надъ сердцемъ ея властію необузданнаго честолюбца. До такой степени Бирон господствовалъ надъ Анною Іоанновною, что всѣ поступки свои располагала она по прихотямъ сего деспота, не могла надолго разлучиться съ нимъ, и всегда не иначе, какъ въ его сопутствіи, выходила и выѣзжала. Невозможно болѣе участія принимать въ радости и скорби друга, сколько императрица принимала въ Биронѣ. На лицѣ ея можно было видѣть, въ какомъ расположеніи духа находился наперсникъ. Являлся ли герцогъ съ пасмурнымъ видомъ—мгновенно и чело государыни покрывалось печалью; когда первый казался довольнымъ, веселье блистало во взорѣ; неугодившій же любимцу тотчасъ примѣчалъ явное неудовольствіе монархини.

Бирон, страстный охотникъ къ лошадямъ, бо́льшую часть утра проводилъ въ конюшнѣ или въ манежѣ. Императрица,

скучая отсутствіемъ его, рѣшилась обучаться верховой ѣздѣ, дабы имѣть предлогъ въ сихъ мѣстахъ быть съ наперсникомъ своимъ, и потомъ довольно хорошо ѣздила по дамски.

Непомѣрная привязанность императрицы содѣлалась тягостною для Бирона. Приближенные его многократно слышали отъ него жалобу, что не имѣетъ онъ ни одного мгновенія для отдыха. Никогда Биронъ никого не посѣщалъ, ни у кого не обѣдалъ и не присутствовалъ на пирахъ и празднествахъ, даваемыхъ знатными боярами. Дабы удержать любимца отъ участія въ оныхъ, государыня осуждала и даже называла распутствомъ всякій пиръ и собраніе, въ коихъ, по сдѣланному ей донесенію, господствовала веселость. Биронъ, съ своей стороны, тщательно наблюдалъ, дабы никто безъ вѣдома его не былъ допускаемъ къ императрицѣ, и если случалось, что, по необходимой надобности, герцогъ долженствовалъ отлучиться, тогда при государынѣ неотступно находились Бironова жена и дѣти. Такимъ образомъ, всѣ поступки и рѣчи императрицы немедленно доводились до свѣдѣнія Бирона.

Принужденная и единообразная жизнь, естественно, долженствовала рождать скуку, а иногда охлажденіе и размолвку между императрицею и Бирономъ. Однако, когда встрѣчалось между ними кратковременное несогласіе, всевозможно старались они скрывать оное отъ внимательнаго взора царедворцевъ. Дабы имѣть какую нибудь забаву и разсѣяніе, содержали при дворѣ толпу шутовъ обоего пола, коихъ кривлянье и одежда, болѣе нежели разговоры, забавляли собраніе. Обыкновенно шуты сіи сначала притворялись ссорющимися, потомъ приступали къ брани; наконецъ, не зная какъ лучше увеселить зрителей, порядочнымъ образомъ дрались между собою. Забавники сіи набирались безъ различія состоянія; въ числѣ ихъ находились нѣкоторые изъ лучшаго дворянства россійскаго и княжескихъ родовъ. Странная наружность, дергота въ тѣлѣ, смѣшныя повадки, природная глупость, и всякая другая юродливость—составляли потребныя качества для пріема въ шутовское сословіе. Награды получали они соразмѣрно дарованіямъ своимъ. Главою ихъ былъ одинъ италіанецъ, прежде бывшій скрыпачъ, по прозванію Петръ Мира или, сокращенно, Петрилло. Шутъ этотъ былъ дѣйствительно милъ и забавенъ, и умѣлъ нажить порядочный капиталъ. Балакиревъ также отличался остротою и имѣлъ такую забавную наружность, что

ри первомъ взглядѣ на него возбуждалъ къ смѣху. Страсть къ утамъ и дуракамъ, унижающая человѣчество, и страсть къ скаочникамъ—распространилась по всему государству и долго оставалась преимущественною забавою знатныхъ и зажиточныхъ людей; въ мудрое правленіе Екатерины, просвѣщеніе, быстро озаряя Россію, представило благороднѣйшія занятія для ума.

Упомянемъ объ одномъ престранномъ и вовсе необыкновенномъ зрѣлищѣ, которое видѣли мы во дни Анны Іоанновны, въ Петербургѣ. Въ 1732 году, построена была на Невѣ изо льда крѣпость, которую снабдили гарнизономъ и артиллеріею, и потомъ брали приступомъ. Но въ зиму 1739 г., по предложенію камергера Татищева, вздумали представить изумленному взору чудеснѣйшее позорище. На Невѣ, между дворцомъ и адмиралтействомъ, построили изъ чистаго льда, по всѣмъ правиламъ архитектуры, домъ изъ нѣсколькихъ комнатъ; всѣ украшенія зодчества, статуйки, рамы и стеклы въ окнахъ, столы, стулья, кровать съ постелью, печи—словомъ, всѣ внутренніе приборы и разная посуда, множество бездѣлушекъ—были сдѣланы изъ льда. Приготовили льдяныя свѣчи и дрова, которыя, будучи намазаны нефтью, горѣли; выточили изъ льда нѣсколько пушекъ и мортиръ съ колесами и станками, изъ коихъ стрѣляли ядрами съ порохомъ; надѣлали слоновъ, дельфиновъ, деревья съ вѣтвями и листьями—все изо льда. Не удовольствуясь таковою нелѣпостью, выстроили еще баню ледяную, многократно топили ее и въ ней парились. Призвали въ Петербургъ по нѣсколько человѣкъ отъ различныхъ народовъ, въ Россіи обитающихъ. Напослѣдокъ, въ семъ домѣ праздновали свадьбу одного человѣка изъ знатнѣйшаго рода, невольнымъ образомъ посвященнаго въ шуты; парили новобрачныхъ въ ледяной банѣ. Признаюсь, что во всемъ этомъ дѣлѣ вижу я верхъ сумазбродства. Позволительно-ли употреблять руки человѣческія на работу столь суетную, ничтожную? позволительно-ли столь постыднымъ образомъ унижать человѣчество и насмѣхаться надъ нимъ? позволительно-ли издерживать государственное иждивеніе на прихоти и забавы вздорныя? Неоспоримо, что доброе правительство, и по любви къ народу, и по политическимъ видамъ, долженствуетъ доставлять обществу увеселенія. Но, забавляя, не должно развращать народные нравы. Въ то время, когда появились въ Петербургѣ

упомянулыя глупыя позорища, благодѣтельные лучи просвѣщенія, отверзтые Петромъ Великимъ, начинали уже согрѣвать умы россіянъ. Слѣдственно, правительство могло занимать ихъ полезнѣйшими зрѣлищами. Лучше-бъ было приказать представлять бывшія тогда въ большой чести италіанскія интермедіи, а, можетъ быть, еслибъ самъ дворъ обратился къ благороднѣйшимъ забавамъ, и тогда бы уже словесность наша украсилась драматическими твореніями. Ѳеофанъ, Кантемиръ отыскали-бъ дарованія. Ломоносовъ и Сумароковъ въ сію эпоху уже существовали. Вездѣ и во всѣ времена дворъ открываетъ, поддерживаетъ, оживляетъ дарованія. Безъ поощренія царя, изящнѣйшіе умы и дары природы самые рѣдкіе—притупятся, погибнутъ и погребутся во мракѣ неизвѣстности.

Обыкновенная участь сильныхъ, властвующихъ страхомъ,—быть ненавидимыми, почему личная безопасность и польза ихъ требуетъ недреманнаго надзора за поступками общества. Бирономъ, будучи увѣренъ въ первомъ, тщательное вниманіе обращалъ на послѣднее. Вѣроятно, что въ то время ни при одномъ европейскомъ дворѣ не находилось больше льстецовъ и наушниковъ, какъ при россійскомъ. Ежедневно доносили государынѣ и герцогу обо всѣхъ разговорахъ въ извѣстнѣйшихъ домахъ, а какъ гнусное сіе ремесло отверзало путь къ милости и наградамъ, то самыя знатныя особы не стыдились заниматься онымъ. Легковѣріе непосредственно послѣдуетъ за подозрѣніемъ; почему не трудно было донощикамъ злоумышленно перетолковывать всѣ рѣчи и оклеветывать предъ подозрительнымъ правительствомъ людей безвинныхъ. Нерѣдко случалось, что тѣ самыя особы, которыя наканунѣ пользовались отличною благосклонностью императрицы, съ изумленіемъ на другой день видѣли отъ нея величайшую холодность, не постигая причины таковой внезапной перемѣны.

Анна Іоанновна любила убранство. Въ торжественные праздники надѣвала великолѣпныя одежды изъ богатѣйшихъ ліонскихъ парчей и бархатовъ, а въ прочіе дни носила платье простое, но со вкусомъ и яркихъ цвѣтовъ. Придворные чиновники, въ угожденіе императрицѣ, являлись во дворецъ, во дни рожденія, тезоименитства, восшествія на престолъ и коронованія ея величества,

въ пребогатомъ одѣяніи. Она не жаловала темныхъ цвѣтовъ, Биронъ также не любилъ ихъ. Герцогъ часто одѣвался въ изпещренные штофные кафтаны, и почтенные старики, подражая ему, не стыдились наряжаться въ платья самыхъ странныхъ цвѣтовъ, напримѣръ, розоваго, свѣтложелтаго, лиловаго, ярко-зелено-попугайнаго.

Анна щедро награждала заслуги; никто изъ предшественниковъ ея не жаловалъ столь значущими денежными подарками. Петръ Великій охотнѣе жаловалъ за службу тысячу душъ крестьянъ, нежели десять тысячъ деньгами. Но и въ семъ случаѣ надлежало искать милости у Бирона: всѣ награды получались посредствомъ его. Даже принцесса Анна, столь любимая государынею, съ огорченіемъ на опытѣ извѣдала, что безъ сего предстателя не могла-бъ она исходатайствовать ни заплаты долговъ, ни прибавки содержанія. И сія, по природѣ щедрая, царица не смѣла и малѣйшаго подарка сдѣлать безъ вѣдома Бирона. Императрица была набожна и даже нѣсколько суевѣрна, однако, посѣщая по-часту храмы Божіи, созидая новые и щедро украшая существовавшіе, не допустила духовенство присвоить себѣ власти болѣе, сколько предоставлено оному было узаконеніями Петра Великаго.

Не только съ величайшимъ вниманіемъ Анна Іоанновна слушала государственныя дѣла, представляемыя министрами, но даже всегда освѣдомлялась объ отправленіи и исполненіи рѣшенныхъ ею. Усовершенствованіе внутренняго домоводства, распространеніе торговли, умноженіе мануфактуръ, усиленіе сухопутныхъ и морскихъ силъ—наиболѣе занимали попеченіе монархини.

Не взирая на кровопролитныя брани, происходившія почти во все теченіе царствованія ея, никогда не обременила народъ новымъ налогомъ. При заключеніи мира съ Портою, даровала народу полугодовый подушный сборъ; окладъ подушный при ней состоялъ въ семи гривнахъ съ души мужескаго пола. Не токмо не оставила Анна Іоанновна по себѣ государственнаго долга, но даже по кончинѣ ея обрѣли въ запасѣ въ военномъ казначействѣ одинъ милліонъ двѣсти тысячъ, а въ соляномъ семьсотъ тысячъ наличныхъ денегъ серебряною монетою.

Умноживъ сухопутныя войска, оставила преемникамъ престола армію благоустроенную, подъ предводительствомъ искус-

нѣйшихъ полководцевъ. Повиновеніе россійскаго ратника, терпѣніе его въ преодолѣніи всѣхъ превратностей счастія, ничѣмъ непотрясаемая храбрость его на полѣ сраженія—во всѣ времена превосходили всякое вѣроятіе: но во дни Анны, благочиніе и порядокъ въ воинствѣ нашемъ могли почитаться образцовыми. Побѣги въ ономъ были вовсе невѣдомы. Сухопутныя силы при сей государынѣ простирались до 240,000 человѣкъ. Пѣхота, справедливо почитаемая душою войска, состояла на прекрасной ногѣ; всѣ эволюціи и экзерциціи производились превосходно. На Сестрорѣцкомъ заводѣ, учрежденномъ, какъ большею частію и всѣ полезныя заведенія въ Россіи, Петромъ Великимъ, хорошо изготовлялось огнестрѣльное и холодное оружіе. Артиллерія также была умножена, и въ устроеніи орудій послѣдовали, при Минихѣ, значительныя перемѣны; при ней учрежденъ въ Петербургѣ литейный дворъ. Конница регулярная не была приведена въ равное превосходство съ пѣхотою. Въ замѣну, Россія имѣла въ казакахъ такія легкія войска, какихъ ни одно европейское государство выставить не можетъ. Дабы снабдить тяжелую конницу добрыми лошадьми, императрица повелѣла выписать изъ Голштиніи и другихъ иностранныхъ земель знатное число лошадей лучшей породы, учредить конскіе заводы, и для содержанія оныхъ отвести богатыя казенныя волости; въ самыхъ монастырскихъ владѣніяхъ заведены были таковые заводы. Въ похвалу сего правленія по военной части надлежитъ упомянуть объ отмѣнѣ несправедливаго постановленія о жалованьи: иностранцы, находившіеся въ нашей службѣ, получали жалованье превосходнѣйшее противу природныхъ русскихъ; Анна Іоанновна повелѣла всѣмъ служащимъ производить равное содержаніе.

Хотя прилагала она попеченіе о флотѣ, совершенно пренебреженномъ по кончинѣ Петра Великаго, но не успѣла поставить оный на ту степень, въ каковой мы видѣли морскія россійскія силы во дни Екатерины Великой, переносящіяся изъ одного океана въ другой и приводящія въ трепетъ горделивый Стамбулъ.

Торговля Россіи въ царствованіе Анны Іоанновны производилась успѣшно. Россія отпускала за море: поташъ, юфть, ленъ, пеньку, желѣзо, строевой и корабельный лѣсъ, разный хлѣбъ, медъ, воскъ, сало, мѣха. Отъ англичанъ получала: олово, сви-

нецъ, кубовую краску, различныя желѣзныя издѣлія, кампешъ, квасцы и въ большомъ количествѣ сукна, полотняные и кисейные товары. Голландцы доставляли соль, сукна, полотна и множество пряныхъ кореньевъ. Торговля съ сими народами, какъ и со Швеціею, обращалась въ выгоду Россіи. Хотя не было непосредственной торговли съ Франціею, хотя рѣдко и видѣли въ нашихъ пристаняхъ купеческія суда сей державы, но Франція, наводняя Россію винами своими, богатыми штофами, парчами, бархатами, шелковыми издѣліями, кружевами и всякими бездѣлушками, питающими роскошь, похитила отъ нея все золото, торговлею съ англичанами пріобрѣтенное. Сухопутная торговля происходила съ Китаемъ, Персіею и другими азіатскими народами.

Подкрѣпляя сибирскіе желѣзные и мѣдные заводы знатными денежными суммами, для правильнѣйшей разработки рудниковъ и горнаго производства, императрица посылала молодыхъ людей въ чужіе края обучаться рудному дѣлу и выписала изъ Саксоніи, по соглашенію съ тамошнимъ дворомъ, опытныхъ рудокоповъ и искусныхъ горныхъ чиновниковъ. При сей Государынѣ, для управленія горною частью, учреждена была генералъ-оберъ-директорія, изданы штаты и положенія для заводовъ, открытъ г. Татищевымъ [1]) богатый Гороблагодатскій рудникъ, учинены важныя поощренія вольнымъ промышленникамъ и пожалованы имъ къ заводамъ казенные крестьяне. Запущенные Нерчинскіе сереброплавильные заводы при ней начали поправляться.

При сей Государынѣ были предприняты морскія путешествія по Ледовитому морю, для открытія пути въ Восточной океанъ; къ берегамъ Америки, для обозрѣнія Алеутскихъ острововъ; изслѣдованы и описаны нѣкоторые изъ Курильскихъ острововъ.

Заведеніе при академіи наукъ, въ Петербургѣ, гимназіи и училища живописнаго и рѣзнаго художествъ, а особенно учрежденіе знаменитаго кадетскаго корпуса, обогатившаго Россію превосходными офицерами, и въ коемъ, при самомъ зарожденіи онаго, для Беллоны образовался славный Румянцевъ, для Мель-

---

[1]) Василій Никитичъ Татищевъ, знаменитый нашъ бытописатель. Прим. рукоп.

помены явился Сумароковъ,—привлекаютъ благодарность нашу къ именамъ тѣхъ знаменитыхъ мужей, предстательствомъ коихъ заведенія сіи получили начало свое.

Неприведенныя къ окончанію великія преднамѣренія Петра Великаго императрица ревностно помышляла довершить. Въ ея царствованіе графъ Минихъ окончилъ славный Ладожскій каналъ; при ней ежегодно отпускаемо было по двѣсти тысячъ рублей на усовершенствованіе канала Кронштадтскаго съ принадлежащими къ оному водоемами.

Въ пребываніе Анны Іоанновны въ Петербургѣ, столица сія украсилась многими новыми зданіями; въ адмиралтействѣ построена башня и, вмѣсто большей части деревянныхъ домовъ, въ городѣ сооружены каменные. Хотя, впрочемъ, надлежитъ признаться, что вкусъ въ зодчествѣ былъ не самый изящнѣйшій: онъ представлялъ смѣшеніе италіанской, французской и голландской архитектуры. Послѣдней наиболѣе слѣдовали, вѣроятно, потому, что великій преобразователь Россіи почерпнулъ таковой вкусъ во время пребыванія своего въ Саардамѣ, гдѣ державная длань сего чудеснаго мужа, метавшая громы во враговъ, изливавшая безчисленныя щедроты на подданныхъ, не возгнушалась, въ поученіе россіянъ, упражняться въ строеніи кораблей.

Мудрый Петръ вѣдалъ, что въ имперіяхъ, гдѣ процвѣтаютъ мануфактуры, фабрики, художества, рукомесла, тамъ роскошь полезна; обращая деньги въ нѣдрахъ государства, привлекаетъ она золото изъ чужихъ земель. Напротивъ того, въ державахъ, лишенныхъ сихъ пособій, роскошь крайне пагубна: ибо, питая ее, таковыя государства всѣ издѣлія вкуса, щегольства, прихоти—получаютъ отъ руки чужеземной. Все выписываютъ отъ другихъ, за все платятъ звонкою монетою. Почему великій монархъ всемѣрно устранялъ отъ двора своего суетную пышность и роскошь раззорительную. Вельможа времени Петра Великаго не старался отличать себя позлащенною одеждою. Преемники сего государя не съ подобною мудростію взирали на этотъ предметъ. Совокупленіе азіатской пышности съ изощренною роскошью европейскою впервые появилось при россійскомъ дворѣ при Екатеринѣ I, умножилось при Петрѣ II, а въ царствованіе Анны Іоанновны пышность при дворѣ, великолѣпіе въ строеніяхъ, роскошь въ убранствѣ дворцовъ, щегольство въ экипажахъ и одеждѣ—несрав-

инно превышали времена всѣхъ ея предшественниковъ; однако, похвалу сей государыни замѣтить надлежитъ, что расходы юра были распоряжаемы столь благоразумно, что не токмо не ступали изъ обыкновенно отпускаемой суммы, но ежегодно берегались въ запасѣ иногда и довольно значительные остатки. ля умноженія царскаго сокровища алмазными и другими ве-ами, для убранства и украшенія дворцовъ и загородныхъ до-овъ, Анна Іоанновна употребила многіе милліоны рублей. Бо-атый ея золотой столовый приборъ употреблялся и при Екате-инѣ Великой.

Въ заключеніе скажемъ, что царствованіе императрицы Анны оанновны представляетъ разительное смѣшеніе добра и зла на-одиаго. Съ одной стороны, удивляемся громкимъ побѣдамъ воин-тва благоустроеннаго, твердой системѣ правительства, полезнымъ реобразованіямъ, учрежденіямъ, заводимымъ для блага государ-тва, видимъ императрицу Анну уважаемою сѣверными держа-ами, поддерживающею корону на главѣ польскаго короля, ла-каемою сильнѣйшимъ европейскимъ монархомъ Карломъ VI. идимъ въ сіе время людей необыкновенныхъ и въ войскѣ и въ лужбѣ гражданской. Минихъ, Ласси, Левашевъ, Румян-евъ, Кейтъ, Левендаль, Леонтьевъ, Штофельнъ, Реп-инъ, Загряжской, Сперейтеръ, Шпигель, Бутурлинъ, охмутъ, Дебрини, Ферморъ, Апраксинъ — являютъ и му-ество и дарованія отличныя на ратномъ полѣ: нѣкоторые изъ ихъ вносятъ имя свое въ храмъ безсмертія. Остерманъ, Тру-ецкой, Салтыковъ, Чернышевъ, Волынскій, Головкинъ, естужевы, Куракинъ, Панинъ, Бибиковъ, Вельяминовъ, атищевъ—съ честію и похвалою трудятся въ кабинетѣ, судахъ, управленіи областей и градовъ; и изъ нихъ нѣкоторые, по-обно знаменитымъ воинамъ, содѣлываютъ себя извѣстными по-омству. Съ другой стороны—съ трепетомъ поражаемся народ-имъ бѣдствіемъ. Непрерывныя брани, алчное и ничѣмъ необуз-анное лихоимство Бироново, неурожаи хлѣбные въ бо́льшей асти Россіи—привели народъ въ крайнюю нищету. Для понуж-енія къ платежу недоимокъ употребляли ужаснѣйшія безчело-вѣчія, приводящія въ содроганіе и помышляющихъ объ оныхъ; ыніе, стонъ, слезы, вопль—распространились во всей имперіи. ужасомъ усматриваемъ жестокія гоненія, заточенія въ темницы,

пытки, ссылки и самую смерть, коимъ преданы были многія полезныя, заслуженныя и знаменитыя особы, всѣ почти по одному подозрѣнію, либо по личной ненависти и мщенію, что и обнаруживаетъ явное неправосудіе—главный порокъ вѣнценосцевъ.

Напослѣдокъ, съ горестію должно сказать, что монархиня обширнѣйшаго въ свѣтѣ и славнаго государства, надѣленная отъ природы многими добродѣтелями, чрезъ непомѣрное снисхожденіе и даже, можно сказать, подобострастіе, своенравному, злобному и кровожадному наперснику, помрачила все сіяніе правленія своего. Современники въ глубинѣ сердца порицали страсть Анны Іоанновны къ злодѣю; но, благоговѣя къ предержащей власти, не смѣли роптать явно, все съ терпѣніемъ переносили. Потомство, безъ лицепріятія разсматривая дѣянія всѣхъ, судитъ и владыкъ земныхъ: оно не перестанетъ обвинять Анну Іоанновну за то, что допустила именемъ своимъ совершать насилія, жестокости, злодѣянія. Тотъ, кто, имѣя власть въ рукахъ своихъ, не останавливаетъ бѣдствія народнаго, содѣлывается врагомъ народа и имя его неизбѣжно предается безславію и справедливому порицанію потомства.

Обозрѣніе Биронова регентства.

[Зап. Манштейна, стр. 195—203].

Слѣдуя древнему обычаю, немедленно по преставленіи Анны Іоанновны, отворили двери почивальной ея. Огорченный оберъ-гофмаршалъ Левенвольдъ вышелъ въ собраніе, со слезами извѣстилъ о кончинѣ императрицы, и пригласилъ всѣх къ тѣлу усопшей. Всѣ, въ страшной неизвѣстности о будущем поражены были чрезвычайною печалью; вопль распространился по дворцу. Принцесса Анна была удручена величайшею скорбью. Изъ почивальной вынесли ее въ безпамятствѣ въ другую комнату. Тамъ, опамятовавшись, сидѣла она въ глубокой задумчивости, обливаясь горькими слезами. Биронъ громко рыдалъ и казался отчаяннымъ; но скоро миновалось отчаяніе лукаваго честолюбца. Чрезъ нѣсколько минутъ, приказалъ онъ объявить постановленіе о регентствѣ. Генералъ-прокуроръ князь Никита Юрьевичъ Трубецкой отперъ шкафъ, вынулъ изъ онаго постановленіе, подо

шелъ къ свѣчамъ и началъ читать бумагу. Бирон, примѣтя, что принцъ Брауншвейгскій неподвижно стоялъ за стуломъ супруги своей, тотчасъ сказалъ ему: «Не угодно-ли и вамъ, вмѣстѣ съ другими, выслушать послѣднюю волю императрицы?» Принцъ, не отвѣчая ни слова, подошелъ къ боярамъ, вокругъ Трубецкаго толпившимся, и съ спокойнымъ духомъ слушалъ приговоръ собственный и своей супруги. По прочтеніи постановленія, герцогъ пошелъ въ свои комнаты, а принцесса Анна съ супругомъ удалились въ покои малолѣтняго императора и наступающую ночь провели у колыбели младенца. Надлежитъ замѣтить, что какъ скоро ребенокъ сей появился на свѣтъ, то покойная императрица взяла его подъ собственный свой надзоръ и помѣстила въ комнатѣ подлѣ почивальной своей.

Ночь всю скрывали отъ народа о смерти императрицы и повсюду усилили караулы; на разсвѣтѣ слѣдующаго дня вывели полки лейбъ-гвардіи и другіе, въ Петербургѣ находившіеся, и построили подъ ружьемъ на Дворцовой площади. Въ девять часовъ (утра) собрались ко двору: духовенство, сенатъ и всѣ прочія знатныя особы. Графъ Остерманъ, обливаясь слезами, возвѣстилъ собранію о преставленіи императрицы и приказалъ секретарю прочесть постановленіе о регентствѣ. Послѣ этого всѣ пошли въ придворную церковь и тамъ дали присягу въ вѣрности младому императору и регенту. Изъ церкви же отправились къ герцогу для принесенія поздравленія. Бирон, подойдя къ сенаторамъ, произнесъ:

— «Излишнимъ почитаю напоминать вамъ о продолженіи усердія, съ каковымъ доселѣ споспѣшествовали вы приращенію благодентствія и славы отечества. Надѣюсь твердо, что нѣжный возрастъ малолѣтняго императора послужитъ вамъ сильнѣйшимъ побужденіемъ къ дальнѣйшимъ трудамъ. Будьте удостовѣрены, что всѣ часы жизни моей я готовъ посвящать на служеніе имперіи; слѣдственно, вы не можете представить мнѣ убѣдительнѣйшихъ опытовъ довѣренности къ чистотѣ моихъ помышленій, какъ непосредственно и прямо относясь ко мнѣ во всѣхъ случаяхъ, когда стрѣтите надобность для блага государства въ новомъ законоположеніи, или въ искорененіи злоупотребленій, вкравшихся въ различныя вѣтви государственнаго управленія. Я не буду имѣть upersниковъ и двери мои всегда будутъ отверзты для благонамѣренныхъ людей».

Послѣ сего привѣтствія, откланялся и позвалъ во внутренніе покои графовъ Миниха и Остермана, князя Черкаскаго и тайнаго совѣтника Бестужева. Тамъ благодарилъ ихъ за оказанную къ нему приверженность, и, увѣривъ, что не оставитъ на самомъ дѣлѣ изъявить имъ признательность свою, просилъ этихъ господъ вспомоществовать ему добрыми совѣтами.

Того же утра, регентъ перевезъ малолѣтняго императора въ зимній дворецъ, изъявивъ согласіе, чтобы и родители его туда переселились. Самъ же остался въ лѣтнемъ дворцѣ, предполагая переѣхать изъ онаго по погребеніи тѣла покойной императрицы. Вечеромъ навѣстилъ онъ императора и родителей его. Изъявивъ принцессѣ соболѣзнованіе о преставленіи императрицы, удостовѣрилъ, что онъ сдѣлалъ распоряженіе о произвожденіи ей содержанія соотвѣтственнаго высокой ея породѣ. Доселѣ принцесса получала общее содержаніе съ императорскимъ дворомъ. Биронъ опредѣлилъ на собственные ея расходы по двѣсти тысячъ рублей серебромъ ежегодной пенсіи.

По учрежденіи тайнаго кабинета, правительствующій сенатъ утратилъ много изъ прежняго своего достоинства и преимуществъ. Желая польстить сему верховному судилищу и привязать къ себѣ членовъ онаго, Биронъ часто ѣздилъ въ сенатъ и присутствовалъ въ оном. Сенатъ, въ изъявленіе признательности своей, просилъ регента принять по пятисотъ тысячъ рублей ежегодно на содержаніе двора его и, находя, что титулъ свѣтлости не приличествуетъ важности званія правителя столь великой имперіи, поднесъ ему проименованіе высочества. Биронъ принялъ сіе приношеніе, съ условіемъ, чтобы и принца Брауншвейгскаго, въ качествѣ родителя императора, равномѣрно величали высочествомъ.

Чѣмъ болѣе возвышался Биронъ, тѣмъ сильнѣе разверзалась ужаснѣйшая пропасть, готовившаяся поглотить его. Не прошло еще и одной недѣли по кончинѣ Анны Іоанновны, какъ начали доходить до регента слухи о ропотѣ въ народѣ противъ правленія его. Лейбъ-гвардіи капитанъ Ханыковъ и поручикъ Аргамаковъ взяты были подъ стражу за нескромныя рѣчи и преданы пыткѣ. Биронъ домогался вывѣдать отъ нихъ—въ чемъ состояло злоумышленіе ихъ и кто были сообщники ихъ? Но не могъ ничего исторгнуть отъ нихъ, и вся вина ихъ оказалась единственно въ изъявленіи неудовольствія, въ простомъ между собою разго-

рѣ. Въ то же время преданъ былъ пыткѣ одинъ кабинетской екретарь. Его обвиняли, что онъ предварительно показывалъ бѣимъ принцессамъ на-черно написанное постановленіе о регентствѣ, и дѣлалъ нѣкоторыя замѣчанія на несправедливость сего распоряженія. Но всѣ сіи жестокости не произвели дѣйствія, Бирономъ ожидаемаго: вмѣсто того, чтобы устрашить прочихъ, онѣ вящше раздражали умы и всѣхъ возбуждали ко мщенію.

Среди сихъ происшествій, получено было извѣстіе о кончинѣ Карла VI, умершаго въ Вѣнѣ 10-го (12-го) октября. Императоръ завѣщалъ наслѣдственныя австрійскія владѣнія старшей дщери своей Маріи Терезіи. Король прусскій, курфирсты саксонскій и баварскій предъявляли притязанія на наслѣдіе сіе и намѣрелись вооруженною силою подкрѣплять права свои. Война долженствовала возгорѣться въ Германіи. Не вѣдали еще, что предпріиметъ регентъ въ обстоятельствахъ, столь важныхъ для наслѣдницы Австрійской монархіи. Но послѣ, по паденіи Бирона, сдѣлался извѣстнымъ тайный договоръ, заключенный имъ съ саксонскимъ дворомъ, по коему регентъ, вопреки ручательства покойной императрицы по прагматическому уложенію Карла VI, обѣщалъ не противиться требованіямъ, каковыя Августъ, король польскій, въ качествѣ курфирста саксонскаго, супруга и дѣти его предъявятъ на наслѣдіе австрійскихъ владѣній. Въ замѣну сего, польскій король обѣщалъ охранять права Бирона и наслѣдниковъ его на обладаніе герцогствомъ курляндскимъ. Обязательство это было единственное, заключенное Бирономъ съ иностранною державою.

Хотя въ первые дни регентства Биронъ тщательно занимался списаніемъ свѣдѣній о состояніи военныхъ силъ и государственныхъ доходовъ, однако, никакихъ предположеній ко благу Россіи не послѣдовало, и во внутреннихъ распоряженіяхъ имперіи не сдѣлалъ онъ ничего достопримѣчательнаго. Дабы польстить народу и ознаменовать восшествіе на престолъ малолѣтняго императора и свое вступленіе въ правленіе, освободилъ онъ отъ четырехъ-мѣсячнаго подушнаго оклада. Между тѣмъ, всѣ улицы Петербурга наполнены были караулами и разъѣздами; повсюду были разсыпаны наушники и доносчики. Не проходило ни одного дня, чтобы регентъ не получалъ доноса и не приказывалъ брать подъ стражу и предавать истязаніямъ всякаго званія людей. Вина

сихъ несчастныхъ заключалась единственно въ неосторожныхъ разговорахъ. Наконецъ, Бирономъ получилъ свѣдѣніе о большомъ заговорѣ. Вотъ подробности онаго.

Графъ Михайло Гавриловичъ Головкинъ, сынъ государственнаго канцлера, по породѣ и по высокимъ связямъ супруги своей, справедливо почитался въ государствѣ знаменитымъ вельможею. Украшенный россійскими орденами и возведенный на высшія степени, былъ самый снисходительный, добродѣтельный и любящій отечество мужъ. Супруга его, Екатерина Ивановна, благотворительная и сострадательная боярыня, была дочь князя Ивана Ѳедоровича Ромодановскаго, имѣвшаго въ супружествѣ Наталію Ѳедоровну Салтыкову, родную сестру царицы Прасковьи Ѳеодоровны. Слѣдовательно, графиня Головкина была двоюродная сестра императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ, а правительницѣ—тетка. Въ первые годы царствованія государыни Анны Іоанновны, графъ Головкинъ пользовался при дворѣ большимъ уваженіемъ, но подъ конецъ благоволеніе монаршее къ нему весьма уменьшилось; причиною тому было безпристрастное сужденіе сего вельможи о поступкахъ Бирона. И такъ, не ожидая себѣ ничего добраго отъ врага, похитившаго верховную власть, графъ Головкинъ помышлялъ о низверженіи деспота. Но средство, которое намѣревался онъ употребить для сего, едва не обратилось на собственную его гибель. Благодушіе и благосклонность хозяевъ привлекали гостей въ домъ графа Головкина; множество недовольныхъ отставныхъ офицеровъ находили тутъ убѣжище и отраду. Въ одинъ день, когда посѣтили его нѣкоторые изъ нихъ, на преданность коихъ могъ онъ твердо полагаться, графъ спросилъ у нихъ:

— О чемъ говорятъ въ городѣ?

Они отвѣчали, что всѣ вообще негодуютъ на возвышеніе Бирона и соболѣзнуютъ объ участи принцессы Анны. Что они знаютъ многихъ гвардейскихъ офицеровъ, готовыхъ на все отважиться для отмщенія оскорбленія, нанесеннаго родительницѣ императора. Но сіи офицеры, какъ и прочіе благомыслящіе люди, не имѣя руководителя, не вѣдаютъ какъ приступить къ сему важному дѣлу. Графъ отвѣчалъ, что, по мнѣнію его, лучшее средство послѣдовать примѣру, употребленному въ Москвѣ въ 1730 г. при возстановленіи самодержавія, т. е. что всѣ благонамѣренные

іоты долженствуютъ въ назначенный для того день собраться
звѣстномъ домѣ и цѣлымъ обществомъ отправиться къ прин-
ѣ съ просьбою, дабы она избавила государство отъ нена-
наго всѣмъ регента и бразды правленія приняла бы въ свои
. Гости, одобривъ предполагаемый способъ, просили графа
главою общества благонамѣренныхъ; но сей хворый и му-
й подагрою вельможа не могъ принимать личнаго участія
редполагаемомъ предпріятіи, а совѣтовалъ имъ обратиться
нязю Черкаскому, увѣряя, что министръ сей столь же охотно
вится на представленіе ихъ, какъ и прежде поступилъ онъ,
поднесеніи императрицѣ Аннѣ прошенія объ отрѣшеніи
тократическаго правленія. Давъ таковой совѣтъ и отобравъ
аніе, чтобы о немъ ничего не упоминали, графъ просилъ,
, не отлагая вдаль, завтрашній же день, пригласивъ и дру-
недовольныхъ, всѣ вмѣстѣ явились къ князю Черкаскому.
асно съ симъ предположеніемъ, на другой день недовольные
ались къ князю Черкаскому, объявили о причинѣ прибытія
го и, напомнивъ о прежнемъ подвигѣ его, столь достохваль-
и полезномъ для общества, просили князя отправиться съ
къ принцессѣ и представить ея высочеству о желаніи на-
. Князь Черкаскій, спокойно выслушавъ просителей, съ при-
нымъ видомъ одобрилъ намѣреніе ихъ и, подъ предлогомъ
авленія дѣлъ, не терпящихъ отлагательства, пригласилъ ихъ
ти къ нему на другой день. Едва они вышли изъ дома его,
оробѣвшій князь, страшась гибельныхъ для себя послѣдствій
сего заговора, немедленно поскакалъ извѣстить Бирона о сдѣ-
омъ предложеніи. Тотчасъ захватили всѣхъ приходившихъ
нязю Черкаскому; заключили въ темницы и мучили пытками,
ашивая о числѣ и именахъ прочихъ соучастниковъ. Несчаст-
объявили о нѣкоторыхъ, но, превозмогая всѣ истязанія,
о не упомянулъ о графѣ Головкинѣ. Въ числѣ обличенныхъ
ъ находился Грамматинъ, правитель россійской канцеляріи
ца Брауншвейгскаго. Подъ истязаніями пытки Грамматинъ
окмо признался, что зналъ объ упомянутомъ заговорѣ, но
ылъ еще и о другомъ важнѣйшемъ, къ составленію котораго
реблялся онъ по согласію принца. Предполагали подговорить
еровъ лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка, находившагося
начальствомъ принца Брауншвейгскаго, и потомъ, склонивъ

весь полкъ, идти во дворецъ и во что бы ни стало захватить Бирона и всѣхъ его приверженниковъ. Грамматинъ успѣлъ открыться токмо одному капитану упомянутаго полка князю Путятину, который обѣщалъ убѣждать прочихъ офицеровъ. Князь Путятинъ, преданный истязаніямъ, признался и объявилъ о двухъ капитанахъ и объ одномъ поручикѣ, которыхъ подговорилъ онъ принять участіе въ заговорѣ.

Открытіе сихъ покушеній долженствовало убѣдить Бирона сколь ненавистно было правленіе его; что всѣ мученія пытокъ недостаточны къ предохраненію тирановъ отъ справедливой мести раздраженнаго общества! Деспотъ сей легкомысленно возлагалъ надежду на вѣрность двухъ гвардейскихъ полковъ, Измайловскаго и Коннаго, изъ коихъ первымъ начальствовалъ братъ его Густавъ, а другимъ сынъ его Петръ. Желая показать предъ всѣми, сколь мало опасается онъ принца Брауншвейгскаго, призвалъ его къ себѣ и, въ присутствіи многочисленнаго собранія, Биронъ въ ярости выговаривалъ за покушеніе къ составленію заговора, называлъ принца неблагодарнымъ, кровожаждущимъ, и присовокупилъ, что поступками своими неминуемо лишится онъ всего. А какъ при послѣднихъ словахъ принцъ нечаянно положилъ лѣвую руку на эфесъ своей шпаги, то регентъ, принявъ сіе за угрозу и ударяя по своей, съ жаромъ закричалъ:

— «Если сомнѣваетесь, чтобъ рѣшился я раздѣлаться съ вами и симъ путемъ, то извольте испытать».

Наконецъ, по произнесеніи и другихъ рѣчей, внушенныхъ злобою и ненавистью, на которыя принцъ кратко возразилъ, что онъ отнюдь не обязанъ отвѣтствовать за «слова и поступки секретаря своего»,—разстались они съ бо́льшимъ противу прежняго негодованіемъ и ожесточеніемъ.

На другой день регентъ поручилъ барону Миниху [1]), брату фельдмаршала, объясниться съ принцемъ Брауншвейгскимъ. Въ отвращеніе дальнѣйшихъ неудовольствій и для пресѣченія всякаго подозрѣнія, предложили принцу добровольно отказаться отъ всѣхъ должностей, занимаемыхъ имъ въ войскѣ. Принцъ дол-

---

[1]) Баронъ Христіанъ Вильгельмъ Минихъ, умершій въ 1768 г., былъ впослѣдствіи дѣйствительный тайный совѣтникъ, оберъ-гофмейстеръ и кавалеръ орденовъ св. Андрея и св. Александра. Примѣч. рукоп.

кенствовалъ покориться судьбѣ и уступить силѣ; присланный
отъ него г. Кайзерлингъ объявилъ регенту, что принцъ сла-
гаетъ съ себя всѣ военныя почести. Обрадованный Биронъ не-
медленно извѣстилъ объ ономъ гвардію и прочіе полки. Не удо-
вольствовавшись симъ, деспотъ послалъ сказать принцу, что онъ
совѣтуетъ ему не выѣзжать изъ дворца, дабы народъ, раздра-
женный за множество людей, по винѣ его заключенныхъ въ
темницы и преданныхъ истязаніямъ, не нанесъ особѣ его какого
либо оскорбленія. Сколь дерзновенно поступалъ Биронъ съ роди-
телями самодержца своего! Всѣ съ трепетомъ ожидали злѣйшихъ
послѣдствій. Опасались, что принцъ съ супругою будутъ или
отправлены въ Германію, или отосланы въ какую-нибудь удален-
ную область Россійскаго государства. Но внезапно одинъ рѣши-
тельный мужъ предпринялъ отважное намѣреніе ниспровергнуть
могущественнаго Бирона и паденіемъ его прекратить всѣ бѣд-
ствія отечества.

Ноября 8-го числа, предъ полуднемъ, графъ Минихъ, по
обыкновенію, пріѣхалъ къ принцессѣ засвидѣтельствовать почтеніе
свое. Нашедши ее одну, воспользовался симъ случаемъ. Съ
жаромъ и величайшимъ искусствомъ описалъ онъ бѣдственное
состояніе государства, насиліе и жестокости Бирона. Представилъ
опасность, угрожающую самой принцессѣ, если правленіе долѣе
останется въ рукахъ неукротимаго ея врага. Обѣщалъ предать
во власть ея Бирона низверженнаго и просилъ дозволить при-
ступить къ исполненію безъ малѣйшаго отлагательства. А для
одобренія въ семъ предпріятіи офицеровъ и рядовыхъ убѣждалъ
принцессу, дабы она благоволила лично присутствовать при совер-
шеніи онаго. Обрадованная Анна Карловна съ неизреченнымъ
удовольствіемъ приняла неожиданное предложеніе фельдмаршала;
умъ и мужество его подавали несомнѣнную надежду къ успѣху.
Положили, чтобы графъ Минихъ въ наступающую ночь прибылъ
въ зимній дворецъ и взялъ отъ караула онаго потребное число
рядовыхъ. Получивъ отъ принцессы увѣреніе, что тайны сей
никому она не откроетъ, даже и супругу своему, фельдмаршалъ
отправился прямо къ Бирону, и остался у него обѣдать. Воз-
вратясь домой, нетерпѣливо ожидалъ онъ приближенія ночи.

Въ тотъ-же вечеръ молодая графиня Минихова [1]), невѣстка

[1]) Жена оберъ-гофмейстера Миниха, рожденная Менгденова.
Примѣч. рукоп.

фельдмаршала, не имѣя ни малѣйшаго свѣдѣнія о преднамѣреніи тестя своего, пріѣзжала къ герцогинѣ, провела тутъ вечеръ, ужинала у нея вмѣстѣ съ регентомъ и почти до полуночи пробыла съ ними. Прощаясь съ графинею, Бирономъ препоручилъ ей сказать фельдмаршалу, что, по погребеніи тѣла императрицы, онъ получитъ такой подарокъ, что въ состояніи будетъ заплатить всѣ свои долги.

Въ два часа по полуночи, фельдмаршалъ съ однимъ только своимъ адъютантомъ, подполковникомъ Манштейномъ, поѣхалъ во дворецъ, и чрезъ нарочно оставленныя незапертыми ворота вошелъ въ покои фрейлины баронессы Іуліаны Менгденъ, родной сестры молодой графини Миниховой. Фрейлина Менгденова, имѣя отъ принцессы предварительное повелѣніе, въ ту же минуту пошла разбудить ее. Правительница не замедлила выйти. Графъ представилъ, что насталъ часъ рѣшить судьбу Бирона, вновь просилъ принцессу, дабы она личнымъ своимъ присутствіемъ подкрѣпила предпріятіе. Но не могши преклонить на сіе, исходатайствовалъ позволеніе представить ей караульныхъ офицеровъ; просилъ объявить имъ волю свою и возбудить ихъ къ усердному исполненію. На послѣднее принцесса согласилась, и когда офицеры вошли, она изволила сказать имъ:

— «Извѣстны вамъ оскорбленія, нанесенныя государю вашему, мнѣ и супругу моему. Наглость регента ежедневно возрастаетъ, терпѣніе мое истощилось, и я рѣшилась наказать тирана. Твердо надѣюсь, что вы, господа, всѣ, дышущіе честію, не отречетесь оказать императору и родителямъ его важнѣйшую услугу: возьмете подъ стражу Бирона, котораго насиліе и жестокосердіе терзаютъ несчастное наше отечество. И такъ, убѣдительнѣйше прошу васъ послѣдовать за фельдмаршаломъ, и ревностно исполнять всѣ его приказанія: вѣрность и усердіе ваше получатъ достойное возмездіе».

Произнеся сіе, принцесса обняла фельдмаршала и допустила къ рукѣ офицеровъ, пожелавъ имъ счастливаго успѣха. Графъ Минихъ, сошедши въ караульную, объявилъ о повелѣніи принцессы. Весь караулъ единогласно отвѣчалъ, что онъ готовъ голову положить, дабы избавиться отъ жестокаго регента. Фельдмаршалъ, приказавъ караулу зарядить ружья, взялъ онаго трехъ офицеровъ и восемьдесятъ гренадеровъ и отправился съ ними въ

лѣтній дворецъ, гдѣ жилъ Бирономъ и гдѣ тѣло покойной императрицы выставлено было на парадной кровати. Тамъ находилось въ караулѣ триста человѣкъ. Если-бы они были преданы регенту, то, безъ сомнѣнія, поставили-бъ непреоборимую препону умышляемому предпріятію; но фельдмаршалъ, по благоразумной предосторожности, назначилъ къ исполненію такой день, въ который караулъ при обоихъ дворцахъ занятъ былъ Преображенскимъ полкомъ, состоявшимъ подъ личнымъ его начальствомъ. Въ разстояніи ста шаговъ отъ лѣтняго дворца, онъ послалъ впередъ одного офицера съ повелѣніемъ караульному капитану, чтобы онъ съ двумя офицерами немедленно явился къ фельдмаршалу. Офицеры сіи въ то же мгновеніе пришли; Минихъ, съ извѣстною его твердостію и умомъ, объявилъ о причинѣ прихода своего и о повелѣніи принцессы арестовать Бирона, приказалъ, чтобы соблюдали глубочайшую тишину и не дѣлали ни малѣйшаго шума. Чтобы караулъ неподвижно стоялъ на своемъ мѣстѣ и ни одинъ часовой не трогался съ поста. Офицеры, пріученные повиноваться повелительному гласу сего полководца, обѣщали все въ точности выполнить и немедленно отдали согласный съ тѣмъ приказъ своимъ караульнымъ. Послѣ сего графъ Минихъ, подошедши къ самому въѣзду дворца, отрядилъ г. Манштейна съ двадесятью рядовыми, приказавъ захватить герцога живаго или мертваго. Манштейнъ шелъ съ крайнею осторожностію, потихоньку. Всѣ часовые, узнавъ о предпріятіи, по данному имъ приказу, свободно пропустили его, не оказавъ ни малѣйшаго сопротивленія. Вотъ убѣдительное доказательство, что никакая стража въ свѣтѣ не охранитъ злобнаго властителя, если не властвуетъ онъ надъ сердцами. Такимъ образомъ, Манштейнъ безъ всякаго затрудненія проникнулъ до комнаты, въ которой спалъ регентъ. А какъ двери оной изнутри были заложены желѣзнымъ запоромъ, то надлежало силою вломиться въ покой. Шумъ, отъ того происшедшій, разбудилъ Бирона. Объятый страхомъ, не вѣдалъ онъ куда скрыться и торопливо бросился подъ кровать; Манштейнъ отыскалъ тирана и вытащилъ изъ-подъ кровати. Обезумѣвшій регентъ мечталъ еще сопротивляться; оборонялся руками и ногами, но въ подобныхъ случаяхъ всякое уваженіе исчезаетъ. Гренадеры силою принудили Бирона къ покорности; схватили его, завязали ему платкомъ ротъ, скрутили

руки, накинули на него шубу, вытащили изъ дворца и посадили въ подвезенную ко крыльцу карету. Выбѣжавшую за Бирономъ въ одной рубашкѣ герцогиню, и брошенную солдатами въ снѣгъ, караульный капитанъ приказалъ одѣть и отвести обратно въ комнаты, гдѣ и приставили къ ней часовыхъ. Исполнивъ сіе, фельдмаршалъ поспѣшно поѣхалъ къ принцессѣ съ донесеніемъ о счастливомъ совершеніи предпріятія и привезъ съ собою низверженнаго съ высоты величія Бирона. Анна, находившаяся въ чрезвычайномъ безпокойствіи и страхѣ, съ несказанною радостью приняла графа Миниха.

Въ ту же ночь взяты подъ стражу Густавъ Биронъ, братъ регента, и кабинетскій министръ тайный совѣтникъ Бестужевъ, обвиняемый въ непомѣрной приверженности къ деспоту.

Предъ разсвѣтомъ дня зимній дворецъ окруженъ былъ непроходимыми толпами народа; всѣ комнаты онаго наполнены были всякаго званія людьми; въ восторгѣ, едва вѣрили столь счастливому событію. Анна Карловна, облекши себя титуломъ великой княгини въ качествѣ правительницы имперіи, изволила, при пушечной пальбѣ, принять присягу отъ всѣхъ знатнѣйшихъ чиновъ, въ придворной церкви. Собравшееся около дворца войско присягало на площади. Обрадованный народъ спѣшилъ въ церкви, съ искреннимъ сердцемъ цѣловалъ крестъ и торжественно обѣщалъ вѣрность правительницѣ. Во всѣ области Россійскаго государства и ко всѣмъ иностраннымъ дворамъ посланы были нарочные гонцы съ симъ извѣстіемъ.

Содѣйствіе графа Миниха къ доставленію Бирону регентства и желанія его.

[Зап. Манштейна, стр. 196—197].

Несправедливо говоритъ г. Манштейнъ, что графъ Минихъ наиболѣе содѣйствовалъ въ доставленіи Бирону регентства. Въ семъ случаѣ фельдмаршалъ долженствовалъ покориться силѣ обстоятельствъ. Равно безъ основанія г. сочинитель упоминаетъ о желаніяхъ его. Графъ Минихъ, зная недовѣрчивый нравъ и неблагорасположеніе къ себѣ герцога, никакъ не могъ предполагать, чтобы въ награду согласія, изъявленнаго обще съ тремя другими особами, регентъ исполнилъ всѣ его желанія и вѣрилъ

ему главное управленіе государственными дѣлами. Тщеславіе могло возродить въ честолюбивой душѣ графа Миниха желаніе возвыситься на степень генералиссимуса; но проницательный умъ его ясно видѣлъ, что одно покушеніе къ этому навлекло-бъ на него величайшее подозрѣніе. И дѣйствительно сказать могу, что въ продолженіе Биронова регентства не помышлялъ онъ объ ономъ; но желалъ единственно, чтобы правительство заплатило долги его. Не по причинѣ неудачи въ исполненіи желаній своихъ, ниже по какому либо отказу со стороны регента, Минихъ рѣшился ниспровергнуть сего страшнаго деспота. Любовь къ отечеству, проистекшая отъ того ревность прекратить народное бѣдствіе и опасеніе рано или поздно подвергнуться общему гоненію—руководствовали знаменитаго полководца.

О исканіи Минихомъ господарскаго достоинства.

[Зап. Манштейна, стр. 197].

Что принадлежитъ до сказанія г. Бишенга, помѣщеннаго въ примѣчаніи г. Манштейна, будто бы фельдмаршалъ, до покоренія еще Молдавіи, просилъ императрицу пожаловать его господаремъ сей области, а потомъ домогался о пожалованіи его герцогомъ украинскимъ, то оное, какъ и мнимый отзывъ Анны Іоанновны, совершенно пустая и вымышленная сказка, о которой г. Манштейнъ, какъ человѣкъ, испытавшій многія благодѣянія отъ графа Миниха, не долженствовалъ бы и упоминать.

Вступленіе принцессы Анны въ управленіе государствомъ и поведеніе въ этомъ случаѣ графа Миниха.

[Зап. Манш., стр. 203 и слѣд.].

Сочинитель недостовѣрно описалъ начало управленія государствомъ принцессы Анны. Вотъ нѣкоторыя подробности онаго. На другой день по низверженіи Бирона, графъ Минихъ, призвавъ къ себѣ рано поутру сына своего и барона Менгдена, спросилъ мнѣнія ихъ: кого слѣдуетъ по достоинству и чѣмъ пристойнѣе наградить? Послѣ нѣкотораго разсужденія о семъ, приказалъ онъ сыну взять перо и писать со словъ его.

Во первыхъ: просилъ ея высочество правительницу государства, чтобы она благоволила возложить на себя орденъ св. Андрея.

Во вторыхъ: во уваженіе важной заслуги, оказанной фельдмаршаломъ графомъ Минихомъ, пожаловать его генералиссимусомъ. Едва лишь окончилъ фельдмаршалъ послѣднія слова, какъ сынъ его сказалъ: «Конечно, по всей справедливости, никто не имѣетъ болѣе права требовать сего достоинства, какъ вы; но надлежитъ помыслить: не желаетъ-ли принцесса на сію высокую степень (возвести) супруга своего? И такъ, дабы не подвергнуться отказу, не приличнѣе-ли будетъ просить званія перваго министра, столь-же важное, какъ и первое?»

Фельдмаршалъ, согласясь на сіе замѣчаніе, спросилъ:

— Какъ-же преклонить графа Остермана быть подчиненнымъ первому министру?

— Доставивъ ему степень высшую отправляемой имъ вицеканцлерской должности,—былъ отвѣтъ сына и барона Менгдена. Фельдмаршалъ подхватилъ:

— Я вспомнилъ, что графъ Остерманъ, составляя въ 1732 году новое положеніе для флота, показывалъ желаніе быть великимъ адмираломъ; и такъ, мнѣ кажется, что онъ доволенъ будетъ этимъ повышеніемъ.

— Кому же предназначается званіе великаго канцлера, праздное съ давняго времени? — спросилъ молодой Минихъ, а какъ отецъ замедлилъ отвѣтомъ, то первый продолжалъ:

— Хотя князь Черкаскій, по послѣднему своему поступку, не заслуживаетъ награжденія; но какъ поведеніе его въ семъ случаѣ должно приписать болѣе робости, нежели прямой приверженности къ бывшему регенту, то я думаю, что великая княгиня, предавъ забвенію прошедшее, явитъ опытъ величія души, который можетъ несравненно сильнѣе содѣйствовать утвержденію ея правленія, чѣмъ всѣ розысканія и наказанія прежнихъ поступковъ. И такъ, по мнѣнію моему, не пристойно просить правительницу о возведеніи въ кацлерское достоинство князя Черкаскаго.

Наконецъ, дабы всѣ главнѣйшія государственныя должности заняты были природными россіянами, положили: графа Михаила Гавриловича Головкина предложить въ вице-канцлеры.

Такимъ образомъ, составя роспись о повышеніи чинами и о пожалованіи орденами, по уходѣ молодаго Миниха и барона Менгдена, фельдмаршалъ велѣлъ секретарю своему переписать оную на-бѣло. Но, снѣдаемый тщеславіемъ, котораго не могъ онъ преодолѣть, прибавилъ къ статьѣ, до него относившейся, неприличное выраженіе: «что достоинство генералиссимуса предоставляетъ онъ принцу Брауншвейгскому». Росписаніе сіе было утверждено великою княгинею.

Милости, оказанныя Правительницею.

[Зап. Манштейна, стр. 203].

Въ тотъ же день, около одиннадцати часовъ предъ полуднемъ, правительница, возложивъ на себя орденъ св. Андрея, вышла и допустила всѣхъ къ рукѣ. Потомъ, именемъ императора объявлены слѣдующія повышенія и награды: принцъ Брауншвейгскій всемилостивѣйше пожалованъ генералиссимусомъ всѣхъ сухопутныхъ и морскихъ силъ; фельдмаршалъ графъ Бурхардъ-Христофоръ Минихъ первымъ министромъ; графъ Андрей Ивановичъ Остерманъ великимъ адмираломъ съ оставленіемъ министромъ иностранныхъ дѣлъ; князь Алексѣй Михайловичъ Черкаскій великимъ канцлеромъ, графъ Михаилъ Гавриловичъ Головкинъ вице-канцлеромъ съ повелѣніемъ присутствовать ему въ тайномъ кабинетѣ. Генералъ-аншефъ Андрей Ивановичъ Ушаковъ, оберъ-шталмейстеръ князь Александръ Борисовичъ Куракинъ и адмиралъ графъ Николай Ѳедоровичъ Головинъ получили орденъ св. Андрея, а тайный совѣтникъ и московскій губернаторъ князь Борисъ Григорьевичъ Юсуповъ, тайный совѣтникъ и сенаторъ Василій Ивановичъ Стрешневъ, зять графа Остермана, и коммерцъ-коллегіи президентъ баронъ Менгденъ—орденъ св. Александра Невскаго. Послѣ возвѣщенія о сихъ милостяхъ, правительница возвратилась во внутренніе покои и, призвавъ графа Миниха, вручила указъ о пожалованіи ему ста тысячъ рублей серебромъ. Оберъ-гофмаршалъ графъ Левенвольдъ получилъ осемьдесятъ тысячъ рублей, дѣйствительный тайный совѣтникъ баронъ Минихъ двадцать тысячъ рублей; графъ Минихъ, сынъ фельдмаршала, пожалованъ былъ оберъ-гофмейстеромъ, а гофмаршалу Шепелеву и генералъ-маіору Апраксину, извѣстному потомъ побѣдою при Егерндорфѣ надъ прусскимъ фельдмаршаломъ Левальдомъ, пожалованы богатыя помѣстья.

Весь народъ россійскій ощутилъ благотворную перемѣну въ правленіи; сострадательное и милосердое сердце правительницы устремилось къ облегченію участи несчастныхъ, пострадавшихъ подъ грознымъ деспотизмомъ Бирона, какъ въ регентство его, такъ и въ государствованіе Анны Іоанновны. Каждый день просматривала она дѣла о важнѣйшихъ ссылочныхъ, предоставивъ сенату облегчить судьбу прочихъ. Число всякаго званія людей, томившихся въ заточеніи, простиралось до многихъ тысячъ человѣкъ. Находившіеся подъ истязаніемъ въ Петербургѣ немедленно были освобождены; всѣ, въ знакъ прощенія, прикрыты знаменемъ, и многіе за безвинно претерпѣнное гоненіе повышены чинами, опредѣлены къ должностямъ, или получили какія другія награды.

Таковое прекрасное вступленіе въ правленіе, доказывая о превосходствѣ сердца правительницы, долженствовало бы предвѣщать благополучную участь самой великой княгини. Но въ книгѣ судебъ предначертанъ былъ ей жребій самый злополучный.

Минихъ не получалъ отъ правительницы отказа на просьбы свои.

[Зап. Манштейна, стр. 204—208].

Предыдущее замѣчаніе опровергаетъ заключеніе г. Манштейна, что графъ Минихъ въ первый день правленія великой княгини Анны получилъ отказъ на просьбу свою о возведеніи его въ достоинство генералиссимуса и о пожалованіи герцогомъ курляндскимъ; отъ перваго желанія отклонилъ фельдмаршала сынъ его, а послѣднее было слишкомъ безразсудно и не могло войти въ голову умнаго Миниха. Справедливо, что порицали выраженіе, прибавленное графомъ Минихомъ, объ уступленіи званія генералиссимуса принцу Брауншвейгскому; но никогда ни слова не слышно было при дворѣ, чтобы онъ домогался быть украинскимъ герцогомъ.

Встрѣченное затрудненіе въ перепискѣ между принцемъ Брауншвейгскимъ и Минихомъ.

[Зап. Манштейна, стр. 204—205].

Справедливо также, что, въ самомъ началѣ правленія великой княгини Анны, возникъ небольшой споръ между принцемъ и фельдмаршаломъ объ образѣ переписки. Послѣдній, оставшійся през-

ентомъ военной коллегіи, полагалъ сноситься сообщеніями; принцъ ребовалъ донесеній; Минихъ, не желая изъ ничтожнаго дѣла заводить раздоръ, на все согласился.

О внушеніяхъ Остермана и о показаніи Бирона во вредъ Миниха.

(Зап. Манштейна, стр. 204—206).

Не внушенія хитраго графа Остермана, не извѣтъ герцога Курляндскаго, ниже мнимое опасеніе правительницы, были причиною удаленія графа Миниха. Фельдмаршалъ вѣдалъ необходимость заимствоваться совѣтами отъ гр. Остермана, какъ по внѣшнимъ, такъ и по внутреннимъ дѣламъ государства. Великая княгиня равномѣрно знала о семъ, и тщетно бы Минихъ старался доказать противное. Низверженный регентъ показалъ: 1, что никогда бы не принялъ онъ на себя регентства, еслибы не просилъ его о томъ убѣдительно графъ Минихъ; 2, что если правительница не удовлетворитъ какой либо просьбѣ сего графа, то должна будетъ крайне помышлять о безопасности своей.

Принцесса, понявъ, что слова сіи произнесены ненавистью и мщеніемъ, точно въ семъ разумѣ приняла извѣтъ Бирона; равномѣрно не обращала она вниманія и на другія нелѣпости, во вредъ Миниха разсѣваемыя. Напримѣръ, старались увѣрить правительницу, будто бы фельдмаршалъ имѣлъ тайныя свиданія съ царевною Елисаветою Петровною. Принцъ Брауншвейгскій, негодовавшій на Миниха за то, что похитилъ у него честь низверженія Бирона, раздувалъ пламенникъ раздора. Хотя трудно согласиться, чтобы принцъ сей успѣлъ, съ подобною Миниху отважностью и быстротою, нанести Бирону смертельный ударъ, хотя очевидно было, что всякое отлагательство и мѣшкотность въ семъ случаѣ навлекли-бъ принцу неизбѣжную погибель, ибо Биронъ, несомнѣнно, умышлялъ объ изгнаніи его изъ Россіи или заточеніи въ отдаленную область,—но оскорбленное самолюбіе устраняло отъ себя таковыя разсужденія. Къ сему присоединить еще неудовольствіе и за то, что фельдмаршалъ казался мало преклоннымъ споспѣшествовать выгодамъ Австріи. Ниже объясню настоящихъ причинахъ, побудившихъ графа Миниха просить увольненія, а принцессу согласиться на оное.

Предложеніе берлинскаго кабинета о заключеніи союза.

[Зап. Манштейна, стр. 207].

Саксонскій курфирстъ, заключивъ договоръ съ регентомъ, сообщилъ о содержаніи онаго берлинскому двору. Король прусскій, равномѣрно желая преклонить Россію, дабы держава сія не препятствовала и его притязаніямъ на наслѣдіе Карла VI, препоручилъ пребывавшему въ С.-Петербургѣ министру своему открыть о семъ переговоры; но едва посланникъ приступилъ къ дѣлу, какъ послѣдовало низверженіе Бирона. Происшествіе сіе долженствовало произвести перемѣну въ политической системѣ россійскаго двора. Надлежало предполагать, что великая княгиня и супругъ ея по близкому родству съ императрицею-королевою неравнодушно будутъ взирать на умышляемыя противу нея предпріятія. И такъ, прусскій король, принявъ на себя личину, подъ предлогомъ исканія дружества царствовавшаго тогда въ Россіи дома, но дѣйствительно—съ намѣреніемъ усыпить его, предложилъ оному о заключеніи оборонительнаго союза; въ декабрѣ мѣсяцѣ баронъ Мердефельдъ сдѣлалъ о семъ предложеніе россійскому министерству. Фельдмаршалъ, опасно занемогшій въ это время, не принималъ никакого участія въ дѣлахъ. Графъ Остерманъ воспользовался болѣзнью фельдмаршала; съ давняго времени будучи ревностнымъ приверженникомъ Бранденбургскаго дома, министръ сей съ толикимъ искусствомъ умѣлъ изложить выгоды предлагаемаго союза, что легко убѣдилъ правительницу согласиться на оный. Какъ скоро графъ Минихъ получилъ облегченіе въ болѣзни, великая княгиня повелѣла извѣстить его о заключаемомъ договорѣ и спросить мнѣнія его. Фельдмаршалъ отвѣчалъ, что союзъ съ столь могущественнымъ сосѣдомъ, во время малолѣтія императора и когда Россія угрожаема войною со стороны Швеціи, всеконечно полезенъ. Но поелику Россія приняла на себя ручательство по прагматическому уложенію (Sanctio Pragmatione), поелику неизвѣстны еще были предпамѣренія императрицы-королевы, ни замыслы противоборниковъ ея, то предосторожность и справедливость требуютъ выжидать послѣдствій, сообразить и тщательно разсмотрѣть прежніе договоры и до времени воздержаться отъ заключенія новаго. Между

ѣмъ, вѣроятно, и вѣнскій дворъ сдѣлаетъ какія-нибудь предложенія. Не взирая на сіе замѣчаніе, не взирая на то, что не знали еще положительно о прямыхъ преднамѣреніяхъ прусскаго монарха, правительница настаивала въ заключеніи предложеннаго договора. Существенныя условія онаго состояли: что обѣ договаривающіяся державы взаимно ручаются за цѣлость европейскихъ своихъ владѣній и обязываются, въ случаѣ нападенія на которую нибудь, вспомоществовать другъ другу двѣнадцатитысячнымъ корпусомъ войскъ.

Оставляю на судъ читателя: можно-ли порицать графа Миниха за мнѣніе, изъявленное имъ въ переговорахъ съ прусскимъ дворомъ?

Возвращеніе австрійскаго посланника маркиза Де-Ботта къ россійскому двору.

[Зап. Манштейна, стр. 209].

Маркизъ Де-Ботта, человѣкъ умный, ловкій, пріятный, откровенный, отправляя прежде посольство при россійскомъ дворѣ, до такой степени умѣлъ снискать благоволеніе принцессы Анны, что государыня сія, принявъ бразды правленія, дала знать вѣнскому кабинету, что она желала бы имѣть при своемъ дворѣ австрійскимъ министромъ маркиза Де-Ботту, и повелѣла оберъ-гофмейстеру графу Миниху письменно удостовѣрить маркиза въ милостивомъ своемъ къ нему благорасположеніи. Посланникъ сей прибылъ въ С.-Петербургъ въ февралѣ мѣсяцѣ 1741 года, когда еще не помышляли о вспомоществованіи наслѣдницѣ Карла VI.

Замѣшательство россійскаго двора при полученіи извѣстія о вторженіи прусскаго короля въ Силезію.

Петербургскій дворъ пребывалъ въ совершенной безпечности, нимало не подозрѣвая о непріязненныхъ преднамѣреніяхъ прусскаго короля, какъ внезапно пришло извѣстіе о вторженіи Фридриха II въ Силезію; извѣстіе сіе тѣмъ болѣе встревожило, что, съ одной стороны, ежедневно ожидали требованія вѣнскаго двора о вспомоществованіи; съ другой—не вѣдали, какъ поступить съ королемъ прусскимъ, съ коимъ не задолго предъ тѣмъ заключили

союзъ, и съ коимъ поссориться, при предстоявшемъ разрывѣ со шведами, было крайне опасно. Въ семъ затруднительномъ положеніи не изобрѣли лучшаго средства, какъ отнестись къ Фридриху, убѣдительнѣйше прося его примириться съ императрицею-королевою и предлагая для сего посредство Россіи. Графъ Остерманъ, щеголявшій красотою пера, истощилъ все свое краснорѣчіе. Письмо, отправленное къ прусскому монарху, по признанію всѣхъ знатоковъ, было написано превосходно. Отвѣтъ Фридриха былъ кратокъ и ясенъ: ежели королева венгерская, не прибѣгая къ рѣшенію распри посредствомъ оружія, добровольно уступитъ ему нѣкоторыя области въ Силезіи, на обладаніе коихъ имѣетъ онъ неоспоримыя права, то онъ не токмо готовъ заключить съ нею миръ, но обязывается подкрѣплять и защищать ее всѣми своими силами противу прочихъ непріятелей Австрійскаго дома. Повторенныя о семъ увѣренія прусскаго короля с.-петербургскому двору доказываютъ, что если бы Марія-Терезія въ самомъ началѣ согласилася сдѣлать нѣкоторыя пожертвованія, то несомнѣнно-бъ сохранила она бо́льшую часть Силезіи; но непреодолимая вражда къ королю прусскому и какое-то непонятное предубѣжденіе о добромъ расположеніи кардинала Флери—удалили ее отъ всякаго примиренія. Маркизъ Де-Ботта объявилъ с.-петербургскому двору, что императрица-королева лучше согласится искать дружества версальскаго двора, чѣмъ уступить прусскому королю хотя одинъ вершокъ земли изъ наслѣдственныхъ своихъ владѣній.

Происки вѣнскаго министерства.

Вѣнскій кабинетъ, пылая мщеніемъ противу Фридриха II, предположилъ заключить союзъ съ россійскимъ и саксонскимъ дворами. Ласкаясь преклонить первый, успѣлъ онъ вступить въ тѣсныя связи съ послѣднимъ. Въ мартѣ мѣсяцѣ саксонскій первый министръ графъ Бриль, по соглашенію съ упомянутымъ кабинетомъ, предложилъ с.-петербургскому двору предначертаніе, чтобы соединенныя силы трехъ державъ обратить противу прусскаго короля и раздѣлить между собою всѣ пріобрѣтенныя завоеванія. Для приведенія въ исполненіе сего обширнаго предположенія, оставалось токмо исходатайствовать согласіе Россіи.

Едва лишь получено было извѣстіе о нападеніи прусскаго ко-

тѣмъ, вѣроятно, и вѣнскій дворъ сдѣлаетъ какія-нибудь предложенія. Не взирая на сіе замѣчаніе, не взирая на то, что не знали еще положительно о прямыхъ преднамѣреніяхъ прусскаго монарха, правительница настаивала въ заключеніи предложеннаго договора. Существенныя условія онаго состояли: что обѣ договаривающіяся державы взаимно ручаются за цѣлость европейскихъ своихъ владѣній и обязываются, въ случаѣ нападенія на которую нибудь, вспомоществовать другъ другу двѣнадцатитысячнымъ корпусомъ войскъ.

Оставляю на судъ читателя: можно-ли порицать графа Миниха за мнѣніе, изъявленное имъ въ переговорахъ съ прусскимъ дворомъ?

Возвращеніе австрійскаго посланника маркиза Де-Ботта къ россійскому двору.

[Зап. Манштейна, стр. 209].

Маркизъ Де-Ботта, человѣкъ умный, ловкій, пріятный, откровенный, отправляя прежде посольство при россійскомъ дворѣ, до такой степени умѣлъ снискать благоволеніе принцессы Анны, что государыня сія, принявъ бразды правленія, дала знать вѣнскому кабинету, что она желала бы имѣть при своемъ дворѣ австрійскимъ министромъ маркиза Де-Ботту, и повелѣла оберъ-гофмейстеру графу Миниху письменно удостовѣрить маркиза въ милостивомъ своемъ къ нему благорасположеніи. Посланникъ сей прибылъ въ С.-Петербургъ въ февралѣ мѣсяцѣ 1741 года, когда еще не помышляли о вспомоществованіи наслѣдницѣ Карла VI.

Замѣшательство россійскаго двора при полученіи извѣстія о вторженіи прусскаго короля въ Силезію.

Петербургскій дворъ пребывалъ въ совершенной безпечности, нимало не подозрѣвая о непріязненныхъ преднамѣреніяхъ прусскаго короля, какъ внезапно пришло извѣстіе о вторженіи Фридриха II въ Силезію; извѣстіе сіе тѣмъ болѣе встревожило, что, съ одной стороны, ежедневно ожидали требованія вѣнскаго двора о вспомоществованіи; съ другой—не вѣдали, какъ поступить съ королемъ прусскимъ, съ коимъ не задолго предъ тѣмъ заключили

Мнѣніе графа Миниха о предложенномъ союзѣ съ вѣнскимъ и дрезденскимъ дворами.

Правительница, призвавъ графа Миниха, наединѣ спросила мнѣнія его о предлагаемомъ союзѣ; фельдмаршалъ представилъ:

— „Я соглашаюсь, что, по существующимъ договорамъ, Россія обязана подкрѣплять Австрійскій домъ вспомогательнымъ войскомъ, но предварительно надлежитъ со вниманіемъ разсмотрѣть, что въ то время, когда возбуждаютъ противъ нея (т. е. Россіи) шведовъ, въ состояніи ли она раздѣлить силы свои и для обороны имперіи, и для дѣйствія за предѣлами отечества? Но если бы и не встрѣтили послѣдняго затрудненія, то и тогда, мнѣ кажется, совѣсть вопроситъ: можно ли, не подвергаясь упреку въ вѣроломствѣ, вступать въ союзъ, предположенный къ покоренію и раздѣленію владѣній такого государя, который не причинилъ Россіи ни малѣйшаго оскорбленія и съ коимъ въ недавнихъ дняхъ заключенъ дружественный и оборонительный договоръ? Я простой ратникъ, провождавшій всю жизнь съ мечемъ, и вовсе не понимаю хитростей дипломатики. Впрочемъ, если вашему высочеству непремѣнно угодно открыть войну, то я совѣтую начать оную со Швеціею, угрожающею разрывомъ. Всегда лучше предупреждать непріятеля, нежели допускать его окончить свои вооруженія. И въ семъ случаѣ за особенную честь вмѣню себѣ начальствовать вашими войсками, ежели на сіе послѣдуетъ воля вашего высочества“.

Мнѣніе, противоположное желаніямъ правительницы и принца, произвело ожиданное графомъ Остерманомъ дѣйствіе. Праводушіе фельдмаршала назвали пристрастіемъ и превозносили похвалами хитраго противоборника его.

Объясненіе графа Миниха съ Правительницею.

Послѣ сего не спрашивали уже совѣтовъ у фельдмаршала, и безъ участія его приступили къ заключенію союза. Изготовили предписаніе россійскому посланнику въ Дрезденѣ, дабы онъ присутствовалъ въ конференціяхъ саксонскаго двора по сему предмету и всевозможно-бъ старался скорѣе привести къ окончанію начатое дѣло. По заведенному тогда обыкновенію, графъ

Минихъ подписывалъ всѣ исходящія изъ кабинета бумаги; почему графъ Остерманъ прислалъ къ нему для подписанія и вышеупомянутое предписаніе съ извѣщеніемъ, что оно изготовлено по точной волѣ правительницы. Фельдмаршалъ, оскорбленный таковымъ предложеніемъ, немедленно поѣхалъ къ великой княгинѣ съ жалобою, что принуждаютъ его подписывать такое дѣло, противу котораго представилъ онъ основательныя возраженія. Повторивъ прежде-сказанное о вооруженіяхъ Швеціи, удостовѣрялъ ея высочество, что, открывъ войну съ сею державою, она отмститъ за честь Россіи; напротивъ того, вступя въ предлагаемый союзъ, завлечетъ себя въ постороннія брани, которыя не могутъ прекратиться скоро и отъ коихъ имперія не получитъ ни малѣйшей пользы. Когда же правительница съ холодностію сказала ему:

— Удивляюсь, что вы одни противорѣчите въ такомъ дѣлѣ, которое графъ Остерманъ и всѣ министры единогласно мнѣ присовѣтовали.

Фельдмаршалъ отвѣчалъ:

— Дабы впредь не подать вашему высочеству ни малѣйшаго повода къ неудовольствію за прекословіе мое мнѣніямъ другихъ, я смѣю просить увольненія отъ службы.

Сказавъ сіе, почтительно поклонился великой княгинѣ и вышелъ изъ комнаты. Возвратясь домой, послалъ въ верховный кабинетъ письменное представленіе о причинахъ, побудившихъ его не подписать повелѣніе къ россійскому посланнику въ Дрезденѣ.

Увольненіе графа Миниха.

[Зап. Манштейна, стр. 205—208].

Сопротивники фельдмаршала, опасаясь, чтобы непоколебимая твердость сего воина не перемѣнила мыслей правительницы, поспѣшно старались разными навѣтами и происками раздражать сію благосердую государыню противу графа Миниха; въ собранномъ 7-го марта совѣтѣ положили уволить фельдмаршала отъ всѣхъ дѣлъ. Хотя гг. министры скоро рѣшились удалить отъ правительства полководца, гремѣвшаго побѣдами, котораго дарованія нужны и полезны были обществу, но никто изъ нихъ не

отваживался сообщить ему сіе извѣстіе. Правительница вывела ихъ изъ затрудненія, повелѣвъ оберъ-гофмаршалу графу Левенвольду и оберъ-гофмейстеру графу Миниху увѣдомить фельдмаршала объ увольненіи и объявить ему отъ имени ея, что хотя она искренно удостовѣрена въ благонамѣреніи и усердіи фельдмаршала къ пользамъ имперіи, однако, въ отвращеніе бѣдственныхъ послѣдствій отъ несогласія въ министерствѣ, находитъ себя принужденною преклониться на принесенное отъ него прошеніе. Снисходя на оное, проситъ фельдмаршала вѣрить, что она во всю жизнь не забудетъ услуги, и, въ доказательство продолженія къ нему уваженія, не замедлитъ оказать явные опыты благоволѣнія своего. Фельдмаршалъ принялъ извѣстіе сіе съ обыкновенною твердостью духа своего, и просилъ донести великой княгинѣ: если увольненіе его отъ службы можетъ принести малѣйшую пользу ея высочеству, то онъ за священную обязанность поставляетъ исполнить волю ея, отказываясь отъ всѣхъ должностей, на него возложенныхъ; и принимая съ чувствами глубочайшаго благоговѣнія продолженіе милостиваго благорасположенія правительницы, смѣетъ испрашивать для себя одной милости—позволенія предстать предъ лицо ея высочества для принесенія сердечной своей благодарности. На другой день фельдмаршалъ былъ допущенъ къ великой княгинѣ, которая объявила о пожалованіи ему ежегоднаго пенсіона по 15,000 рублей серебромъ, предоставляя ему свободу жительствовать, гдѣ заблагоразсудитъ.

Благоразуміе совѣта, преподаннаго графомъ Минихомъ, вскорѣ оправдалось послѣдствіями: война возгорѣлась со Швеціею. Россійскія войска, подъ предводительствомъ фельдмаршала Лассія, двинулись противу сей державы.

Ожиданія вѣнскаго кабинета не сбылись.

Чрезъ нѣсколько дней послѣ сего происшествія, при свиданіи моемъ съ маркизомъ Де-Ботта, посланникъ сей превозносилъ похвалами графа Остермана, увѣряя, что россійскія войска вскорѣ выступятъ въ походъ. На что я замѣтилъ ему, что, по мнѣнію моему, вѣнскій дворъ болѣе бы выигралъ, ежели бы

графъ Минихъ оставался въ министерствѣ; что фельдмаршалъ никогда не противорѣчилъ обязанности вспомоществовать Австрійскому дому тѣмъ или другимъ средствомъ; что я увѣренъ, ежели-бъ Австрія потребовала токмо вспомогательнаго войска, предопредѣляя оному дѣйствовать противу другаго какаго непріятеля, а не противу прусскаго короля, то несомнѣнно-бъ получила сіе пособіе. Что принадлежитъ до графа Остермана, то я мыслю, что вѣнскій дворъ немного можетъ ожидать отъ него, ибо министръ сей всегда былъ постояннымъ доброжелателемъ Прусской монархіи и никогда не прилѣплялся къ пользамъ Австріи; а при настоящихъ обстоятельствахъ мнимая его ревность устремлена была единственно къ погубленію фельдмаршала. И дѣйствительно, вскорѣ маркизъ Де-Ботта убѣдился въ справедливости моего мнѣнія. Въ то самое время, когда послѣдовало россійскимъ войскамъ повелѣніе изготовиться къ походу, графъ Остерманъ не переставалъ увѣрять барона Мердефельда объ усердіи своемъ къ пользамъ прусскаго короля; что онъ не намѣренъ никогда вредить сему монарху, и просилъ, дабы Фридрихъ не тревожился движеніемъ русскихъ войскъ и не опасался бы дальнѣйшихъ послѣдствій; несогласіе, вскорѣ потомъ возникшее между вѣнскимъ и дрезденскимъ дворами, вовсе разрушило составленіе предположеннаго союза и принудило Августа вступить въ сношеніе съ французскимъ кабинетомъ. Когда маркизъ де-Ботта настаивалъ въ поспѣшнѣйшемъ отправленіи войскъ на помощь императрицѣ-королевѣ, то, вмѣсто удовлетворительнаго отвѣта, получилъ слѣдующій отзывъ: что Россія не оставитъ выполнить всѣхъ своихъ обязанностей противу Австрійской державы, какъ скоро прекратится всякое опасеніе со стороны Швеціи.

О мнимомъ намѣреніи Шахъ-Надира вступить въ бракъ съ Елисаветою Петровною.

(Зап. Манштейна. стр. 212).

Приписуемое Шахъ-Надиру или Кули-хану намѣреніе вступить въ бракъ съ Елисаветою Петровною есть пустая выдумка. Шахъ сей, упоенный торжествомъ, надъ Великимъ Моголомъ пріобрѣтеннымъ, намѣревался напасть на турокъ и изгнать ихъ изъ всѣхъ областей, отторгнутыхъ Портою у Персидской монархіи;

онъ желалъ, чтобы Россія содѣйствовала сему важному замыслу; съ таковымъ предложеніемъ персидскій шахъ прислалъ посольство къ с.-петербургскому двору съ богатыми подарками, похищенными въ сокровищахъ индѣйской столицы Дели; посолъ персидскій привелъ съ собою, между прочими драгоцѣнностями, четырнадцать слоновъ и тридцать верблюдовъ.

О пріемѣ маркиза Де-ла-Шетарди.

[Зап. Манштейна, стр. 212].

Въ качествѣ посла маркизъ Де-ла-Шетарди былъ допущенъ на аудіенцію къ императору. Малолѣтняго государя держала на рукахъ сама великая княгиня. Представивъ новыя довѣрительныя грамоты, маркизъ возвратился съ аудіенціи, какъ полномочный министръ.

О фрейлинѣ баронессѣ Менгденовой.

[Зап. Манштейна, стр. 212—214].

Фрейлины баронессы Менгденовы были двоюродныя сестры барона Менгдена, о коемъ упоминаетъ г. Манштейнъ. Іуліана была пригожая собою смуглянка, благотворительная и кроткаго нрава. Столько же предана она была великой княгинѣ, сколько сія любила ее всѣмъ сердцемъ. Не будучи сотворенною къ притворнымъ проискамъ, не хотѣла она принимать ни малѣйшаго участія въ дѣлахъ. Безпечная по природѣ, Менгденова не могла примѣтить сего недостатка въ государынѣ своей, слѣдственно не могла и сообщить ей онаго. Заботы государственныя подавали иногда поводъ къ размолвкѣ между правительницею и супругомъ ея; молодая фрейлина, не имѣя никакого понятія объ оныхъ, не могла примирить супруговъ, а тѣмъ менѣе ссорить ихъ, ибо доброе сердце сей дѣвицы опровергаетъ таковую клевету. Что принадлежитъ до обвиненія, будто бы она содѣйствовала великой княгинѣ въ дѣлахъ любовныхъ: то кто повѣритъ, чтобы обрученная молодая дѣвица, влюбленная въ жениха, стала вспомоществовать соперницѣ своей? Дружба между женщинами не простирается столь далеко.

О предложеніи Правительницѣ вступить на престолъ.

[Зап. Манштейна, стр. 228].

Законоположеніе. чтобы дщери, рожденныя и впредь рождаемыя отъ супружества великой княгини Анны съ принцемъ Брауншвейгскимъ, наслѣдовали россійскій престолъ, въ случаѣ пресѣченія мужскаго колѣна сего дома, была пустая мысль графа М. Г. Головкина. На сіе не нужно было никакого новаго постановленія. Вице-канцлеръ, не удовольствуясь таковымъ вымысломъ, нѣсколько дней спустя потомъ, предложилъ правительницѣ взойти на престолъ и царствовать совокупно съ сыномъ своимъ. Легкомысленное сіе предложеніе не могло быть принято. Исторія всѣхъ вѣковъ ясно убѣждаетъ, что совокупное государствованіе двухъ лицъ всегда сопровождается бѣдствіями, а тѣмъ болѣе угрожало оно гибельными послѣдствіями для народа, издревле пріобыкшаго повиноваться единой верховной власти.

О намѣреніи уступить шведамъ Кекзгольмъ.

[Зап. Манштейна, стр. 215].

Вопреки мнѣнія г. Манштейна, россійское министерство, съ самаго вступленія въ правленіе государствомъ великой княгини и принца Брауншвейгскаго, близкаго родственника императрицѣ-королевѣ, предвидѣло, что Франція будетъ возбуждать шведовъ на Россію, какъ скоро держава сія пріиметъ участіе въ судьбѣ Австрійскаго дома. Нельзя было предполагать, чтобы Швеція, по заключеніи сейма, приступила къ примиренію, и весьма бы неосторожно поступилъ графъ Остерманъ, если-бъ согласился на уступку Кекзгольма съ принадлежащимъ къ оному округомъ. Положеніе сего укрѣпленнаго города на Ладогскомъ озерѣ доставило бы шведамъ возможность удобно тревожить многіе уѣзды С.-Петербургской и прилежащихъ губерній, и даже самую резиденцію. И какая побудительная причина могла преклонить на таковую крайность? Непріятель не открывалъ еще непріязненныхъ дѣйствій и Россія могла противопоставить ему достаточныя силы.

Причины, побудившія Елисавету Петровну къ вступленію на престолъ, и мѣры, для того принятыя.

[Зап. Манштейна, стр. 229—233].

Мысль о бракосочетаніи царевны Елисаветы Петровны съ принцемъ Людвигомъ Брауншвейгскимъ, братомъ правительницы, была, такъ сказать, мгновенная и немедленно преданная забвенію. Не токмо не принуждали царевну къ сему браку, но даже никогда не предлагали ей объ ономъ явно. Впрочемъ, еслибы и согласилась она на супружество сіе, прекословившее пользамъ ея, то и тогда предлежало бы преодолѣть другое затрудненіе: принцъ десятью годами былъ моложе царевны и не чувствовалъ къ ней ни малѣйшей склонности. Непредложеніе сего супружества возбудило Елисавету отъ усыпленія. Французскій посланникъ маркизъ Де-ла-Шетарди заботился о семъ гораздо прежде. Версальскій кабинетъ, въ данныхъ сему министру наставленіяхъ, предписалъ стараться всемѣрно сѣять раздоры въ Россіи, дабы тѣмъ ослаблять сію державу и не допускать ее вмѣшиваться въ дѣла Австрійскаго дома. Де-ла-Шетарди внушилъ Елисаветѣ Петровнѣ мысль ко вступленію на престолъ, всевозможно возбуждалъ и поощрялъ ее къ ономy; приводя въ примѣръ смѣлое предпріятіе Миниха, успѣхомъ увѣнчанное, доказывалъ, что и она можетъ, подобнымъ же путемъ, овладѣть державою. Французскій посланникъ снабжалъ царевну деньгами, но въ маломъ количествѣ; съ симъ слабымъ пособіемъ Елисавета Петровна приступила къ произведенію дерзновеннѣйшаго предпріятія; первоначально привлекла на свою сторону токмо двѣнадцать гвардейскихъ гренадеровъ, обласкала и одарила ихъ. Будучи твердо увѣрена въ непоколебимой преданности сихъ рѣшительныхъ людей, посредствомъ ихъ, когда наступила ночь, низринувшая въ бездну злополучій Брауншвейгскій домъ, Елисавета умножила число сообщниковъ своихъ гренадерскою ротою Преображенскаго полка.

О сношеніяхъ Елисаветы Петровны со Швеціею.

[Зап. Манштейна, стр. 230].

Сношенія Елисаветы Петровны со Швеціею, о коихъ упоминаетъ г. Манштейнъ, состояли въ обѣщаніи, изторгнутомъ маркизомъ Де-ла-Шетарди. Усердствующій царевнѣ французъ желалъ

бездѣлицы: чтобы Россія возвратила Швеціи всѣ области, Петромъ Великимъ покоренныя! Елисавета не согласилась дать письменнаго обѣщанія, отзываясь, что крайне опасно излагать на бумагу столь важную тайну, и настояла, дабы во всемъ положились на слово ея. Послѣдствія показали, что Елисавета Петровна перехитрила лукаваго француза и ослѣпила шведовъ.

Причины, погубившія Правительницу.

[Зап. Манштейна, стр. 231].

Правительница имѣла многія доказательства о заговорѣ; но, будучи излишне довѣрчива и крайне безпечна, не рѣшалась употребить сильныя средства, которыя природа внушаетъ къ защищенію нашему. Все споспѣшествовало къ погубленію великой княгини Анны Карловны. Несогласіе ея съ супругомъ; устраненіе отъ дѣлъ мужей, которые умомъ своимъ могли бъ поддерживать ее, какъ-то: Минихъ, Бестужевъ; связи съ графомъ Линаромъ и слѣпая довѣренность къ сему иноземцу. Саксонскій посланникъ, поссорясь съ графомъ Остерманомъ, злобно очернилъ сего министра, представилъ его коварнымъ, опаснымъ, недоброхотствующимъ правительницѣ; даже успѣлъ возбудить подозрѣніе на принца Брауншвейгскаго, дѣйствовавшаго, какъ онъ говорилъ, по внушеніямъ Остермана. Принцесса всему легко повѣрила, прекратила благоволеніе къ графу Остерману, не хотѣла принимать отъ него никакихъ представленій; не внимала совѣтамъ супруга своего. Тщетно покушался Остерманъ открыть глаза правительницы; тщетно желалъ онъ предостеречь ее отъ угрожавшей опасности. Принцесса съ презрѣніемъ отвергала всѣ представленія единственнаго человѣка, могшаго подать ей спасительные совѣты въ такомъ дѣлѣ, отъ коего зависѣли и сохраненіе и судьба ея. Къ вящшей же безразсудности правительница вздумала объясниться съ противоборницею своею наединѣ: слезы и притворные знаки усердія послѣдней совершенно усыпили первую. Елисавета Петровна, приведенная симъ объясненіемъ въ большое безпокойство и замѣшательство, поспѣшно возвратилась во дворецъ свой, призвала приближенныхъ своихъ и, по совѣщаніи съ ними, рѣшилась въ наступающую же ночь вне-

запно совершить замыселъ, который, по предположенію французскаго посланника, намѣревались произвести въ дѣйствіе мѣсяцемъ (позже) и совсѣмъ инымъ способомъ, не подававшимъ большой надежды къ успѣху. Алексѣй и Кирило Гавриловичи (Григорьевичи) Разумовскіе, Михайло Ларіоновичъ Воронцовъ, Александръ и Петръ Ивановичи Шуваловы, Василій Ѳедоровичъ Салтыковъ, всѣ содѣлавшіеся потомъ знатными и сильными вельможами, и медикъ Лестокъ непосредственно содѣйствовали императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ при восшествіи на престолъ.

Разрушенные замыслы маркиза Де-ла-Шетарди.

Маркизъ Де-ла-Шетарди пришелъ въ чрезвычайное изумленіе, когда среди ночи разбудилъ его присланный отъ Елисаветы Петровны камергеръ П. И. Шуваловъ и увѣдомилъ о восшествіи ея на престолъ. Принявъ на себя личину, посланникъ изъявилъ притворную радость и поспѣшно поѣхалъ въ цесаревинъ дворецъ. Толпы волнующагося по улицамъ народа, съ восторгомъ увидѣвшаго на тронѣ тщерь незабвеннаго въ сердцахъ нашихъ монарха, стоявшіе подъ ружьемъ гвардейскіе полки, раздававшіяся въ воздухѣ громогласныя восклицанія: «Да здравствуетъ наша матушка императрица Елисавета Петровна!»—приводили маркиза въ сильное смущеніе. Внезапно совершенный Елисаветою ударъ разрушилъ всѣ зловредные его замыслы: доброхотствующій Россіи французъ желалъ, чтобы перемѣна сія произведена была по его предначертанію; чтобы шведы приближились къ берегамъ Невы, силою оружія своего споспѣшествовали возведенію на престолъ Елисаветы, предписали ей законы въ стѣнахъ столицы, основанной побѣдителемъ ихъ [1]),—и тогда-то маркизъ мечталъ безпрепятственно и самовластно господствовать при россійскомъ дворѣ.

---

[1]) Не постигаю, на чемъ могъ г. Шетарди основывать такое затѣйливое предначертаніе: кажется, при самомъ началѣ войны со Швеціею, ясно видима была безразсудная опрометчивость кабинета сей державы: россійскія войска, съ обыкновеннымъ бодрымъ своимъ духомъ, выступили противу непріятеля, внесли оружіе въ предѣлы его, настигли шведскія силы у Вильманстранда, съ свойственнымъ имъ мужествомъ напали на шведовъ и разбили ихъ, и Вильманстрандскую крѣпость покорили приступомъ. Прим. рукоп.

Изображеніе великой княгини и правительницы Россійскаго государства Анны Карловны.

[Зап. Манштейна, стр. 235—236].

Изображеніе великой княгини Анны Карловны, представленное г. Манштейномъ, есть вымышленное. Вотъ какъ описываетъ ее одинъ человѣкъ, имѣвшій честь знать сію государыню коротко.

Великая княгиня родилась въ Ростокѣ, въ 1718 году, отъ Карла-Леопольда, герцога Мекленбургскаго, и Екатерины Іоанновны, старшей дщери царя Іоанна Алексѣевича, и наречена при крещеніи Елисаветою-Екатериною-Христиною. По кончинѣ герцога, съ родительницею своею прибыла въ Москву въ 1722 г. и, вскорѣ лишившись матери, осталась въ сиротствѣ. Анна Іоанновна, родная тетка принцессы, по восшествіи своемъ на россійскій престолъ, обратила особенное попеченіе на воспитаніе ея и, будучи безбрачною, почитала ее за собственную дочь. Въ 1733 г. принцесса, будучи муропомазана въ грекороссійское исповѣданіе, наречена Анною. Въ іюлѣ мѣсяцѣ 1739 года, среди пышныхъ и великолѣпныхъ празднествъ, продолжавшихся чрезъ нѣсколько дней, сочеталась она бракомъ, въ Петербургѣ, съ Антономъ Ульрихомъ, принцемъ брауншвейгъ-вольфенбительскимъ. Принцъ сей былъ родной племянникъ Шарлоты-Христины, супруги царевича Алексѣя Петровича, и братъ родной же герцога Фердинанда, знаменитаго полководца, раздѣлявшаго славу тріумфовъ съ Фридрихомъ Великимъ. Низверженная съ престола, Анна Карловна влачила остатокъ жизни своей въ Холмогорахъ, гдѣ и скончалась въ родахъ въ 1746 году. Тѣло ея привезено въ Петербургъ и съ надлежащею почестію погребено въ Александровскомъ монастырѣ.

Анна Карловна была статна, ростомъ выше посредственнаго; волосы на головѣ имѣла темнокаштановаго цвѣта, которые возвышали бѣлизну лица ея; хотя черты лица у нея не были правильныя, но награждались пріятнымъ и привлекательнымъ видомъ. Въ убранствѣ не слѣдовала щегольству покойной тетки своей.

Правительница одарена была хорошимъ умомъ, добрымъ сердцемъ и возвышенною душою. Нимало не заразясь подозрѣніемъ отправлявшихъ (отравлявшимъ?) дворъ Анны Іоанновны, она

украшалась привлекательнымъ чистосердечіемъ. Будучи откровенна, съ негодованіемъ взирала на притворство, столь необходимое при дворахъ; почему приближенные покойной императрицы, пріобыкшіе къ раболѣпной лести, несправедливо называли ее надменною и пренебрегающею всѣхъ. Заслуги награждала щедро, ко всѣмъ была благотворительна, никому въ жизнь свою не сдѣлала зла, съ комнатными служителями обращалась кротко и милостиво, и, можно сказать, что сіи обожали ее.

Первѣйшее блаженство супруговъ, какъ на тронѣ, такъ и въ хижинѣ,—если они имѣютъ полную довѣренность другъ къ другу; величайшее-жъ злополучіе для нихъ—когда лишены сего сладчайшаго удовольствія. Анна Карловна не наслаждалась таковымъ счастіемъ. Противоположность во правахъ, склонностяхъ, словомъ, слабое уваженіе правительницы къ принцу, съ которымъ сочеталась она противъ воли, никогда не могли произвести сердечной связи между сими злополучными супругами.

Принужденная жизнь, которую Анна Карловна вела съ самыхъ нѣжныхъ лѣтъ, тщательный надзоръ за всѣми поступками ея и позволеніе видѣться токмо съ нѣкоторыми извѣстными особами—содѣлали ее задумчивою и поселили въ ней толикую наклонность къ уединенію, что, по вступленіи въ правленіе государствомъ, тягостно было для нея принимать къ себѣ разныхъ (лицъ) и являться въ большихъ собраніяхъ двора.

Содѣлавшись правительницею, Анна Карловна съ особеннымъ удовольствіемъ проводила время въ малочисленномъ избранномъ ею обществѣ. Тутъ всегда видѣли ее веселою и пріятною въ обхожденіи. Уважая достойныхъ иностранцевъ, призывала нѣкоторыхъ изъ нихъ въ короткія свои бесѣды; въ числѣ таковыхъ находились австрійскій посланникъ маркизъ Де-Ботта и англійскій—г. Финкъ. По русски, нѣмецки и по французски говорила свободно. Чтеніе, а особенно драматическихъ твореній, составляло пріятнѣйшее ея времяпровожденіе; однажды при таковомъ упражненіи сказала, что вниманіе ея преимущественно привлекаютъ тѣ сочиненія, въ которыхъ представляется несчастная государыня, съ благородною гордостію и величіемъ духа переносящая бѣдствіе и узы. Посему можно-бъ подумать, что она имѣла предчувствіе объ угрожавшемъ ей злополучіи; но справедливѣе заключить должно, что слова сіи произнесены

умомъ, преданнымъ горестной задумчивости. Та же причина вліяла въ нее страсть къ уединенію и покойной жизни, невозмущаемой никакими занятіями и заботами. Почти и нельзя сомнѣваться въ ономъ по слѣдующему изреченію, многократно ею повторенному. Госпожа Адеркасъ, находившаяся въ числѣ наставницъ при воспитаніи великой княгини, имѣвшая прежде пребываніе въ Гамбургѣ, сдѣлала ей столь привлекательное описаніе о пріятностяхъ жизни, каковою наслаждаются тамъ люди, удалившіеся отъ большаго свѣта, что, поразясь сею мыслью, правительница часто, въ минуты неудовольствія, произносила:

— «Боже мой! для чего не могу я проживать въ Гамбургѣ, устраненною отъ суеты пышныхъ дворцовъ и всякаго величества!»

Молодая баронесса Іуліана Мейгденова (Менгденъ) пользовалась отличною милостію Анны Карловны. Согласіе въ нравахъ породило, а неограниченная преданность баронессы и совершенно укрѣпила оную. Комнаты, занимаемыя Мейгденовою (Менгденъ), находились смежными съ покоями правительницы, и въ продолженіе траура по покойной императрицѣ вечернія собранія каждодневно происходили въ оныхъ; не могу согласиться съ г. Манштейномъ, чтобы наперсница сія управляла всѣми дѣйствіями государыни своей и располагала образомъ жизни ея. Правительница была упорна въ своихъ мнѣніяхъ, имѣла особенныя наклонности и свой образъ мыслей. Баронесса никогда ни въ чемъ не противилась и не противорѣчила ей.

Анна Карловна не скучала заниматься государственными дѣлами и обращала на оныя тщательнѣйшее вниманіе. При избраніи людей къ должностямъ, взирала болѣе на честность и прадушіе, нежели на дарованія. Дабы всѣ подданные могли свободно представлять о своихъ нуждахъ, учредила она при кабинетѣ новую должность генералъ-рекетмейстера, и назначила одинъ день въ недѣлю, въ который всякой имѣлъ безвозбранный подъ во дворецъ, для поданія упомянутому чиновнику прошенія. Она охотно разсматривала просьбы сіи и справедливыя безъ отлагательства удовлетворяла. Благополучна-бъ была участь Анны Карловны, еслибы, преодолѣвъ природную свою безпечность, обращала она болѣе попеченія на безопасность свою и всего своего дома!.. будучи добродушна и имѣя благородный образъ мыслей, не вѣдала, что осторожность есть матерь безопасности.

Ссылка Миниха, Остермана, Головкина и пр.

[Зап. Манштейна, стр. 237—242].

Разсматривая лѣтописи россійской исторіи XVIII столѣтія, съ изумленіемъ замѣчаемъ чудесныя превращенія счастія. Воцареніе каждаго государя низвергаетъ возвышенныхъ властію предшественника и мощною рукою старается возвеличить напер сниковъ новаго повелителя. Видя жестокіе примѣры, какъ всѣ любимцы счастія и другіе мужи дѣловые, государственные, каждый въ свою чреду, или погибалъ, или упадалъ въ ничтожество, всѣ умы, естественно, объяты были невольнымъ страхомъ, всякое дарованіе и благородное честолюбіе долженствовали исчезать во мракѣ неизвѣстности. Екатерина II, служащая образцомъ всѣмъ царямъ міра, первая показала примѣръ праводушія, что есть возможность изливать новыя благодѣянія, не погубляя, не оскорбляя и не унижая служившихъ прежнему правительству. Токмо въ ея благословенное время пресѣклись гоненія, лишенія чести, свободы, ссылки и казни, жестоко преслѣдовавшія роды знатныхъ во всѣ правленія преемниковъ славнаго престола Петра Великаго; Елисавета Петровна, государыня дѣйствительно благосердая, безъ содроганія, по восшествіи своемъ на тронъ, подписала приговоръ, достойный рѣшенія константинопольскаго дивана.

Преступленіе погубленныхъ ею знаменитыхъ жертвъ состояло единственно въ приверженности ихъ императрицѣ Аннѣ, въ ревностномъ служеніи сей государынѣ. И такъ, не справедливѣе ли бы, не благоразумнѣе ли бы поступила Елисавета, ежели бы, продолживъ къ нимъ монаршее благоволеніе, старалась извлечь пользу для государства изъ опытности и отличныхъ ихъ дарованій? Разумъ, совѣсть, великодушіе, правосудіе — говорили въ пользу гонимыхъ; но безсмысліе, злоба, личность къ корысти—сдѣлали иныя внушенія и возбудили къ жестокости сердце доброй государыни. Тогда многіе жадничали похитить описанное имущество злополучныхъ ссылочныхъ; другіе, не имѣя дарованій сихъ нещастливцевъ, домогались занять ихъ должности; иные мщеніемъ руководствовали себя. Де-ла-Шетарди, равномѣрно, хотѣлъ воспользоваться симъ обстоятельствомъ. Находясь въ большой силѣ при с.-петербургскомъ дворѣ, онъ желалъ удалить отъ управле-

нія государственными дѣлами достойныхъ и опытныхъ мужей, дабы низринуть Россію въ то ничтожество, изъ котораго Петръ Великій съ толикою мудростію и усиліями извлекъ ее. Такимъ образомъ, тщательно занимаясь тѣмъ, чтобы при россійскомъ дворѣ не было людей твердыхъ и проницательныхъ, которые бы могли воспротивиться коварнымъ замысламъ версальскаго кабинета, не токмо непосредственно содѣйствовалъ погибели Миниха, Остермана, Головкина и проч., но происками своими, совокупно съ прусскимъ министромъ, былъ причиною, что Россія лишилась двухъ знаменитыхъ полководцевъ—Левендаля и Кейта, и многихъ отличныхъ офицеровъ, перешедшихъ изъ россійской во французскую и прусскую службы. Такъ во всѣ времена гг. иностранцы доброхотствовали нашему отечеству.

Изображеніе фельдмаршала графа Миниха.

[Зап. Манштейна, стр. 238—239].

Г. Манштейнъ, сказавъ, что характеръ фельдмаршала графа Миниха былъ противоположное совокупленіе добрыхъ и дурныхъ качествъ, старается, нимало не щадя его, убѣдить въ справедливости сего заключенія. Непрекословно, что графъ Минихъ имѣлъ недостатки; но укажите мнѣ великаго человѣка, который бы изъятъ былъ отъ оныхъ? Г. Манштейнъ на погрѣшности фельдмаршала смотрѣлъ въ увеличительное стекло. Я коротко зналъ сего полководца, и смѣю увѣрить, что онъ не былъ грубіяномъ; но съ неисправныхъ взыскивалъ неослабно: правило, необходимое для удержанія въ войскѣ благоустройства. Минихъ былъ вспыльчивъ, но никогда не выступалъ изъ предѣловъ благопристойности. Необманчиво постигалъ прямое достоинство, справедливо отличалъ и награждалъ заслуги и удалялъ отъ себя неспособныхъ къ дѣлу и тунеядцевъ. Домашніе расходы его несоразмѣрны были доходамъ; гдѣ достоинство сана его требовало нарочитыхъ издержекъ, тамъ не жалѣлъ денегъ; но во всякомъ другомъ случаѣ строго взыскивалъ съ управителя дома своего и требовалъ, чтобы наблюдались въ ономъ порядокъ и бережливость. Никогда не видали въ немъ подлаго льстеца; обращая въ свою пользу всякое обстоятельство, онъ умѣлъ искусно угождать вре-

менщикамъ, или услугою кстати оказанною, или пріятнымъ подаркомъ. Честолюбіе господствовало надъ нимъ, и онъ зналъ цѣну свою. Напрасно порицали его въ гордости. Чтитель правосудія и добродѣтели, Минихъ гнушался лихоимствомъ и неправеднымъ стяжаніемъ богатства. Похвалы о себѣ слушалъ съ удовольствіемъ; любя похвалы, не остерегался ласкателей и можно-ли строго осуждать его за сію слабость, которой подвержены были многіе знаменитые мужи, предшествовавшіе ему и послѣдовавшіе по немъ? Отдавая справедливость воинскимъ дарованіямъ графа Миниха, г. Манштейнъ говоритъ, что онъ мало способенъ былъ къ отправленію званія перваго министра. На сіе замѣчу, что фельдмаршалъ, по стеченію обстоятельствъ, вынужденно принялъ на себя это достоинство, и отправлялъ важную должность перваго министра столь короткое время, что никакъ нельзя рѣшительно сказать ни о способности, ни о малоспособности его къ оной. Впрочемъ, нѣтъ сомнѣнія, что совѣтъ, преподанный имъ правительницѣ при случаѣ предположеннаго союза съ вѣнскимъ и дрезденскимъ дворами, дѣлаетъ ему честь и похвальнѣе коварныхъ увертокъ противоборниковъ его. Не знаю, на чемъ основался г. Манштейнъ, говоря, кто желалъ выманить отъ фельдмаршала тайну — долженствовалъ токмо прекословить ему и раздражать его: короткіе знакомые не замѣчали въ фельдмаршалѣ сего недостатка, и сочинитель, говоря о человѣкѣ необыкновенномъ, обязанъ былъ представить въ доказательство хотя одинъ примѣръ. О предпріятіяхъ своихъ Минихъ рѣдко открывался; единожды обдумавъ и удостовѣрясь въ добротѣ предположенія своего, не почиталъ нужнымъ спрашивать совѣтовъ. Онъ много уважалъ мужество и воинскія дарованія графа Левендаля, бывшаго потомъ французскимъ маршаломъ. Генералъ сей равномѣрно почиталъ фельдмаршала. Однажды, разговаривая со мною и отдавая похвалу графу Миниху, Левендаль сказалъ: «жаль токмо, что онъ не принимаетъ ни чьихъ совѣтовъ»; тотъ же Левендаль посѣтилъ меня вскорѣ по несчастіи фельдмаршала и, изъявляя соболѣзнованіе о бѣдственной участи бывшаго своего предводителя, сказалъ:

— «Я не знаю, въ чемъ состоитъ преступленіе графа Миниха, но еслибы и не учинилъ онъ никакого, то я бы все обвинилъ его и предалъ суду за то, что онъ первый подалъ опасный

примѣръ—какъ, съ помощію роты гренадеровъ, можно низвергать и возводить на престолъ государей».

Біографическое извѣстіе о фельдмаршалѣ графѣ Минихѣ.

[Зап. Манштейна, стр. 238—239].

Когда Утрехтскій миръ прекратилъ брань, возникшую за наслѣдіе испанскаго престола, и войска ландграфа гессенскаго возвратились въ отечество свое, тогда графъ Минихъ, не сотворенный къ спокойной жизни, вознамѣрился явиться на новомъ поприщѣ. Оставивъ гессенскую службу, въ которой былъ онъ полковникомъ, перешелъ въ службу польскаго короля, занятаго въ сіе время покореніемъ остатковъ войскъ стороны, поддерживаемой шведами. Августъ II принялъ Миниха съ чиномъ генералъ-маіора и, желая учредить корпусъ войскъ на жалованьи республики, поручилъ ему образованіе онаго. Минихъ началъ составленіемъ одного полка, который потомъ существовалъ подъ названіемъ польской коронной гвардіи. Фельдмаршалъ графъ Флеммингъ, первый министръ и наперсникъ короля, былъ назначенъ полковникомъ, а Минихъ командиромъ сего полка. Они условились между собою, чтобы выгодами, отъ полка получаемыми, первые три года пользовался Минихъ одинъ, въ награду понесенныхъ имъ трудовъ при учрежденіи, а впослѣдствіи—раздѣлять пополамъ. Сколь ни справедливо было таковое условіе, но графъ Флеммингъ, узнавъ, что доходъ отъ полка простирался свыше 8,000 ефимковъ ежегодно, хотѣлъ нарушить договоръ. Минихъ не уступалъ права своего. Изъ сего произошло между ими примѣтное охлажденіе. Между тѣмъ, прибылъ въ Варшаву знаменитый Герцъ, и, по давнему знакомству съ Минихомъ, остановился у сего генерала. Герцъ замѣтилъ, что Минихъ съ неудовольствіемъ продолжаетъ службу Августа II, воспользовался симъ случаемъ, чтобы доставить своему государю хорошаго воина, и по данному полномочію предложилъ Миниху патентъ на чинъ генералъ-поручика шведскихъ войскъ. Но какъ Карлъ XII въ томъ же году былъ убитъ подъ Фридрихсгаллемъ, а несчастный Герцъ потерялъ голову на эшафотѣ въ Штокгольмѣ, то Минихъ, не помышляя болѣе о вступленіи въ войска бывшаго сѣвернаго героя, скрывалъ свое неудовольствіе; въ 1719 году, по повелѣнію Августа II, ѣздилъ онъ въ Дрезденъ, дабы присутствовать и участвовать

въ великолѣпныхъ празднествахъ, которыя давалъ сей расточительный король по случаю бракосочетанія наслѣднаго принца съ австрійскою эрцъ-герцогинею Маріею-Іозефиною, дщерью покойнаго императора Іосифа I. Король принялъ его съ отличною милостію и графъ Флемингъ оказывалъ наружные знаки благорасположенія. Возвратясь въ Варшаву, вскорѣ Минихъ увидѣлъ злоумышленіе министра, который не переставалъ заниматься полковыми доходами. Дѣйствительно ли жадничалъ онъ пользоваться ими, или симъ способомъ намѣревался вытѣснить Миниха, только, желая всячески вредить сему генералу, преклонилъ нѣкоторыхъ офицеровъ разглашать, что полковая сумма употребляется Минихомъ неправильно. Оскорбительныя рѣчи о семъ полковника Бонафу дошли до ушей Миниха. Справедливо раздраженный Минихъ вызвалъ Бонафу на поединокъ и прострѣлилъ ему грудь, но, по счастію, не смертельно.

При семъ случаѣ, Августъ оказалъ Миниху благоволеніе своемъ необыкновеннымъ образомъ, заслуживающимъ, чтобы упомянуть объ оном. Дабы укрыть себя отъ преслѣдованія, въ случаѣ смерти Бонафу отъ раны, Минихъ ушелъ въ одинъ монастыр и прожилъ въ семъ убѣжищѣ нѣсколько недѣль. Въ сіе врем король пожелалъ осмотрѣть небольшой каналъ, строившійся подъ руководствомъ Миниха у Уяздова, загороднаго дворца. Дорога къ оному лежала мимо упомянутаго монастыря; Августъ, приближась къ монастырскимъ воротамъ, остановился, велѣлъ позвать Миниха, посадилъ его съ собою въ карету, и поѣхалъ къ каналу; осмотрѣвъ всѣ работы и изъявивъ удовольствіе и благодарность директору, отвезъ его обратно въ монастырь. Не взирая на сіе, не укротилася злоба г. Флеминга, и король, совершенно благорасположенный къ Миниху, но порабощенный власти перваго министра, не могъ защитить достойнаго генерала. Ненависть простерлась столь далеко, что Флемингъ вздумалъ однажды арестовать Миниха. Сіе возродило споръ между министромъ и коронным генераломъ г. Синявскимъ. Минихъ, въ качествѣ генералъ-маіора республики и командира польской гвардіи, зависѣлъ отъ короннаго генерала. Графъ Флемингъ, хотя былъ саксонскій фельдмаршалъ, но въ польскихъ войскахъ имѣлъ только званіе полковника гвардейскаго полка; слѣдовательно, былъ подчиненъ тому же чиновнику. Г. Синявскій, находя поступок

графа Флемминга оскорбительнымъ для себя, немедленно возвратилъ Миниху шпагу, удостовѣряя его въ своемъ покровительствѣ.

Князь Григорій Ѳедоровичъ Долгоруковъ, находившійся въ Варшавѣ чрезвычайнымъ россійскимъ посломъ, будучи свидѣтелемъ сего происшествія, убѣдилъ Миниха перейти въ службу государя своего, продолжавшаго тогда брань со шведами. Минихъ, лишившійся въ сіе время отца, подъ предлогомъ полученія наслѣдства, испросилъ у польскаго короля увольненіе въ отпускъ и получилъ отъ него на дорогу пятьсотъ червонныхъ; но, вмѣсто того, чтобы ѣхать въ Олденбургъ, отправился онъ, подъ чужимъ именемъ, въ Ригу, гдѣ находился Петръ I. Хотя и не исходатайствовалъ отъ сего государя всего княземъ Долгоруковымъ обѣщаннаго, однако заключилъ условіе на вступленіе въ россійскую службу. Минихъ обязывался прослужить шесть лѣтъ, первые три года въ чинѣ генералъ-маіора, а на четвертый обѣщано произвести его въ генералъ-поручики. По заключеніи сего договора, поѣхалъ онъ въ Олденбургъ для принятія наслѣдства и въ то же время, испросивъ увольненіе отъ службы польскаго короля, скоро возвратился въ Россію.

Великій царь, проникнувъ отличныя дарованія Миниха, поручилъ ему главное смотрѣніе надъ устроеніемъ Ладожскаго канала, едва начатаго и плохо производимаго. При семъ директорѣ все пошло иначе: дѣятельность его поощряла подчиненныхъ; умъ его руководствовалъ къ прочному и правильному устроенію всѣхъ работъ. Петръ, не задолго предъ кончиною своею, изволилъ прибыть для обозрѣнія отдѣланной части канала, осмотрѣвъ работы, пожелалъ, чтобы въ присутствіи его спустили воду. Сѣвши съ Минихомъ и однимъ унтеръ-офицеромъ на случившійся на берегу ботикъ, императоръ повелѣлъ открыть ворота, и по стремленію пущенной воды первый въѣхалъ въ сотворенный волею его каналъ. Столь велика была радость мудраго и о благѣ подданныхъ неутомимаго Петра, что онъ, въ восторгѣ махая шляпою надъ главою своею, многократно изволилъ прокричать ура! Торжественно благодарилъ и обнималъ Миниха. Отужинавъ и проведши ночь въ укромномъ жилищѣ сего генерала, государь на другой день отправился въ Петербургъ, и въ первое происходившее потомъ засѣданіе сената императоръ въ присутствіи онаго похвалилъ искусство всѣхъ работъ канала и

отличную ревность Миниха, и повелѣлъ сенату учинить потребныя распоряженія, дабы къ совершенному окончанію сего важнаго и преполезнаго для государства предпріятія доставлены были всѣ нужныя пособія.

Неоспоримо, что графъ Минихъ былъ изъ лучшихъ инженеровъ и знаменитѣйшихъ полководцевъ своего времени. Твердый въ начальствѣ, рѣшительный въ предпріятіяхъ, былъ мужественъ, проницателенъ и быстръ на полѣ сраженія. Просвѣщеніе его было обширное; говорилъ и писалъ весьма хорошо на многихъ языкахъ; въ исторіи почерпалъ онъ уроки для поведенія своего; въ математическихъ наукахъ имѣлъ большія свѣдѣнія и артилерійскую часть зналъ превосходно.

При пяти различныхъ правленіяхъ россійскихъ монарховъ, Минихъ пользовался отличнымъ уваженіемъ и довѣренностію.

Екатерина I пожаловала его первымъ генераломъ и кавалеромъ новоучрежденнаго ордена св. Александра Невскаго. Петръ II повелѣлъ ему быть предсѣдательствующимъ государственной военной коллегіи, градоначальникомъ въ С.-Петербургѣ въ отсутствіе двора, пожаловалъ деревнями въ Лифляндіи, а въ день коронованія своего возвелъ его въ графское достоинство. Въ царствованіе Анны Іоанновны, Минихъ пріобрѣлъ многія награды и самыя знаменитыя достоинства: орд. св. Андрея, штаги (?) и орденскіе знаки, алмазами украшенные, многократно денежные подарки, званіе генералъ-фельдцейхмейстера, генералъ-директора надъ фортификаціями, надъ Ладогскимъ каналомъ и Балтійскимъ портомъ, подполковника лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка и члена верховнаго кабинета; въ 1732 году возведенъ на степень генералъ-фельдмаршала. Въ началѣ регентства при правительницѣ Аннѣ Карловнѣ, получилъ достоинство перваго министра, и при ней же вскорѣ, по прошенію его, уволенъ отъ всѣхъ дѣлъ.

Съ восшествіемъ на россійскій престолъ Елисаветы, разразился громъ надъ главою Миниха и, въ продолженіе всего государствованія сей монархини, Минихъ претерпѣвалъ жесточайшее гоненіе, а Россія лишена была знаменитаго полководца. Петръ III возвратилъ ему свободу и достоинства, кровію и заслугами отечеству пріобрѣтенныя. Екатерина Великая удостоивала Миниха отличнымъ благоволеніемъ и пользовалась совѣтами его.

Сказанное г. Манштейномъ о пребываніи фельдмаршала въ

ссылкѣ бо̀льшею частію ложно. Онъ содержался подъ строгимъ присмотромъ, не позволяли доставлять къ нему ни перьевъ, ни бумаги, и запрещали вести съ нимъ переписку, даже и семейству его. Слѣдовательно, не могъ онъ посылать увѣщательныхъ писемъ къ правителямъ сибирскихъ губерній, ни угрожать имъ о донесеніи императрицѣ о злоупотребленіяхъ. Но справедливо, что онъ внушалъ къ себѣ почтеніе, и приставленные къ присмотру за нимъ чиновники не смѣли поступать съ нимъ подобно какъ съ прочими ссылочными; не смѣли ничего похищать изъ отпускаемаго на содержаніе его. Фельдмаршалъ, по возвращеніи изъ ссылки, сказывалъ мнѣ, что сохранилъ у себя три карандаша, выдиралъ онъ изъ присылаемыхъ ему мѣсяцеслововъ бѣлые листы и на оныхъ писалъ разсужденія о воинствѣ и о внутреннемъ управленіи Россійскаго государства; но узнавъ, что одинъ изъ приставовъ замѣтилъ сіе и намѣревался сдѣлать доносъ, все написанное бросилъ онъ въ огонь. Равномѣрно справедливо, что графъ обучалъ геометріи одного изъ приставовъ своихъ, способнаго и страстнаго къ просвѣщенію молодаго человѣка.

Примѣчаніе о графѣ Минихѣ по возвращеніи его изъ ссылки.

Въ примѣчаніяхъ издателя Записокъ г. Манштейна [1]) также вкрались нѣкоторыя погрѣшности. Сынъ графа Миниха, сопровождаемый своими дѣтьми, тремя сыновьями и двумя дочерями, рожденными во время ссылки его въ Вологдѣ, прибылъ въ Петербургъ за нѣсколько недѣль прежде родителя своего. Тутъ нашелъ онъ, уже пріѣхавшихъ изъ Риги, старшую дочь свою и супруга ея, барона Фитингофа. При полученіи извѣстія о приближеніи фельдмаршала къ Петербургу, сынъ его съ прочимъ семействомъ выѣхалъ ему на встрѣчу за тридцать верстъ отъ столицы и застали его садящагося съ графинею за обѣдъ. Не дочь знаменитый старецъ увидѣлъ чрезъ двадцать и одинъ годъ горестной разлуки, но внучку свою; а о существованіи другихъ внучатъ не имѣлъ и понятія. Минихъ совѣтовалъ Петру III ѣхать прямо не въ Петербургъ, гдѣ уже сердца всѣхъ преклонились предъ Екатериною, но въ Кронштадтъ, наполненный и войскомъ и флотомъ; таковыми пособіями, съ коими возможно было, если не противиться торжествующей противуборницѣ, то, по крайней мѣрѣ,

[1]) То-есть изданія 1771-го года, на нѣмецкомъ языкѣ.

пріобрѣсти снисхожденіе и согласіе ея, чтобы низверженному Петру дозволить приличнымъ образомъ отъѣхать въ какое нибудь мѣсто, избранное для уединеннаго убѣжища его. Но нерѣшительный и робкій Петръ ничего не умѣлъ предпринять; окруженный роскошными придворными и барынями, и трусливыми царедворцами, преданными забавамъ, находился онъ въ страшномъ смущеніи духа и въ непрерывныхъ колебаніяхъ; напослѣдокъ, бросился на яхту и поплылъ къ Кронштадту, но уже было поздно; прозорливый умъ Екатерины и тутъ поставилъ ему преграду непреоборимую: Талызинъ угрожаетъ открыть огонь со всѣхъ батарей и низринуть яхту въ пучину морскую. Пораженный страхомъ, Петръ поспѣшно удаляется, плыветъ — не зная самъ куда; судьба высаживаетъ его въ Ораніенбаумѣ. Когда все было рѣшено и Минихъ предсталъ предъ Екатериною, императрица сказала ему:

— «Вы намѣревались сражаться противу меня?»

— «Такъ, государыня,—отвѣчалъ фельдмаршалъ,—но теперь буду сражаться единственно за ваше величество».

Извѣстно, что потомъ сія великодушная монархиня всегда съ отличною милостію и уваженіемъ обращалась съ Минихомъ.

Объ оберъ-гофмаршалѣ графѣ Левенвольдѣ.

[Зап. Манштейна, стр. 241—242].

Несправедливо, чтобы и оберъ-гофмаршалъ графъ Левенвольдъ подавалъ правительницѣ совѣтъ объявить себя императрицею. Левенвольдъ былъ прозорливаго ума, и не предстояло ни малѣйшей побудительной причины преклонять великую княгиню на таковой легкомысленный поступокъ. Преступленіе Левенвольда состояло въ томъ, что графъ показалъ правительницѣ письмо, полученное имъ изъ Фландріи, отъ одного уволеннаго отъ россійскаго двора метродотеля; прежній усердный служитель подробно описалъ заговоръ, умышляемый Елисаветою.—Достойный Левенвольдъ, сотворенный для того, чтобы блистать при великомъ дворѣ, къ общему сожалѣнію, умеръ въ Соликамскѣ, куда онъ сосланъ былъ въ заточеніе. Безпристрастіе требуетъ воздать похвалу гг. Строгановымъ, имѣющимъ богатые заводы и соляныя варницы въ семъ мѣстѣ: сострадательныя ихъ сердца старались

облегчать, сколько позволительно, несчастную участь Левенвольда, вспомоществовали и доставляли ему все потребное къ пропитанію и содержанію. Да цвѣтетъ и наслаждается всѣми благами потомство добродѣтельныхъ душъ!

Объ описаніи въ казну имѣнія, принадлежавшаго женамъ и дѣтямъ сосланныхъ въ Сибирь особъ.

[Зап. Манштейна, стр. 237].

Движимое и недвижимое имѣніе женъ всѣхъ особъ, сосланныхъ въ заточеніе, описали въ казну; богатыя помѣстья графини Головкиной, наслѣдованныя ею отъ Ромодановскихъ, Шеина и Салтыкова, пожалованы были новымъ временщикамъ, появившимся на позорищѣ, и частію гренадерамъ, споспѣшествовавшимъ Елисаветѣ при восшествіи на престолъ. Имѣніе графини Миниховой подверглось той же участи. Даже не взирая на законъ Петра Великаго, святою справедливостью внушенный, воспрещающій касаться имѣнія дѣтей тѣхъ родителей, которыхъ несчастная судьба заключаетъ въ ссылку, при семъ случаѣ преслѣдовали и дѣтей знаменитыхъ жертвъ.

О графѣ Ернстѣ Минихѣ, сынѣ фельдмаршала.

[Зап. Манштейна, стр. 239—240].

Хотя оберъ-гофмейстеръ Ернстъ Минихъ не былъ въ числѣ особъ, составлявшихъ совѣтъ правительницы; хотя не занимался никакими государственными дѣлами и единственно токмо по званію своему отправлялъ должность при дворѣ, но не менѣе того понесъ гоненіе отъ новаго правительства. Однажды Елисавета Петровна, разговаривая въ собраніи съ чужестранными министрами, изъявила, что она крайне соболѣзнуетъ о сынѣ фельдмаршала, а особенно о супругѣ его, присовокупивъ: «Они всегда были ко мнѣ отмѣнно почтительны и я была довольна ими». Таковой благосклонный отзывъ императрицы нимало не перемѣнилъ несчастнаго жребія Минихова сына. Одно добродушіе въ царѣ недостаточно. Дабы народы вкушали блаженство, необходимо нужно, чтобы сердце государя управляемо было собственнымъ умомъ; чтобы воля его превозмогала всѣ происки и ухищренія ласкателей-царедворцевъ.

Графа Ернеста Миниха обвинили за то, что, зная о замыслахъ нѣкоторыхъ особъ, желавшихъ объявить правительницу императрицею, не старался отклонить ея отъ сего намѣренія; приговорили къ лишенію должности, чиновъ и ордена; въ замѣну описанныхъ въ казну лифляндскихъ помѣстій назначили для прожитія его деревню въ Россіи. Но захваченныя драгоцѣнныя вещи и всю движимость, ему принадлежавшую, ни полушки не выдали. Опредѣленная Миниху деревня для жительства была самая бѣдная; почему онъ просилъ пожаловать, вмѣсто деревни, какое либо денежное содержаніе; удовлетворили прошенію сему: повелѣли Миниху жить подъ присмотромъ въ Вологдѣ и производили на содержаніе его по тысячѣ рублей въ годъ, а подъ конецъ ссылки его увеличили таковое содержаніе до 1,400 рублей.

Прекращеніе военныхъ дѣйствій со Швеціею.

[Зап. Манштейна, стр. 247].

Г. Бецкой извѣстилъ французскаго посла, что императрица Елисавета отправляетъ къ графу Левенгаупту нарочнаго чиновника съ предложеніемъ о перемиріи и о прекращеніи военныхъ дѣйствій, и именемъ ея убѣдилъ сего министра, дабы и онъ съ своей стороны содѣйствовалъ въ семъ случаѣ. Маркизъ Де-ла-Шетарди съ тѣмъ же нарочнымъ писалъ къ Левенгаупту; шведскій полководецъ послушался, и прекращеніемъ военныхъ дѣйствій учинилъ большую погрѣшность, за что и лишился головы. Упоминаемый г. Бецкой есть тотъ самый, который, въ царствованіе Екатерины и подъ руководствомъ сей мудрой царицы, учредилъ въ Россіи знаменитыя заведенія, содѣлавшія имя его извѣстнымъ во всей Европѣ.

Замѣчаніе о ссылочныхъ въ правленіе Анны Іоанновны.

[Зап. Манштейна, стр. 248—249].

Число ссылочныхъ въ правленіе Анны Іоанновны показано г. Манштейномъ по народнымъ слухамъ, обыкновенно все увеличивающимъ. Также неосновательно повѣствуетъ онъ, будто бы случилось, что съ трудомъ отыскивали мѣстопребываніе ссылочныхъ. Правда, что часто отправляли преступниковъ, не объявляя объ имени ихъ ни препровождавшимъ, ни начальникамъ тѣхъ

мѣстъ, куда они ссылались; но всегда такимъ образомъ отправляемый означался номеромъ, по коему легко было найти въ архивѣ тайной канцеляріи—кто гдѣ содержится.

Причины несогласія между графомъ Бестужевымъ-Рюминымъ и марк. Де-ла-Шетарди.

[Зап. Манштейна, стр. 249—250].

Графъ Бестужевъ-Рюминъ не потому старался сблизить Россію съ Австріею, чтобы онъ лучше былъ расположенъ къ вѣнскому, нежели къ версальскому двору. Причиною сему былъ посланникъ послѣдняго двора. Маркизъ Де-ла-Шетарди, оказавшій Елисаветѣ Петровнѣ преданность при прежнихъ правленіяхъ, споспѣшествовавшій возведенію ея на престолъ, дѣйствительно пользовался отличнымъ благоволеніемъ императрицы; но, не довольствуясь симъ, пожелалъ мѣшаться въ дѣла Россійскаго государства, возмечтавъ властвовать и при дворѣ, и надъ министрами. Честолюбивый Бестужевъ-Рюминъ не могъ потерпѣть такого униженія, поклялся непримиримою враждою версальскому кабинету и, будучи хитръ и дѣятеленъ, употреблялъ всѣ способы низвергнуть силу и довѣренность французскаго посла. Англичане, искусно извлекающіе для себя пользу изъ всѣхъ обстоятельствъ, старались снискать дружество и графа Бестужева-Рюмина и раздували пламенникъ вражды между имъ и маркизомъ.

Объ уничтоженіи Елисаветою наградъ, пожалованныхъ отъ Правительницы

[Зап. Манштейна, стр. 250].

Елисавета Петровна, уничтоживъ всѣ награжденія, пожалованныя правительницею, несправедливо обидѣла удостоенныхъ возмездія за службу отечеству, въ числѣ коихъ находились люди отличнѣйшаго достоинства. Подавшіе ей таковой совѣтъ поступили столь же неправосудно, сколько и непроницательно. Мудрый государь обращаетъ милостивый взоръ и на служившихъ усердно у предшественниковъ его. Это согласно и съ благодушіемъ и съ здравою политикою: да не влачатъ дни свои въ презрѣніи и намъ служащіе.

О заключеніи мира со Швеціею.

[Зап. Манштейна, стр. 290].

Швеція, вовлеченная въ пагубную войну, не знала какъ очистить (?) оную. Въ то же время, упраздненный въ Штокгольмѣ престолъ повергалъ сеймъ въ недоумѣніе въ избраніи короля. Сторона подъ названіемъ шляпъ, воспламенившая войну, ласкалась найти подкрѣпленіе и пособія къ продолженію оной, намѣревалась возвести на шведскій престолъ сына датскаго короля; миролюбивая же сторона, называвшаяся колпаками, утверждала, что, избравъ королемъ россійскаго наслѣдника, можно будетъ заключить выгодный миръ, хотя, впрочемъ, и не надѣялась, чтобы въ Петербургѣ приняли таковое предложеніе. Напослѣдокъ восторжествовали колпаки и Швеція, вмѣстѣ съ миромъ, получила отъ руки россійской императрицы короля Адольфа Фридриха, бывшаго епископа Любскаго, администратора Голштейнъ-Готторпскаго, роднаго дядю наслѣдника россійскаго престола. Миръ постановленъ былъ въ Абовѣ уполномоченными отъ Россіи генералами графомъ Александромъ Ивановичемъ Румянцевымъ и барономъ фонъ-Люберасомъ, а отъ Швеціи сенаторомъ барономъ Цедерирейцомъ и государственнымъ секретаремъ барономъ Нолкеномъ. Симъ миромъ Россія пріобрѣла крѣпость Нейшлотъ и Кименсгердскую область [1]).

О графѣ Левендалѣ.

[Зап. Манштейна, стр. 268].

Графъ Владиміръ Левендаль, знатнаго происхожденія, находившійся въ россійской службѣ полнымъ генераломъ, г. губернаторъ въ Ревелѣ и кавалеръ св. Александра Невскаго, былъ человѣкъ умный, просвѣщенный, храбрый и искусный на полѣ сраженія. Одаренный краснорѣчіемъ, Левендаль хорошо говорилъ

---

[1]) Судьба предоставила имени Румянцева споспѣшествовать расширенію россійскихъ предѣловъ на сѣверѣ: графъ Александръ Ивановичъ, заключивъ Абовскій миръ, пріобрѣлъ къ отечеству нашему Кименсгердскую область, а внукъ его, г. государственный канцлеръ графъ Николай Петровичъ, постановивъ въ 1809 году миръ со шведами въ Фридрихсгамѣ, увеличилъ Россію всѣмъ княжествомъ Финляндскимъ, частію Ботніи, Лапландіи и нѣкоторыми изъ Аландскихъ острововъ. Примѣч. П. И. Савельева.

ти на всѣхъ извѣстныхъ языкахъ; превосходно зналъ и по-
женіе дворовъ и состояніе войскъ европейскихъ. Левендаль,
ащавшійся со мною дружески, вскорѣ по вступленіи на пре-
ъ Елисаветы Петровны, открывался мнѣ, что онъ твердо рѣ-
лся оставить россійскую службу; но дабы не имѣли предлога
ести сіе къ трусости, то онъ намѣревался прослужить пред-
явшую кампанію. Въ то же время показывалъ мнѣ письмо,
орымъ удостовѣряли о благосклоннѣйшемъ пріемѣ его въ
лиѣ, если пожелаетъ онъ раздѣлять славу съ Фридрихомъ.
графъ Де-Саксъ, питавшій къ Левендалю отличное уваже-
, убѣдилъ его вступить въ службу французскаго короля. Съ
валою прослуживъ всѣ фландрскія кампаніи, Левендаль про-
явилъ себя покореніемъ Берг-оп-цоома, и былъ возведенъ въ
ршалы.

О генералѣ Кейтѣ.

[Зап. Манштейна, стр. 269].

Яковъ Кейтъ, находившійся въ россійской службѣ полнымъ
нераломъ, подполковникомъ гвардіи и кавалеромъ св. Андрея и
ександра, имѣлъ умъ самый основательный и просвѣщенный,
отостію своею привлекалъ сердца подчиненныхъ. Среди звука
ужія не переставалъ онъ заниматься науками, и съ необыкно-
ннымъ мужествомъ соединялъ превосходныя знанія въ военномъ
кусствѣ. Кейтъ, тотчасъ по восшествіи на престолъ Елисаветы,
лъ приглашенъ съ большими выгодами въ прусскую службу,
гда удержали его въ Россіи ласками и наградами. Между
мъ, онъ твердо рѣшился при первомъ неудовольствіи оставить
ссійскія знамена, чрезвычайно негодуя, что не сдержали дан-
го обѣщанія объ устроеніи судьбы брата его. Вскорѣ встрѣ-
ся непріятный случай для Кейта. Императрица Елисавета
тровна предполагая отправить тридцатитысячный корпусъ
йскъ на помощь императрицѣ-королевѣ, назначила начальни-
мъ онаго генерала князя Василія Никитича Репнина. Кейтъ,
учи старѣе въ чинѣ, оскорбился симъ и просилъ увольненія
службы. Прусскій король принялъ Кейта въ свою службу
ьдмаршаломъ, а брата его пожаловалъ нейшательскимъ

губернаторомъ. Кейтъ погибъ въ бѣдственную для Фридриха II-го ночь при Гохкирхенѣ, въ 1758 году.

О заговорѣ противу императрицы Елисаветы Петровны.

[Зап. Манштейна, 289—290].

Вовсе не имѣли ясныхъ доказательствъ о семъ заговорѣ. Въ тогдашнее время многіе люди, достойные всякаго вѣроятія, называли сей заговоръ вымышленнымъ; утверждали, что все заключалось въ пустыхъ разговорахъ двухъ недовольныхъ барынь и въ нескромныхъ рѣчахъ сына одной изъ нихъ, вѣтреннаго и невоздержнаго житія молодаго человѣка, и что для предъявленія извѣта подкупленъ былъ одинъ слуга, принадлежавшій симъ госпожамъ. Маркизъ Де-Ботта, почитаемый зачинщикомъ и душою заговора, еще въ царствованіе императрицы Анны Іоанновны познакомился съ г-жою Лопухиною, супругою флотскаго генералъ-кригсъ-коммисара, одною изъ первѣйшихъ красавицъ своего времени, съ родною сестрою несчастнаго графа М. Г. Головкина, бывшею въ супружествѣ за графомъ Михаиломъ Петровичемъ Бестужевымъ-Рюминымъ, братомъ государственнаго канцлера. Долговременное знакомство, наконецъ, обратилось между ими въ откровенную и дружественную связь. Бѣдственная участь графа Головкина и графа Левенвольда, искреннаго друга г-жи Лопухиной, а особенно чрезвычайное злополучіе бывшей правительницы и всего ея дома, повергли упомянутыхъ госпожъ въ сердечную скорбь и часто исторгали у нихъ жалобы противу новаго правительства. Маркизъ Де-Ботта, принимая живѣйшее участіе въ горести ихъ, старался всячески утѣшать, представляя, что въ государствѣ, въ коемъ въ недавнемъ времени произошло столько внезапныхъ перемѣнъ, могутъ онѣ надѣяться, что счастіе ихъ неожиданно обрадуетъ. Статься можетъ, что въ утѣшеніе удостовѣрялъ онъ, что венгерская королева и король прусскій, какъ ближайшіе родственники низверженнаго дома, страдавшаго въ заточеніи, примутъ мѣры и попеченіе объ облегченіи судьбы онаго. Легковѣріе женщинъ могло вывести изъ таковаго простаго утѣшенія мечтательныя въ пользу свою послѣдствія, и легко было при слѣдствіи, среди угрозъ и пытокъ, исторгнуть отъ нихъ желаемое признаніе, для обвиненія австрійскаго по-

сланника; не заслуживаетъ ни малѣйшаго вѣроятія распущенная молва, будто бы маркизъ Де-Ботта, находясь въ Берлинѣ, имѣлъ переписку съ графинями Бестужевою и Лопухиною, обнадеживая, что король прусскій приметъ участіе въ заговорѣ и подкрѣпитъ его. Простое замѣчаніе, что какое нибудь одно перехваченное письмо откроетъ весь замыселъ и разрушитъ заговоръ, ежели бы дѣйствительно существовалъ оный, удержало-бъ отъ переписки министра сего, человѣка весьма осторожнаго. Равномѣрно невѣроятно, чтобы завлекли онѣ въ свое намѣреніе многихъ молодыхъ людей, ибо подверглись наказанію токмо однѣ упомянутыя госпожи и родственники ихъ. Впрочемъ, Марія-Терезія достаточно убѣдила, что не находила столь виновнымъ маркиза Де-Ботту, какъ объявлено было въ обнародованномъ по сему случаю россійскимъ дворомъ манифестѣ: ибо государыня сія, въ удовлетвореніе Елисаветы Петровны, продержала маркиза самое малое время подъ стражею, но потомъ скоро изъявила ему несомнѣнные знаки благоволенія своего и поручила ему начальство надъ войсками, дѣйствовавшими въ Италіи. И такъ, съ которой стороны ни разбирать сіе дѣло, надлежитъ признаться, что не существовало явнаго заговора; что наказаніе, учиненное несчастнымъ знатнымъ барынямъ, супругу и сыну Лопухиной, исторгаетъ состраданіе наше. Жестокое сіе наказаніе, свойственное варварскимъ временамъ, конечно, не послужитъ въ похвалу государыни, коея великодушіе и сострадательность къ человѣчеству съ толикимъ тщаніемъ старались превознести.

О французскомъ послѣ, маркизѣ Де-ла-Шетарди.

[Зап. Манштейна, стр. 291—292].

Маркизъ Де-ла-Шетарди былъ человѣкъ бѣглаго ума, надменный и опрометчивый. Въ 1742 году, когда, по странной системѣ кабинета Людвига XV, находились при россійскомъ дворѣ два французскихъ министра, маркизъ—въ качествѣ чрезвычайнаго посла, а г. Юсонъ-Даллонъ (d'Usson d'Aillon) полномочнымъ министромъ, маркизъ поссорился съ послѣднимъ и въ канцеляріи посольской дрался съ нимъ на поединкѣ. Вспыльчивый и скорый Де-ла-Шетарди не способенъ былъ никакое дѣло производить съ благоразумною осторожностію; почему и въ семъ случаѣ учинилъ величайшую

глупость, обнаруживъ замыслъ свой къ ниспроверженію графа Бестужева-Рюмина. Напротивъ, россійскій канцлеръ имѣлъ умъ обширный и просвѣщенный и характеръ твердый; находясь при другихъ дворахъ во многихъ посольствахъ, отправляя важнѣйшія государственныя дѣла при различныхъ правительствахъ, долговременнымъ опытомъ утвердилъ онъ дарованія природныя; таковый прозорливый и дѣятельный министръ не дремалъ, когда угрожаема была безопасность его: происками и ухищреніями француза противупоставилъ онъ равносильныя орудія. Любопытствуя узнать о содержаніи подозрительной переписки между Де-ла-Шетардіемъ и французскимъ посланникомъ въ Штокгольмѣ, канцлеръ приказалъ схватить нарочнаго гонца, отправленнаго отъ перваго, и отобрать отъ него всѣ бумаги. Между оными найдено одно письмо, въ которомъ маркизъ весьма невыгоднымъ и оскорбительнымъ образомъ представлялъ изображеніе Елисаветы Петровны. Канцлеръ немедленно показалъ сіе письмо государынѣ своей. Раздраженная императрица въ то же мгновеніе повелѣла выслать Де-ла-Шетарди за границу, лишивъ его россійскихъ орденовъ.

Что принадлежитъ до прибавленія издателя, присовокупленнаго къ сочиненію г. Манштейна [1]), то о семъ достаточно сказать: что воинство, торговля, государственные доходы, словомъ—всѣ вѣтви правленія Россійской имперіи, по вступленіи на престолъ Екатерины Великой, получили совершенное преобразованіе, несомнѣнно ведущее сіе знаменитое государство къ благоденствію и славѣ.

КОНЕЦЪ.

---

[1]) Въ нашемъ изданіи „Записокъ Манштейна“ (приложеніе къ „Русской Старинѣ“ изд. 1875 г.), это „Добавленіе къ Запискамъ о Россіи“—занимаетъ стр. 293—328 и есть переводъ—съ той же рукописи Манштейна, принадлежащей Его Императорскому Высочеству Государю Великому Князю Константину Николаевичу. „Supplément aux Mémoires de Russie“ занимаетъ въ рукописи, писанной рукою Манштейна, стр. 119—174, вслѣдъ за второю частью Записокъ, подлинникъ которой хранится въ библіотекѣ дворца города Павловска.

Ред.

ЗАПИСКИ ГРАФА ЭРНСТА МИНИХА

И

ЕГО ЗАМѢЧАНІЯ НА МЕМУАРЫ МАНШТЕЙНА

въ изслѣдованіи Арведа Юргенсона.

Перевела съ нѣмецкой рукописи В. В. Тимощукъ.

Записки графа Эрнста Миниха, сына знаменитаго фельдмаршала, представляютъ живѣйшій интересъ для эпохи Анны Іоанновны, Бирона и Анны Леопольдовны и, безъ сомнѣнія, мемуары эти вполнѣ достовѣрны, чему порукою служитъ честный и правдивый характеръ ихъ автора и его служебное положеніе, которое было тѣсно связано съ придворною жизнію, такъ что графъ Эрнстъ Минихъ былъ очевидцемъ событій, совершавшихся въ описываемое имъ время при дворѣ.

Но онъ описываетъ и такія событія, къ которымъ онъ не имѣлъ столь близкаго отношенія: таковы войны его отца, именно: осада Данцига (1734) и турецкіе походы (1736—1739). Вотъ этими-то событіями мы и займемся главнымъ образомъ на слѣдующихъ страницахъ нашего критическаго изслѣдованія. Мы намѣрены здѣсь прослѣдить, откуда именно черпалъ Минихъ свои свѣдѣнія.

Записки Эрнста Миниха появились въ первый разъ въ печати на русскомъ языкѣ въ 1817 году, въ С.-Петербургѣ [1]).

О томъ, гдѣ и когда онѣ были написаны, можно судить по заключительнымъ словамъ этихъ записокъ: „Вологда, 1758 г.“. Ближайшія причины, послужившія поводомъ къ ихъ составленію, намъ неизвѣстны. Заглавіе ихъ показываетъ, что отецъ писалъ эти записки исключительно для своихъ дѣтей; эта цѣль выражена имъ на стр. 15-ой слѣдующими словами: „дабы мои дѣти примѣръ изъ того взяли и старались подобнаго избѣгать и уклониться“.

Судя по этому, онѣ не предназначались для печати.

---

[1]) Записки графа Миниха, сына фельдмаршала, писанныя имъ для дѣтей своихъ. Спб. въ типографіи Н. Греча. 1817. 8°. 223 страницы. (гр. 3 и 4—предисловіе издателя, неизвѣстнаго (гр. М. С. Воронцова).

На какомъ-же языкѣ былъ написанъ оригиналъ этихъ записокъ?

Щебальскій говоритъ (Чтенія въ имп. общ. истор. и древн. росс., 1859, III, I, стр. 145): „Минихъ писалъ ихъ (Записки) въ ссылкѣ на нѣмецкомъ языкѣ, какъ это видно изъ предисловія издателя". Однако мы не могли найти подобнаго указанія въ предисловіи, ни въ одномъ изъ просмотрѣнныхъ нами экземпляровъ. Въ нихъ просто говорится, что книга эта, подъ заглавіемъ: „Записки гр. Миниха-сына" находилась весьма долгое время въ собраніи рукописей одного любителя [1]) отечественной исторіи, но не говорится ни слова о нѣмецкомъ оригиналѣ; поэтому гораздо легче допустить, что издатель имѣлъ въ своихъ рукахъ рукопись на русскомъ языкѣ [2]).

Въ настоящее время, въ одномъ частномъ архивѣ Германіи, найдена подлинная, нѣмецкая рукопись Записокъ графа Эрнста Миниха, которую мы предполагаемъ напечатать отдѣльнымъ изданіемъ. Этотъ нѣмецкій текстъ вполнѣ тождественъ, по содержанію, съ изданнымъ, въ настоящей книгѣ, русскимъ текстомъ.

I.

Обращаемся къ Запискамъ Эрнста Миниха и остановимъ вниманіе читателя на ихъ самыхъ существенныхъ пунктахъ; ссылки дѣлаются нами на страницы настоящаго изданія.

На стр. 5—35 рѣчь идетъ преимущественно о фельдмаршалѣ Минихѣ и о самомъ авторѣ, причемъ разсказываются разныя обстоятельства ихъ жизни вплоть до 1733 года и особенно подробно говорится о положеніи ихъ при дворѣ. Но мы находимъ тутъ, между прочимъ, подробную характеристику и другихъ лицъ того времени, какъ напр. Бирона (стр. 27) и Левенвольде (28).

То, что авторъ сообщаетъ здѣсь о фельдмаршалѣ Минихѣ и что касается собственно фактовъ ихъ жизни, извѣстно намъ со словъ Бюшинга и Манштейна; тѣмъ не менѣе, мы знакомимся изъ Записокъ съ нѣкоторыми личными отношеніями обоихъ Минихов къ лицамъ, стоявшимъ у кормила правленія, и съ нѣкоторыми особенными мотивами ихъ дѣйствій.

[1]) Любитель этотъ былъ, кажется, графъ М. С. Воронцовъ; онъ-же написалъ и предисловіе (см. Архивъ кн. Воронцова, XVII, стр. 476, примѣч. Бартенева.

[2]) Академикъ А. А. Куникъ сообщ. намъ, что переводчикомъ этихъ Записокъ, кажется, былъ Н. Лонгиновъ, бывшій статсъ-секретарь при императрицѣ Елисаветы Алексѣевны. Ред.

На стр. 35 — 48 говорится главнымъ образомъ о дѣлахъ въ Польшѣ, объ осадѣ Данцига Минихомъ въ 1734 г. и о его пребываніи въ Польшѣ въ 1735 г.

На стр. 49 — 52 и 53 — 56 описывается начало турецкой войны и первый походъ (въ Крымъ) 1736 г. На стр. 56 — 63 повѣствуется о походѣ 1737 г. и особенно подробно говорится о взятіи Очакова.

Авторъ сообщаетъ также, по большей части, о впечатлѣніи, которое побѣды производили при дворѣ.

О походѣ 1738 г. (стр. 64 — 66) Минихъ-сынъ говоритъ коротко, такъ какъ онъ находился въ то время за границей.

На стр. 74—80 говорится о походѣ 1739 г., на стр. 81—83 о празднествахъ, которые устраивались по случаю заключенія мира.

На стр. 83 — 96 описываются послѣдніе дни жизни Анны Іоанновны; тутъ мы находимъ подробное изображеніе ея личности, ея двора и заслугъ этой императрицы. Въ этомъ случаѣ авторъ высказываетъ свое собственное сужденіе и говоритъ какъ очевидецъ, ибо онъ былъ въ числѣ ея приближенныхъ и пользовался ея благоволеніемъ. Она была, по его мнѣнію, „одна изъ величайшихъ государынь, на россійскомъ престолѣ царствовавшихъ“ (стр. 91), и въ изображеніи ея личности, начертанномъ имъ, замѣтно вліяніе его признательнаго сердца.

Графъ С. Р. Воронцовъ, хорошо знавшій автора лично и цѣнившій его, говоритъ поэтому совершенно справедливо въ своемъ письмѣ отъ 1818 года (29 мая, Лондонъ. Напечат. въ Архивѣ кн. Воронц. XVII, стр. 476): „on voit une partialité marquée de sa part en faveur de l'impératrice Anne, et on peut l'excuser, car elle était sa bienfaitrice [1])“. Это пристрастіе или эта преданность автора высказывается въ умолчаніи о дѣлѣ Волынскаго, который погибъ жертвою ненависти Бирона, не встрѣтившаго противодѣйствія со стороны слабой императрицы.

Между тѣмъ, въ „Замѣчаніяхъ на записки Манштейна“ Христъ Минихъ выражается по поводу этого событія свободнѣе и энергичнѣе.

Стр. 97 — 106: Регентство Бирона и сверженіе его Минихомъ.

Стр. 107—120 обнимаютъ время правленія Анны Леопольдовны, описывается дѣятельность Миниха какъ перваго ми-

[1]) Переводъ: „.... замѣтно явное пристрастіе, съ его стороны, по отношенію къ императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ, и это можно извинить ему, ибо она была его благодѣтельница“.

нистра, его отношеніе къ прусской политикѣ и выходъ его в отставку (118).

Принцесса Анна Леопольдовна изображена также велико душной и великой, какъ внушало автору чувство признатель ности, въ чемъ онъ и самъ сознается (стр. 110—111).

И такъ Записки эти доведены до 1741 г. и одинаково важны какъ для исторіи двора при Аннѣ Іоанновнѣ, Биронѣ и Аннѣ Леопольдовнѣ, такъ и для исторіи фельдмаршала Миниха и его отношеній къ лицамъ, руководившимъ русской политикой.

Если мы зададимся теперь вопросомъ о достовѣрности этихъ Записокъ, то, разумѣется, нельзя будетъ отрицать, что почтительность и сыновняя любовь не дозволяли автору высказать въ нихъ какой-либо неблагопріятный отзывъ о своемъ отцѣ, тѣмъ болѣе, что онъ писалъ эти Записки для своихъ дѣтей. Однако, онъ былъ слишкомъ честенъ и правдивъ для того, чтобы умышленно искажать факты [1]).

II.

Такъ какъ Эрнстъ Минихъ не былъ, какъ мы уже замѣтили, очевидцемъ военныхъ событій 1730-хъ годовъ, то ему пришлось руководствоваться изустными или письменными разсказами объ этихъ событіяхъ постороннихъ лицъ.

Просматривая его Записки со вниманіемъ и сравнивая ихъ съ другими сочиненіями того времени, мы сразу замѣчаемъ нѣкоторую связь, существующую между ними, и вотъ именно съ этой-то стороны мы и намѣрены разобрать здѣсь это сочиненіе.

1) Осада Данцига Ласси и Минихомъ (1734) и событія въ Польшѣ (Записки, стр. 37—46).

Поразительно сходны записки Миниха-сына съ Записками генерала Манштейна въ слѣдующихъ мѣстахъ.

Mémoires de Manstein (Leipzig, 1771, p. 90 etc.).	Записки Миниха сына (37 и сл.).
Cependant les Seigneurs mécontents allèrent à la rencontre du Comte de Lascy, et arrivèrent le 30 Septembre	Какъ скоро генералъ Лассій достигъ береговъ Вислы, то явились къ нему начальники противной

[1]) Онъ умалчиваетъ объ убійствѣ Синклера (ср. Russische Revue, 1886, II, стр. 227 и 228), совершившемся по приказанію Миниха; но онъ былъ дѣйствительно убѣжденъ въ невинности своего отца, какъ это видно изъ другаго его сочиненія: „Замѣчанія на Записки Манштейна“, въ которомъ, какъ упомянуто выше, онъ высказывается вообще гораздо свободнѣе о слабости характера Анны Іоанновны и о дѣлѣ Волынскаго.

ords de la Vistule. Ils
asser ce fleuve et se rendre
amp de l'élection; mais les
i parti contraire avaient
us les ponts... Pour ne
re de temps, on precéda à
i de l'Electeur de Saxe, pro-
ige de Comiec, sur le même
à Henri de Valois avait
'e fut le 5 Octobre que se
tte grande affaire...

. . . . . .

ue... ceux de Varsovie
isinué aux Ministres des
e Pétersbourg et de
le sortir de la ville dans
préscrit, lequel étant
29 Septembre, sans qu'ils
quitté la ville, ils pillè-
ilais du Comte de Laewen-
Cadet, second ambassadeur
attaquèrent le Palais
c six pièces de canons.
bien vingt à trente coup...
(p. 91) ils voulurent donner
ais ayant eu une qua-
d'hommes de tués, leur
e ralentit et ils accor-
ne capitulation à ceux
uvaient dans la maison.
istres s'étaient retirés
jours avant cette affaire
'omte Weldseck, ambas-
e l'Empereur.
la proclamation du Roi
le Comte Lascy passa la
ivec l'armée qu'il avait
ordres, et mit quelques
s en quartier à Varsovie.
trice fit encore défiler
Pologne et la Lithuanie
corps des troupes.

. . . . . .

it bien que tant que Stanis-
dans le pays il n'y aurait
tranquillité à espèrer.

Станиславу партіи и объявили, что готовы выполнить по желанію Россійской императрицы, въ разсужденіи выбора короля. Настоящее выборное мѣсто.... находилось на той сторонѣ рѣки, гдѣ Варшава лежитъ. Но какъ другая партія всѣ мосты сняла, и времени терять не можно было, то обрядъ избранія совершенъ на томъ самомъ... полѣ, на которомъ... Гейнрихъ де-Валоа былъ избранъ, и тутъ въ 5 день октября новаго штиля и утверждена... корона... (стр. 37).

Во время сего происшествія, оставшіеся въ Варшавѣ конфедераты извѣстили Россійскаго и Саксонскаго министра, дабы они изъ города выѣхали, и какъ сіи того не сдѣлали, то по прошествіи назначеннаго срока разграбили домъ перваго, а къ квартирѣ другаго, подвезши пушки, стрѣляли ядрами.

Но когда на семъ приступѣ убито у нихъ отъ 30 до 40 человѣкъ, то ярость ихъ укротилась и находящіеся въ домѣ Саксонскаго посланника люди истребовали капитуляцію, по силѣ которой предоставлена имъ свобода перебраться въ домъ императорскаго посланника Вельцега, гдѣ за нѣсколько дней предъ симъ оба вышеупомянутые министры прибѣжище свое имѣли.

По объявленіи королемъ Польскимъ Августа III и по построеніи новыхъ мостовъ, приказалъ генералъ Лассій арміи (стр. 37) своей переправиться чрезъ Вислу, оставя нѣсколько полковъ въ городѣ... императрица повелѣла, чтобы другой знатный корпусъ изъ Украины вступилъ въ Польшу.

. . . . . .

и о другомъ королѣ, кромѣ Станислава, слышать не хотѣла. При чемъ весьма трудно было сію кочующую... толпу усмирить....

По поводу сходства обоихъ текстовъ, мы должны допус
одно изъ двухъ предположеній: или что Минихъ пользовался
посредственно Записками Манштейна, которыя были уже о
чены и существовали въ рукописи въ то время, когда графъ Эр
Минихъ писалъ свои Записки въ ссылкѣ, въ 1758 г., и б
отданы ихъ авторомъ на храненіе [1]) зятю молодаго Мин
графу Сольмсъ-Вильденфельсу, или что Манштейнъ и Эр
Минихъ пользовались однимъ и тѣмъ-же источникомъ; н
нецъ, можно допустить и то и другое одновременно, т. е.
Минихъ пользовался какъ Манштейномъ, такъ и его источни
что касается разсказа объ осадѣ Данцига и о турецкой вой
то мы признаемъ, наиболѣе правдоподобнымъ, именно пользов
обоими источниками.

Дальнѣйшее изученіе Записокъ еще болѣе убѣждаетъ насъ
томъ, что Минихъ-сынъ былъ уже знакомъ, въ то время, съ Записк
Манштейна и пользовался ими. Имѣлъ-ли онъ въ своемъ расп
женіи самый оригиналъ Записокъ или копію съ него, въ данн
случаѣ для насъ безразлично. Но Записки Манштейна не от
чаются оригинальностью и не могутъ претендовать на назв
самостоятельнаго сочиненія, а представляютъ зачастую лишь
вальную передачу извѣстныхъ источниковъ, какъ намъ удалось
казать это въ нашемъ изслѣдованіи о Манштейнѣ. (См. „Russi
Revue, 1886, IV-ую тетр., стр. 438—491: „Mansteins Memoi
und seine Quellen für die Belagerung Danzigs (1734) und den
kenkrieg (1736—1739)". Поэтому мы полагаемъ, что графъ Эр
Минихъ пользовался иногда какъ Манштейномъ, такъ и
источниками, одновременно или поочередно, смотря по тому,
кого онъ считалъ болѣе удобнымъ и болѣе правильнымъ заимство
свои свѣдѣнія. Разумѣется, онъ пользуется этими источниками
всегда буквально, но зачастую передаетъ ихъ только вкратцѣ.

Вышеприведенный отрывокъ, переданный нами буквально, з
ствованъ Минихомъ повидимому исключительно у Манштейна, н
не можемъ указать откуда выписалъ его, въ свою очередь, Манште
хотя считаемъ возможнымъ, что онъ почерпнулъ это мѣсто изъ с
обычнаго источника: „Accurate Nachricht von der Belage
Danzigs" [2]), того объемистаго и интереснаго сочиненія, о кото

---

[1]) См. по этому поводу статью о Манштейнѣ въ журналѣ „Rusisch
vue", 1886, IV, стр. 488.

[2]) „Точныя свѣдѣнія объ осадѣ Данцига".

мы упоминали въ „Russische Revue“ (1886, IV, стр. 454 и 455). Вообще говоря, весь эпизодъ объ осадѣ Данцига (1734), въ Запискахъ Миниха-сына, не производитъ впечатлѣнія самостоятельнаго разсказа, останавливаясь на нѣкоторыхъ его подробностяхъ, мы можемъ, въ большинствѣ случаевъ, указать на соотвѣтствующія мѣста у Манштейна; который въ свою очередь пользуется исключительно свѣдѣніями изъ „Accurate Nachricht“.

То, что говорится въ „Запискахъ Миниха-сына“ на стр. 38, то-же самое по смыслу мы находимъ и у Манштейна на стр. 92; разногласіе замѣчается только относительно числа, коимъ помѣчено прибытіе Ласси.

Далѣе сходствуютъ слѣдующія мѣста:

Mémoires de Manstein, 93 [1]).

... les forces de ceux ci ne consistaient au commencement qu'en 12.000 hommes.

Записки Миниха-сына, 38.

Тутъ нашелъ онъ корпусъ, состоящій изъ двѣнадцати тысячъ человѣкъ.

Manstein, 94 seq.

... Ce Maréchal Comte de Munich arriva le 9 Mars devant Dantzig sous une escorte prussienne.

Записки, 38.

...и пріѣхалъ подъ Прусскимъ прикрытіемъ въ лагерь, расположенный подъ означеннымъ городомъ.

У Манштейна не сказано, что первое нападеніе Миниха было направлено на предмѣстье Данцига Шотландъ (Зап. Мин. 39).

Атака на Гагельсбергъ:

Manstein, 101.

On fis pendant le 9 toutes les dispositions nécessaires: 8000 hom. furent comandés pour cette attaque, dont 3000 devaient donner l'assaut, et les autres les soutenir.

Manstein, 102 [2]).

Les troupes qui devaient donner l'assaut, s'étaient avancées en silence et dans un ordre admirab-

Записки, 40.

Въ ночи на 28 число апрѣля стараго штиля всѣ нужныя къ тому приготовленія были сдѣланы. Планъ атаки былъ такой, чтобы 3000 человѣкъ, къ которымъ въ подкрѣпленіе присоединены еще 5000 человѣкъ, наступили на означенный пригорокъ... Назначенныя для приступа войска скрытно и въ

---

[1]) Мы цитируемъ Записки Манштейна во французскомъ изданіи Губера (Huber), Лейпцигъ, 1771 г.

[2]) Манштейнъ пользуется здѣсь буквально „Accurate Nachricht etc.“. стр. 585.

le jusqu à l'endroit où ils devaient monter. L'attaque commença vers minuit... les troupes marchèrent à l'assaut avec toute la fermeté imaginable, et se rendirent maître d'une batterie... mais par un malheur des plus singuliers, les Chefs des trois Colonnes... furent tués ou blessés... Les Colonnes... se mêlèrent [et soutinrent un feu terrible... Munich et les Généraux... ayant remarqué le desordre (велѣли отдать приказаніе къ отступленію)]: les soldats ne voulurent pas leur obéir, et (p. 103) firent dire, qu'ils se feraient plutôt assomer sur la place, que de reculer d'un pas. Le Général de Lascy fut enfin obligé d'y aller lui-même pour persuader les soldats de se retirer; ils lui obéirent.

наилучшемъ порядкѣ подведены уже были почти къ подошвѣ укрѣпленій, и нападеніе одной колонны съ столь хорошимъ произведено успѣхомъ, что нѣкоторые гренадеры вошли уже на валъ и завладѣли одною батареею. Но какъ по несчастію предводители двухъ [1]) другихъ колоннъ убиты непріятелемъ, войска пришли въ безпорядокъ... съ нашей стороны убито великое множество людей потому наиболѣе, что ожесточенные солдаты лучше желали погибнуть на мѣстѣ, гдѣ сильнѣйшій огонь производился, нежели отступить и (стр. 40) жизнь свою спасать; даже оставшіеся въ живыхъ послушались не прежде, пока подоспѣвшій туда генералъ Лассій ихъ не уговорилъ.

Уронъ со стороны русскихъ при атакѣ Гагельсберга доходилъ, согласно Запискамъ Миниха-сына (стр. 40) отъ 900—1000 человѣкъ, а согласно Манштейну (стр. 103) онъ превышалъ 2000 солдатъ и 120 офицеровъ (въ „Accurate Nachricht“ стр. 585 приводится цифра 4000). Можетъ быть сынъ повторяетъ тутъ совершенно простодушно и довѣрчиво реляцію фельдмаршала, своего отца, который, будучи въ „огорченіи“, показалъ сначала уронъ меньше, нежели онъ былъ въ дѣйствительности (См. „Русскій Архивъ“ 1864 (II), стр. 516 и 518).

На стр. 41 (на верху) Минихъ-сынъ говоритъ о войскѣ, шедшемъ на выручку осажденнаго Данцига, подъ начальствомъ кастеллана Терскаго и которое было разбито генераломъ Ласси. Это мѣсто кажется лишь сокращеннымъ разсказомъ объ этомъ событіи Манштейна (стр. 96—98), съ тою разницею, что послѣдній сообщаетъ объ этомъ раньше, тогда какъ Минихъ-сынъ говоритъ о немъ хронологически слишкомъ поздно, послѣ другихъ событій.

Точно также онъ упоминаетъ (Записки Миниха-сына стр. 41) слишкомъ поздно и о прибытіи мортиръ, хотя не подлежитъ сомнѣнію, что онъ и въ этомъ случаѣ заимствуетъ свои свѣдѣнія у Манштейна:

---

[1]) Разница въ показаніи Миниха сына и Манштейна.

lanstein, 99 [1]).	Записки Миниха-сына, 41.
ıir plusieurs mortiers a poste; les chariots dans rent transportés étant passèrent sur les terres asse sous le nom des u Duc de Weissenfels. arrivèrent le 19 Av-	Такожъ между симъ [1]) временемъ получилъ онъ 200 бомбъ купно съ 4 мортирами [2]) присланныхъ къ нему скрытно отъ короля Августа изъ Саксоніи на почтовыхъ коляскахъ, и подъ названіемъ багажа герцога Вейссенфельскаго.

41 и 42 Записокъ Миниха мы встрѣчаемъ также разнѣнно заимствованный у Манштейна (Mém. 104 и 105). мѣста сходны почти буквально, какъ напр.:

lanstein, 105.	Записки, 42.
ent... droit aux retranasses... Les Français... un abatis de bois qui tranchement s'avancèrent as du retranchement... es... continuèrent de faire rtrier. Les Français.. urs efforts inutiles etc.	Плело... повелъ ихъ прямо къ ретраншаменту. Напереди его сдѣланъ засѣкъ изъ вырубленныхъ деревъ и сучьевъ. Французы, не смотря на сильный, противъ нихъ производимый, огонь, пробралйсь сквозь... засѣкъ... Дошедъ до крутизны ретраншамента, Г. Плело усмотрѣлъ поздно, что тутъ дѣлать нечего, и проч.

скахъ Миниха, на стр. 43, говорится ошибочно, что ейссенфельскій прибылъ два дня спустя послѣ ранцузами (происходившей 27 мая): между тѣмъ Манр. 104)—по всей вѣроятности вполнѣ справедливо отмѣрибытіе двумя днями раньше этого сраженія (25 мая). льно числа судовъ русскаго флота Записки Миниха Записки Манштейна (стр. 106) и „Accurate Na-.“ (стр. 98) находятся въ разногласіи.

что Эрнстъ Минихъ разсказываетъ по поводу неожиданія со стороны француза Бараля [3]) на русское

тейнъ заимствуетъ это мѣсто изъ „Accurate Nachricht von der anzigs“, стр. 51, гдѣ сказано, однако, что было всего двѣ мор-какъ Минихъ упоминаетъ о четырехъ. Справедливо-ли его этомъ случаѣ, мы не можемъ сказать.

ртиры прибыли уже 19 апрѣля. Но Минихъ-сынъ полагаетъ онѣ прибыли лишь послѣ атаки на Гегельсбергъ (про-мая).

мъ событіи см. также „Замѣчанія на Записки Манштейна“, выше, стр. 147.

судно, бывшее подъ командою Фремери, вовсе не упоминается у Манштейна, а въ „Belagerung Dantzigs“ на стр. 602 сказано объ этомъ весьма кратко, безъ упоминанія этихъ именъ.

Страницѣ 44-й (сверху) Записокъ Миниха-сына соотвѣтствуютъ у Манштейна стр. 107, а въ „Осадѣ Данцига“ стр. 110 и 617, гдѣ описана и капитуляція французовъ.

Слѣдующее мѣсто также заимствовано у Манштейна:

Manstein, 107.

Le 28 le Magistrat de Dantzig envoya des Deputés au Comte de Munich pour parlementer; mais on ne leur voulut rien accorder sans la condition préliminaire de livrer le Roi Stanislas, le Primat, le Marquis de Monti etc.

Записки, 44 и слѣд.

Наконецъ магистратъ получилъ также дозволеніе прислать изъ нѣсколькихъ депутатовъ въ главную квартиру... для переговоровъ. Предложенныя отъ отца моего и основаніе оныхъ условія были слѣдующія: Станислава, Примаса государства, маркиза де Монти выдать...

Дальнѣйшія условія, о которыхъ говоритъ вслѣдъ за тѣмъ авторъ Записокъ, не встрѣчаются у Манштейна и они взяты, вѣроятно, изъ „Осады Данцига“, точно также какъ и разсказъ о побѣгѣ Станислава при помощи генерала Штейнфлихта, о чемъ не упоминаетъ Манштейнъ, но о чемъ говорится въ другихъ источникахъ, гдѣ генералъ этотъ названъ даже по имени.

О денежной пенѣ въ размѣрѣ одного милліона (Зап. Миниха-сына, 45) упоминаетъ также Гемпель [1]), стр. 239.

Письмо маркиза де Монти къ фельдмаршалу Миниху, содержаніе котораго передано въ Запискахъ его сына (стр. 45), напечатано въ „Accur. Nachr. v. d. Belagerung Dantzigs“, стр. 312—316; слѣдовательно гр. Эрнстъ Минихъ пользовался, вѣроятно, и этимъ сочиненіемъ непосредственно.

2-е письмо маркиза, о которомъ говорится въ Запискахъ (стр. 45), также напечатано въ „Осадѣ Данцига“, стр. 626.

О денежной пенѣ, наложенной на городъ за колокольный звонъ (Записки 45 и 46) и за побѣгъ Станислава, также упоминается въ „Осадѣ Данцига“, стр. 323 и 325. Объ этихъ фактахъ Манштейнъ умалчиваетъ; онъ упоминаетъ (стр. 108), правда, объ аресто-

---

[1]) Phleme (псевдонимъ Hempel'a): Leben, Thaten und betrübter Fall des weltberufenen Russ. Grafens Burchard Christophs von Münnich (Bremen, Braunschweig und Leipzig, 1742 и 1743).

ваніи маркиза въ Торнѣ (ср. „Осада Данцига“, 766), но не говоритъ о его пребываніи въ Эльбингѣ (Записки, 46), о чемъ упомянуто въ „Осадѣ Данцига“, (стр. 962).

Въѣздъ Миниха въ городъ и благодарственное молебствіе (Зап., 46, внизу), прибытіе короля Августа въ монастырь Олива и большой банкетъ (Зап., 46): все это мы находимъ также въ „Accurate Nachricht von d. Belagerung Dantzigs“, стр. 135, 136, 139. Награды, пожалованныя Миниху, описаны также въ Осадѣ Данцига, 171, и въ Запискахъ, 46, одинаково.

... München... bekam von Ih. Mat. einen mit kostbaren Brillanten versetzten Stock und Degen.	... король... пожаловалъ шпагу и трость, драгоцѣнными каменьями осыпанныя, въ подарокъ.

Сопоставимъ теперь все то, что мы могли замѣтить при нашемъ изслѣдованіи.

Разсказывая о военныхъ событіяхъ, сопровождавшихъ осаду Данцига, Минихъ-сынъ основывался въ своихъ Запискахъ на описаніи Манштейна, который заимствуетъ свои свѣдѣнія исключительно изъ „Accurate Nachricht von der Russisch und sächsischen Belager-und Bombardirung der Stadt DANTZIG“. (Cöln, bei Hans Paul Merian, 1735 ff.), но онъ передаетъ факты по большей части весьма кратко; а въ концѣ своего разсказа, Минихъ, безъ сомнѣнія, пользовался неоднократно самымъ текстомъ „Accurate Nachricht etc“.

Разумѣется, это не исключаетъ возможности того, что Минихъ-сынъ былъ знакомъ и съ другими сочиненіями объ этой эпохѣ, которыхъ появилось тогда весьма много.

Хронологическія данныя, сообщаемыя имъ, не всегда отличаются точностью; въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ онъ отступаетъ отъ Манштейна, приводя нѣкоторыя числа, Минихъ руководствовался, по всей вѣроятности, словесными разсказами своего отца, который сообщилъ ему, безъ сомнѣнія, весьма многое объ этихъ событіяхъ, а можетъ быть авторъ Записокъ заимствовалъ приводимыя имъ числа изъ какихъ-нибудь реляцій. Но вообще надобно замѣтить, что его разсказъ лишенъ оригинальности во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ онъ описываетъ военныя событія, и поэтому онъ не можетъ быть причисленъ въ этомъ случаѣ къ числу первоисточниковъ.

III.

Разсмотримъ теперь исторію походовъ 1736—1739 гг., о которыхъ также повѣствуетъ графъ Эрнстъ Минихъ, хотя онъ и не принималъ въ нихъ участія. Откуда-же заимствовалъ онъ свои свѣдѣнія?

1) Во первыхъ, необходимо допустить, что онъ читалъ тѣ реляціи, которыя посылались во время войны ко двору; затѣмъ, что онъ просмотрѣлъ съ особеннымъ вниманіемъ все то, что было написано объ этихъ событіяхъ короткое время спустя, такъ какъ эти разсказы касались его отца, и съумѣлъ заручиться разсказами частныхъ лицъ; наконецъ, онъ навѣрно разспрашивалъ о многомъ и у самаго отца своего. Кромѣ того, въ военное время, мы узнаемъ многое по слухамъ, хотя не всегда можемъ сказать гдѣ именно слышали то или другое извѣстіе.

2) Походъ 1736 года (Записки Миниха-сына, стр. 49—52 и 54—56).

Въ описаніи главныхъ событій мы не встрѣчаемъ тутъ ничего новаго. Многія мѣста сходствуютъ буквально съ существующими, извѣстными, разсказами объ этомъ походѣ или въ общемъ весьма напоминаютъ ихъ. О причинахъ, вызвавшихъ эту войну, говорится: у Манштейна [1]), стр. 116, и въ Запискахъ Миниха-сына, 49 и 50.

Les incursions que les Tartares avoient faites en différentes fois dans les Provinces russes... car la Cour de Pétersbourg, ayant fait des plaintes à celle de Constantinople, n'eut pas de réponse satisfaisante.

Татары, которые... частыя на пограничныя провинціи чиня нападенія... какія ни были на то дѣланы Портѣ Оттоманской представленія, но всегда понапрасно.

О лунномъ затмѣніи, о которомъ упоминается въ Запискахъ Миниха-сына, на стр. 50, Манштейнъ ничего не говоритъ, но мы находимъ о немъ замѣтку въ дневникѣ [2]) Юнкера (стр. 160). Далѣе сходствуютъ:

---

[1]) Лейпцигъ, 1771, французское изданіе Губера.

[2]) Изданномъ ошибочно подъ именемъ фельдмаршала Миниха въ „Beiträge zu der Geschichte des russischen Reichs“ Hermann'a, Leipzig, 1843, стр. 119—229. Сравни Russische Revue, 1886, IV, стр. 469).

Manstein, 140.

ıgueur de ces lignes est de
:s, ou près de 2 lieues de Fran-
ndant de la mer d'Azoph,
; Meotides, jusqu'à la Mer
.a largeur du fossé est de
:s, sur 7 de profondeur
ущее предложеніе). Il n'y a
seule entrée par le grand
e la ville de Perecop, qui
rise dans les lignes.

Записки, 57.

Сей сухой ровъ, пресѣкающій Крымскій перешеекъ и содержащій въ длину семь верстъ или одну нѣмецкую милю, простирается отъ Чернаго, даже до Азовскаго моря: ширина онаго содержитъ 12 и глубина 7 сажень. На немъ находится одинъ токмо каменный мостъ, и на той сторонѣ моста лежитъ крѣпость Оръ, иначе Перекопъ именуемая.

:аніе добычи (Зап., 52, внизу): ханской кареты и зри-
й трубы также сходно съ описаніемъ Юнкера (191).

Juncker, 191.

anges Englisches Perspec-
, ...dessen sich hernach
:ldmarschall selbst die
:ne über bediente.

Записки, 52.

... зрительная трубка... англинской работы, и столь хорошая, что отецъ мой... въ слѣдующихъ походахъ никакой другой кромѣ сей не употреблялъ [1]).

дующее мѣсто заимствовано несомнѣнно у Манштейна:

Manstein, 143.

magazins n'y étaient pas
n fournis: mais on trouva
place et dans les tours 60
le canons, parmi lesquel-
:n avoit aux armes russes;
aient été perdues dans les
reuses marches que le
Gallitzin fit en Crimée le
assé.

Записки, 52.

Тамошній магазинъ найденъ съ худымъ запасомъ; но что касается до артиллеріи, Россіяне получили въ добычу 60 пушекъ, между которыхъ иныя имѣли Россійскія клейма, и попали сюда въ прошломъ еще столѣтіи, послѣ несчастнаго похода въ Крымъ подъ предводительствомъ князя Василья Васильевича Голицына.

be:

Manstein, 144.

Lieutenant-Général de
w fut détaché, avec 10000
; de troupes etc., du côté de
rn, petite ville fortifiée,
ers l'embouchure du Dnie-
-à-vis d'Otschakow...

Записки, 54.

... отряженъ генералъ-поручикъ Леонтьевъ съ нѣсколькими тысячами человѣкъ войска подъ Кинбурнъ, укрѣпленное мѣсто, лежащее при устьѣ Днѣпра, насупротивъ Очакова...

ромѣ того, Минихъ-сынъ, вѣроятно, и самъ видѣлъ впослѣдствіи всѣ
ı.

Юнкеръ также говоритъ (стр. 211 и 213), что русскіе нашли въ Бахчисараѣ [1]) только нѣсколько католическихъ патеровъ, немногихъ евреевъ и одного французскаго консула. (Записки Миниха, 54).

О фонтанѣ въ ханскомъ дворцѣ Минихъ-сынъ и Манштейнъ говорятъ одинаково.

N. E. Fama, Thl. 18, S. 460.

... ein Bassin vom weissen Marmor, in der Mitte des Saals... aus welchen... das Wasser in kleinen Fontainen spielete.

Записки Миниха, 54.

На среднемъ дворѣ стояла баня мраморная, въ которой самая чистая вода фонтанами била.

Manstein, 154.

... la ville d'Achmezet... Résidence du Calga-Sultan.

Записки, 54.

Ахмечеть, обыкновенное мѣсто пребываніе... Калга-султана...

Manstein, 155.

l'Armée ne vit plus l'ennemi que de loin, et divisé en petits partis... un tiers en (de l'Armée) était malade et la plupart des soldats étoient si faibles, qu'à peine pouvoient-ils se trainer. J'ai parlé... des causes de ces maladies, auxquelles se joignirent encore les chaleurs.

Записки, 54 и 55.

Непріятель показывался оттуда арміи не иначе, какъ малыми толпами и при томъ издали... ...отъ жаровъ и суши... произшедшія въ арміи болѣзни усилились столько, что и половины здоровыхъ не находилось; да и сіи отъ безсилія едва ходить могли.

Изъ этихъ примѣровъ видно, что Минихъ-сынъ несомнѣнно былъ знакомъ съ важнѣйшими сочиненіями, въ которыхъ описывались эти событія, но что онъ передаетъ лишь вкратцѣ наиболѣе замѣчательные моменты этихъ событій. Онъ остерегается вообще списывать буквально, а старается переиначить и передѣлать выраженія, встрѣчаемыя имъ въ источникахъ, которыми онъ пользуется. Такимъ образомъ въ этомъ отношеніи его разсказъ не представляетъ ничего новаго и самостоятельнаго.

Что Минихъ читалъ много историческихъ сочиненій о той эпохѣ, видно по 53 стр. его Записокъ, гдѣ, по поводу событій въ Курляндіи онъ отсылаетъ читателей къ этимъ сочиненіямъ: „объ

---

[1]) Дворецъ тамошняго хана описанъ Манштейномъ особенно подробно и это описаніе помѣщено въ приложеніи къ дневнику Юнкера. (Напечатано въ „Hermann's Beiträge", стр. 230 и слѣд., а также въ „Neue Europäische Fama, Thl. 18, стр. 458 и слѣд.).

всемъ оном̀ъ въ разныхъ періодическихъ сочиненіяхъ подробнѣйшія содержатся извѣстія".

3) Обратимся теперь къ исторіи похода 1737 г., главныя военныя дѣйствія котораго сосредоточивались вокругъ турецкой крѣпости Очакова (Записки, стр. 56—64).

Изъ предъидущаго обзора мы уже видѣли, что Записки графа Эриста Миниха, мѣстами, почти отъ слова до слова походятъ на разсказъ Манштейна и высказали поэтому предположеніе, что онъ пользовался, вѣроятно, его Записками. Такъ какъ Манштейнъ заимствовалъ большую часть своихъ свѣдѣній изъ постороннихъ источниковъ, которыми могъ пользоваться, въ свою очередь, и Минихъ-сынъ, то это сходство ихъ Записокъ не исключаетъ, разумѣется, возможности того, чтобы Эрнстъ Минихъ пользовался для своей компиляціи непосредственно тѣми-же источниками. Но мы находимъ въ его Запискахъ и такія мѣста, которыя составляютъ собственность Манштейна и не встрѣчаются въ реляціяхъ и журналахъ арміи, которыми Манштейнъ пользовался обыкновенно, разсказывая о текущихъ военныхъ событіяхъ; Манштейнъ самостоятеленъ въ своихъ размышленіяхъ и въ нѣкоторыхъ описаніяхъ, наприм. въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ онъ описываетъ степь и т. п. Встрѣчая въ Запискахъ Миниха-сына эти описанія Манштейна, переданныя почти буквально, мы уже не можемъ ни на минуту сомнѣваться въ томъ, что Минихъ пользовался его Записками непосредственно. Читая подобныя мѣста, кажется невольно, что тутъ говоритъ очевидецъ, а между тѣмъ это говоритъ Минихъ, а не Манштейнъ. Правда, онъ прибавляетъ иногда отъ себя нѣкоторыя мелочи, которыя онъ могъ знать по наслышкѣ, или выражаетъ ту-же самую мысль однозначущимъ словомъ (синонимомъ) и опредѣляетъ величину предметовъ другой, равнозначущей мѣрой, или же, дѣлаетъ, наконецъ, перестановку фразъ. Слѣдующія мѣста поясняютъ это наглядно:

Manst. 181.	Записки, 56 и 57.
Pour donner une idée de la fertilité... il suffit de dire, que les herbes y croissent de la hauteur d'un homme de la plus grande taille.	Трава на ней растетъ столь высокая, что достаетъ по самое брюхо [1]) лошадямъ, и при томъ весьма питательна.

[1]) Здѣсь принята другая мѣра и Минихъ старается выразиться независимо отъ Манштейна.

Manst. 181.

Il y a des asperges en grande quantité.

Le gibier, comme lièvres, perdrix, coqs de bruyère etc. s'y trouve en très-grande quantité; les soldats en prennent en abondance avec leurs mains.

Записки, 57.

Грунтъ земли вообще плодоносенъ такъ, что произрастаетъ не токмо лучшую спаржу и т. д. [1])

Дичины, какъ-то зайцовъ, рябчиковъ, куропатокъ и перепеловъ, находится тамъ превеликое множество и къ ловлѣ столь непріобычны, что солдаты нерѣдко, окруживъ зайца, хватали руками.

Цифры, обозначающія численность арміи (Зап., 57) по существу также весьма подходятъ къ даннымъ, сообщаемымъ Манштейномъ (194, сверху).

Далѣе:

Manst. 179 f.

...faute de bois et d'eau: car on fait souvent 4 à 5 lieues sans voir une seule broussaille, ni la moindre petite rivière... On charioit aussi un gran tonneau d'eau par compagnie, pour avoir de quoi donner à boire aux soldats pendant la marche. Les tonneaux avoien encore un autre usage: ... on (les) employoit à fairedes ponts... et on ne se servoit des pontons que pour le gros équipage.

Записки, 57.

... также многія порожжія бочки, которыя распредѣлены по всѣмъ провіантскимъ фурамъ по одной на каждую; въ сихъ бочкахъ везли воду, когда разстоянія пространства земли между рѣкъ попадались обширныя, и въ потребномъ случаѣ можно было употребить ихъ также для настилки понтонныхъ мостовъ: . . . .

. . . . . .

Manst. 178.

...l'armée formait un ou plusieurs carrés, tenant les équipages au milieu.

Записки, 58.

подвигалась армія въ видѣ баталіона каре, въ срединѣ коего находился провіантъ, артиллерія и весь обозъ

Manst. 181.

Les Tartares mettent souvent le feu aux herbes, pour ôter le fourage à leurs ennemis; et si l'on ne sait pas se garantir de cet incendie, tout le camp risque d'être brûlé.

Pour éviter cela, M. de Munich ordonna, qu'il y eut un gran balai sur chaque chariot, pour s'en servir à

Записки, 58.

Сверьхъ того, для отвращенія опасности настоящей въ томъ, чтобы отъ загаранія травы не учинился вредъ провіанту... повелѣно и накрѣпко подтверждено, чтобы немедленно копать широкіе рвы, кромѣ, что въ каждомъ полку имѣлось въ готовности извѣстное число

---

[1]) Плоды, о которыхъ упоминаетъ затѣмъ Минихъ, были, можетъ быть, описаны ему кѣмъ-нибудь другимъ; а можетъ быть о нихъ говоритъ и Манштейнъ, только въ иномъ мѣстѣ.

éteindre le feu. Il fallait aussi remuer la terre, de la largeur de 2 pieds, autour du camp.

метелъ... которыми солдаты помянутый огонь тушить обязаны были.

Нижеслѣдующій примѣръ заставляетъ насъ признать, что Миниxъ-сынъ пользовался одинаково какъ Записками Манштейна, такъ и его источникомъ, журналомъ арміи [1]); это очевидно по нѣкоторымъ мѣстамъ, которыя у Манштейна не выписаны изъ журнала, но которыя переданы въ Запискахъ Эрнста Миниха:

Manst. 198.

Le 10 l'Armée se mit en marche et comme elle n'étoit éloignée que de trois lieues d'Otschakow, on vit bientôt les Gardes avancées de l'ennemi. Les Cosaques vinrent aux mains avec eux, et après une escarmouche fort chaude, ils furent obligés de plier. (M. Stoyanow, colonel des Hussards, accourut... pour soutenir les Cosaques... непріятели получили secours de la ville...).

Записки, 58.

Когда армія маршируя... достигла разстояніемъ на три мили по сю сторону отъ Очакова, то въ первый разъ показались тутъ Турки... высланы противъ нихъ (гусары и) Донскіе козаки, которые по кровопролитномъ сраженіи принудили ихъ возвратиться въ городъ.

Journal der Armee 1737.

(Abgedruckt bei Schmidt - Phiseldek, Materialien zu der russischen Geschichte, II, 564).

Einer [2]) dieser Gefangenen ein Verwandter eines bei dem Gross-Vezier befindlichen Tschaus-Bascha versicherte, dass Er selber Tages vorhers mit dem Succurs... unter Oczakow angekommen, u. mithin der Feind unter Oczakow an die 20,000 Mann stark wäre u. dass Ihrer 5,000... Heute dato... ausgerücket wären.

Записки, 58.

Одинъ взятый... въ плѣнъ Татарскій Мурза объявилъ, что 3-хъ бунчужный Сераскиръ Паша за нѣсколько дней туда пріѣхалъ; что гарнизонъ въ городѣ состоитъ слишкомъ изъ 20 тысячъ человѣкъ и что вскорѣ ожидаютъ туда еще нарочитаго вспоможенія.

[1]) О журналѣ арміи говорится въ „Russische Revue“ (XXVI) 1886, стр. 325 и 326.

[2]) Манштейнъ (198) говоритъ: четыре офицера объявили; остальное вполнѣ согласуется съ журналомъ.

Слѣдующее мѣсто могло быть заимствовано одинаково у Манштейна или изъ журнала арміи.

Manst. 199.

(Journal, Schm. Phis., II, p. 565).

Le Maréchal tint grand conseil de guerre, où il fut résolu d'attaquer la ville avec la dernière vigueur, avant l'arrivé des nouveaux renforts qu'on y attendoit, ou même avant l'approche de toute l'Armée turque, qui s'assembloit... pour venir au secours...

... l'Armée... occupa tout ce terrain, entre le Liman (c'est ainsi qu'on nomme l'embouchure du Dnieper) et la mer noire.

Записки, 59.

... Отецъ мой представилъ состоящимъ подъ его командою генераламъ, что хотя еще не подоспѣли потребныя къ осадѣ орудія, везомыя Днѣпромъ, однако онъ мнѣніемъ своимъ полагалъ, что нужно городъ замкнуть и пересѣчь путь приближающемуся вспомогательному войску... Очаковъ лежитъ на углу, который составляется отъ устья Днѣпра, именуемаго въ семъ мѣстѣ Лиманомъ, и отъ берега Чернаго моря.

О внѣшнемъ видѣ и о самомъ типѣ Очаковской крѣпости (Зап., 59) Эрнстъ Минихъ разспрашивалъ, вѣроятно, очевидцевъ, хотя можетъ быть онъ воспользовался и въ этомъ случаѣ описаніемъ Манштейна и реляціями.

Journal (Schm. Phis. II, 507).

...bestunde das Terrain aus Gärten, daran ein jeder Garten eine Redoute ausmachete.

Dass der Feind aus einem Garten in den andern „wiche", dass vor einbrechender Nacht die „feindliche Macht" zu weichen gezwungen, die Unsrigen aber bis auf den Musqueten-Schuss [2]) angerückt waren.

Записки, 59.

Россійская же армія, прогнавъ всѣхъ турокъ изъ ихъ редутовъ, которые въ окрестныхъ садахъ города находились, остановились при наступающей ночи разстояніемъ на одинъ пушечный [1]) выстрѣлъ отъ города.

Manst. 207.

Il (le Gouverneur) envoya en même tems au Comte de Munich son Basch-Tschaus, ou aide de camp général, pour lui demander une suspension d'armes de vingt-quatre heures. Sa demande fut rejettée, et on lui fit dire de se rendre prisonnier de guerre avec sa garni-

Записки, 59 и 60 [3]).

Сіи печальныя обстоятельства побудили Сераскира выслать одного депутата и просить перемирія на 24 часа. Отвѣтъ на сіе былъ, чтобы онъ со всѣмъ гарнизономъ своимъ отдался въ военный плѣнъ, и на размышленіе дано ему не больше времени, какъ одинъ

[1]) „Записки" стремятся по болѣшей части дать передѣлку источника.

[2]) Манштейнъ (199): Avancée jusqu'à la portée du canon d'Otschacow (подойдя къ Очакову на разстояніе пушечнаго выстрѣла).

[3]) Хронологія Миниха-сына здѣсь сомнительна.

son, et qu'on ne lui donnoit qu'une heure pour se décider, après quoi il n'y auroit plus de quartier à espérer.

Le Seraskier et une partie de la garnison étoient sortis de la place pour se sauver sur les galères... Les Cosaques et les Hussards voyant que les Turcs cherchoient à s'évader, fondirent sur eux.

часъ, съ такимъ напоминаніемъ, что есть-ли онъ прежде исхода часа не рѣшится, то ни единый человѣкъ пощаженъ не будетъ.

Но какъ послѣ провѣдали, что Сераскиръ обрѣтался на той сторонѣ крѣпости у берега и съ нѣсколькими людьми покушался убѣжать на галерахъ, то за нимъ въ догоню посланы гусары и козаки;

То, что говорится (Записки Миниха-сына, стр. 60) о храбрости фельдмаршала, который собственноручно водрузилъ будто-бы знамя, подтверждается также австрійцемъ Berenklau (напечатано въ журналѣ Woltmann'a „Geschichte und Politik", 1801, II, стр. 170) и графомъ Сольмсомъ (Solms) (см. Вольтманъ, 1800, II, стр. 186); то, что сказано (Зап., 60) о ранахъ, полученныхъ Heimburg'омъ („Hoimburg" у Манш.. 209), Кейтомъ и Левендалемъ (Зап., 60) и др., описано также Манштейномъ (208, внизу, и 209), только менѣе подробно. За то слѣдующія подробности мы встрѣчаемъ только въ журналѣ арміи, но отнюдь не у Манштейна.

Journal bei Schm. Phiseldek, S. 569. (Mater. II).

...von beiden Seiten... die Patronen verschossen wurden... die Türken wurffen mit Schauffeln, Zacken, Beilen, Steinen und Erde um sich...

Записки, 60 и 61.

...непріятели за недостаткомъ въ порохѣ бросали вокрестъ топорами, крючьями и лопатами...

Далѣе сходны:

Manst. 208.

Environ 2,000 personnes trouvèrent moyen d'atteindre les galères et de se sauver. Il y en eut bien autant de noyées, elles s'étoient jettées dans la mer, dans l'espérance de joindre à la nage les bâtiments, qui voyans la ville prise, levèrent l'ancre et gagnèrent le large.

Записки, 61.

Около 2000 человѣкъ турокъ убѣжавшихъ... къ морскому берегу, спаслись удачливо на своихъ галерахъ. Но почти столько же народа плывучи къ онымъ пребѣдственно потонули: ибо всѣ суда.. поднявъ якори, отвалили отъ береговъ съ величайшею поспѣшностію.

Характеристика сераскира (Зап., 61) также сходствуетъ почти буквально съ тѣмъ, что говоритъ о немъ Манштейнъ (стр. 209).

Разсказъ Миниха (стр. 62) о благодарственномъ молебствіи, которое было отслужено, и о троекратномъ бѣгломъ огнѣ, не упоминается у Манштейна, но заимствованъ Минихомъ, вѣроятно, изъ журнала арміи (Schmidt-Phiseldek, Materialien, II, 571, внизу).

Анекдотъ объ остротѣ плѣннаго сераскира, который на вопросъ о томъ, считаетъ-ли онъ русскихъ храбрыми, отвѣчалъ: если-бы они не были храбры, то я не стоялъ-бы здѣсь (Зап., 62) передается также графомъ Сольмсъ-Вильденфельсомъ [1]) (Вольтманъ, „Gesch. und Politik“, 1800, II, стр. 188), отъ котораго Минихъ-сынъ вѣроятно и слыхалъ его и отъ котораго, мы полагаемъ, онъ получилъ также рукопись Записокъ Манштейна, ибо послѣдній передалъ ихъ графу Сольмсу на храненіе, съ условіемъ „не обнародовать ихъ до смерти фельдмаршала“ [2]).

Эрнстъ Минихъ черпаетъ, безъ сомнѣнія, изъ журнала арміи слѣдующее мѣсто, не встрѣчающееся у Манштейна:

Journal d. A. (Schm. Phiseld. II, 571).	Записки, 62.
... auf den Abend wurde der Gen.-Adjutant v. Wildemann mit dem Raport von diesem Sieg an Ihro Kais. Majest. nach St. Petersburg abgefertiget.	Съ извѣстіемъ о сей важной одержанной побѣдѣ отправилъ ко двору отецъ мой своего тогдашнаго генералсъ-адъютанта (и роднаго племянника) подполковника Вильдеманна...

То, что мы читаемъ на стр. 62 (внизу) и на стр. 63, передано въ главныхъ чертахъ у Манштейна на стр. 212, 213 и 216.

Для разсказа о сраженіи Штоффельна (Зап., 63) съ турками (также у Манштейна, 232) Минихъ-сынъ могъ также воспользоваться тѣмъ „радостнымъ донесеніемъ“ этого генерала фельдмаршалу, о которомъ онъ упоминаетъ.

Конгрессъ въ Немировѣ (Зап., 64) описанъ весьма сходно у Манштейна (251, 252), въ особенности то мѣсто, гдѣ передается мнѣніе фельдмаршала.

Такимъ образомъ оказывается, что и для этого разсказа, который по содержанію совершенно сходенъ съ другими повѣствованіями,

---

[1]) Гр. Сольмсъ, зять (beau fils) фельдмаршала Миниха, какъ мы уже говорили.

[2]) Ср. Russ. Revue, 1886, IV, стр. 488.

трактующими о походѣ 1737 года, Миниху несомнѣнно послужили основаніемъ какъ Записки Манштейна, такъ и пространный источникъ послѣдняго, журналъ арміи.

IV.

Походъ 1738 года, во время котораго графъ Эрнстъ Минихъ путешествовалъ за границей, описанъ имъ весьма поверхностно, всего на двухъ страницахъ (65—66), и онъ упоминаетъ лишь о главныхъ событіяхъ этого похода. Однако, по слѣдующему мѣсту, въ которомъ говорится о прохожденіи русскихъ черезъ польскую землю, не трудно убѣдиться, что источникомъ служилъ для него опять-таки Манштейнъ.

Manst. 274 f.

Le Grand-Général de la couronne, Comte Pototzky, envoya faire ses plaintes à M. le comte de Munich sur ce sujet...

275. l'Impératrice répondit, ...que cependant, s'il y avait eu du désordre, ou qu'on y eut fait le moindre dégât, elle s'obligeoit de réparer tout le dommage.

Записки, 66.

Хотя коронный гетманъ графъ Потоцкій и дѣлалъ на то возраженіе отъ имени Республики; но въ отвѣтъ ему сообщено... что въ проходъ арміи... въ случаѣ причиненнаго какого-либо вреда за весь убытокъ заплачено быть имѣетъ.

Походъ 1739 года (Записки, стр. 74—79).

Описаніе (Зап., 74) начала и дальнѣйшихъ событій этого похода представляетъ по существу лишь сокращенный разсказъ Манштейна (Manst., стр. 284, 286, 287, затѣмъ стр.286 и 287) [1]). Весьма сходны между собою слѣдующія фразы:

Manst, 288.

..il y eut plusieurs jours de pluies, ce qui fit..enfler le fleuve... Ces mêmes pluies retardèrent aussi la marche de l'armée qui suivait avec la grosse artillerie, les bagages & le magazin de vivres; elle ne put arriver sur le Dniester que le 7 août.

Записки, 74.

... отъ наступившихъ нечаянно дождей вода въ Днѣстрѣ поднялась весьма высоко, такъ что прошло нѣсколько дней, пока остальная часть арміи съ артиллеріею и багажемъ присоединиться къ нему могла. Но какъ скоро сіе учинено, и т. д.

---

[1]) Правда, у Манштейна не сказано, что пѣхотинцы при переправѣ черезъ Днѣстръ садились на лошадей къ драгунамъ.

Описаніе битвы подъ Ставучанами, происходившей 17 августа 1739 г. [1]) (Записки М.-с., стр. 75—76), составляетъ также краткое извлеченіе изъ Манштейна (295 и слѣд.); а послѣдній заимствовалъ, въ свою очередь, многое изъ журнала арміи (см. Neue Europäische Fama, Thl. 53, 432 и пр., и Russ. Revue. 1886, IV, 480). Поэтому многія мѣста чрезвычайно сходны между собою.

Manst. 295.

Le Maréchal eut avis que l'armée ennemie venoit d'occuper un camp fort avantageux sur une hauteur..

296.

...voyant l'Armée russe si bien en fermée...

298.

Les Janissaires, le sabre à la main, s'avancèrent résolument et attaquèrent les Gardes et l'Infanterie. ...sur les sept heures du soir, les Russes eurent gagné les hauteurs et ...furent entrés dans le camp.

Записки, 75.

... отецъ мой... нашелъ, что турки превыгодное имѣютъ положеніе. Укрѣпленный станъ ихъ занималъ вершину горы... окружили они Россійскую армію...

75.

Нѣсколько тысячь янычаръ, голыми руками держа сабли, бросились съ горы прямо на нее. ...Въ вечеру вся армія взошла на гору и въ непріятельскомъ лагерѣ расположилась.

V.

Движеніе войска къ Хотину, взятіе этой крѣпости и артиллерія, найденная тамъ (Зап. М.-с., 76) описаны точно также, только еще болѣе обстоятельно, у Манштейна (стр. 300—302), который во всякомъ случаѣ почерпнулъ большую часть этихъ свѣдѣній изъ журнала арміи.

За то въ слѣдующихъ описаніяхъ Минихъ-сынъ несомнѣнно пользовался журналомъ арміи, какъ источникомъ; по крайней мѣрѣ мы не находимъ у Манштейна всего того, что здѣсь говорится:

---

[1]) По старому стилю. Въ началѣ своихъ записокъ Минихъ приводитъ всѣ числа по новому стилю. Авторъ не особенно строго придерживается хронологіи, которая, вообще, не можетъ назваться у него безупречной.

ler Armee („Neue Europäische ama", Theil 53, p. 443[1]).

gsgefangene:) Die Weiber bs-Weiber des Kalczack- nebst dessen eintzigen Mehmed-Bey ...wurden zu ee genommen, um nach der erlassen zu werden. Es es dem Pascha... auf sein in- s Begehren verwilliget wor- dem er vorstellte: Es wäre wenn er nehmlich seine e nach der Türkey zurück e, das einzige Mittel, sich Pforte aus dem Verdacht zu eine Verrätherey begangen zu 441). Den 1. September, frühe lie Armee vor dem Lager ide aufgestellet, und das st gehalten...

Nach gehaltenem Gottes- wurden bei der Armee zu alen 101 Canonen, und von czimischen Festungswer- Canonen abgefeuert, und h durch die ganze Armee ifaches Lauffeuer gege- ie der Graf Münich vom bis zum linken Flügel vor ee passirte, folgte ihm der zack-Pascha, der Janitscha- , nebst den andern Tür- vornehmsten Officiers: bei Gelegenheit der Pascha s wäre zwar ihre, die feind- mee, an Türken und Tar- er 100,000 Mann stark ge- allein sie könnte einer Armee, bei welcher der am eingeführet wäre, nicht ehen, und unser Feuer nen zu stark.

Записки гр. Эрнста Миниха, 76.

Между плѣнными находились также наложницы паши и его сынъ Махметъ Бей, которые однако же, по усильнѣйшей ихъ прозьбѣ, получили дозволеніе отъѣхать въ Константинополь. Ибо упомянутый паша представлялъ, что отправленіе его семьи послужитъ единственнымъ средствомъ освободить его отъ подозрѣнія въ недостодолжномъ исполненіи своей должности.

На другой день... утромъ рано армія выступя изъ лагеря расположилась въ строй, и по отпѣтіи благодарственнаго молебствія выпалено изо 101 пушки съ Хотинской крѣпости [2]) при троекратномъ бѣгломъ огнѣ отъ всей арміи.

Потомъ отецъ мой, въ провожаніи паши, янычарскаго аги и другихъ знатнѣйшихъ турецкихъ чиновниковъ, поѣхалъ, всѣ верьхами [3]), отъ одного крыла на другое. При семъ случаѣ означенный паша отозвался, что хотя турецкая армія обще съ (стр. 77) татарами и составляла слишкомъ сто тысячъ человѣкъ, однако, признаться ему надобно, что невозможно было противустоять такому войску, какое онъ теперь видитъ, гдѣ толь хорошая дисциплина и послушаніе введены, присовокупя къ тому, что огонь россійской арміи несравненно превосходнѣе турецкаго.

Въ оный же день сей паша, Калчакъ ...обще съ нѣкоторыми дру-

тотъ журналъ арміи изданъ (въ извлеченіи) также на русскомъ ъ „Временникѣ" 19, „Смѣсь", стр. 23—36.

р. Эрнстъ Минихъ передаетъ здѣсь разсказъ не вполнѣ точно.

всѣ верьхами", добавлено Минихомъ.

Zu Mittage wurde die ganze Generalität und der Kalczach-Pascha, nebst einigen der vornehmsten gefangenen Türken bei dem Grafen Münich tractiret, und Ihro Kais. Maj. Gesundheit (unter Paucken u. Trompetenschall) getrunken.

гими турецкими плѣнниками, угощены отъ отца моего обѣденнымъ столомъ. Во время стола подносили имъ за здравіе императрицы, которое запивали они въ противность заповѣданія отъ Магомета, венгерскимъ виномъ изъ большихъ бокаловъ [1]).

Разсказъ объ отправленіи трофеевъ и плѣнныхъ (Записки, 77) заимствованъ изъ журнала арміи (N. E. Fama, 53, 443, срав. также Манштейна, 303), точно также какъ и описаніе подольской депутаціи (Зап., 77, N. E. F., 445) и по всей вѣроятности также и переправы черезъ Прутъ (срав. также Манштейна, 303).

Тутъ сдѣлано, безъ сомнѣнія, заимствованіе изъ той „реляціи" фельдмаршала, о которой упоминаетъ его сынъ (Зап., 78) и въ которой было сказано, что „поносный Прутъ сдѣланъ опять честнымъ".

Депутація молдаванъ, съ княземъ Кантакузепымъ во главѣ, явившаяся съ тѣмъ, чтобы присягнуть въ вѣрности Миниху и изъявить свою покорность императрицѣ, прибытіе арміи въ Яссы и пріемъ, оказанный митрополитомъ Миниху, ѣхавшему впереди арміи, всѣ эти событія (см. Записки, 78) заимствованы также изъ журнала арміи (N. E. F. 53, стр. 447, 448, 449). Манштейнъ [2]) говоритъ объ этомъ вкратцѣ и не называетъ напр. князя Кантакузена по имени (Манштейнъ 304).

Слѣдующее мѣсто еще болѣе убѣждаетъ насъ въ томъ, какимъ источникомъ пользовался авторъ:

Armee-Journal (N. E. F. 53, 449).

...alle... setzten sich sodann zu Pferd und begleiteten also den Gen.-Feld-Marschall bis in das Hospodars Pallast, wo er mit klingendem Spiel u. unter Abfeuerung der Canonen, auch unter grossem Zulauf des Volks und viel Glückwünschungen seinen Einzug hielt, u. s. w.

Записки, 79.

... и они поѣхали верьхами за отцемъ моимъ въ городъ до дворца бѣжавшаго господаря, гдѣ принятъ онъ при безпрерывной музыкѣ съ пушечною пальбою и съ радостнымъ восклицаніемъ многочисленнаго народа, и т. д.

---

[1]) Это послѣднее замѣчаніе приведено, вѣроятно, Минихомъ-сыномъ со словъ какого-нибудь разскащика, если оно не было плодомъ его собственной фантазіи.

[2]) Который также обыкновенно пользовался журналомъ арміи.

Мнѣніе, высказанное графомъ Эрнстомъ Минихомъ по поводу Бѣлградскаго мира (Зап., 79, сверху), напоминаетъ разсказъ генерала Манштейна (стр. 305, внизу).

VI.

Если мы обратимся теперь къ результатамъ нашего изслѣдованія, на сколько оно касается войнъ фельдмаршала Миниха, то мы увидимъ, что основаніемъ для Записокъ его сына, при изложеніи этихъ событій, служили обыкновенно Записки Манштейна, которыми было удобнѣе пользоваться, нежели необработанными и слишкомъ пространными источниками, каковы „Осада Данцига“ и „Журналы арміи“. Иногда-же Эрнстъ Минихъ заглядывалъ и въ эти источники, и мѣстами прямо выписывалъ изъ нихъ нѣкоторыя мѣста, желая сдѣлать свой разсказъ болѣе обстоятельнымъ, нежели у Манштейна, который не всегда приводитъ подробности, сообщаемыя въ этихъ источникахъ.

Дневникъ Юнкера также былъ, по всей вѣроятности, извѣстенъ графу Эрнсту Миниху.

Такимъ образомъ, оказывается, что описаніе войнъ, сдѣланное Эрнстомъ Минихомъ, не есть описаніе самостоятельное и представляетъ собою лишь компиляцію; но, во всякомъ случаѣ, онъ проявляетъ самостоятельность въ тѣхъ краткихъ разсужденіяхъ и замѣчаніяхъ, которыя онъ вставляетъ иногда въ свой разсказъ (напр., на стр. 57 и 64, онъ сравниваетъ русскую армію въ степи съ израильтянами въ пустынѣ и отца своего съ Моисеемъ). Впрочемъ, онъ вставляетъ эти незначительныя замѣчанія довольно рѣдко къ тому-же происхожденіе ихъ не можетъ быть выяснено; весьма возможно, что онъ и тутъ передаетъ чьи-нибудь постороннія слова.

Къ числу подобныхъ самостоятельныхъ замѣтокъ относятся и тѣ мѣста въ Запискахъ, гдѣ онъ говоритъ о впечатлѣніи, которое военныя событія производили при дворѣ, или описываетъ нѣкоторыя вещи, захваченныя въ видѣ добычи, которыя онъ, вѣроятно, самъ имѣлъ случай видѣть (сравн., напр., Зап., стр. 61: о молодомъ пашѣ, и 62: veni, vidi, vici) и проч. Во всякомъ случаѣ очевидно, что Записки графа Эрнста Миниха не могутъ служить для исторіи войнъ его отца фельдмаршала Миниха первоначальнымъ источникомъ.

Къ тому-же хронологія, какъ мы уже замѣтили, не всегда соблюдается въ нихъ особенно строго и соотвѣтственно послѣдовательности событій.

VII.

Намъ остается теперь выяснить лишь нѣкоторыя сомнительныя мелочи.

Напр., на стр. 80 Записокъ, графъ Эрнстъ Минихъ говоритъ: „разбитіе турецкаго войска подъ Ставасломъ", подразумѣвая подъ этимъ битву подъ „Ставучанами" (такъ она была уже названа въ Зап. М.-с. на стр. 75), тогда какъ первое изъ этихъ названій вообще неизвѣстно.

На стр. 9 противникъ его отца въ дуэлѣ названъ „Бонафу", тогда какъ Бюшингъ (Magazin, III, 394) называетъ его „Бонфусъ" (Bonnfus), а Галемъ [1]) (стр. 16)—„Боннфусъ" (Bonnfus).

Хотя подобныя мелочи весьма незначительны, тѣмъ не менѣе онѣ должны быть переданы правильно.

Записки гр. Эрнста Миниха писаны, по всей вѣроятности, не только по воспоминаніямъ, но отчасти и по замѣткамъ, занесеннымъ въ свое время въ дневникъ; это можно заключить по точному указанію чиселъ событій болѣе поздняго періода (напр. стр. 73, 83, 84 и пр.).

Главное достоинство Записокъ несомнѣнно заключается въ повѣствованіи о событіяхъ, происходившихъ при дворѣ послѣ турецкой войны, слѣдовательно въ описаніи кончины Анны Іоанновны, регентства Бирона, паденія Миниха и правленія Анны Леопольдовны. Разумѣется, авторъ не упускаетъ при этомъ случая упомянуть о фельдмаршалѣ Минихѣ.

Довольно трудно рѣшить, насколько графъ Эрнстъ Минихъ заслуживаетъ довѣрія въ томъ мѣстѣ своего разсказа, гдѣ онъ говоритъ о поведеніи своего отца при объявленіи регентомъ Бирона. Мы имѣемъ другой разсказъ объ этомъ событіи, который противорѣчитъ словамъ Миниха-сына и описываетъ тотъ-же фактъ, въ главныхъ чертахъ, совершенно иначе. Такъ какъ по связи этого разсказа съ разсматриваемымъ нами сочиненіемъ вполнѣ умѣстно коснуться его здѣсь, то мы передадимъ его въ короткихъ словахъ. Разсказъ этотъ называется:

---

[1]) Lebensbeschreibung des Russisch-Kaiserlichen General-feldmarschalls B. C. Grafen von Münnich. Oldenburg, 1803. Von Gerh. Ant. von Halem.

„Motifs de la disgrace d'Ernest-Jean de Biron, Duc de Courlande", и напечатанъ Бюшингомъ въ его Magazin'ѣ, IX, стр. 383—398. Бюшингъ просто на просто перепечаталъ этотъ разсказъ изъ сочиненія: Reflexions critiques sur divers sujets... par Mr. L. C. D. S., officier de considération etc. 1757 à Mons 8°, въ которомъ онъ появился сначала (стр. 179 — 238) во французскомъ переводѣ, какъ сказано въ предисловіи къ названному тому „Магазина".

Русскій переводъ этого разсказа помѣщенъ въ Архивѣ кн. Воронцова, т. XXIV (1880), стр. 12—36: „Автобіографическая записка Бирона". Это сочиненіе, какъ сообщаетъ Бюшингъ, было переведено также на датскій языкъ (Magazin, I, 22 [и 23] примѣч.).

Главная суть этого разсказа изложена уже Бюшингомъ въ его статьѣ о перемѣнѣ правленія въ домѣ Романовыхъ (Magaz., I, 3—40; въ переводѣ на русскій языкъ: Арх. кн. Воронцова, т. XXV [1882], стр. 3—50), на стр. 22 и пр.

Авторъ этой статьи „Motifs etc." — Бирон. Онъ написалъ ее въ свою защиту, на нѣмецкомъ языкѣ, по прибытіи въ Ярославль (въ ссылку) [1]). Въ ней говорится преимущественно о послѣднихъ дняхъ жизни Анны Іоанновны, о возвышеніи Бирона, о его регентствѣ и паденіи, а также о его допросѣ и ссылкѣ, но по существу эта статья представляетъ собою безпрерывную жалобу на Миниха и является самооправданіемъ автора передъ императрицей Елисаветой, къ которой онъ обращается со своей защитой. Въ этомъ сочиненіи Минихъ обвиняется какъ главный виновникъ злосчастнаго регентства Бирона и между тѣмъ какъ сынъ фельдмаршала рѣшительно отвергаетъ это обстоятельство въ своихъ Запискахъ, Бирон разсказываетъ о немъ со всѣми подробностями. Онъ говоритъ, что Миниху принадлежала инициатива этой мысли, къ которой присоединились впослѣдствіи и прочіе; что онъ настаивалъ на томъ, чтобы герцогъ принялъ регентство, хотя тотъ чрезвычайно противился этому; онъ же уполялъ императрицу Анну Іоанновну утвердить это регентство законнымъ порядкомъ. Впослѣдствіи же Минихъ совѣтывалъ, будто бы, Бирону зато чить въ монастырь подозрительную Елисавету, и при допросѣ Бирона сулилъ арестованному Бестужеву освобожденіе, если тотъ взведетъ обвиненіе на герцога.

---

[1]) См. Büsch. Mag., I, 22, примѣч. (Вмѣсто Ярославля тамъ стоитъ ошибочно: „Iüvslavl").

Самъ фельдмаршалъ Минихъ описываетъ въ своихъ Запис „Ebauche“ [1]) это обстоятельство иначе. По его словамъ, Би самъ стремился сдѣлаться регентомъ, въ чемъ поддерживали Остерманъ и Черкасскій (см. Ebauche, изд. 1774 г., стр. 109 и надѣявшіеся черезъ это обезпечить свою будущность. Но въ „Eba нигдѣ не говорится о томъ, чтобы Минихъ принималъ въ дѣлѣ хотя малѣйшее участіе. Онъ совершенно умалчиваетъ этомъ, и вообще касается вопроса о регентствѣ весьма кратк

Это бросилось въ глаза уже Бюшингу въ то время, когда фель шалъ прислалъ ему въ 1763 году свое „Ebauche“ для прос и корректуры. На бѣлыхъ листкахъ, которыми было проложен сочиненіе, Бюшингъ написалъ тогда-же на нѣмецкомъ язы извлеченіе изъ статьи Бирона, которое находится въ из „Ebauche“ изд. 1774 года, на стр. 112—117, въ видѣ примѣч (стр. 112—117). Бюшингъ совѣтывалъ фельдмаршалу самому сать отвѣтъ на статью Бирона, такъ какъ это сочиненіе, по обстоятельности, казалось вполнѣ правдоподобнымъ и положите не согласовалось съ разсказаннымъ въ Ebauche.

Бюшингъ приложилъ къ этому и печатный экземпляръ зап герцога и просилъ фельдмаршала сдѣлать къ нимъ замѣтк тотъ возвратилъ рукопись безъ отвѣта [2]). „Qui tacet, cons videtur“ можно сказать, но отъ какого-либо положительнаг вода, въ подобномъ случаѣ, надобно отказаться.

Въ томъ же IX-мъ томѣ „Магазина“ (1775 г.), въ кот появились „Motifs de la disgrace“ Бирона, непосредственно в за этой статьею, Бюшингъ напечаталъ на нѣмецкомъ языкѣ (М IX, стр. 401—414) апологію фельдмаршала подъ загла

„Antwort auf die vorhergehende Schrift des Herzog Kurland, von einem der nächsten Verwandten des marschalls Grafen von Münnich“.

При внимательномъ изслѣдованіи, эта статья оказывается т ственною съ одною частью Записокъ Миниха-сына (см. выше 83—90 и 97—106). Однако, авторъ старается не выдавать с называетъ отца своего постоянно „фельдмаршалъ Минихъ“,

[1]) Ebauche pour donner une idée de la forme du gouvernement de l'emp Russie, Copenhague, 1774. На русскомъ языкѣ изд. С. Н. Шубинскимъ: „За фельдмаршала Миниха“, въ запискахъ иностранцевъ о Россіи въ XVIII II (1874). Ср. „Russische Revue“ 1885 (XXVI), 329—342.

[2]) Издатель „Ebauche“, секретарь нѣмецкой и французской канц Миниха, К. Г. Фришъ перевелъ, вѣроятно, эту замѣтку на франц языкъ. Сравн. Russ. Revue, 1886, III, стр. 337 и 338.

[3]) Büsching, Wöchentliche Nachrichten, 1774, стр. 314 (316).

„отецъ мой“, какъ въ Запискахъ. Кромѣ того, тутъ выпущены нѣкоторые коротенькіе отрывки изъ Записокъ, именно тѣ мѣста, гдѣ онъ говоритъ о себѣ [срав., напр., Записки, стр. 83 и 84, и „Antwort“ (Magazin, IX), стр. 401; Записки, 86 (Mag., 408), 103 и 104 (412), 105 (413). На стр. 409, въ Magaz. вмѣсто: „mitdem russischen Hofe“ должно стоять: mitdem sächsischen Hofe“].

Въ Архивѣ князя Воронцова (XXIV, стр. 37—56) помѣщенъ русскій переводъ этого „Antwort“; но такъ какъ мы имѣемъ русскій текстъ его въ „Запискахъ Миниха-сына“ и отчасти въ „Замѣчаніяхъ на Записки Манштейна“, то этотъ возможно точный переводъ нѣмецкаго „отвѣта“ былъ въ сущности излишнимъ.

Этотъ „ближайшій родственникъ фельдмаршала“, какъ называетъ себя анонимный авторъ этого сочиненія, былъ сынъ Миниха, Эрнстъ. Онъ переписывался съ Бюшингомъ еще будучи въ ссылкѣ (см. Büschings eigene Lebensgeschichte, Halle, 1789, стр. 489) и какъ съ другомъ своего отца, былъ съ нимъ довольно близко знакомъ.

Вопросъ о регентствѣ передается въ Запискахъ гр. Эрнста Миниха (Зап., 85 [и 84], сравн. также „Antw“. Mag., IX, 402) такимъ образомъ, что Биронъ намекнулъ въ своей рѣчи о желаніи захватить правленіе въ свои руки, и только и ждалъ того, чтобы кто-нибудь поддержалъ его въ этомъ намѣреніи. Это содѣйствіе было оказано ему, прежде всего, со стороны князя Черкасскаго, а подъ конецъ и фельдмаршалъ Минихъ принялъ участіе въ его планѣ, дѣйствуя изъ корыстныхъ видовъ и руководствуясь тѣмъ соображеніемъ, что онъ уже не могъ помѣшать его выполненію; но Минихъ говоритъ, что иниціатива въ этомъ дѣлѣ отнюдь не принадлежала фельдмаршалу, какъ утверждаетъ Биронъ.

Этотъ разсказъ графа Эрнста Миниха является весьма правдоподобнымъ, тѣмъ болѣе, что намъ извѣстны честность и правдивость автора (см. „Русскую Старину“, изд. 1887 г., іюнь, стр. 623), поэтому мы приходимъ къ убѣжденію, что онъ стремился только высказать въ этомъ случаѣ истину, и что Биронъ представилъ это дѣло, по всей вѣроятности, въ преувеличенномъ видѣ и съ недоброжелательствомъ.

Оканчивая здѣсь наши критическія замѣтки по отношенію къ Запискамъ гр. Эрнста Миниха, мы должны, положительно, сказать, что не смотря на заимствованія, дѣлаемыя авторомъ изъ выясненныхъ нами источниковъ, какъ русскихъ такъ и иностранныхъ, эти Записки имѣютъ неоспоримое и весьма большое значеніе въ ряду первоисточниковъ для исторіи Россіи первой половины восемнадцатаго вѣка. Самое заимствованіе составляетъ не болѣе, какъ одну

шестую часть Записокъ и касается, главнымъ образомъ, лишь описанія военныхъ событій, все остальное, т. е. пять шестыхъ этого сочиненія, имѣетъ значеніе труда вполнѣ самостоятельнаго и тѣмъ болѣе важнаго, что таковой принадлежитъ лицу, высоко стоявшему въ придворныхъ сферахъ, весьма близкаго къ лицамъ и событіямъ, имъ описываемыхъ и человѣка, безспорно честнаго и правдиваго. Этимъ и объясняется, что многіе изъ нашихъ историковъ съ С. М. Соловьевымъ и Н. И. Костомаровымъ во главѣ, пользовались, въ своихъ трудахъ, записками гр. Эрнста Миниха и объ этой-же книгѣ мы встрѣчаемъ упоминаніе въ русской исторіи К. Н. Бестужева-Рюмина. Спб., изд. 1872 г., т. I, стр. 61.

Переходимъ къ другому историческому труду графа Эрнста Миниха, это его „Замѣчанія на записки генерала Манштейна".

VIII.

Просматривая сочиненіе, изданное впервые въ „Отечественныхъ Запискахъ" 1825, 1826, 1828 и 1829 гг., безъ обозначенія автора и подъ заглавіемъ: „Замѣчанія на записки Манштейна", каждый конечно, задавался вопросомъ о томъ, кто-же былъ въ дѣйствительности авторомъ этого, весьма интереснаго историческаго труда. По этому поводу дѣлались, въ свое время, разныя предположенія и этотъ вопросъ долго оставался спорнымъ, вызывая болѣе или менѣе вѣроятныя догадки; между тѣмъ наука, въ интересахъ истины, требуетъ такихъ доказательствъ, которыя могли-бы подвергнуться, не поколебавшись, самой строгой критикѣ; поэтому мы считаемъ нужнымъ подвергнуть подобной оцѣнкѣ тѣ различныя мнѣнія, какія существовали донынѣ по поводу автора этихъ „Замѣчаній" и постараемся привести въ подтвержденіе нашего собственнаго мнѣнія наиболѣе вѣскія доказательства.

„Замѣчанія на записки генерала Манштейна" были изданы до сихъ поръ на русскомъ языкѣ два раза:

Впервые въ „Отечественныхъ Запискахъ", изд. Свиньина, гдѣ они появились безъ подписи автора, который былъ неизвѣстенъ издателю, и подъ заглавіемъ „Замѣчанія на записки генерала Манштейна о Россіи". Они были напечатаны въ „Отеч. Запискахъ" не въ полномъ видѣ, а небольшими отрывками, въ слѣдующихъ томахъ: 1825 года тт. XXI, XXII, XXIII; 1826 года, т. XXV 1828 г., тт. XXXV и XXXVI; 1829 г., тт. XXXVIII и XXXIX. Приведенная въ этихъ главахъ нумерація страницъ, указывающая на соотвѣтствующія событія у Манштейна, относится къ русскому

изданію записокъ Манштейна — Глинки (1810 г.), но при этомъ нѣтъ указаній на соотвѣтствующія страницы, которыя намѣчены самимъ авторомъ въ рукописи; въ этомъ изданіи встрѣчаются также нѣкоторые пропуски противъ оригинала, вызванные, вѣроятно, требованіями цензуры.

Второе изданіе „Замѣчаній", въ которомъ оригиналъ воспроизведенъ впервые вполнѣ точно, безъ пропусковъ, появилось въ XXVI томѣ „Русской Старины", изд. 1879 г. (стр. 359—410 и 567—616), съ приложеніемъ статьи П. Н. Петрова (стр. 616—626), въ которой онъ доказываетъ, на первый взглядъ довольно правдоподобно, что авторомъ этихъ „Замѣчаній" былъ ни кто иной, какъ гр. Петръ Ивановичъ Панинъ. На основаніи изслѣдованія г. Петрова, это сочиненіе было издано въ „Русской Стар.", подъ именемъ гр. Панина и подъ заглавіемъ: „Русскій дворъ въ 1725—1744 годахъ, замѣчанія гр. Петра Ивановича Панина на записки Манштейна о Россіи". Событія, описанныя Манштейномъ, цитируются въ этомъ изданіи по новому изданію Записокъ Манштейна, появившемуся въ переводѣ В. В. Тимощукъ съ французской, подлинной рукописи Манштейна, въ 1875 г. въ приложеніи къ „Русской Старинѣ".

Въ этомъ, вообще весьма тщательномъ, изданіи не указано на связь, существующую между „Замѣчаніями" и „Записками" гр. Эрнста Миниха, и ни въ примѣчаніяхъ, ни въ текстѣ особымъ шрифтомъ не указаны тѣ мѣста, въ которыхъ оба эти сочиненія сходствуютъ буквально, вслѣдствіе чего мы и подвергли эти источники обстоятельному изученію, сличивъ оба текста самымъ тщательнымъ образомъ.

Обратимся прежде всего къ вопросу: кто былъ авторомъ „Замѣчаній" и какимъ образомъ возможно его доискаться?

Рѣшая этотъ вопросъ, нельзя пройти молчаніемъ тѣхъ предположеній и догадокъ, которыя дѣлались по этому поводу въ свое время.

Тогда какъ первый издатель „Замѣчаній" (Свиньинъ) ничего не могъ сказать объ авторѣ этого сочиненія и не дѣлаетъ даже по этому поводу никакого предположенія, въ 42-й части „Отечественныхъ Записокъ" (1839 г.) „Замѣчанія" были приписаны гр. Ѳеодору Андреевичу Остерману, сыну вице-канцлера [1]), а въ „Военно-энциклопедическомъ лексиконѣ" (1-е изданіе), изд. бар. Зедделера, въ статьѣ „Манштейнъ" [2]) они приписываются другому сыну вице-канцлера,

[1]) См. „Русск. Стар." т. XXVI, стр. 618, въ изслѣдованіи П. Н. Петрова.

[2]) См. Чтенія въ имп. общ. ист. и др. 1859 г., т. III, стр. 141, въ статьѣ Щебальскаго, гдѣ по ошибкѣ стоитъ: „Андрей Ивановичъ Остерманъ" вмѣсто „Иванъ Андреевичъ".

Ивану Андреевичу Остерману; между тѣмъ оба эти предположенія весьма гадательны и не основаны ни на какихъ положительныхъ данныхъ. Затѣмъ, въ 1859 г., появилась небольшая статья П. К. Щебальскаго подъ заглавіемъ: „Кто написалъ Замѣчанія на Записки Манштейна о Россіи?“ (см. Чтенія въ имп. общ. ист. и древн. россійск. 1859 г., III, 141—146), въ которой онъ прямо отрицаетъ авторство Ивана Остермана и старается доказать, что „Замѣчанія“ написаны Минихомъ, сыномъ извѣстнаго фельдмаршала. Но доказательства, приводимыя имъ въ подтвержденіе своего мнѣнія, основаны лишь на однихъ умозаключеніяхъ, и весьма не многочисленны; они не имѣютъ подъ собою твердой почвы и поэтому не носятъ характера непреложной истины, и хотя звучатъ правдоподобно, но все же не производятъ впечатлѣнія неоспоримыхъ выводовъ, вслѣдствіе чего ихъ не трудно было опровергнуть.

Самымъ вѣскимъ доводомъ, подтверждающимъ предположеніе о томъ, что авторомъ этихъ замѣчаній былъ Минихъ-сынъ, Щебальскій считаетъ разсказъ о совѣщаніи обоихъ Миниховъ съ бар. Менгденомъ на другой день ареста Бирона, когда они рѣшали вопросъ о наградахъ вліятельнѣйшимъ сановникамъ имперіи, и фельдмаршалъ диктовалъ своему сыну списокъ тѣхъ наградъ и повышеній, о которыхъ говорится въ „Замѣчаніяхъ“. Только одно изъ этихъ трехъ лицъ могло, по мнѣнію Щебальскаго, сообщить такъ обстоятельно всѣ эти подробности. „Такъ какъ Менгденъ не оставилъ, насколько извѣстно, никакихъ записокъ, говоритъ г. Щебальскій, а фельдмаршалъ Минихъ написалъ только одно большое сочиненіе [1]): „Ebauche pour donner une idée de la forme du gouvernement de l'empire de Russie“, то эти замѣчанія могъ написать одинъ только молодой Минихъ, авторъ извѣстныхъ Записокъ (издан. 1817 г.), который воспользовался для опроверженія Манштейна отрывками изъ этого сочиненія, написаннаго имъ уже въ 1758 г. [2]). Далѣе мы коснемся еще того, что говоритъ Щебальскій о сходствѣ этихъ двухъ сочиненій и о первоначальномъ текстѣ „Замѣчаній“.

---

[1]) Это доказательство недостаточно убѣдительно, ибо кромѣ „Ebauche“ фельдмаршалъ Минихъ оставилъ еще записки (см. Russische Revue, 1886 г., III, 318—343) и слѣдовательно предположеніе Щебальскаго оказывается въ этомъ отношеніи несостоятельнымъ; было бы гораздо проще, отрицая мысль объ авторствѣ Б. Х. Миниха, привести въ подтвержденіе этого тотъ фактъ, что авторъ „Замѣчаній на записки Манштейна“ ссылается на изданіе этихъ записокъ, появившееся въ 1771 году, между тѣмъ какъ фельдмаршалъ скончался уже въ 1767 году.

[2]) Записки Миниха-сына, какъ увидимъ далѣе, во многихъ мѣстахъ сходствуютъ почти дословно съ „Замѣчаніями на Записки Манштейна“.

Между тѣмъ, покойный П. Н. Петровъ, въ статьѣ своей „Составитель Замѣчаній на Записки Манштейна о Россіи", „Русская Старина", изд. 1879 г., т. XXVI, 616—626), опровергнулъ, на первый взглядъ также довольно правдоподобно, мысль объ авторствѣ Миниха-сына [1]) и обоихъ графовъ Остерманов и назвалъ авторомъ „Замѣчаній" гр. Петра Ивановича Панина. Надобно сознаться, что авторъ излагаетъ свою мысль и подтверждаетъ ее доказательствами, съ такою послѣдовательностью, что на первыхъ порахъ онъ невольно подкупаетъ читателя, но, вникнувъ въ его доводы поглубже, мы замѣчаемъ вскорѣ всю ихъ несостоятельность.

Доводы, на основаніи которыхъ Щебальскій приписываетъ „Замѣчанія" Миниху-сыну, и которые имѣютъ за собою только долю вѣроятія, опровергаются г. Петровымъ также на основаніи простыхъ предположеній и кажущихся противорѣчій; весьма естественно, что при столь шаткихъ доказательствахъ могъ получиться лишь шаткій выводъ. Индуктивный методъ изслѣдованія, котораго придерживался авторъ, проведенъ имъ также не совсѣмъ полно и послѣдовательно; то-же самое можно сказать о сравненіи въ этой статьѣ „Замѣчаній" съ „Записками" Миниха-сына, иначе г. Петровъ замѣтилъ бы свою ошибку.

Его методъ изслѣдованія заключается въ слѣдующемъ: онъ выводитъ изъ содержанія и изъ текста „Замѣчаній" заключеніе объ ихъ авторѣ и объ обстоятельствахъ его жизни; затѣмъ, по методу исключенія, оба Остермана и Минихъ-сынъ объявляются имъ неподходящими подъ требуемыя условія, и, наконецъ, графъ Панинъ, будтобы отвѣчающій всѣмъ этимъ условіямъ, признается авторомъ этого сочиненія.

Разберемъ критически главные изъ тѣхъ доводовъ, которые г. Петровъ приводитъ, опровергая мысль объ авторствѣ Миниха-сына, и постараемся привести съ своей стороны новыя доказательства, взятыя нами изъ самаго текста „Замѣчаній", которыя могли бы подтвердить наше предположеніе о томъ, что они написаны Минихомъ. Затѣмъ, постараемся выяснить отношеніе этихъ фактовъ къ личности графа Эрнста Миниха, котораго, по примѣру Щебальскаго, мы также считаемъ несомнѣнно авторомъ „Замѣчаній на Записки Манштейна".

П. Н. Петровъ полагаетъ:

1) что авторъ „Замѣчаній", поправляя Манштейна, говоритъ о походахъ Миниха 1736 и 1737 гг. и о взятіи Очакова, несомнѣнно,

[1]) П. Н. Петровъ неоднократно называетъ Миниха Іоаннъ Эрнстъ, тогда какъ его звали просто Эрнстъ. А. Ю.

какъ очевидецъ и что его сужденія о фельдмаршалѣ и его дѣйствіяхъ не допускаютъ сомнѣнія въ томъ, что онъ самъ былъ подчиненный ему генералъ и притомъ командовавшій корпусомъ ибо онъ не только дополняетъ разсказъ Манштейна, но и возстановляетъ истину, сообщая различныя подробности, которыя почерпнуты имъ навѣрно не изъ реляцій, а коихъ онъ самъ былъ очевидцемъ. Таковы, напр.. слѣдующія подробности:

а) Авторъ „Замѣчаній“ говоритъ: „нерѣдко случалось, когда вѣтеръ бывалъ противный русскимъ, татары зажигали траву. Тогда не оставалось инаго средства, какъ наскоро вырыть ровъ и сдѣлать насыпь, дабы остановить разъяренное пламя“ („Замѣчанія“, стр. 150). На это можно возразить, что намъ навѣрно извѣстны не всѣ реляціи, изъ коихъ могли быть заимствованы эти свѣдѣнія, и далѣе, что это мѣсто есть не болѣе, какъ пересказъ того, что говоритъ Манштейнъ, хотя съ добавленіемъ нѣкоторыхъ подробностей, до которыхъ, однако, можно было дойти по собственнымъ соображеніямъ; наконецъ, авторъ могъ знать эти подробности изъ разсказовъ участниковъ похода и передаетъ, можетъ быть, только ихъ слова.

Весьма интересно также замѣтить, что вышеприведенное мѣсто „Замѣчаній“ сходствуетъ почти буквально съ однимъ итальянскимъ сочиненіемъ прошлаго столѣтія. Въ Viaggi di Russia графа Algarotti (Opere, tomo VI, стр. 108, Cremona, 1780) мы читаемъ:

Avveniva talvolta, che i nemici, se in faccia de Russi tirava il vento, mettesser fuoco all'erbe... Ne ci era via da ripararsi, se non col cavar fossi, e levar terra; e cosi far argine a quello incendio, che correa per la campagna vittorioso.

Слѣдующее мѣсто „Замѣчаній“ также весьма сходно съ разсказомъ Альгаротти:

Замѣчанія, стр. 150.

Армія, проходя чрезъ пространныя степи, на коихъ взоръ ничего не встрѣчалъ кромѣ камыша, непрестанно долженствовала отражать нападенія буйныхъ татаръ; почти на каждомъ шагу встрѣчали ихъ. Отбитые въ одномъ мѣстѣ, исчезали они и въ мигъ появлялись въ другомъ.

Ограждались отъ непріятеля рогатками, отражали пушечными выстрѣлами, высылали противу него казаковъ и легкую конницу.

Algarotti. (Opere, Tomo VI (Cremona, 1780), p. 107):

L'esercito marciava... Altro non si vedeva intorno, che erba, e cielo, e i Tartari, che venivano in più nodi ad attacar l'esercito qua e là. Sguizzavano respinti da una banda, ed ecco che poco stante comparivano da un' altra, e talvolta anche accerchiavano tutto l'esercito. Tanta ne era la moltitudine.

Si opponevano a costoro i Cosacchi, e i Dragoni... e ad ogni caso venivano sostenuti dalla fanteria, cha-

portava dei cavalli di Frisia, che pian tati ben presto in terra tenevan luogo di trincieramento.

Графъ Альгаротти совершилъ, какъ извѣстно, въ 1739 году, ѣшествіе въ Петербургъ и описалъ его въ своихъ письмахъ, ко-рыя были имъ впослѣдствіи обработаны и изданы вмѣстѣ съ ѣркомъ внутренняго быта и политическаго состоянія Россіи и описаніемъ турецкой войны 1736—1739 гг., въ которой участво-лъ Минихъ.

Мы вполнѣ убѣждены въ томъ, что авторъ „Замѣчаній“ былъ акомъ съ описаніемъ Альгаротти, и воспользовался имъ для оего труда, что и подтверждается нѣкоторыми фактами. Аль-ротти скончался въ 1764 году, тогда какъ „Замѣчанія“ на-саны, очевидно, лишь въ 1770-хъ годахъ, слѣдовательно, здиѣе итальянскихъ писемъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что, при работкѣ послѣднихъ, Альгаротти пользовался посторонними источ-ками, напр., рукописью Манштейна [1]); но — онъ навѣрно не льзоваться „Замѣчаніями“, которыя были написаны, по всей роятности, только послѣ его смерти.

Намъ кажется также неправдоподобнымъ, чтобы Альгаротти и рнстъ Минихъ оба могли пользоваться однимъ и тѣмъ же источ-комъ, по крайней мѣрѣ, намъ объ этомъ ничего неизвѣстно; но то мы знаемъ, что между ними существовали извѣстныя отно-енія, что оба они были коротко знакомы съ Воронцовыми и что альянскій графъ посвятилъ даже великому канцлеру Воронцову ое „Путешествіе въ Россію“ (см. также Архивъ кн. Воронцова, мъ XVII, стр. 476, письмо С. Р. Воронцова отъ 29 мая 1818 г.). оэтому врядъ-ли подлежитъ сомнѣнію, что Эрнстъ Минихъ былъ лично знакомъ съ произведеніемъ Альгаротти, въ которомъ гово-ится подробно о турецкой войнѣ его отца, фельдмаршала Миниха, что онъ воспользовался мѣстами этимъ сочиненіемъ. На такія менно мѣста ссылается отчасти и г. Петровъ, полагая, что авторъ Замѣчаній“, какъ очевидецъ военныхъ дѣйствій, разсказываетъ о ихъ по своимъ собственнымъ воспоминаніямъ. Мы укажемъ да-ѣе еще на такія мѣста въ „Замѣчаніяхъ“, которыя также заим-твованы, повидимому, у Альгаротти.

Впрочемъ, Минихъ-сынъ и въ „Запискахъ“ своихъ говоритъ событіяхъ того времени и о переходахъ по степи и зачастую

[1]) См. наше изслѣдованіе: Algarotti und Manstein въ журналѣ „Russische evue“, St.-Petersburg, 1887 г., 2 Heft. А. Ю.

описываетъ травы и животныхъ, фауну и флору такъ подробно, какъ могъ бы описать только очевидецъ, тѣмъ не менѣе онъ все таки не былъ очевидцемъ разсказаннаго, а только прекрасно умѣлъ пользоваться источниками. Такъ, напр., онъ разсказываетъ въ своихъ Запискахъ (стр. 57): „нерѣдко солдатамъ случалось окружить зайца и тогда они прямо хватали его руками". Такъ можетъ говорить только очевидецъ, сказалъ бы г. Петровъ. Но Минихъ-сынъ заимствуетъ это замѣчаніе изъ того же источника, которымъ онъ часто пользуется, именно изъ записокъ Манштейна (см. франц. изд. 1771 г., Лейпц., стр. 181) [1]).

2) Авторъ „Замѣчаній" поправляетъ показаніе Манштейна (Manstein Mémoires (1771, Leipz.), стр. 74 и слѣд.), полагавшаго, что китайское посольство, которое прибыло въ Петербургъ въ 1732 г., было первымъ китайскимъ посольствомъ при русскомъ дворѣ. Онъ говоритъ, что подобное же посольство пріѣзжало въ Россію уже въ предшествовавшемъ году. О посольствѣ 1732 года авторъ „Замѣчаній" распространяется болѣе подробно, но мѣстами говоритъ о немъ то-же самое, что и Манштейнъ, однако, поправляетъ послѣдняго въ свою очередь, когда тотъ говоритъ, что русскимъ не особенно понравились манеры этихъ китайцевъ, замѣчая: „напротивъ, я самъ неоднократно имѣлъ случай видѣться и разговаривать съ послами и съ прочими чиновниками, къ свитѣ принадлежавшими: всѣ они были люди вѣжливые, разсудительные и обходительные" „Замѣчанія", стр. 143.

Покойный Петровъ вполнѣ основательно ставилъ вопросъ: какимъ образомъ Минихъ-сынъ, прибывшій въ Петербургъ лишь въ началѣ апрѣля 1733 года (см. выше Зап. Миниха-сына, стр. 32), могъ бесѣдовать съ китайскимъ посольствомъ, которое пріѣзжало въ Россію въ 1732 году.

Вѣроятно, это китайское посольство, какъ второе, оставалось въ Россіи болѣе долгое время, нежели первое посольство, и на него было возложено выполненіе въ Петербургѣ многихъ дѣлъ, требовавшихъ болѣе продолжительнаго пребыванія въ столицѣ Россіи. Съ другой стороны, также весьма возможно, что это посольство прибыло въ нашу столицу лишь въ концѣ 1732 г. и оставалось тамъ,

---

[1]) На упрекъ Манштейна, что Минихъ заставилъ войска идти въ самую сильную жару, авторъ „Замѣчаній" (стр. 150) говоритъ: „вѣроятно, что и фельдмаршалъ желалъ-бы воспользоваться ночною прохладою" и т. д. Очевидецъ и генералъ зналъ бы все это навѣрно и не сказалъ бы „вѣроятно", если бы онъ участвовалъ въ походѣ. Эти слова выражаютъ не болѣе, какъ догадку.

по крайней мѣрѣ, до весны или до лѣта слѣдующаго года (1733), а можетъ быть и долѣе.

За болѣе долгое пребываніе посольства въ Петербургѣ говорятъ также слова автора „Замѣчаній“, что онъ „неоднократно“ видѣлъ посольство и „разговаривалъ“ съ нимъ.

Но чтобы Петръ Панинъ, котораго Петровъ считаетъ авторомъ „Замѣчаній“, бывшій въ то время 11 или 12-лѣтнимъ мальчикомъ (см. ст. Петрова, „Русская Старина“, изд. 1879 г., т. XXVI, стр. 623), „неоднократно“ бесѣдовалъ съ китайцами и уже въ такомъ возрастѣ могъ составить себѣ понятіе объ ихъ „разсудительности“ и „обходительности“ и впослѣдствіи могъ бы высказать подобное мнѣніе, это ео ipso крайне неправдоподобно; за то Минихъ-сынъ (род. 1707 г. стар. стиля) прибылъ въ это самое время въ Петербургъ со своего поста въ Парижѣ, преисполненный живѣйшимъ интересомъ къ внѣшней политикѣ, былъ тотчасъ (см. Зап., стр. 32) представленъ ко двору и вообще былъ въ состояніи лично слѣдить за всѣмъ, происходившимъ въ высшихъ сферахъ и въ политическомъ мірѣ.

Итакъ, аргументъ, которымъ П. Н. Петровъ опровергаетъ мысль объ авторствѣ гр. Эрнста Миниха, не можетъ считаться существеннымъ и столь-же мало убѣдителенъ, какъ и всѣ остальные его доводы.

О китайскомъ посольствѣ 1731 г. авторъ „Замѣчаній“ говоритъ гораздо менѣе и не упоминаетъ о томъ, пришлось ли ему также бесѣдовать съ нимъ. Между тѣмъ онъ читалъ, кажется, даже рѣчь, произнесенную вторымъ посольствомъ, и пользуется ею, какъ источникомъ для своего разсказа. (Авторъ „Замѣчаній“ говоритъ, стр. 142: „Главный изъ нихъ (пословъ) въ произнесенной рѣчи, между прочимъ, упоминаетъ (настоящее время! до этого и послѣ весь разсказъ веденъ въ прошедшемъ)“, что и т. д.).

3) Авторъ „Замѣчаній“ говоритъ далѣе о событіяхъ, относящихся къ царствованію Елисаветы и коихъ онъ былъ очевидцемъ. Онъ находился въ самыхъ дружественныхъ отношеніяхъ съ генералами Кейтомъ и Левендалемъ, которые не всегда были хороши съ фельдмаршаломъ; послѣдняго изъ этихъ двухъ генераловъ (Левендаля) онъ посѣтилъ еще послѣ восшествія на престолъ Елисаветы. Объ обоихъ генералахъ онъ отзывается съ хорошей стороны и считаетъ ихъ смерть большою потерею для Россіи.

Впрочемъ, характеристика этихъ генераловъ, знакомыхъ ему лично, также согласуется почти буквально съ описаніемъ Альгаротти:

Замѣчанія (стр. 218).

Графъ Владиміръ Левендаль... былъ человѣкъ умный, просвѣщенный, храбрый и искусный на полѣ сраженія. Одаренный краснорѣчіемъ, Левендаль хорошо говорилъ почти на всѣхъ извѣстныхъ языкахъ; превосходно зналъ и положеніе дворовъ, и состояніе войскъ европейскихъ.

Algarotti, Viaggi di Russia (c VI, p. 85; 1780. Cremona).

Levendal, uomo d'ingegno finis bel parlatore, che sa tutte le lii e conosce tutte le corti, e tutt eserciti di Europa, pieno di v (e che dicesi servire singolarn alla fortuna).

Стр. 219:

Яковъ Кейтъ... имѣлъ умъ самый основательный и просвѣщенный, кротостію своею привлекалъ сердца подчиненныхъ.

Среди звука оружія не переставалъ онъ заниматься науками и съ необыкновеннымъ мужествомъ соединялъ превосходныя знанія въ военномъ искусствѣ.

Стр. 85 и 86.

Keith, uomo di posatissimo giu che con la dolcezza ha ottenuto ufficiali Russi più sommissione, qualunque altro con la severità, c mezzo all'armi non ha punto trasc le lettere, e congiunge con la pr della guerra la teoria più ragion più profonda.

Точно также и характеристика генерала Ласси сходна тѣмъ, что говоритъ о немъ Альгаротти:

Замѣчанія, стр. 148:

Петръ Петровичъ Ласси, видѣвшій возраждающуюся славу россійскаго оружія при Петрѣ Великомъ, никогда не вмѣшивавшійся въ дѣла государственныя, посѣдѣлый на поляхъ брани, былъ человѣкъ самый кроткій, обходительный, хладнокровный, любимый ратникомъ и дорожащій кровью его. Всегда безпрекословно повиновался онъ всѣмъ начальникамъ, отъ правительства назначаемымъ.

Algarotti, 86.

. Lascy incanutito sotto l'elmo, che Pietro vide sorgere la gloria Russia, che non s'intrigo mai in di Stato, e seppe ubbidire a chi fu preposto par comandare. . .

Ha la riputazione di esser eco del sangue, paziente aspettator occasione, e da'soldati vien sal col nome di padre, baska (батюш

4) Авторъ „Замѣчаній“ разсказываетъ (стр. 185—187) о тай совѣщаніи обоихъ Миниховъ и барона Менгдена относительно градъ, которыя надлежало раздать высокопоставленнымъ лиц по смыслу, а нерѣдко и буквально, онъ говоритъ то-же самое, мы читаемъ объ этомъ въ запискахъ Миниха-сына (107—: Во время этого совѣщанія Минихъ-сынъ, вооружившись пер записывалъ то, что диктовалъ ему отецъ; когда росписаніе пр водствъ и наградъ было готово, разсказываетъ онъ въ своихъ пискахъ (стр. 109 и послѣд.), „то приказалъ мнѣ отецъ мой сать съ того росписанія копію, съѣздить во дворецъ и поди

изданію записокъ Манштейна — Глинки (1810 г.), но при этомъ нѣтъ указаній на соотвѣтствующія страницы, которыя намѣчены самимъ авторомъ въ рукописи; въ этомъ изданіи встрѣчаются также нѣкоторые пропуски противъ оригинала, вызванные, вѣроятно, требованіями цензуры.

Второе изданіе „Замѣчаній", въ которомъ оригиналъ воспроизведенъ впервые вполнѣ точно, безъ пропусковъ, появилось въ XXVI томѣ „Русской Старины", изд. 1879 г. (стр. 359—410 и 567—616), съ приложеніемъ статьи П. Н. Петрова (стр. 616—626), въ которой онъ доказываетъ, на первый взглядъ довольно правдоподобно, что авторомъ этихъ „Замѣчаній" былъ ни кто иной, какъ гр. Петръ Ивановичъ Панинъ. На основаніи изслѣдованія г. Петрова, это сочиненіе было издано въ „Русской Стар.", подъ именемъ гр. Панина и подъ заглавіемъ: „Русскій дворъ въ 1725—1744 годахъ, замѣчанія гр. Петра Ивановича Панина на записки Манштейна о Россіи". Событія, описанныя Манштейномъ, цитируются въ этомъ изданіи по новому изданію Записокъ Манштейна, появившемуся въ переводѣ В. В. Тимощукъ съ французской, подлинной рукописи Манштейна, въ 1875 г. въ приложеніи къ „Русской Старинѣ".

Въ этомъ, вообще весьма тщательномъ, изданіи не указано на связь, существующую между „Замѣчаніями" и „Записками" гр. Эрнста Миниха, и ни въ примѣчаніяхъ, ни въ текстѣ особымъ шрифтомъ не указаны тѣ мѣста, въ которыхъ оба эти сочиненія сходствуютъ буквально, вслѣдствіе чего мы и подвергли эти источники обстоятельному изученію, сличивъ оба текста самымъ тщательнымъ образомъ.

Обратимся прежде всего къ вопросу: кто былъ авторомъ „Замѣчаній" и какимъ образомъ возможно его доискаться?

Рѣшая этотъ вопросъ, нельзя пройти молчаніемъ тѣхъ предположеній и догадокъ, которыя дѣлались по этому поводу въ свое время.

Тогда какъ первый издатель „Замѣчаній" (Свиньинъ) ничего не могъ сказать объ авторѣ этого сочиненія и не дѣлаетъ даже по этому поводу никакого предположенія, въ 42-й части „Отечественныхъ Записокъ" (1839 г.) „Замѣчанія" были приписаны гр. Ѳеодору Андреевичу Остерману, сыну вице-канцлера [1]), а въ „Военно-энциклопедическомъ лексиконѣ" (1-е изданіе), изд. бар. Зедделера, въ статьѣ „Манштейнъ" [2]) они приписываются другому сыну вице-канцлера,

[1]) См. „Русск. Стар." т. XXVI, стр. 618, въ изслѣдованіи П. Н. Петрова.

[2]) См. Чтенія въ имп. общ. ист. и др. 1859 г., т. III, стр. 141, въ статьѣ Щебальскаго, гдѣ по ошибкѣ стоитъ: „Андрей Ивановичъ Остерманъ" вмѣсто „Иванъ Андреевичъ".

Мы можемъ привести еще другой примѣръ честности и справедливости гр. Эрнста Миниха, который не измѣнялъ своему долгу даже ради сыновнихъ чувствъ и родственныхъ отношеній. Послѣ ссылки, онъ былъ назначенъ главнымъ начальникомъ таможенъ. Гадебушъ [1]) разсказываетъ: „мнѣ говорили, что при взиманіи пошлины онъ не дѣлалъ снисхожденія даже своему отцу".

„Замѣчанія", долженствовавшія появиться безъ подписи автора, могли быть написаны болѣе объективно, нежели Записки, и Минихъ могъ рѣшиться высказать въ нихъ порицаніе отцу, если это согласовалось съ истиною.

Намъ удалось, надѣемся, доказать, по крайней мѣрѣ, что этотъ четвертый пунктъ, кажущійся П. Петрову столь вѣскимъ, не исключаетъ возможности признать авторомъ „Замѣчаній" Миниха-сына.

5) Петръ Петровъ, находитъ, что авторъ „Замѣчаній" такъ часто отступаетъ въ своемъ разсказѣ отъ взглядовъ, высказанныхъ Минихомъ-сыномъ въ его Запискахъ, что оба эти сочиненія никакъ не могутъ принадлежать перу одного и того же лица („Духъ автора „Замѣчаній" является совершенно противоположнымъ и несовмѣстимымъ съ понятіями почтительнаго оберъ-гофмейстера двора принцессы Анны Леопольдовны" [2]). Между тѣмъ какъ въ „Запискахъ" Минихъ-сынъ крайне сдержанъ въ своихъ сужденіяхъ, авторъ „Замѣчаній" выражается рѣзко и нападаетъ на нѣкоторыхъ личностей, какъ, напр., на Бирона, о которомъ въ Запискахъ мы встрѣчаемъ довольно хорошій отзывъ, такъ говоритъ г. Петровъ, (см. „Записки", стр. 27; однако, особенно благопріятнаго впечатлѣнія онъ, по нашему мнѣнію, и тутъ не производитъ!), а въ „Замѣчаніяхъ" (155, 156) онъ названъ тираномъ, „кровожаднымъ временщикомъ" и „иноплеменнымъ извергомъ". Этотъ отзывъ не согласуется (по мнѣнію г. Петрова) съ кроткимъ, апатичнымъ характеромъ Миниха. Мы должны, однако, сознаться, что эта аргументація г. Петрова не достаточно убѣдительна. Во-первыхъ, Минихъ писалъ свои „Записки" въ ссылкѣ, когда онъ не могъ быть совершенно увѣренъ въ томъ, что надъ нимъ не будетъ контроля, и поэтому, навѣрно, остерегался высказывать рѣзкія осужденія о любимцахъ императрицъ. Во-вторыхъ, приблизительно тринадцать лѣтъ спустя послѣ окончанія „Записокъ", и подъ вліяніемъ продолжительной ссылки, его взгляды могли нѣсколько измѣниться; наконецъ, онъ

[1]) Исторія лифляндскаго дворянства. Рукопись въ г. Дерптѣ.

[2]) Впрочемъ, (стр. 618 „Русской Старины" изд. 1889 г.) онъ самъ оговаривается: „разность взгляда и оцѣнки лицъ, хотя, положимъ, не существенная"...

писалъ „Замѣчанія“, очевидно, съ намѣреніемъ остаться неизвѣстнымъ и поэтому не стѣснялся высказывать въ нихъ болѣе рѣзкія сужденія.

Далѣе [1]), г. Петровъ обращаетъ вниманіе на сентенціи, которыя въ „Замѣчаніяхъ“ [2]) также имѣютъ цѣлью задѣть кое-кого и въ которыхъ говорится о томъ, какъ страдаетъ государство, когда въ немъ злоупотребляютъ властью любимцы, властвующіе надъ правителями.

Слѣдующій примѣръ доказываетъ, что подобныя мысли не были чужды и графу Эрнсту Миниху. Въ 1765 г. онъ высказалъ Бюшингу довольно пессимистическій взглядъ, замѣтивъ аллегорически и съ ироніей, что „русское государство имѣетъ передъ другими то преимущество, что оно управляется непосредственно самимъ Богомъ, ибо иначе нельзя объяснить себѣ какимъ образомъ оно можетъ уцѣлѣть“. Бюшингъ говоритъ по этому случаю: „я не согласился съ тѣмъ, что это особое преимущество Россіи, и мы поняли другъ друга“ [3]).

Итакъ, мы разсмотрѣли критически тѣ доводы, которые приводитъ П. Н. Петровъ, въ опроверженіе мысли, что авторомъ „Замѣчаній“ былъ Минихъ-сынъ; всѣ вышеприведенные имъ пункты и доказательства подтверждаютъ, по его мнѣнію, тотъ фактъ, что „Замѣчанія“ могли быть написаны никѣмъ инымъ, какъ графомъ Петромъ Ивановичемъ Панинымъ, къ которому они такъ или иначе подходятъ; мы-же полагаемъ, что намъ удалось, съ своей стороны, доказать, что почти всѣ эти обстоятельства точно также могутъ говорить и въ пользу авторства гр. Эрнста Миниха и, во всякомъ случаѣ, не находятся въ противорѣчіи съ этимъ предположеніемъ. Однако, мы не намѣрены воспользоваться этими доводами, какъ доказательствомъ положительнымъ, подтверждающимъ наше мнѣніе, такъ какъ они построены, по большей части, лишь на нашихъ собственныхъ умозаключеніяхъ и не выходятъ изъ области предположеній; но этого отрицательнаго результата для насъ пока совершенно достаточно, чтобы доказать, по крайней мѣрѣ, возможность того, что авторомъ „Замѣчаній“ былъ гр. Эрнстъ Минихъ.

Въ „Замѣчаніяхъ“ есть еще одно мѣсто, какъ бы говорящее противъ авторства Миниха-сына или, по крайней мѣрѣ, затрудняющее доказательство нашего предположенія, что именно онъ и былъ авторомъ этихъ „Замѣчаній“. На 167 стр. мы читаемъ: „Упомянемъ

---

[1]) См. „Русск. Стар.“, изд. 1879 г., т. XXVI, стр. 622.

[2]) Напримѣръ, на стр. 138; особенно на стр. 174 и на 199.

[3]) Büsching, eigene Lebensgeschichte, 489. А. Ю.

Ивану Андреевичу Остерману; между тѣмъ оба эти предположенія весьма гадательны и не основаны ни на какихъ положительныхъ данныхъ. Затѣмъ, въ 1859 г., появилась небольшая статья П. К. Щебальскаго подъ заглавіемъ: „Кто написалъ Замѣчанія на Записки Манштейна о Россіи?“ (см. Чтенія въ имп. общ. ист. и древн. россійск. 1859 г., III, 141—146), въ которой онъ прямо отрицаетъ авторство Ивана Остермана и старается доказать, что „Замѣчанія“ написаны Минихомъ, сыномъ извѣстнаго фельдмаршала. Но доказательства, приводимыя имъ въ подтвержденіе своего мнѣнія, основаны лишь на однихъ умозаключеніяхъ, и весьма не многочисленны; они не имѣютъ подъ собою твердой почвы и поэтому не носятъ характера непреложной истины, и хотя звучатъ правдоподобно, но все же не производятъ впечатлѣнія неоспоримыхъ выводовъ, вслѣдствіе чего ихъ не трудно было опровергнуть.

Самымъ вѣскимъ доводомъ, подтверждающимъ предположеніе о томъ, что авторомъ этихъ замѣчаній былъ Миних-сынъ, Щебальскій считаетъ разсказъ о совѣщаніи обоихъ Миниховъ съ бар. Менгденомъ на другой день ареста Бирона, когда они рѣшали вопросъ о наградахъ вліятельнѣйшимъ сановникамъ имперіи, и фельдмаршалъ диктовалъ своему сыну списокъ тѣхъ наградъ и повышеній, о которыхъ говорится въ „Замѣчаніяхъ“. Только одно изъ этихъ трехъ лицъ могло, по мнѣнію Щебальскаго, сообщить такъ обстоятельно всѣ эти подробности. „Такъ какъ Менгденъ не оставилъ, насколько извѣстно, никакихъ записокъ, говоритъ г. Щебальскій, а фельдмаршалъ Минихъ написалъ только одно большое сочиненіе [1]): „Ebauche pour donner une idée de la forme du gouvernement de l'empire de Russie“, то эти замѣчанія могъ написать одинъ только молодой Минихъ, авторъ извѣстныхъ Записокъ (издан. 1817 г.), который воспользовался для опроверженія Манштейна отрывками изъ этого сочиненія, написаннаго имъ уже въ 1758 г. [2]). Далѣе мы коснемся еще того, что говоритъ Щебальскій о сходствѣ этихъ двухъ сочиненій и о первоначальномъ текстѣ „Замѣчаній“.

---

[1]) Это доказательство недостаточно убѣдительно, ибо кромѣ „Ebauche“ фельдмаршалъ Минихъ оставилъ еще записки (см. Russische Revue, 1886 г., III, 318—343) и слѣдовательно предположеніе Щебальскаго оказывается въ этомъ отношеніи несостоятельнымъ; было бы гораздо проще, отрицая мысль объ авторствѣ Б. Х. Миниха, привести въ подтвержденіе этого тотъ фактъ, что авторъ „Замѣчаній на записки Манштейна“ ссылается на изданіе этихъ записокъ, появившееся въ 1771 году, между тѣмъ какъ фельдмаршалъ скончался уже въ 1767 году.

[2]) Записки Миниха-сына, какъ увидимъ далѣе, во многихъ мѣстахъ сходствуютъ почти дословно съ „Замѣчаніями на Записки Манштейна“.

Между тѣмъ, покойный П. Н. Петровъ, въ статьѣ своей Составитель Замѣчаній на Записки Манштейна о Россіи", „Русская старина", изд. 1879 г., т. XXVI, 616—626), опровергнулъ, на первый взглядъ также довольно правдоподобно, мысль объ авторствѣ Миниха-сына [1]) и обоихъ графовъ Остермановъ и назвалъ авторомъ Замѣчаній" гр. Петра Ивановича Панина. Надобно сознаться, что авторъ излагаетъ свою мысль и подтверждаетъ ее доказательствами, такою послѣдовательностью, что на первыхъ порахъ онъ невольно покупаетъ читателя, но, вникнувъ въ его доводы поглубже, мы замѣчаемъ вскорѣ всю ихъ несостоятельность.

Доводы, на основаніи которыхъ Щебальскій приписываетъ Замѣчанія" Миниху-сыну, и которые имѣютъ за собою только долю вѣроятія, опровергаются г. Петровымъ также на основаніи произвольныхъ предположеній и кажущихся противорѣчій; весьма естественно, что при столь шаткихъ доказательствахъ могъ получиться лишь такій выводъ. Индуктивный методъ изслѣдованія, котораго придерживался авторъ, проведенъ имъ также не совсѣмъ полно и послѣдовательно; то-же самое можно сказать о сравненіи въ этой статьѣ „Замѣчаній" съ „Записками" Миниха-сына, иначе г. Петровъ замѣтилъ бы свою ошибку.

Его методъ изслѣдованія заключается въ слѣдующемъ: онъ выводитъ изъ содержанія и изъ текста „Замѣчаній" заключеніе объ ихъ авторѣ и объ обстоятельствахъ его жизни; затѣмъ, по методу исключенія, оба Остермана и Минихъ-сынъ объявляются имъ неподходящими подъ требуемыя условія, и, наконецъ, графъ Панинъ, будто-бы отвѣчающій всѣмъ этимъ условіямъ, признается авторомъ этого сочиненія.

Разберемъ критически главные изъ тѣхъ доводовъ, которые г. Петровъ приводитъ, опровергая мысль объ авторствѣ Миниха-сына, и постараемся привести съ своей стороны новыя доказательства, взятыя нами изъ самаго текста „Замѣчаній", которыя могли бы подтвердить еще предположеніе о томъ, что они написаны Минихомъ. Затѣмъ, постараемся выяснить отношеніе этихъ фактовъ къ личности графа Миниха, котораго, по примѣру Щебальскаго, мы также считаемъ несомнѣнно авторомъ „Замѣчаній на Записки Манштейна".

П. Н. Петровъ полагаетъ:

1) что авторъ „Замѣчаній", поправляя Манштейна, говоритъ о походахъ Миниха 1736 и 1737 гг. и о взятіи Очакова, несомнѣнно,

---

[1]) П. Н. Петровъ неоднократно называетъ Миниха Іоаннъ Эрнстъ, тогда какъ его звали просто Эрнстъ. А. Ю.

объ одномъ престранномъ и вовсе необыкновенномъ зрѣлищѣ, которое видѣли мы во дни Анны Іоанновны въ Петербургѣ". Затѣмъ слѣдуетъ краткое описаніе „Ледяной крѣпости", воздвигнутой на Невѣ въ 1732 году, и разсказывается обстоятельно съ малѣйшими подробностями, изобличающими очевидца, о „Ледяномъ домѣ", сооруженномъ зимою 1739 года.

Такъ какъ гр. Эрнстъ Минихъ прибылъ въ Петербургъ лишь въ апрѣлѣ 1733 г., то легко могло случиться, что онъ уже не видалъ „Ледяной крѣпости", но въ такомъ случаѣ онъ, конечно, разспрашивалъ очевидцевъ объ этомъ необыкновенномъ произведеніи искусства, о которомъ говорилъ весь городъ. Между тѣмъ, изъ таблицы о ледоходѣ на Невѣ съ 1706 по 1886 годъ, помѣщенной въ „S.-Petersburger Kalender", изд. Шмидорфа, 1887 г., стр. 386, оказывается, что Минихъ самъ могъ видѣть „Ледяную крѣпость" и разсказывать о ней, какъ очевидецъ, такъ какъ въ 1733 г. ледъ на Невѣ начало ломать 6-го апрѣля, но онъ простоялъ еще недѣлю и настоящій ледоходъ начался лишь 14-го апрѣля, слѣдовательно, подъ словами „необыкновенное зрѣлище во дни Анны Іоанновны", которое авторъ „Замѣчаній" самъ видѣлъ, можно понимать Ледяной домъ и Ледяную крѣпость.

XI.

Обратимся теперь къ положительной сторонѣ нашихъ доказательствъ.

П. Н. Петровъ основываетъ свои заключенія, какъ уже сказано, на однихъ предположеніяхъ и догадкахъ, поэтому доказательства его не могутъ быть убѣдительными; кромѣ того, онъ недостаточно воспользовался текстомъ „Замѣчаній", по которому можно вывести заключеніе о личности и общественныхъ отношеніяхъ автора. Его индуктивный методъ изслѣдованія, если можно такъ выразиться, не выдержанъ до конца и поэтому не привелъ къ положительному выводу. Г. Петровъ многаго не замѣтилъ, и не провѣрилъ довольно тщательно и съ должнымъ вниманіемъ текста „Замѣчаній", зачастую тождественнаго съ текстомъ записокъ Миниха-сына. По этой причинѣ, онъ упустилъ изъ виду, точно также, какъ до него Щебальскій, самое существенное обстоятельство, говорящее въ пользу авторства гр. Эрнста Миниха.

Обстоятельство это слѣдующее: авторъ „Замѣчаній" разсказываетъ въ первомъ лицѣ объ одномъ разговорѣ, который онъ имѣлъ

получалъ отъ вѣнскаго двора. „Посланникъ жилъ пышно, давалъ пиры, но ничего не исходатайствовалъ. Кардиналъ Флери сказалъ однажды: „не понимаю, какъ государь, жалующійся на скудное положеніе свое, можетъ производить каждый годъ 50 тысячъ рейхсталеровъ на прожитокъ своему министру". Какъ извѣстно, молодой гр. Эрнстъ Минихъ (Зап., стр. 21 и слѣд.) также находился, въ то время, на конгрессѣ въ Суассонѣ, въ свитѣ графа Головкина, который немедленно посѣтилъ кардинала Флери и, безъ сомнѣнія, тогда-же взялъ съ собою своего любимца (стр. 21, 22). Впослѣдствіи, Минихъ-сынъ остался, представителемъ Россіи, во Франціи и передъ отъѣздомъ своимъ (въ началѣ 1733 г.) лично откланивался кардиналу (Зап., 31), съ которымъ онъ, слѣдовательно, былъ знакомъ и котораго, можетъ быть, нерѣдко посѣщалъ. Точно также, онъ былъ знакомъ, безъ сомнѣнія, и съ графомъ Бассевичемъ, посланникомъ герцога Голштинскаго, который находился въ близкихъ отношеніяхъ къ Россіи, и поэтому Минихъ могъ знать о доходахъ и о широкомъ образѣ жизни Бассевича. Вышеприведенное, случайное замѣчаніе Флери, одного изъ извѣстнѣйшихъ людей своего времени, вѣроятно такъ запечатлѣлось въ памяти юнаго дипломата, что онъ не позабылъ его и по прошествіи 40 лѣтъ. Иначе какъ-бы онъ могъ запомнить столь маловажное обстоятельство и впослѣдствіи разсказывать о немъ?

Петру Ив. Панину было, напротивъ того, въ эпоху суассонскаго конгресса всего около 7 лѣтъ, и, безъ сомнѣнія, онъ не могъ особенно интересоваться ни этимъ конгрессомъ, ни малозначащими словами кардинала Флери объ иноземномъ посланникѣ.

2) На стр. 153 авторъ „Замѣчаній" высказываетъ, по поводу письма фельдмаршала Миниха къ князю Лобковичу (1739 г.), которое приведено въ Запискахъ Манштейна во французскомъ переводѣ, что оно лучше написано на нѣмецкомъ языкѣ, нежели переведено на французскій [1]), слѣдовательно, онъ читалъ его въ нѣмецкомъ оригиналѣ.

Но кто-же имѣлъ болѣе удобный случай просмотрѣть нѣмецкій оригиналъ, какъ не сынъ самого фельдмаршала? Безъ сомнѣнія, тотъ же гр. Эрнстъ Минихъ доставилъ и Бюшингу „точную копію" съ этого письма, помѣщенную въ седьмомъ томѣ Бюшингова Магазина (1773 г.) [2]). Трудно допустить, чтобы Петръ Ив. Панинъ ознакомив-

[1]) „Письмо сіе, лучше написанное на нѣмецкомъ языкѣ, нежели переведенное на французскій", и пр.

[2]) Стр. 233—240. Также и „отвѣтъ" (Antwort), составляющій часть Записокъ графа Эрнста Миниха, напечатанный въ IX томѣ, свидѣтельствуетъ о близкомъ и дружескомъ отношеніи Миниха-сына къ Бюшингу. А. Ю.

Намъ могутъ на это, возразить, пожалуй, что авторъ „Замѣчаній" списалъ, быть можетъ, по забывчивости, это мѣсто въ первомъ лицѣ изъ того источника, изъ коего онъ черпалъ свои свѣдѣнія, т. е. изъ Записокъ графа Эрнста Миниха. Однако, не трудно убѣдиться въ совершенной несостоятельности подобнаго предположенія, ибо авторъ „Замѣчаній" отнюдь не пользуется своимъ источникомъ буквально, но отчасти измѣняетъ его и добавляетъ кое что отъ себя. Уже изъ этого видно, что онъ работалъ сознательно и со вниманіемъ. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ гр. Эрнстъ Минихъ говоритъ въ „Запискахъ": „Отецъ мой", тамъ мы читаемъ въ „Замѣчаніяхъ" постоянно „фельдмаршалъ". Наконецъ, просматривая то мѣсто, гдѣ говорится второй разъ объ Остерманѣ, мы убѣждаемся въ томъ, что авторъ „Замѣчаній" сознательно говоритъ отъ своего имени: „что принадлежитъ до графа Остермана, то я мыслю", и т. д. Между тѣмъ въ Запискахъ онъ не настаиваетъ болѣе въ этомъ мѣстѣ на томъ, что онъ высказываетъ свое личное мнѣніе. Только одинъ и тотъ же авторъ могъ такъ свободно высказывать мысли и воспоминанія, принадлежащія ему лично, такъ что, желая отрицать тождественность автора въ обоихъ этихъ случаяхъ, пришлось бы отвергнуть всѣ законы психологіи и допустить, что авторъ „Замѣчаній", — говоря въ первомъ лицѣ точно также, какъ говоритъ авторъ того сочиненія, изъ котораго онъ черпаетъ свои свѣдѣнія, и приписывая себѣ, такимъ образомъ, мысли и событія, пережитыя Эрнстомъ Минихомъ—умышленно хочетъ ввести читателя въ обманъ; между тѣмъ, мы не имѣемъ ни малѣйшаго основанія дѣлать подобное предположеніе.

XII.

Въ подтвержденіе нашего, и безъ того уже достаточно доказаннаго, мнѣнія, мы постараемся привести еще нѣсколько фактовъ, говорящихъ въ пользу того, что авторомъ „Замѣчаній" былъ графъ Эрнстъ Минихъ, и противъ того, будто они написаны гр. Петромъ Ивановичемъ Панинымъ; съ этой цѣлью мы просмотримъ теперь особенно тщательно самый текстъ „Замѣчаній".

1) Авторъ „Замѣчаній" сообщаетъ (стр. 133), что герцогъ Голштинскій многаго ожидалъ отъ конгресса въ Суассонѣ, открывшагося въ половинѣ 1728 года, и отправилъ на него посломъ графа Бассевича. Этотъ послѣдній получалъ ежегодно на свое содержаніе 50,000 рейхсталеровъ, которые герцогъ, въ свою очередь,

получалъ отъ вѣнскаго двора. „Посланникъ жилъ пышно, давалъ пиры, но ничего не исходатайствовалъ. Кардиналъ Флери сказалъ однажды: „не понимаю, какъ государь, жалующійся на скудное положеніе свое, можетъ производить каждый годъ 50 тысячъ рейхсталеровъ на прожитокъ своему министру". Какъ извѣстно, молодой гр. Эрнстъ Минихъ (Зап., стр. 21 и слѣд.) также находился, въ то время, на конгрессѣ въ Суассонѣ, въ свитѣ графа Головкина, который немедленно посѣтилъ кардинала Флери и, безъ сомнѣнія, тогда-же взялъ съ собою своего любимца (стр. 21, 22). Впослѣдствіи, Минихъ-сынъ остался, представителемъ Россіи, во Франціи и передъ отъѣздомъ своимъ (въ началѣ 1733 г.) лично откланивался кардиналу (Зап., 31), съ которымъ онъ, слѣдовательно, былъ знакомъ и котораго, можетъ быть, нерѣдко посѣщалъ. Точно также, онъ былъ знакомъ, безъ сомнѣнія, и съ графомъ Бассевичемъ, посланникомъ герцога Голштинскаго, который находился въ близкихъ отношеніяхъ къ Россіи, и поэтому Минихъ могъ знать о доходахъ и о широкомъ образѣ жизни Бассевича. Вышеприведенное, случайное замѣчаніе Флери, одного изъ извѣстнѣйшихъ людей своего времени, вѣроятно такъ запечатлѣлось въ памяти юнаго дипломата, что онъ не позабылъ его и по прошествіи 40 лѣтъ. Иначе какъ-бы онъ могъ запомнить столь маловажное обстоятельство и впослѣдствіи разсказывать о немъ?

Петру Ив. Панину было, напротивъ того, въ эпоху суассонскаго конгресса всего около 7 лѣтъ, и, безъ сомнѣнія, онъ не могъ особенно интересоваться ни этимъ конгрессомъ, ни малозначащими словами кардинала Флери объ иноземномъ посланникѣ.

2) На стр. 153 авторъ „Замѣчаній" высказываетъ, по поводу письма фельдмаршала Миниха къ князю Лобковичу (1739 г.), которое приведено въ Запискахъ Манштейна во французскомъ переводѣ, что оно лучше написано на нѣмецкомъ языкѣ, нежели переведено на французскій [1]), слѣдовательно, онъ читалъ его въ нѣмецкомъ оригиналѣ.

Но кто-же имѣлъ болѣе удобный случай просмотрѣть нѣмецкій оригиналъ, какъ не сынъ самого фельдмаршала? Безъ сомнѣнія, тотъ же гр. Эрнстъ Минихъ доставилъ и Бюшингу „точную копію" съ этого письма, помѣщенную въ седьмомъ томѣ Бюшингова Магазина (1773 г.) [2]). Трудно допустить, чтобы Петръ Ив. Панинъ ознакомив-

[1]) „Письмо сіе, лучше написанное на нѣмецкомъ языкѣ, нежели переведенное на французскій". и пр.

[2]) Стр. 233—240. Также и „Отвѣтъ" (Antwort), составляющій часть Записокъ графа Эрнста Миниха, напечатанныхъ въ IX томѣ, свидѣтельствуетъ о близкомъ и дружескомъ отношеніи Миниха-сына къ Бюшингу. А. Ю.

шись съ этимъ письмомъ впервые изъ изданія Бюшинга (въ такомъ случаѣ „Замѣчанія“ должны были быть написаны только послѣ изданія (1773 г.) Бюшингова сборника) сталъ бы сравнивать его съ таковымъ же письмомъ, напечатаннымъ у Манштейна: гораздо правдоподобнѣе будетъ допустить, что сынъ зналъ объ этомъ письмѣ своего отца и сравнилъ его съ переводомъ, сдѣланнымъ Манштейномъ. Къ тому-же Петръ Ив. Панинъ былъ русскій; могъ-ли онъ обратить вниманіе на неправильности французскаго перевода сравнительно съ нѣмецкимъ оригиналомъ? Тѣмъ болѣе, что онъ, какъ старый воинъ, врядъ ли обратилъ бы вниманіе на педантично точный переводъ, а провѣрилъ бы развѣ только общій смыслъ его и историческіе факты. Зато графъ Эрнстъ Минихъ, какъ нѣмецъ и какъ человѣкъ, получившій научное образованіе (см. Записки, стр. 11 и 14), гораздо легче могъ сдѣлать подобное филологическое замѣчаніе.

3) Подробности, сообщаемыя о дѣлѣ Волынскаго (Замѣчанія, стр. 154 — 156), изобличаютъ въ авторѣ человѣка придворнаго, хорошо знавшаго всѣ обстоятельства дѣла и, повидимому, очевидца этого событія. Все это какъ нельзя болѣе подходитъ къ графу Эрнсту Миниху.

4) „Генералъ Манштейнъ не могъ достовѣрно знать о подробностяхъ, происходившихъ во время болѣзни императрицы Анны Іоанновны, ни о происках герцога Бирона, въ послѣдніе дни жизни благодѣтельницы его употребленныхъ, почему почитаю нужнымъ поправить погрѣшности сего сочинителя“. Такъ говоритъ авторъ „Замѣчаній“ (стр. 156) и распространяется объ этихъ событіяхъ положительно, какъ очевидецъ, который, въ противоположность Манштейну, одинъ могъ знать о нихъ что либо положительное.

Все, что онъ сообщаетъ затѣмъ объ этомъ событіи, согласуется также почти буквально съ „Записками“ Миниха-сына, но, какъ показываетъ слѣдующій примѣръ, въ „Замѣчаніяхъ“ встрѣчаются еще нѣкоторыя незначительныя подробности, которыя отсутствуютъ въ Запискахъ (см. „Записки“ графа Эрнста Миниха, стр. 84, и „Замѣчанія“, стр. 156 и слѣд.) [1]):

„6 числа октября (1740 г.) императрица (Анна Іоанновна), сѣвши за столъ (съ герцогомъ Курляндскимъ и его супругою) и покушавъ немного, вдругъ сдѣлался съ нею обморокъ, и безъ памяти отнесли ее въ постель (въ почивальную). Герцогъ Курляндскій,

[1]) Мы приводимъ здѣсь текстъ Записокъ Миниха-сына буквально; дополненія къ нему, встрѣчаемыя въ „Замѣчаніяхъ“, заключены въ скобкахъ.
А. Ю.

(приведенный симъ внезапнымъ несчастіемъ въ крайнее смятеніе, выбѣжалъ въ переднюю, дабы послать за врачами, и усмотрѣвъ тутъ президента коммерцъ-коллегіи, барона Менгдена, обыкновенно въ сей часъ посѣщавшаго его, поручилъ ему, какъ можно поспѣшнѣе увѣдомить графа Миниха о болѣзни императрицы и просить его немедленно пріѣхать во дворецъ), въ то-же мгновеніе приказалъ позвать къ себѣ отца моего, двухъ кабинетскихъ министровъ, князя Черкаскаго и тайнаго совѣтника Бестужева и оберъ-маршала графа Левенвольда. (Графъ Минихъ немедленно пріѣхалъ во дворецъ, гдѣ нашелъ уже оберъ-гофмаршала г. Левенвольда)".

Эти дополненія къ свѣдѣніямъ, сообщаемымъ въ „Запискахъ" гр. Эриста Миниха, которыя послужили, безъ сомнѣнія, основаніемъ для этого разсказа, наводятъ насъ на мысль, что оба эти сочиненія написаны однимъ и тѣмъ же авторомъ, дополнившимъ свой прежній разсказъ нѣкоторыми подробностями, сохранившимися въ его воспоминаніи и коихъ онъ былъ очевидцемъ.

Между тѣмъ, Петръ Ив. Панинъ не былъ ни человѣкомъ придворнымъ, ни очевидцемъ этихъ событій, и намъ кажется весьма неправдоподобнымъ, чтобы онъ могъ заимствовать столь маловажныя подробности изъ какого-нибудь другаго источника и дополнить ими въ „Замѣчаніяхъ" разсказъ, списанный имъ изъ „Записокъ".

Впрочемъ, эти дополненія не единственныя, встрѣчаемыя нами въ „Замѣчаніяхъ", мы находимъ подобнаго-же рода добавленія и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ (напр., сравн. „Замѣчанія", стр. 175, и „Записки" Миниха-сына, стр. 97 и пр.).

5) На стр. 180 авторъ „Замѣчаній" сообщаетъ, въ примѣчаніи, свѣдѣнія о личности дѣйств. тайн. сов. барона Х. Миниха, брата фельдмаршала, и говоритъ, что онъ скончался въ 1768 году и пр. Весьма понятно, что графъ Эрнстъ Минихъ, воспользовавшись случаемъ, чтобы сказать нѣсколько словъ о своемъ дядѣ, который, не представляетъ вообще говоря, особенно большаго интереса въ историческомъ отношеніи. Но трудно допустить, чтобы Петръ Ив. Панинъ сталъ утруждать себя, сообщая эти подробности о человѣкѣ, для него чужомъ.

6) Авторъ „Замѣчаній" упоминаетъ, между прочимъ, съ похвалою (стр. 171 и послѣд.) „особенно объ учрежденіи знаменитаго кадетскаго корпуса, обогатившаго Россію превосходными офицерами, и въ коемъ, при самомъ зарожденіи онаго, для Беллоны образовался славный Румянцевъ, для Мельпомены явился Сумароковъ", что привлекаетъ „благодарность нашу къ именамъ тѣхъ знаменитыхъ

мужей, предстательствомъ коихъ заведенія сіи получили начало свое". Этотъ кадетскій корпусъ былъ созданъ фельдмаршаломъ Минихомъ. Помимо того, что намъ бросается здѣсь въ глаза восхваленіе косвеннымъ образомъ Миниха, которое мы нерѣдко встрѣчаемъ въ „Замѣчаніяхъ", тутъ невольно обращаютъ наше вниманіе классическія выраженія, употребленныя авторомъ. Они какъ нельзя болѣе подходятъ къ графу Эрнсту Миниху, получившему классическое воспитаніе, который и въ своихъ „Запискахъ" говоритъ иногда этимъ стариннымъ слогомъ. Такъ, напр., онъ примѣняетъ Цесарево „vini, vidi, vici" къ побѣдѣ своего отца подъ Очаковымъ въ 1737 г., подобно тому, какъ онъ примѣшиваетъ тутъ Беллону и Мельпомену.

Въ другомъ мѣстѣ онъ сравниваетъ походъ фельдмаршала въ степи съ шествіемъ Моисея въ пустынѣ (Записки, стр. 57).

Петръ Ив. Панинъ, посвятившій себя съ молодыхъ лѣтъ военной службѣ, врядъ-ли обладалъ тѣми классическими познаніями, которыя замѣтны иногда въ изложеніи автора „Замѣчаній".

Послѣдній относится, какъ видно, съ признательностью также и къ „славному" Румянцеву, ученику и поклоннику фельдмаршала, съ которымъ онъ находился въ довольно близкихъ отношеніяхъ. Румянцевъ считался, вообще, „большимъ пріятелемъ и покровителемъ нѣмцевъ" [1]). Поэтому намъ весьма понятна симпатія молодаго Миниха къ поклоннику и ученику его отца; точно также какъ и уваженіе Румянцева къ фельдмаршалу Миниху было искреннее и глубокое.

Бюшингъ высказалъ ему, однажды, свое удивленіе по поводу того, что генеральскій чинъ, не пользуется, по его замѣчанію, въ обществѣ особымъ почетомъ.

— „Вы правы", отвѣчалъ Румянцевъ, „когда я былъ еще генералъ-адъютантомъ генералъ-фельдмаршала графа фонъ-Миниха, то я считалъ себя совсѣмъ инымъ малымъ—при этомъ онъ ударилъ себя въ грудь,—нежели теперь, когда я сталъ генералъ-аншефомъ".

„Генералъ-фельдмаршалъ держалъ себя какъ царь и заставилъ при дворѣ относиться къ офицерамъ съ такимъ уваженіемъ, что даже прапорщику оказывался почетъ. Теперь иное дѣло. Мнѣ остается получить только чинъ генералъ-фельдмаршала; пробывъ нѣкоторое время въ этомъ званіи, я могу мгновенно сдѣлаться

[1]) См. Büschings eigene Lebensgeschichte.

акимъ же ничтожествомъ, какое представляютъ изъ себя много-исленные генералъ-фельдмаршалы, окружающіе насъ“ [1]).

7) Авторъ „Замѣчаній“ говоритъ (стр. 172) о постройкахъ, оздвигнутыхъ при императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ, и сознается, что рхитектура ихъ была не особенно изящная и „состояла изъ смѣ-енія итальянской, французской и голландской архитектуры“. Эти тзывы также болѣе всего подходятъ къ личности Миниха-сына, оторый посѣтилъ Италію, Францію и Голландію [2]) и видѣлъ ихъ рхитектурныя произведенія. Кромѣ того, онъ занимался рисова-іемъ (впрочемъ, Панинъ также любилъ рисованіе), а въ ссылкѣ— атематическими науками (ср. Зап., стр. 14 и 15).

Но, авторъ по всей вѣроятности, и тутъ заимствовалъ свои свѣ-ѣнія изъ сочиненія графа Альгаротти, который, какъ человѣкъ есьма образованный и знатокъ искусства, былъ, вѣроятно, знакомъ ъ совершенствѣ съ архитектурными стилями. Какъ бы то ни было, ба разсказа поражаютъ своимъ сходствомъ:

Замѣчанія, стр. 172.

Хотя, впрочемъ, надлежитъ при-наться, что вкусъ въ зодчествѣ былъ е самый изящнѣйшій: онъ представ-лялъ смѣшеніе итальянской, француз-ской и голландской архитектуры. По-слѣдней наиболѣе слѣдовали, вѣроят-о, потому, что великій преобразова-ель Россіи почерпнулъ таковой вкусъ о время пребыванія своего въ Саар-амѣ, гдѣ державная длань сего чу-еснаго мужа, пролившая безчислен-ыя щедроты на подданныхъ, не воз-ушалась, въ поученіе россіянъ, ражняться въ строеніи кораблей.

Algarotti, Viaggi di Russia. (Opere, tomo VI, p. 64. Cremona, 1780).

Regna qui una maniera di ar-chitettura bastarda tra la Italiana, la Francese e la Olandese. Domina pero la Olandese. E non è maraviglia. In Olanda fece il Czar, per cosi dire, i primi suoi studi; e a Sardam, quasi nuovo Prometeo, prese quel fuoco, di cui animo dipoi la sua nazione.

---

[1]) Büschings eigene Lebensgeschichte (Halle, 1789), стр. 485—487. „Sie aben Recht“, antwortete Rumiänzew, „als ich noch Generaladjutant des General-ldmarschalls Grafen von Münnich war, glaubte ich ein ganz anderer Kerl zu ein—hiebei schlug er an seine Brust—als ich mich jetzt fühle, da ich General n chef bin. Der General-feldmarschall gab sich das Ansehn eines Kaisers, nd verschaffte allen Officiers am Hofe ein solches Ansehen, dasz man vor inem Fähnrich Respect hatte. Nun ist es ganz anders. Für mich ist nur noch brig, General-feldmarschall zu werden, und wenn ich dieses eine Zeit lang ewesen bin, so kann ich plötzlich eben eine solche Nulle werden, als die vielen eneral-feldmarschälle, die hier herumgehen“. Срав. также Büsch. Magazin, II, стр. 534, внизу.

[2]) Петръ Ив. Панинъ, насколько намъ извѣстно, не былъ въ этихъ странахъ. А. Ю.

8) Далѣе, авторъ „Замѣчаній“ перечисляетъ наиболѣе выдающихся дѣятелей царствованія Анны Іоанновны (стр. 173); во главѣ всѣхъ стоитъ фельдмаршалъ Минихъ, за нимъ упоминаются Александръ Ив. Румянцевъ, Кейтъ и Левендаль. Къ числу наиболѣе значительныхъ сановниковъ причисляется, правда, также одинъ Панинъ, однако, это не есть предполагаемый авторъ „Замѣчаній“, о которомъ нигдѣ не упомянуто, но его братъ, Никита Ивановичъ. Возможно-ли допустить, чтобы авторъ при этомъ совершенно умолчалъ о себѣ? Между тѣмъ, въ этомъ же сочиненіи говорится, далѣе, въ отдѣльной замѣткѣ, о Минихѣ-сынѣ, историческое значеніе котораго было крайне ничтожное.

9) На стр. 194 приведена рѣчь фельдмаршала Миниха къ императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ, содержаніе которой заимствовано изъ „Записокъ“ его сына (стр. 117 и послѣд.); но подъ конецъ авторъ „Замѣчаній“ прибавляетъ четыре фразы, очевидно, по своимъ собственнымъ воспоминаніямъ, и затѣмъ снова продолжаетъ выписку изъ Записокъ гр. Эрнста Миниха [1]). Слѣдовательно, мы видимъ и тутъ, что авторъ „Замѣчаній“, Минихъ-сынъ, дополняетъ разсказъ, списанный имъ изъ Записокъ, нѣкоторыми подробностями, пришедшими ему на память впослѣдствіи.

Откуда могъ бы Петръ Ив. Панинъ заимствовать эти весьма несущественныя добавленія къ рѣчи, произнесенной фельдмаршаломъ, да и вообще, какимъ образомъ могъ онъ обратить на это вниманіе? Тогда какъ сынъ фельдмаршала, къ тому же человѣкъ придворный, могъ быть очевидцемъ этого событія и имѣлъ возможность не разъ переспросить отца по поводу его рѣчи.

10) Точно также бросается въ глаза то, что авторъ „Замѣчаній“ говоритъ въ оправданіе фрейлины баронессы Менгденъ (стр. 198), которую, очевидно, онъ зналъ очень хорошо лично. Графъ Эрнстъ Минихъ былъ женатъ, какъ извѣстно, на баронессѣ Менгденъ и вышеупомянутая дѣвица Менгденъ была, вѣроятно, близкой родственницей его жены. Какъ придворный, очень хорошо знавшій всѣхъ фрейлинъ, онъ могъ сообщить о нихъ болѣе подробныя свѣдѣнія, тогда какъ отъ Панина этого нельзя ожидать.

11) На стр. 203 мы читаемъ: „Изображеніе великой княгини

[1]) На 176 стр. „Замѣчаній“ также сдѣлана выписка изъ Записокъ гр. Э. Миниха (Зап., стр. 99 и 100), но авторъ прибавляетъ тамъ по своимъ собственнымъ воспоминаніямъ фамиліи: „Ханыковъ“ и „Аргамаковъ“, которыя не приведены въ Запискахъ. Также на стр. 179 „Замѣчаній“ прибавлена фамилія Грамматина (ср. Зап., стр. 102). А. Ю.

Анны Карловны, представленное генераломъ Манштейномъ, есть вымышленное. Вотъ какъ описываетъ ее одинъ человѣкъ, имѣвшій честь знать сію государыню коротко". За симъ слѣдуетъ обстоятельная характеристика, заимствованная отчасти изъ Записокъ гр. Эрнста Миниха (стр. 110). Если бы человѣкъ, „коротко знавшій великую княгиню", не былъ самъ авторъ „Замѣчаній", то врядъ-ли онъ прибавилъ бы слова: „имѣвшій честь". Гр. Эрнстъ Минихъ, ея гофмаршалъ и довѣренное лицо, былъ именно такимъ человѣкомъ, какой тутъ описывается. Мы можемъ привести изъ Записокъ Миниха-сына (стр. 96) примѣръ, свидѣтельствующій о томъ, что, говоря объ императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ, Минихъ выражался столь же почтительнымъ образомъ, почти въ тѣхъ же самыхъ выраженіяхъ: „Я былъ одинъ изъ тѣхъ, кои пользовались честью ей прислуживать".

12) Характеристика фельдмаршала Миниха („Зам." стр. 207—209), написанная въ опроверженіе неблагопріятнаго отзыва о фельдмаршалѣ въ Запискахъ Манштейна, производитъ, какъ замѣтилъ Щебальскій, несомнѣнно такое впечатлѣніе, какъ будто авторъ считаетъ этотъ вопросъ своимъ собственнымъ, личнымъ дѣломъ. Авторъ признаетъ, до нѣкоторой степени, въ фельдмаршалѣ „вспыльчивость" и „честолюбіе"—недостатки, присущіе иногда и „великимъ людямъ", но хочетъ оградить его отъ упрека въ скупости, проявившейся временами (срав. Mémoires de Manstein, Leipzig, 1771 г., стр. 429), и говоритъ: „домашніе расходы его несоразмѣрны были доходамъ".

Какимъ образомъ могъ Петръ Ив. Панинъ знать такъ обстоятельно домашніе доходы и расходы Миниха? Какимъ образомъ могло ему быть извѣстно, что фельдмаршалъ „о предпріятіяхъ своихъ рѣдко открывался?" („Замѣчанія", стр. 208). Вѣдь Панинъ не былъ его довѣреннымъ лицомъ, которому онъ повѣрялъ свои мысли; только сынъ могъ претендовать на такое довѣріе, да развѣ адъютанты его могли знать достовѣрно подобныя вещи. Допустить же, что Панинъ заручился этими свѣдѣніями у нихъ, было бы крайне неправдоподобно.

13) На стр. 213 и 214 „Замѣчаній" находится поправка къ примѣчанію Губера (Huber), помѣщенному во французскомъ изданіи Манштейна (Лейпцигъ, 1771 г., стр. 431 и 432), въ которомъ говорится о возвращеніи Миниха изъ Сибири и о послѣдующихъ годахъ его жизни. Авторъ „Замѣчаній" говоритъ по этому поводу: „сынъ графа Миниха, сопровождаемый своими дѣтьми, тремя сыновьями и двумя дочерьми, рожденными во время ссылки его въ Вологдѣ, прибылъ въ Петербургъ за нѣсколько недѣль прежде родителя

своего. Тутъ онъ нашелъ уже пріѣхавшими изъ Риги старшую дочь свою и супруга ея, барона Фитингофа" и т. д.

Весьма неправдоподобно, чтобы Петръ Ив. Панинъ могъ знать въ подробности всѣ эти семейныя отношенія! За то отецъ тѣхъ трехъ сыновей и двухъ дочерей, родившихся въ Вологдѣ, могъ по прошествіи десяти лѣтъ живо помнить всѣ подробности той великой и радостной минуты, въ которую онъ свидѣлся съ отцомъ послѣ 20-лѣтней разлуки [1]).

14) Авторъ „Замѣчаній" сообщаетъ намъ (стр. 215), что имѣніе графини Минихъ было конфисковано; далѣе онъ говоритъ (стр. 216), что Миниху-сыну „ни полушки не выдали" изъ принадлежавшаго ему и конфискованнаго движимаго имущества и драгоцѣнностей. Ему также извѣстны доходы Миниха-сына, въ разное время его ссылки. Врядъ-ли кто иной, кромѣ самого гр. Эрнста Миниха, могъ сообщить подобныя, чисто личныя, подробности [2]). Онѣ были слишкомъ маловажны для того, чтобы гр. Панинъ собиралъ о нихъ свѣдѣнія.

Этихъ примѣровъ, кажется, намъ достаточно для того, чтобы придти къ убѣжденію, что авторомъ „Замѣчаній на записки Манштейна" не могъ быть никто иной, какъ тайный совѣтникъ гр. Эрнстъ Минихъ-сынъ фельдмаршала.

Масса новыхъ доказательствъ, заимствованныхъ нами изъ самаго текста „Замѣчаній", говорящихъ въ пользу авторства гр. Миниха, кажется, навсегда, устраняютъ мысль о томъ, что гр. Петръ Ивановичъ Панинъ могъ быть авторомъ этого сочиненія.

---

[1]) Разсказъ о поведеніи фельдмаршала Миниха при сверженіи Петра III, сообщаемый въ „Замѣчаніяхъ" (стр. 213), подтверждается Рюльеромъ (Rulhière, Histoire ou Anecdotes sur la révolution de Russie, en l'année 1762. Paris, 1797, p. 116—136).

[2]) Автору „Замѣчаній" также извѣстно (стр. 185), что Манштейнъ пользовался многими благодѣяніями фельдмаршала Миниха, и онъ обвиняетъ его въ неблагодарности. А. Ю.

XIII.

Если мы зададимся теперь вопросомъ, при какихъ обстоятельствахъ и съ какою цѣлью были написаны „Замѣчанія", то, за недостаткомъ положительныхъ данныхъ, мы будемъ вынуждены ограничиться однѣми догадками но онѣ помогутъ намъ объяснить кое-какіе факты, которые иначе остались бы неразъясненными.

Въ 1770 и 1771 гг. появились въ печати Записки Манштейна [1]) (на англійскомъ, французскомъ и нѣмецкомъ языкѣ), въ которыхъ были высказаны довольно рѣзкія сужденія о фельдмаршалѣ Минихѣ и осуждались нѣкоторые его дѣйствія и мотивы, руководившіе его поступками. Сынъ его, тайн. сов. Эрнстъ Минихъ, считалъ своимъ долгомъ возстановить репутацію отца, насколько это было возможно, не искажая истины; при этомъ у него явилось также желаніе возстановить въ истинномъ свѣтѣ нѣкоторые факты и событія, описанные Манштейномъ изъ той эпохи, которой онъ самъ былъ очевидцемъ, и набросать вѣрными красками портреты нѣкоторыхъ личностей, которыя были ему извѣстны или стояли къ нему близко, и защитить ихъ, по мѣрѣ возможности, отъ нападковъ Манштейна. Занятіе исторіей было всегда любимымъ препровожденіемъ времени Миниха-сына; его Записки свидѣтельствуютъ о томъ, что онъ занимался и ранѣе писаніемъ замѣтокъ, въ родѣ тѣхъ, каковыми оказались „Замѣчанія".

Вотъ какимъ образомъ возникли, по всей вѣроятности, „Замѣчанія на Записки Манштейна". При томъ авторъ просматривалъ, какъ намъ кажется, нѣмецкое и французское изданіе Записокъ Манштейна 1771 года [2]). То сказаніе Бюшинга, помѣщенное въ примѣчаніи [3]) Записокъ генерала Манштейна, къ которому авторъ „Замѣчаній" дѣлаетъ поправку (стр. 185), упоминается съ именемъ Бюшинга только въ нѣмецкомъ изданіи, тогда какъ обширная замѣтка о возвращеніи Миниха изъ ссылки, о которой говорится въ

[1]) О разныхъ изданіяхъ Записокъ Манштейна см. стр. 445—452 нашего изслѣдованія: Manstein's Memoiren und seine Quellen für die Belagerung Danzigs (1734) und den Türkenkrieg (1736—1739), въ журналѣ „Russische Revue", St.-Petersburg, 1886, IV, 438—491.

[2]) Leipzig, 1771, Weidmanns Erben und Reich.

[3]) См. нѣмецкое изданіе Манштейна, стр. 360. Въ этомъ примѣчаніи сообщается, что фельдмаршалъ Минихъ стремился сдѣлаться герцогомъ украинскимъ или господаремъ молдавскимъ. Авторъ „Замѣчаній" ошибается, однако, считая Бюшинга авторомъ этого извѣстія. Слова Бюшинга приведены тутъ только въ примѣръ для разъясненія спорнаго пункта. А. Ю.

„Замѣчаніяхъ“ на 213 и послѣд. страницахъ, помѣщена лишь во французскомъ изданіи Записокъ Манштейна (Губера).

Надобно допустить также, что графъ Эрнстъ Минихъ имѣлъ твердое намѣреніе обнародовать свои „Замѣчанія“, съ цѣлью поправить или опровергнуть печатно только что появившіяся Записки Манштейна, ибо только подъ этимъ условіемъ ихъ цѣль становится понятною. Хотя Минихъ-сынъ былъ, повидимому, знакомъ съ Записками Манштейна въ рукописи, въ то время, когда онъ писалъ свои собственныя Записки (1758 г.), и пользовался ими какъ источникомъ, однако, у него явилась мысль написать, въ опроверженіе на нихъ, свои „Замѣчанія“, только при появленіи этихъ Записокъ въ печати, при чемъ онъ воспользовался своими собственными „Записками“, написанными ранѣе, и выписалъ изъ нихъ нѣкоторыя мѣста почти буквально.

Но гр. Эрнсту Миниху было неловко издать эти полемическія замѣтки подъ своимъ именемъ, ибо читатели не отнеслись бы къ нему тогда съ такимъ довѣріемъ и могли обвинить его въ пристрастіи, такъ какъ почти половина этого сочиненія (около 40 печатныхъ страницъ) посвящена защитѣ его отца, фельдмаршала, противъ неблагопріятныхъ отзывовъ и исторически невѣрныхъ свѣдѣній, сообщенныхъ о немъ Манштейномъ. Кромѣ того, авторъ „Замѣчаній“ поправляетъ въ нихъ и тѣ мѣста изъ Записокъ Манштейна, въ которыхъ говорится о самомъ графѣ Эрнстѣ Минихѣ.

Въ виду всего этого, ему необходимо было остаться неизвѣстнымъ, чтобы заслужить довѣріе читателя, и по этой-же причинѣ для него было весьма важно, чтобы его сочли за человѣка вполнѣ русскаго, и какъ таковой, онъ долженъ былъ высказать свое мнѣніе объ иностранцахъ и нѣмцахъ, не смотря на то, что его собственный отецъ былъ иностранецъ и что онъ самъ, болѣе чѣмъ на половину, былъ и остался нѣмцемъ, хотя онъ былъ совершенно преданъ русскому царствующему дому и Россіи. Такимъ образомъ объясняется чувство національной гордости и чисто русскій патріотизмъ, которые проглядываютъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ „Замѣчаній“ [1]). А такъ какъ графъ Эрнстъ Минихъ провелъ часть

[1]) Такъ, напр., „Замѣчанія“, стр. 146: „Свѣтъ видѣлъ съ коликимъ успѣхомъ россіяне дѣйствовали въ сей войнѣ“ (въ Польшѣ), стр. 156. „Анна, управляемая иноплеменнымъ извергомъ (т. е. Бирономъ)“. Стр. 168: „словесность наша“. Стр. 185: „Любовь къ отечеству... руководствовали знаменитаго полководца“ (т. е. фельдмаршала Миниха). На стр. 207, отзываясь съ величайшей ироніей о Шетарди и о прусскомъ посланникѣ, лишавшихъ Россію ея лучшихъ силъ, онъ замѣчаетъ: „Такъ во всѣ времена гг. иностранцы доброхотствовали нашему отечеству“. А. Ю.

своей молодости въ Россіи, безъ сомнѣнія хорошо зналъ русскій языкъ, и Россія стала для него вторымъ отечествомъ, такъ сказать, новой родиной, а судьба его съ молодыхъ лѣтъ была связана съ русскимъ дворомъ, то этотъ русскій патріотизмъ является у него лишь искреннимъ выраженіемъ его личныхъ чувствъ и пригодился ему какъ нельзя лучше для его защитительной цѣли.

Что гр. Эрнстъ Минихъ старается говорить безпристрастно и желаетъ быть справедливымъ, видно изъ того обстоятельства, что онъ не закрываетъ глаза на недостатки отца и, упоминая, между прочимъ, о его вспыльчивости и чрезвычайномъ честолюбіи, отзывается о нихъ съ явнымъ неодобреніемъ и отнюдь не старается игнорировать эти недостатки, тогда какъ въ своихъ Запискахъ, писанныхъ для дѣтей, онъ опускаетъ, разумѣется, эти неблагопріятные отзывы объ ихъ дѣдѣ; было бы не педагогично, какъ уже сказано, говорить съ неодобреніемъ о личности, которая должна была служить для нихъ авторитетомъ.

Объ императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ также высказано въ „Замѣчаніяхъ“ строгое сужденіе и на нее возлагается тяжкая вина (стр. 174): ей поставлена въ укоръ смерть Волынскаго, такъ какъ она допустила совершиться его казни.

Между тѣмъ какъ гр. Эрнстъ Минихъ писалъ свои „Записки“ въ ссылкѣ и поэтому могъ считать неудобнымъ говорить въ нихъ о недостаткахъ отца и опаснымъ осуждать коронованныхъ особъ, въ „Замѣчаніяхъ“, писанныхъ имъ значительно позднѣе, онъ могъ позволить себѣ гораздо болѣе вольныя сужденія.

Очевидно, гр. Э. Минихъ не имѣлъ намѣренія издать свои „Записки“, ибо въ такомъ случаѣ онъ не помѣстилъ бы такъ много выписокъ изъ нихъ въ „Замѣчаніяхъ“, такъ какъ это могло выдать его инкогнито и на основаніи этихъ выписокъ можно было бы доказать, что онъ есть именно авторъ этихъ „Замѣчаній“. Издавая эти послѣднія анонимно, онъ надѣялся, что они покажутся вслѣдствіе этого болѣе достовѣрными и что это обстоятельство придастъ ему, автору, видъ очевидца описываемыхъ имъ событій и походовъ. Хотя онъ осуждаетъ въ нихъ отца въ нѣкоторыхъ случаяхъ, за то въ общемъ онъ могъ восхвалять и защищать его, что онъ считалъ, безъ сомнѣнія, своимъ сыновнимъ долгомъ, и что было, вѣроятно, главной побудительной причиной для составленія этихъ „Замѣчаній“.

Мы можемъ привести еще одинъ примѣръ того, что гр. Эрнстъ Минихъ, бравшійся иной разъ за перо съ цѣлью оправдать кого нибудь или возстановить историческіе факты въ ихъ истинномъ свѣтѣ. Уже послѣ составленія „Замѣчаній“, въ 1775 г., онъ издалъ

часть своихъ Записокъ съ цѣлью оправдать своего отца, фельдмаршала Миниха, противъ обвиненій, взведенныхъ на него въ сочиненіи Бирона! Это сочиненіе Бирона, написанное на французскомъ языкѣ [1]), было издано Бюшингомъ въ извѣстномъ его Сборникѣ (Magazin, IX, 383—398) и при немъ приложенъ въ видѣ опроверженія на нихъ, написанный на нѣмецкомъ языкѣ, „отвѣтъ—(Antwort) и т. д. одного изъ ближайшихъ родственниковъ фельдмаршала графа Миниха". Отвѣтъ этотъ оказывается отрывкомъ изъ Записокъ Миниха-сына (Записки гр. Эрнста Миниха, стр. 83—90 и 97—106).

По всей вѣроятности, Минихъ же сообщилъ Бюшингу для напечатанія „письмо фельдмаршала Миниха къ кн. Лобковичу" (напеч. въ Büschings Magazin, VII, 235—240), такъ какъ онъ называетъ французскій переводъ этого письма, помѣщенный въ Запискахъ Манштейна, плохимъ [2]), о чемъ было уже говорено выше.

Наконецъ, упомянемъ еще о томъ, что авторъ „Замѣчаній", воспользовался для своего труда, во многихъ мѣстахъ, „Записками графа Эрнста Миниха" и сдѣлалъ изъ нихъ выписки; этотъ фактъ также говоритъ въ пользу авторства Миниха. Его „Записки" были написаны уже въ 1758 г., мы находимъ большія выдержки изъ нихъ [3]) въ „Замѣчаніяхъ"; но надобно замѣтить, что „Записки" эти не были еще изданы въ то время, а находились въ рукописи и, кромѣ того, имѣли совершенно частный характеръ и особую цѣль: онѣ были написаны для семейства, для дѣтей, и какъ таковыя держались, вѣроятно, въ тайнѣ отъ посторонникъ; никто, даже самъ Бюшингъ, пользовавшійся большимъ довѣріемъ семейства Миниха и описавшій жизнь фельдмаршала, не упоминаетъ въ то время объ ихъ существованіи. Даже при изданія вышеупомянутаго „отвѣта" (Antwort) онъ не говоритъ о томъ, что отвѣтъ этотъ составляетъ часть обширныхъ „Записокъ графа Эрнста

---

[1]) Русскій переводъ этого сочиненія помѣщенъ въ „Архивѣ кн. Воронцова", т. XXIV (1880 г.), 12—36.

[2]) Русскіе переводы этого письма помѣщены въ „Чтеніяхъ имп. ист. общ." 1863 г., IV, V, (74—80 (гдѣ, однако, невѣрно число, коимъ помѣчено это письмо) и въ „Русской Старинѣ", въ текстѣ перевода рукописи Записокъ Манштейна, изд. 1875 г., сентябрь, стр. 168.—Въ „Сборн. русск. ист. общ.", т. XIX (1876 г.), 3—12, напечатанъ другой, французскій, переводъ этого письма, также съ невѣрнымъ числомъ. Кромѣ того, это письмо было неоднократно помѣщено и въ другихъ изданіяхъ.

[3]) Напр., сравни „Записки", стр. 117, и „Замѣчанія", стр. 194; также Записки, стр. 118 и Замѣчанія, стр. 195. Слова Бирона, Записки, стр. 84, въ косвенной рѣчи (oratio obliqua), Замѣчанія, 157, въ прямой. А. Ю.

Миниха"; если онъ и зналъ объ ихъ существованіи, во всякомъ лучаѣ онъ нигдѣ объ этомъ не упоминаетъ.

Какимъ же образомъ могъ Петръ Ив. Панинъ имѣть въ своемъ аспоряженіи эту семейную рукопись? Намъ неизвѣстно даже о уществованіи между нимъ и гр. Эрнстомъ Минихомъ какихъ-либо лизкихъ и особенно дружественныхъ отношеній.

Тогда какъ „Записки" и упомянутый отвѣтъ (Antwort) относятся ругъ къ другу какъ переводъ къ оригиналу, „Замѣчанія" являются, о нѣкоторой степени, какъ бы передѣлкой „Записокъ", при чемъ ерѣдко цѣлые періоды совершенно тождественны въ обоихъ сочиеніяхъ по содержанію, но различествуютъ по изложенію. Мѣстами, ъ текстѣ „Замѣчаній", сдѣланы, какъ уже сказано, добавленія.

Въ изслѣдованіи П. Н. Петрова, не выяснена эта связь, суще твующая между „Замѣчаніями", и „Записками", не смотря на о, что о ней давно уже извѣстно.

Лица, занимающіяся историческими изслѣдованіями, вѣроятно, удутъ намъ признательны, если мы укажемъ здѣсь на сходственыя мѣста въ обоихъ этихъ сочиненіяхъ. Дѣлая это сопоставеніе, мы ставимъ нумерацію тѣхъ страницъ „Записокъ" графа ристра Миниха, которыя соотвѣтствуютъ извѣстнымъ мѣстамъ въ Замѣчаніяхъ на Записки Манштейна", въ скобкахъ и ссылаемся ездѣ на страницы настоящаго изданія, выписывая изъ „Замѣчаній" аголовокъ отдѣльныхъ главъ.

Продолженіе о Биронѣ 140 (27). О размолвкѣ гр. Миниха съ ирономъ 143 (33), 144 (34, 35), 145 (35).

Отправленіе гр. Миниха въ Польшу: 145 (38).

Прибытіе французской флотиліи: 146 и 147 (43).

Объ отправленіи французскихъ военно-плѣнныхъ: 147 (47).

О покореніи Очакова: 151 (62).

Описаніе послѣднихъ дней имп. Анны Іоанновны: 156 (84), 57 (84, 85), 158 (85, 86), 159 (86, 87), 160 (87, 88), 161 (88, 9), 162 (89, 90), 163 (90, 91).

Нѣкоторыя подробности и т. д.: 163 и слѣд. (96, 94, 95, 93), 65 (95, 94), 166 (92, 93, 94),-169 (95, 96), 172 (92).

Обозрѣніе Биронова регентства: 175 (97, 98), 176 (98, 99), 177 100), 178 (100, 101), 179 (101, 102), 180 (102), 181 (103, 104), 82 (104, 105), 183 (105, 106), 184 (106).

Вступленіе принцессы Анны въ управленіе и поведеніе... ельдмаршала Миниха: 185 (107, 108), 186 (108).

Милости, оказанныя правительницею: 187 (909), 188 (109, 110).

Возвращеніе... маркиза де-Ботта: 191 (114).

Замѣшательства россійскаго двора: 191 (114, 115), 192 (115).

Происки вѣнскаго министерства: 192 (115, 116), 193 (116, 117).

Мнѣніе фельдмаршала гр. Миниха: 194 (117).

Объясненіе фельдмаршала гр. Миниха: 194 (117), 195 (118).

Увольненіе фельдмаршала гр. Миниха: 195 (118), 196 (118, 119).

Ожиданія вѣнскаго кабинета не сбылись: 196 (119), 197 (119, 120).

Избраженіе правительницы Анны Карловны: 203 (112 вверху и 110), 204 (110, 111).

Біографическое извѣстіе о фельдмаршалѣ гр. Минихѣ: 209 (6, 7, 8), 210 (8, 9) 211 (9, 10, 11, 12, 13), 212 (17, 31).

Кажется, вотъ и всѣ сходственныя мѣста, которыя могутъ броситься въ глаза при просмотрѣ обоихъ сочиненій

XIV.

Теперь рождается вопросъ: когда и гдѣ именно были написаны графомъ Эрнстомъ Минихомъ „Замѣчанія“?

На эти вопросы мы можемъ отвѣтить только болѣе или менѣе правдоподобными догадками.

Такъ какъ авторъ ссылается на изданіе Записокъ Манштейна 1771 г., то этотъ годъ былъ, вѣроятно, самою раннею эпохою, въ которую онъ началъ писать.

Намъ неизвѣстно также, когда онъ окончилъ свои „Замѣчанія“, но мы знаемъ, что гр. Эрнстъ Минихъ скончался 24 января 1788 года. Весьма возможно, что „Замѣчанія“ были написаны въ Петербургѣ; довольно странно, почему они не появились въ печати при жизни графа Эрнста Миниха.

Что касается вопроса, заслуживаетъ-ли это сочиненіе довѣрія читателя, то не подлежитъ сомнѣнію, что оно должно было явиться болѣе или менѣе тенденціознымъ потому, что сынъ задался въ немъ цѣлью оправдать отца. Но не смотря на это, мы не можемъ отрицать въ авторѣ честнаго стремленія къ истинѣ и объективности; взгляды Манштейна, видѣвшаго недостатки фельдмаршала Миниха черезъ „увеличительное стекло“—чего нельзя отрицать—опровергаются весьма убѣдительно. Впрочемъ, иной разъ встрѣчаются и ошибки, которыя мы отнюдь не вправѣ признать умышленными. Такъ, напр., авторъ утверждаетъ, что фельдмаршалъ Минихъ не принималъ ни малѣйшаго участія въ убійствѣ Синклера (стр. 154). Между тѣмъ какъ его виновность въ этомъ дѣлѣ доказана собственноручнымъ его приказомъ (см. С. М. Соловьевъ „Ист. Россіи“, XX приложеніе), слѣдовательно Манштейнъ въ этомъ случаѣ былъ правъ.

Далѣе, разсказъ о томъ, что фельдмаршалъ Минихъ стремился сдѣлаться герцогомъ украинскимъ или господаремъ молдавскимъ

(ср. Mémoires de Manstein, Leipz., 1771 г., стр. 356), называется въ „Замѣчаніяхъ“ вымышленною сказкою. По недостатку иныхъ данныхъ, мы не можемъ высказать, по этому поводу, рѣшительнаго мнѣнія, однако, Бюшингъ также повторяетъ этотъ разсказъ, сообщенный Манштейномъ, а надобно замѣтить, что Бюшингъ заслуживаетъ полнаго довѣрія.

На стр. 139 авторъ „Замѣчаній“ говоритъ, что Манштейнъ приводитъ нѣкоторыя рѣчи, которыя никогда произнесены не были, въ этомъ случаѣ онъ, можетъ быть, правъ.

Тонъ „Замѣчаній“ замѣтнымъ образомъ разнствуетъ отъ тона „Записокъ“; первыя имѣютъ болѣе полемическій характеръ и авторъ высказываетъ въ нихъ свои мнѣнія болѣе рѣзко и энергично.

О характерѣ Бирона и о его вліяніи графъ Эрнстъ Минихъ отзывается съ дурной стороны, и противъ самой императрицы Анны Іоанновны взводитъ тяжкое обвиненіе въ томъ, что въ ней не было самостоятельности и что она легко поддавалась постороннему вліянію; подобный также упрекъ дѣлается императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ.

О фельдмаршалѣ Минихѣ и его генералахъ говорится подробно.

„Замѣчанія“ служатъ весьма интереснымъ дополненіемъ къ „Запискамъ“ Манштейна, а равно и къ „Запискамъ“ самого графа Эрнста Миниха, не смотря на то, что бо̀льшая часть ихъ заимствована изъ этихъ же „Записокъ“. Но вчитавшись въ нихъ повнимательнѣе, мы увидимъ, что въ нихъ много самостоятельнаго и важнаго; такова, можно сказать, половина всего сочиненія.

„Замѣчанія на Записки генерала Манштейна“ заслуживаютъ также вниманія, какъ матеріалъ для біографіи фельдмаршала Миниха. Хотя большинство фактовъ, касающихся его жизни, заимствовано изъ „Записокъ Миниха-сына“, но въ „Замѣчаніяхъ“ мы находимъ оцѣнку его дѣйствій и его характера, что придаетъ этому сочиненію значительный интересъ.

Арведъ Юргенсонъ.

Спб. и Берлинъ.
1887 и 1891 гг.

Перечень трудовъ Арведа Яковлевича Юргенсона.

Вслѣдъ за помѣщеннымъ выше изслѣдованіемъ Арведа Яковлевича Юргенсона объ историческихъ трудахъ графа Эрнста Миниха, мы считаемъ вполнѣ умѣстнымъ привести библіографическій перечень статей, напечатанныхъ г. Юргенсономъ въ разныхъ журналахъ, такъ какъ всѣ составленныя имъ донынѣ историческія изслѣдованія имѣютъ отношеніе къ семейству Миниховъ и составляютъ часть (около половины) его обширнаго труда: „Источники къ исторіи фельдмаршала Миниха“ (Quellen zur Geschichte des Feldmarschalls Münnich), а слѣдовательно всѣ они касаются русской исторіи XVIII вѣка.

1) „Der Generalfeldmarschall B. C. Graf Münnich (1683—1767). Eine historische Skizze mit Benutzung neuer Quellen und Manuscripte. Напечатано въ четырехъ фельетонахъ „St. Petersburger Zeitung“ 1886 г., 8—12 мая № 128—132.

2) Die Lebensbeschreibung des Generalfeldmarschalls Münnich von Kostomarow“. Критическій очеркъ. Напечатанъ въ „Russische Revue“, Спб. 1886, Heft II, 220—232.

3) „Die Memoiren des Feldmarschalls Münnich und sein Ebauche“. Въ „Russische Revue“, 1886, Heft III, 318—343.

4) „Mansteins Memoiren und seine Quellen für die Belagerung Danzigs (1734) und den Türkenkrieg (1736—1739). Библіографико-критическое изслѣдованіе. Въ „Russische Revue, 1886, IV, 438—491.

5) „Фельдмаршалъ гр. Бурхардъ Христофъ Минихъ въ заботахъ о воспитаніи своихъ внуковъ“. [Письмо фельдмаршала Миниха къ Рунцэ, 1767 г. „Русская Старина“, изд. 1887 г., т. LIII, стр. 225—234.

6) „ Algarotti und Manstein“. Изслѣдованіе источниковъ. Въ „Russische Revue“, 1887 г., Heft II, 184—204.

7) „Замѣчанія на Записки о Россіи генерала Манштейна, изданныя въ 1879 году, подъ именемъ гр. Петра Ив. Панина“. „Русская Старина“, изд. 1887 г., т. LIV, стр. 309—328, 613—628, и „Очеркъ жизни гр. Эрнста Миниха“ (1708—1788), тамъ же, стр. 629—637.

8) „Eine neue Quelle zur Geschichte der Zeit Peters des Grossen“. О депешахъ голландскаго посланника въ Россіи de Bie, находящихся въ государственномъ архивѣ, въ Голландіи). Въ фельетонѣ „St. Petersburger Zeitung“ за 1889 г.

В. Т.

ГРАФЪ ЭРНСТЪ МИНИХЪ

1707 р. 30-го дек. ст. ст. / † 24-го янв. ст. ст. **1788.**

Очеркъ его жизни.

Составила, В. В. Тимощукъ

I.

Графъ Эрнстъ Минихъ, единственный [1]) сынъ фельдмаршала, графа Бургарда Христофора Миниха, отъ его брака съ Христиною Лукреціей Вицлебенъ, родился 30-го декабря 1707 г. (10 января 1708 г.) [2]) въ швабской деревнѣ Гейнсфуртъ, близь Эттингена, былъ записанъ прапорщикомъ Кетлерскаго пѣхотнаго полка; въ 1717 г. перечисленъ тѣмъ-же чиномъ въ польскую коронную гвардію. Въ 1721 г. опредѣленъ въ рижскую городовую школу, гдѣ бывшій его воспитатель Виллишъ (Willisch) получилъ мѣсто субъ-инспектора [1]). Въ этой школѣ онъ получилъ классическое воспитаніе.

Въ февралѣ 1723 г. Эрнстъ Минихъ отправился въ Женеву для довершенія своего образованія. Въ 1727 г. онъ предпринялъ съ научною цѣлью поѣздку въ Италію, въ томъ-же году возвратился въ Россію, опредѣленъ на службу въ коллегію иностранныхъ дѣлъ и получилъ мѣсто при посольствѣ, отправленномъ на конгрессъ въ Соассонъ, въ званіи дворянина посольства.

Въ 1729 г. состоялъ при русскомъ посольствѣ въ Парижѣ, въ маѣ 1731 г. пожалованъ камеръ-юнкеромъ русскаго двора,

---

[1]) За годъ до его рожденія у Б. Х. Миниха родился сынъ, (р. 23 янв. 1707 г., † 22 февр. 1707 г., см. Дневн. Миниха въ Зап. одесск. общ. ист. и древн. 1860 г., т. IV, стр. 431), названный также Эрнстомъ, но онъ прожилъ всего четыре недѣли.

[2]) Мы напоминаемъ здѣсь лишь главныя данныя изъ біографіи гр. Эрнста Миниха до его ссылки въ Вологду, такъ какъ весьма интересныя подробности изъ этого періода его жизни, разсказанныя имъ самимъ, читатель найдетъ выше, въ его Запискахъ. **В. Т.**

въ сентябрѣ того-же года назначенъ повѣреннымъ въ дѣлахъ во Франціи, въ апрѣлѣ 1733 г. возвратился въ Россію, былъ представленъ императрицѣ.

1733—1736 года провелъ въ Петербургѣ при дворѣ. Въ 1736 г. былъ посланъ императрицею къ королю польскому, съ орденскими знаками св. Андрея Первозваннаго, возвратился въ Петербургъ съ извѣстіемъ о предоставленіи Польшею курляндскому дворянству права избрать себѣ герцога. Въ 1737 г. получилъ камергерскій ключъ, помолвленъ съ фрейлиной баронессой Анной Доротеей Менгденъ. Въ февралѣ 1738 г. отправился за границу для пользованія теплыми водами въ Ахенѣ, по возвращеніи въ Петербургъ вступилъ въ бракъ съ баронессою Менгденъ 20-го февраля (3-го марта) 1739 г., получилъ по этому случаю отъ отца помѣстье Ранценъ въ Лифляндіи, около 20 гакеновъ земли, стоимостью въ 22,000 р. [2]). Въ 1740 году получилъ орденъ св. Александра Невскаго.

9-го мая 1740 года у графа Эрнста родился первый сынъ, Іоаннъ Готлибъ. Послѣ кончины императрицы Анны Іоанновны, во время регентства Бирона, Минихъ состоялъ камергеромъ при малолѣтнемъ императорѣ и былъ назначенъ гофмейстеромъ ко двору принцессы Анны Леопольдовны.

Въ правленіе Анны Леопольдовны назначенъ оберъ-гофмейстеромъ (1740 г.), съ чиномъ генералъ-поручика и съ жалованьемъ и пенсіею по 3,000 въ годъ. Въ 1741 г. получилъ, съ разрѣшенія правительницы, орденъ Бѣлаго Орла, имѣніе Бигенъ, въ Бранденбургѣ, и 3,000 рейхсталеровъ деньгами.

Арестованъ въ ночь съ 25-го на 26-е ноября 1741 г. [3]).

Опала, постигшая фельдмаршала Миниха, при восшествіи на престолъ императрицы Елисаветы Петровны, коснулась и его сына, оберъ-гофмейстера правительницы Анны Леопольдовны, хотя онъ не былъ причастенъ политическимъ интригамъ отца и не содѣйствовалъ перевороту, доставившему власть правительницѣ; не смотря на это и на личное благоволеніе къ нему императрицы Елисаветы Петровны, онъ былъ арестованъ, преданъ суду, лишенъ гофмейстерской должности, чиновъ и орденовъ; въ важнѣйшую вину и преступленіе ему было вмѣнено то обстоятельство, что, зная о намѣреніи Анны Леопольдовны объявить себя императрицею и о прочихъ, по тому

дшу происходившихъ, предпріятіяхъ, „хотя при томъ ни въ какія предосудительныя и вредныя разсужденія ни съ кѣмъ не вступалъ и совѣта и наставленія никому не давалъ“, однако, какъ было сказано въ высочайшемъ указѣ отъ 9-го февраля 1742 г., „бывъ у принцессы Анны и супруга ея въ великой милости и видя отъ того чаемое зло, оныхъ пристойными образы отвращать у нихъ не старался“.

Какъ видно, слѣдственная комиссія могла поставить Миниху въ вину только его пассивное отношеніе къ совершавшимся событіямъ, и то обстоятельство, что онъ не старался отговорить Анну Леопольдовну отъ ея видовъ на престолъ.

Помѣстья, принадлежавшія Эрнсту Миниху въ Лифляндіи: Луніа, Ранценъ, Мойзекацъ и Пёлькъ, были конфискованы и, въ замѣнъ ихъ, въ его владѣніе было предоставлено вымороч-ное, генералъ-маіора Корчмина, село Вычюгъ, Кинешемскаго уѣзда, Костромской губерніи, съ деревнями, въ которыхъ было всего 713 душъ крестьянъ. Въ этой деревнѣ ему было указано жить безвыѣздно и для отправленія его къ новому мѣсту жительства былъ назначенъ сержантъ Тобольскаго пѣхотнаго полка, Егоръ Улановъ, съ двумя солдатами.

Это рѣшеніе суда было объявлено Эрнсту Миниху 9-го февраля 1742 г., въ присутствіи сената, при чемъ съ него взята подписка о томъ, что «онъ обязуется, подъ страхомъ смертной казни, никому не сообщать показаній, данныхъ имъ слѣдствен-ной комиссіи, а равно и вопросовъ, предложенныхъ ему по-слѣдней [4]).

Современники приписывали снисходительность суда по отно-шенію къ гр. Эрнсту Миниху [5]) и то обстоятельство, что онъ не былъ выведенъ на лобное мѣсто и о немъ произнесенъ особый приговоръ, тому, что, „бывъ допрошеннымъ прежде всѣхъ осталь-ныхъ, онъ говорилъ въ своихъ показаніяхъ совершенную правду, не утаивъ и не скрывъ ни малѣйшаго извѣстнаго ему обстоя-тельства“, иначе говоря, что онъ выдалъ другихъ своими пока-заніями, но Минихъ отрицаетъ это обвиненіе, впрочемъ совер-шенно не согласное съ его честнымъ и прямымъ характеромъ, и приписывалъ оказанную ему милость единственно тому, что невинность его была признана.

Такимъ образомъ, политическія событія, въ которыхъ оберъ-

гофмейстеръ Минихъ не принималъ никакого участія, будучи по своему характеру далекъ отъ всякихъ интригъ и происковъ, перевернули всю его жизнь и прервали столь блестяще начатую имъ служебную карьеру. Въ февралѣ мѣсяцѣ 1742 г. ему предстояло отправиться, съ семействомъ, на житье во вновь пожалованную ему деревню въ Костромской губерніи, но отъѣздъ его изъ Петербурга былъ отложенъ на довольно долгое время. Въ виду болѣзненнаго состоянія его жены, ожидавшей въ скоромъ времени разрѣшенія отъ бремени, императрица Елисавета Петровна, указомъ отъ 15-го февраля 1742 г., разрѣшила Миниху остаться въ Петербургѣ впредь до выздоровленія графини Минихъ; а до отсылки его въ указанную деревню повелѣвалось „содержать его подъ крѣпкимъ карауломъ“.

Впрочемъ, какъ видно по нѣкоторымъ документамъ того времени, сохранившимся въ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ, этотъ указъ не примѣнялся къ гр. Миниху во всей его строгости; находясь подъ арестомъ, онъ пользовался значительною свободою, къ нему допускались разныя лица и онъ самъ выѣзжалъ иногда изъ своей квартиры; такъ, напримѣръ, передъ отправленіемъ его отца изъ крѣпости въ Сибирь, Эрнстъ Минихъ и его жена получили дозволеніе проститься съ нимъ. Бывшій фельдмаршалъ подарилъ сыну при этомъ случаѣ перстень съ своего пальца, съ великолѣпнымъ бриллiантомъ, оцѣненнымъ въ 4,000 рублей [6]). Но это былъ, очевидно, не единственный случай, когда гр. Эрнсту Миниху разрѣшалось выѣхать изъ дому, такъ какъ капитанъ-поручикъ л.-гв. Преображенскаго полка, Мягковъ, подъ „смотрѣніемъ котораго находился въ Петербургѣ Минихъ, доносилъ сенату, 2-го мая 1743 г., что содержащійся подъ арестомъ бывшій оберъ-гофмейстеръ Минихъ, по приказу адмирала, графа Головина *), „въ нѣкоторыя времена имѣлъ изъ квартиры своей выѣздъ“, и что по словесному приказу того-же адмирала Головина „велѣно къ нему, Миниху, допускать всѣхъ, кто къ нему пріѣдетъ, не удерживая никого“ [7]).

Такъ какъ деревня, данная оберъ-гофмейстеру, взамѣнъ его

*) Дѣйствительный тайный совѣтникъ, сенаторъ, адмиралъ, гр. Н. Ѳ. Головинъ предсѣдательствовалъ въ комиссіи, для описанія пожитковъ арестованныхъ графовъ Остермана, Миниха и другихъ.

лифляндскихъ имѣній, была самая бѣдная и у него было отобрано все его движимое имущество и драгоцѣнности, изъ которыхъ онъ „ни полушки не получилъ“, то Минихъ воспользовался своимъ пребываніемъ въ Петербургѣ и хлопоталъ о томъ, чтобы вмѣсто деревни ему выдавали ежегодно на содержаніе извѣстную сумму денегъ.

Просьба его была уважена и императрица Елисавета Петровна, указомъ отъ 21-го мая 1742 года, повелѣла отправить его, по выздоровленіи жены, вмѣсто деревни, въ Вологду, гдѣ ему жить „подъ смотрѣніемъ воеводы съ товарищи и никуда безъ вѣдома воеводскаго изъ города не выѣзжать; деревень ему не давать, а вмѣсто оныхъ, на его пропитаніе, давать ему въ годъ денегъ по 1,000 рублевъ“, выдавая ихъ потретно.

13-го іюня 1742 г. супруга Эрнста Миниха разрѣшилась отъ бремени, но, страдая весьма серьезною болѣзнью, полипомъ въ носу, отъ которой она во время беременности не могла лечиться, графиня просила разрѣшить ей остаться въ Петербургѣ, для пользованія, еще нѣсколько недѣль. Освидѣтельствованіе больной, произведенное 8-го октября 1742 г., штадтъ-физикомъ Миніатомъ и врачемъ Эгидіемъ, вполнѣ подтвердило ея болѣзненное состояніе и необходимость продолжительнаго лѣченія, вслѣдствіе чего семейству Миниха было разрѣшено дальнѣйшее пребываніе въ столицѣ и только 22-го іюня 1743 года воспослѣдовало окончательное повелѣніе государыни бывшаго оберъ-гофмейстера Миниха, въ Петербургѣ болѣе не держа, выслать безотлагательно, 24-го іюня, съ женою и дѣтьми въ Вологду, а „чтобы онъ неотмѣнно того 24-го числа изъ Санктъ-Петербурга выѣхалъ, того ради «повелѣвалось послать къ нему въ тотъ день „сенатской роты оберъ-офицера, который долженъ былъ выпроводить его за Ямскую слободу».

Семейство графа Эрнста Миниха состояло въ то время изъ жены и двухъ дѣтей, кромѣ того, съ ними отправлялись въ Вологду кормилица, нянька, трое дѣвокъ и пять служителей мужескаго пола, а всего, не считая груднаго ребенка, тринадцать человѣкъ. Для Миниха и его супруги былъ приготовленъ запряженный шестеркою лошадей, четырехмѣстный берлинъ, за которымъ слѣдовали двѣ покоевыя коляски, съ дѣтьми и

женскою прислугою, одинъ фурманъ съ поклажею и роспуски съ кухнею.

Весь этотъ поѣздъ тронулся изъ Петербурга 24-го іюня 1743 г., подъ конвоемъ унтеръ-офицера Тобольскаго пѣхотнаго полка сержанта Егора Уланова и шести солдатъ; отъ Петербурга до Твери путешествіе должно было совершиться сухимъ путемъ, а отъ Твери до Углича—водою, вслѣдствіе чего тверскому воеводѣ своевременно было дано приказаніе изготовить надлежащее для этого судно; отъ Углича до Вологды семейство Миниха ѣхало опять сухимъ путемъ, и чтобы имъ не пришлось терпѣть въ пути задержекъ при полученіи лошадей, конвоировавшему ихъ унтеръ-офицеру былъ данъ изъ сената „отверстый указъ".

22-го іюля 1743 года, т. е. почти черезъ мѣсяцъ послѣ отъѣзда своего изъ Петербурга, графъ Эрнстъ Минихъ прибылъ на мѣсто своей ссылки въ Вологду [8]), гдѣ ему суждено было провести цѣлыхъ двадцать лѣтъ въ кругу своей семьи и гдѣ онъ схоронилъ нѣжно любимую имъ супругу.

Въ Вологдѣ ему была отведена мѣстными властями квартира на посадѣ и вологодскому воеводѣ было предписано накрѣпко смотрѣть, чтобы Минихъ изъ города никуда безъ его вѣдома не выѣзжалъ, чтобы уйти не могъ.

Получая на содержаніе свое съ семьею тысячу рублей въ годъ и не имѣя иныхъ доходовъ, Минихъ жилъ въ Вологдѣ скромно, довольствовался самымъ простымъ столомъ, „собственныхъ каретъ" не имѣлъ [9]), но, живя подъ присмотромъ полиціи, пользовался, сравнительно, довольно большою свободою, могъ вести переписку съ родными и получать извѣстія о текущихъ событіяхъ; ему было также разрѣшено получать по своему выбору книги, поэтому онъ много занимался, въ особенности математикой, къ которой въ зрѣломъ возрастѣ онъ почувствовалъ склонность.

Въ Вологдѣ-же, въ ссылкѣ, написаны Минихомъ, въ 1758 г., его „Записки", которыя были изданы впервые въ 1817 году и помѣщены въ настоящей книгѣ, см. выше стр. 1—120.

II.

Съ годами семейство Миниха значительно увеличилось; въ ссылкѣ у него родилось шестеро дѣтей, а всего отъ его брака съ баронессою Менгденъ у него было восемь человѣкъ дѣтей: четыре сына и четыре дочери. Надобно было подумать объ ихъ образованіи; въ Вологдѣ и при скудныхъ средствахъ это было крайне затруднительно а между тѣмъ графъ Эрнстъ Минихъ, какъ человѣкъ самъ прекрасно образованный и какъ заботливый отецъ семейства, желалъ дать своимъ сыновьямъ приличное и разностороннее образованіе, подобное тому, какое онъ самъ получилъ въ молодости. Старшій его сынъ воспитывался (1754 г.) у родныхъ, въ Лифляндіи [10]), подъ надзоромъ воспитателя своего Рунэ, съ которымъ онъ впослѣдствіи былъ отправленъ за границу.

Къ младшимъ сыновьямъ Минихъ пригласилъ въ 1754 году, на три года, изъ Кенигсберга учителемъ прусскаго уроженца, пастора Готфрида Каріуса, который исполнялъ въ Вологдѣ также обязанности домоваго пастора семейства Минихъ [11]). Мы знаемъ также, что ученый Бюшингъ рекомендовалъ ему гувернеромъ для младшихъ его сыновей, въ Вологду, извѣстнаго впослѣдствіи историка, Шмидта Физельдэка [12]).

Само собою разумѣется, что эти новыя потребности семьи влекли за собою новые, довольно значительные, расходы, поэтому Минихъ былъ вынужденъ обратиться, въ маѣ мѣсяцѣ 1756 г., къ государынѣ Елисаветѣ Петровнѣ, съ просьбою, увеличить сколько-нибудь назначенное ему отъ казны жалованье, въ виду того, что расходы его на содержаніе, а главное на ученіе дѣтей «годъ отъ года столь умножились, что производить оные съ пропитаніемъ» семьи онъ не имѣлъ возможности. «Мое же всеусерднѣйшее желаніе, какъ всегда было, такъ и нынѣ въ томъ состоитъ, писалъ Минихъ въ своемъ прошеніи на высочайшее имя, «четырехъ сыновей моихъ такъ воспитать, чтобъ могли удостоены быть въ службѣ вашего императорскаго величества» [13]).

Государыня отнеслась къ этой просьбѣ благосклонно, но указъ о прибавкѣ Миниху, къ получаемой имъ тысячѣ рублей, еще четырехсотъ рублей «на содержаніе и обученіе дѣтей его», былъ

подписанъ Елисаветой Петровной лишь 26 марта 1758 года, т. е. почти черезъ два года послѣ подачи вышеупомянутаго прошенія, и только съ этого числа Минихъ сталъ получать отъ казны по 1,400 рублей въ годъ.

Причину этого замедленія слѣдуетъ искать, вѣроятно, въ томъ обстоятельствѣ, что у опальнаго Миниха не нашлось въ этомъ случаѣ энергичнаго ходатая при дворѣ, хотя въ Петербургѣ и находился его родной дядя, баронъ Христіанъ-Вильгельмъ Минихъ (р. 1686 г., † 1768 г.), который пользовался милостью императрицы и не отказывался, какъ увидимъ, иной разъ помочь племяннику въ его хлопотахъ.

Баронъ Х. В. Минихъ, о которомъ идетъ рѣчь, младшій братъ фельдмаршала, былъ принятъ, въ 1731 г. [14]), по его просьбѣ на русскую службу, въ чинѣ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника, и въ царствованіе Елисаветы Петровны, не смотря на опалу, постигшую его брата, фельдмаршала, не только удержался при дворѣ, но даже повысился по службѣ, будучи назначенъ, 25 ноября 1742 г., по смерти графа Сем. Андр. Салтыкова, на его мѣсто, оберъ-гофмейстеромъ; онъ пользовался благоволеніемъ императрицы, удостоенъ знаками отличія и получилъ отъ нея въ 1744 г., въ подарокъ, конфискованныя у племянника лифляндскія помѣстья: Лунія, подъ Дерптомъ, Мойзекацъ и Пёлькъ.

Къ этому, довольно вліятельному при дворѣ, дядюшкѣ графъ Эрнстъ Минихъ обращался неоднократно изъ Вологды въ 1756—1758 гг., съ просьбою похлопотать о томъ, чтобы ему было дозволено отправить его старшаго сына года на три или на четыре въ одинъ изъ германскихъ университетовъ, для довершенія его образованія.

Старшій сынъ графа, о которомъ онъ хлопоталъ, Іоаннъ Готлибъ, родившійся въ 1740 г., былъ, въ то время, уже взрослымъ юношею, воспитывался, какъ мы уже сказали, въ Лифляндіи и настолько успѣлъ въ наукахъ, по отзыву отца, что «приватныя» занятія были для него недостаточны; забота о дальнѣйшемъ образованіи этого сына лежала у гр. Миниха тяжелымъ камнемъ на сердцѣ, онъ готовъ былъ самъ перебиваться кое какъ, лишь бы отправить его за границу, въ университетъ, для того, чтобы онъ, какъ человѣкъ вполнѣ образованный, сдѣлался достойнымъ чести быть принятымъ на службу ея величества, и чтобы онъ ознакомился съ нравами, обычаями и хозяйствомъ

Германіи, такъ какъ отецъ надѣялся, что ему, какъ главѣ семейства (caput familiae) придется со временемъ управлять ихъ тамошними имѣніями [15]).

Не довольствуясь перепискою, по этому поводу, съ дядей и просьбою замолвить кому слѣдуетъ словечко о его сынѣ, графъ Эрнстъ Минихъ обращался съ подобными же просьбами, за совѣтомъ и содѣйствіемъ, къ тещѣ своей, баронессѣ Менгденъ и къ другимъ родственникамъ, а также къ разнымъ вліятельнымъ при дворѣ лицамъ, какъ напр. къ кн. Трубецкому, гр. П. И. Шувалову и др., но многіе изъ нихъ не считали даже нужнымъ отвѣчать на его письма. Не смущаясь этимъ, Минихъ хлопоталъ неустанно, предвидя, что ему не легко будетъ добиться желаемаго разрѣшенія, тѣмъ болѣе, что отъѣздъ заграницу былъ сопряженъ въ 1750-хъ годахъ съ большими затрудненіями, въ виду продолжавшейся семилѣтней войны.

Хлопоты его увѣнчались, наконецъ, успѣхомъ; получивъ въ 1758 г. давно желанное извѣстіе и остановивъ свой выборъ на геттингенскомъ университетѣ, Минихъ, со свойственною ему осторожностью и осмотрительностью, рѣшился отправить туда сына не прежде, какъ посовѣтывавшись съ дядей и узнавъ отъ него о томъ, какъ взглянутъ при дворѣ на выборъ этого университета, который считался однимъ изъ самыхъ дорогихъ въ Германіи; получивъ, изъ Петербурга вполнѣ успокоительныя, на этотъ счетъ, вѣсти, гр. Э. Минихъ тотчасъ написалъ (въ іюлѣ 1758 г.) роднымъ, въ Лифляндію, чтобы они, не теряя времени, отправили его сына въ Германію, такъ, чтобы онъ могъ воспользоваться, для своего путешествія моремъ, лучшимъ временемъ года.

Почти два года спустя послѣ отъѣзда его старшаго сына за границу, въ ночь на 1 марта 1760 г., скончалась въ Вологдѣ супруга Миниха, съ которою онъ жилъ весьма счастливо и которую долго оплакивалъ; желая похоронить ее въ Лифляндіи, онъ хлопоталъ, черезъ вологодскую провинціальную канцелярію, о разрѣшеніи перевезти туда ея тѣло, но просьба его не была уважена и графиня Минихъ погребена въ Вологдѣ [16]).

III.

Императоръ Петръ III, вступивъ на престолъ, возвратилъ Миниху свободу; бывшій оберъ-гофмейстеръ получилъ, въ январѣ 1762 года, позволеніе выѣхать изъ Вологды и, прибывъ въ Петербургъ со своими тремя сыновьями и двумя дочерьми, рожденными въ ссылкѣ, ранней весной 1762 года *), онъ имѣлъ радость свидѣться, послѣ двадцатилѣтней разлуки, съ отцомъ, возвратившимся изъ Сибири, и представить ему цѣлое поколѣніе внучатъ, выросшихъ за эти двадцать лѣтъ.

Петръ III пожаловалъ Миниху, взамѣнъ конфискованнаго у него имѣнія Ранценъ, другое имѣніе—Шванебургъ, возвратилъ ему постепенно и всѣ прочія его лифляндскія помѣстья, и имѣлъ намѣреніе назначить его посланникомъ въ Стокгольмъ, но это назначеніе не состоялось [17]).

9-го іюня 1762 г. Петръ III возвратилъ ему орденъ Александра Невскаго.

Императрица Екатерина II также относилась къ гр. Эрнсту Миниху весьма благосклонно, давала ему лестныя порученія по службѣ, полагалась на его взгляды по многимъ вопросамъ величайшей важности и цѣнила его мнѣніе.

Въ имѣніи Луніа, принадлежавшемъ Миниху, сохранилось шестнадцать писемъ къ нему императрицы Екатерины II отъ 1765—1775 гг., которыя свидѣтельствуютъ о ея милостивомъ отношеніи къ нему; въ этихъ письмахъ государыня проситъ его о присылкѣ книгъ и сообщаетъ ему о своихъ литературныхъ занятіяхъ. Зная Миниха за человѣка весьма образованнаго, государыня выражала иногда желаніе знать его мнѣніе о той или другой книгѣ; такъ напр. однажды она поручила ему прочесть въ сочиненіи Рейналя „l'Histoire philosophique du commerce des Indes“ статью, касающуюся Россіи, и подать ей письменно замѣчанія на эту книгу [18]).

---

*) Вѣроятно, онъ пріѣхалъ въ Петербургъ въ мартѣ мѣсяцѣ 1762 года, такъ какъ въ „Замѣчаніяхъ на Записки Манштейна“ Минихъ говоритъ, что онъ прибылъ нѣсколько недѣль раньше отца, а отецъ его, фельдмаршалъ, возвратился изъ Сибири въ началѣ апрѣля 1762 г. (См. „Сборн. русск. ист. общ.“, томъ XVIII, стр. 63).

Екатерина II пожаловала Миниху чинъ дѣйствит. тайн. совѣт. и со свойственною ей прозорливостью и умѣньемъ пользоваться людьми, сообразно ихъ уму и познаніямъ, назначила его въ 1763 г. на вновь учрежденную ею должность, главнымъ директоромъ всѣхъ таможенныхъ сборовъ въ имперіи [19]); этотъ важный, по своему значенію; служебный постъ вполнѣ соотвѣтствовалъ той подготовкѣ, которую Минихъ получилъ въ молодости, за границею, его основательному знанію юридическихъ наукъ и политической экономіи, которыми онъ постоянно интересовался. Теперь ему представился отличный случай примѣнить къ дѣлу свои теоретическія познанія и поставить ввѣренное ему дѣло на такихъ началахъ, при которыхъ оно могло-бы приносить государству наибольшую пользу, вслѣдствіе правильнаго поступленія въ казну таможенныхъ сборовъ, тѣмъ болѣе, что эта отрасль государственнаго хозяйства настоятельно требовала преобразованія: сборъ пошлинъ находился, съ 1758—1764 гг., въ частныхъ рукахъ, онъ былъ отданъ на откупъ оберъ-инспектору Шемякину; можно думать, насколько подобный порядокъ былъ невыгоденъ для государственной казны; только съ учрежденіемъ вышеупомянутой должности, предоставленной Миниху, всѣ таможни и таможенные сборы были подчинены главной надъ таможенными сборами канцеляріи, которая должна была слѣдить за точнымъ соблюденіемъ таможеннаго устава, въ который были включены въ 1755 г., всѣ изданные до этого года законы о пошлинахъ [20]).

Графъ Эрнстъ Минихъ былъ человѣкъ вполнѣ подходящій для вновь созданной императрицею должности, не только по своей научной подготовкѣ, по своему знакомству съ юридическими науками, но также и по своей безупречной честности и справедливости, о которыхъ свидѣтельствуютъ единодушно всѣ его современники.

„Мнѣ говорили“, передаетъ о немъ Гадебушъ, „что при взиманіи пошлины онъ не дѣлалъ снисхожденія даже родному отцу“ [21]).

По должности главнаго директора надъ таможенными сборами, гр. Эрнстъ Минихъ входилъ неоднократно въ 1765—1774 гг. въ сенатъ и къ самой государынѣ съ докладами по разнымъ вопросамъ своего вѣдомства *), участвовалъ въ обсужденіи

*) См. далѣе, приложеніе, стр. 303—304.

вопросовъ о пошлинахъ, о тарифахъ, о разныхъ торговыхъ проектахъ, въ которыхъ онъ обнаружилъ свое знакомство съ нуждами русской торговли и промышленности; съ 1764—1788 гг. (до самой кончины своей) онъ былъ членомъ „таможенной комиссіи о комерціи", учрежденной именнымъ указомъ 8-го декабря 1763 г. [22]), для изысканія средствъ къ увеличенію отпускной торговли Россіи и къ поднятію кредита русскаго купечества, какъ внутри государства, такъ и за границею. По этимъ и по другимъ торговымъ вопросамъ онъ неоднократно подавалъ свое мнѣніе, вмѣстѣ съ прочими членами этой комиссіи: кн. Шаховскимъ, гр. Чернышевымъ, гр. Шуваловымъ и другими.

Въ 1767—1769 гг. Минихъ, какъ депутатъ главной канцеляріи надъ таможенными сборами, принималъ участіе въ знаменитой екатерининской комиссіи „о сочиненіи проекта новаго уложенія", и въ этомъ званіи подавалъ свое мнѣніе о вексельномъ уставѣ и о крестьянскомъ торгѣ, когда купечествомъ былъ поднятъ вопросъ объ ограниченіи права крестьянъ на розничную торговлю, которую купцы хотѣли забрать въ свои руки. Минихъ отстаивалъ право крестьянъ на торговлю своими продуктами и издѣліями, основывая свое мнѣніе на томъ, что отъ изъятія изъ торговли крестьянъ съ ихъ капиталами потерпятъ не только ихъ личные интересы, но должна пострадать торговля всего государства *).

Въ ноябрѣ 1768 г. Минихъ былъ въ числѣ лицъ, избранныхъ законодательной „комиссіей" для принесенія императрицѣ, отъ имени этой комиссіи, поздравленія съ выздоровленіемъ, по случаю привитія оспы [23]).

Къ Миниху же, какъ къ человѣку близко знакомому съ таможеннымъ дѣломъ, обратился въ 1771 г. графъ Никита Ивановичъ Панинъ съ просьбою подать свое мнѣніе „о русской торговлѣ съ Пруссіей", по поводу домогательства прусскаго посланника, гр. Сольмса, объ уменьшеніи пошлины съ фабричныхъ произведеній, ввозимыхъ въ Россію изъ Пруссіи.

Записка, поданная по этому вопросу гр. Минихомъ, свидѣтельствуетъ о его вѣрномъ взглядѣ на домогательство прусскаго

*) См. Приложеніе, стр. 304.

посланника и о честномъ его отношеніи къ интересамъ Россіи. Отстаивая въ ней интересы русской торговли, Минихъ доказывалъ, что существовавшія пошлины не могли быть обременительны для прусскаго купечества, которое всегда имѣло возможность выручить свои убытки съ покупателя, и что уменьшеніе этихъ пошлинъ только доставило бы Пруссіи преимущество торговли съ Россіей передъ прочими государствами, а это отнюдь не согласовалось съ интересами Россіи и могло нанести ущербъ нашей промышленности [24]).

Помимо участія въ разныхъ комиссіяхъ, имѣвшихъ непосредственное отношеніе къ его служебной дѣятельности, гр. Эрнстъ Минихъ получалъ, въ царствованіе императрицы Екатерины II, и разныя другія порученія, свидѣтельствовавшія о довѣріи къ нему государыни и о лестномъ ея мнѣніи объ его умѣ и познаніяхъ.

Весьма любопытно, что въ 1766 г., до назначенія директоромъ академіи наукъ гр. Орлова, императрица хотѣла ввѣрить управленіе этой академіей Миниху, какъ это доказываетъ сохранившійся, въ бумагахъ тайн. сов. Теплова, отрывокъ проекта сенатскаго указа, съ собственноручною припискою Екатерины о назначеніи гр. Миниха управлять академіею наукъ; но это назначеніе не состоялось [25]).

Въ 1767 г., Миниху, какъ члену опекунскаго совѣта, было поручено разсмотрѣть, вмѣстѣ съ гр. Панинымъ, кн. Голицынымъ и гр. Чернышевымъ, генеральный планъ московскаго воспитательнаго дома, представленный И. И. Бецкимъ; въ 1771 г. онъ разсматривалъ планъ коммерческаго училища, составленный тѣмъ-же Бецкимъ, въ 1772 г. подавалъ свое мнѣніе о планѣ дополнительныхъ при воспитательномъ домѣ учрежденіяхъ: вдовьей, ссудной и сохранной казны. Въ 1774 г. императрица пожаловала ему Андреевскую ленту и назначила его президентомъ коммерцъ-коллегіи, должность, въ которой онъ оставался до своей кончины [26]).

Въ бумагахъ императрицы Екатерины II сохранилось въ двухъ редакціяхъ собственноручное ея шутливое описаніе рода смерти, отъ которой должны умереть нѣкоторые изъ ея приближенныхъ (написано между 1768—1775 гг.); графу Миниху предвѣщалась въ немъ смерть отъ удушія: „Le comte Munich d'un asthme“ [27]).

Хотя императрица не поясняетъ о какомъ именно Минихѣ тутъ идетъ рѣчь, но такъ какъ этотъ документъ относится къ 1768—1775 гг., то не подлежитъ сомнѣнію, что императрица говоритъ въ немъ именно о гр. Эрнстѣ Минихѣ, такъ какъ его отецъ скончался въ 1767 г., братъ фельдмаршала, баронъ Х. В. Минихъ, въ 1768 г., а сыновья Эрнста Миниха и барона Х. В. Миниха были еще слишкомъ молоды въ то время, чтобы можно было предсказывать имъ смерть, тѣмъ болѣе отъ удушья.

IV.

Въ 1770-хъ годахъ гр. Эрнстъ Минихъ взялся за перо, съ цѣлью оправдать своего отца, фельдмаршала, отъ нѣкоторыхъ нападковъ, высказанныхъ на его счетъ въ Запискахъ Манштейна; которыя появились въ печати въ 1770 и 1771 гг. Графъ Эрнстъ Минихъ написалъ на нихъ свои „Замѣчанія“, которыя оказались не простыми замѣтками на эти Записки, но весьма любопытнымъ историческимъ сочиненіемъ престарѣлаго уже, но все еще бодраго умомъ, гр. Эрнста Миниха. Эти „Замѣчанія“ появились въ выдержкахъ въ «Отеч. Запискахъ» П. И. Свиньина изд. 1825—1828 гг., затѣмъ въ полномъ текстѣ, въ 1879 г. въ «Русской Старинѣ», и, наконецъ въ настоящей книгѣ (см. выше стр. 121—222).

Графъ Эрнстъ Минихъ, сынъ фельдмаршала, скончался въ Петербургѣ 24-го января ст. ст. 1788 г., на 81 году жизни, и погребенъ въ Луніи, гдѣ покоятся также останки его отца, фельдмаршала Миниха [28]).

Эрнстъ Минихъ не наслѣдовалъ „блистательныхъ качествъ своего отца, говоритъ о немъ Манштейнъ, но наслѣдовалъ многія его хорошія свойства, не получивъ ни одного изъ дурныхъ. Онъ имѣетъ ровный и основательный умъ и чрезвычайно честенъ“ [29]).

Объ умѣ, безупречной честности Миниха, объ его дарованіяхъ и скромности современники отзываются единодушно; доказательствомъ того уваженія, съ какимъ относились къ нему люди, знавшіе его близко, можетъ служить слѣдующій отзывъ, заимствованный изъ письма ген.-поручика Якова Ефимовича Сиверса къ

дядѣ Карлу Ѳедоровичу Крузе, къ которому Сиверсъ писалъ въ 1779 г. *) по дѣлу о своемъ разводѣ съ женою.

„Не имѣя никаковыхъ извѣстій о выборѣ судьи со стороны жены моей", пишетъ Сиверсъ, „слышалъ я вчерась, будто его сіятельство гр. Минихъ вознамѣрился взять на себя сіе печальное дѣло. Я весьма тому радъ: онъ есть человѣкъ безпорочной совѣсти и добродѣтельной; я бы самъ хотѣлъ его избрать" [30]).

Въ архивѣ кн. Воронцова, въ которомъ помѣщено настоящее письмо, мы находимъ еще одинъ, весьма интересный, отзывъ современника о личности гр. Эрнста Миниха и, главнымъ образомъ, о его Запискахъ.

Этотъ отзывъ принадлежитъ перу весьма просвѣщеннаго человѣка и извѣстнаго государственнаго дѣятеля, гр. Семена Романовича Воронцова, бывшаго въ 1818 г. нашимъ полномочнымъ посланникомъ при лондонскомъ дворѣ.

Вотъ что пишетъ онъ своему сыну, графу (впосл. князю) Михаилу Семеновичу Воронцову изъ Лондона, 29-го мая нов. ст. 1818 г., т. е. тридцать лѣтъ спустя послѣ смерти гр. Эрнста Миниха и вскорѣ послѣ изданія его Записокъ.

(Переводъ съ франц.). «Я прочелъ съ чрезвычайнымъ удовольствіемъ Записки графа Миниха, сына фельдмаршала. Я хорошо зналъ его; онъ былъ очень друженъ съ моимъ братомъ, который любилъ и уважалъ его, какъ человѣка весьма образованнаго и честнаго, при томъ права кроткаго и обходительнаго. Эти Записки написаны съ такою простотою и чистосердечіемъ, которыя приковываютъ читателя. Такъ слѣдовало-бы писать исторію своего времени, чтобы она служила источникомъ для будущихъ Юмовъ и Робертсоновъ. Однако, въ нихъ замѣтно явное пристрастіе, съ его стороны, по отношенію къ императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ и это можно извинить ему, ибо она была его благодѣтельница. Въ этомъ пристрастіи та особенность, что оно не высказывается въ преувеличенныхъ похвалахъ дѣяніямъ этой государыни, но въ совершенномъ умолчаніи объ одномъ общеизвѣстномъ фактѣ, омрачившемъ навсегда славу этой государыни, я говорю о процессѣ, осужденіи и казни знаменитаго графа (sic)

*) Число не помѣчено.

Артемія Петровича Волынскаго, человѣка въ высшей степени достойнаго, истинно государственнаго дѣятеля, который служилъ Петру Великому и пользовался его уваженіемъ, но былъ казненъ, не смотря на свою невинность, хорошо ей извѣстную, и принесенъ въ жертву потому, что того хотѣлъ Биронъ» [31]).

Въ имѣніи Лунія находится поясной портретъ гр. Эрнста Миниха въ натуральную величину. «Всматриваясь въ его грустные, задумчивые глаза, съ отяжелѣвшими вѣками, невольно приходитъ на мысль", говоритъ А. Я. Юргенсонъ, видѣвшій этотъ портретъ [32]), „что печальная участь Миниха и несчастье, постигшее его отца, нанесли его сердцу тяжкую рану, которую самое время не могло вполнѣ залечить".

Приложенія къ очерку жизни графа Эрнста Миниха.

I.

Въ Полномъ собраніи законовъ Россійской Имперіи, съ 1649 по 1825 гг., изданномъ въ 1830 г., въ С.-Петербургѣ, въ XVII и XIX томахъ, мы находимъ рядъ высочайше утвержденныхъ указовъ, состоявшихся по докладамъ дѣйств. тайн. сов. Миниха; эти указы относятся къ 1765—1774 гг., т. е. къ тому времени, когда гр. Эрнстъ Минихъ стоялъ во главѣ таможеннаго вѣдомства, въ качествѣ главнаго директора надъ таможенными сборами въ имперіи и президента коммерцъ-коллегіи.

1765 г. января 15-го. Высочайше утвержденный докладъ д. тн. сов. гр. Миниха, объ измѣненіи таможенныхъ штатовъ, конфирмованныхъ 12 февр. 1764 г., съ приложеніемъ оныхъ въ новомъ видѣ (т. XVII, 10).

1765 г. марта 14-го. Именный, данный д. тн. сов. гр. Миниху. О неконфискованіи кавалерскихъ лентъ, привозимыхъ изъ чужихъ земель, кои будутъ нѣсколько шире даннаго образца (т. XVII, 86).

1765 г. августа 26-го. Утвержденъ докладъ сената, по представленію, сдѣланному д. тн. сов. гр. Минихомъ, объ отпускѣ пильныхъ досокъ, по сту на тысячу подъ желѣза, на подстилку въ корабляхъ (т. XVII, 314).

1765 г. августа 31-го. Высочайше утвержденъ докладъ д. тн. сов. Миниха о взиманіи пошлинъ со старыхъ и поновленныхъ каретъ и колясокъ, изъ-за границы ввозимыхъ (т. XVII, 317).

1766 г. апрѣля 10-го. Сенатскій указъ, по докладу д. тн. сов. Миниха. О выпускѣ ревеня изъ Риги за границу и о сборѣ пошлинъ съ онаго, а также и съ клею пошлины, равной противу с.-петербургскаго порта (т. XVII, 659).

1766 г. мая 10-го. Высочайше утвержденный докладъ д. тн. сов. гр. Миниха. О неосматриваніи въ рижской порторіи слѣдующихъ изъ иностранныхъ государствъ въ Россію чрезъ Ригу сухимъ путемъ всякихъ товаровъ и вещей, объ опечатаніи только мѣстъ товарныхъ, на основаніи указа 1734 г., и о препровожденіи таковыхъ товаровъ при письменныхъ извѣстіяхъ въ с.-петербургскую таможню (т. XVII, 684).

1766 г. іюля 24-го состоялась высочайшая резолюція на докладъ д. тн. сов. гр. Миниха, о невзыскиваніи пошлинъ съ оказывающейся при досмотрахъ разбитой посуды (т. XVII, 859).

1766 г. октября 21-го. Высочайше утвержденъ докладъ д. тн. сов. гр. Миниха, о продажѣ контрабандныхъ товаровъ съ аукціоннаго торга и объ отдачѣ изъ вырученной суммы одной половины поимщику, а другой въ казну (т. XVII, 1025).

1766 г. октября 27-го состоялся сенатскій указъ о невзиманіи пошлины съ соли, провозимой изъ Крыму чрезъ Новороссійскую губернію въ Польшу (т. XVII, 1026).

1770 г. марта 2-го. Именный указъ, данный д. тн. сов. гр. Миниху. О зачетѣ вдвое пошлинъ съ вещей, привозимыхъ къ министрамъ римско-императорскаго двора (т. XIX, 17).

1770 г. іюля 22-го. Высочайше утвержденъ докладъ гр. Миниха о невзысканіи пошлинъ съ вывозимыхъ для Воспитательнаго дома аптекарскихъ матеріаловъ (т. XIX, 92).

1770 г. ноября 1-го. По докладу члена коммисіи о коммерціи гр. Миниха, высочайше утвержденъ докладъ этой коммисіи о правилахъ, какъ поступать при отпускѣ изъ россійскихъ портовъ иностранные товары обратно (т. XIX, 165).

1770 г. декабря 13-го состоялся именный указъ, данный гр. Миниху о взиманіи пошлины съ россійскаго льнянаго сѣмени, при выпускѣ его за границу по 43¹/₄ копѣйки (т. XIX, 177).

1772 г. іюня 15-го. Высочайше утвержденъ докладъ д. тн. сов. гр. Миниха, о смотрѣніи надзирателю главной надъ таможенными сборами канцеляріи, какъ за кассиромъ, такъ и за таможенными служителями и дѣлами и о дачѣ ему инструкціи (т. XIX, 524).

1772 г. октября 25-го. Высочайше утвержденъ докладъ д. тн. сов. гр. Миниха, о высылкѣ обратно привезенныхъ къ с.-петербургской таможнѣ запрещенныхъ товаровъ, по взятіи съ нихъ акциденціи (т. XIX, 605 и 606).

1774 г. марта 31-го. Состоялась высочайшая резолюція на докладъ д. тн. сов. гр. Миниха, объ отсылкѣ въ воспитательный домъ хранящихся въ таможняхъ денегъ, выручаемыхъ за проданные товары неизвѣстныхъ хозяевъ (т. XIX, 937).

II.

Въ числѣ бумагъ, сохранившихся въ Государственномъ архивѣ объ Екатерининской коммисіи, изданныхъ Императорскомъ Русскимъ Историческимъ Обществомъ въ 1871 г. [1]), находится: „Мнѣніе депутата отъ главной надъ таможнями и сборами канцеляріи, гр. Эрнста Миниха, о крестьянскомъ торгѣ, или рѣшеніе вопроса, надлежитъ-ли дозволить русскимъ крестьянамъ торговать или имъ это запретить?“ (Собственноручное).

Склоняясь въ этомъ „мнѣніи“ въ пользу крестьянъ, Минихъ полагалъ возможнымъ дозволить имъ производить торгъ на слѣдующихъ условіяхъ:

1) Всякому крестьянину дозволить привозить на рынокъ, во всѣ города своей провинціи, свои продукты, сырые и выработанные имъ самимъ, и продавать оные гуртомъ и въ дробности мѣщанамъ и городскимъ жителямъ, 2) таковой-же торгъ дозволить ему и во всѣхъ селахъ его уѣзда, въ которыхъ нѣтъ мѣщанъ. Тамъ онъ можетъ и въ лавкѣ торговать, 3) дозволить ему скупать и складывать въ анбары съѣстные припасы и разные товары въ своемъ уѣздѣ, и продавать ихъ купцамъ и мѣщанамъ городовъ его провинціи, но не въ другомъ какомъ-либо мѣстѣ, 4) но лавокъ въ городахъ держать ему не

[1]) См. Сборн. рус. ист. общества, т. VIII, стр. 200.

воляты и товары покупать запретить, кромѣ необходимыхъ для его домашняго употребленія, развѣ онъ запишется (съ разрѣшенія помѣщика) въ мѣщанство.

Дозволить имъ быть разнощиками въ Петербургѣ и въ Москвѣ, но до тѣхъ только поръ, пока можно будетъ наполнить необходимо нужное въ малыхъ городахъ число таковыхъ людей бѣдными мѣщанами, ихъ женами и дѣтьми.....

Къ этому мнѣнію гр. Миниха присоединились многіе другіе депутаты.

Въ „мнѣніи“ своемъ о вексельномъ уставѣ, гр. Эрнстъ Минихъ высказалъ необходимость внести въ этотъ уставъ поправку, для того, чтобы охранить отъ разоренія юношей, дѣлающихъ долги, въ расчетѣ на будущее наслѣдство, котораго не хватаетъ иной разъ даже на уплату по векселямъ.

„Для предупрежденія такой настоящей гибели гражданамъ, для сохраненія благоденствія общества и искорененія разныхъ злоупотребленій, депутатъ гр. Минихъ предложилъ слѣдующее [1]): если окажется, что вексель былъ данъ отъ человѣка не совершенныхъ лѣтъ, или не имѣющаго собственнаго своего имѣнія, или состоящаго во власти родителей или опекуновъ, то надлежитъ такой вексель уничтожить и чтобы никто уже не могъ домогаться по немъ взысканія.

22 марта 1891.
Спб.

ПРИМѢЧАНІЯ КЪ ОЧЕРКУ ЖИЗНИ ГР. ЭРНСТА МИНИХА.

1) „Русская Старина“, 1887 г., т. LIV, стр. 630.
2) „Familienbuch“ въ Mittheilungen aus dem Gebiet der Geschichte Liv-Est und Curlands, 1843, стр. 356, и „Русская Старина“, 1887 г., т. LIV, стр. 631
3) „Русская Старина“, 1887 г., т. LIV, стр. 320. По Бюшингу, Минихъ былъ арестованъ въ ночь съ 24 на 25 ноября, см. Büsching Magazin, III. 506.
4) „Русскій Архивъ“, 1866 г., стр. 1547 и слѣд.
5) „Сборникъ русскаго историческаго общества“, т. VI, 409 и слѣд., донесенія Пецольда.
6) „Русская Старина“, 1887 г., т. LIV, стр. 633.
7) „Русскій Архивъ“, 1886 г., стр. 1555.
8) Тамъ-же, стр. 1549—1560.
9) „Русская Старина“ 1887 г., т. LIII, стр. 232.
10) Тамъ-же, т. LIV, стр. 227, 320, 466 и 634.
11) „Русскій Архивъ“, 1866 г., стр. 1564.
12) „Русская Старина“, 1887 г., т. LIII, стр. 227.
13) „Русскій Архивъ“, 1866 г., стр. 1561 и 1565.
14) „Архивъ кн. Воронцова“, т. II, стр. 471 и 435
15) „Русская Старина“, 1887 г., т. LIII, стр. 466 и 469.

---

[1]) Сборн. русск. ист. общ., т. VIII, 2.

16) „Русскій Архивъ“, 1866 г., стр. 1566 и 1567.

17) „Сборникъ русскаго историческаго общества“, т. XVIII, стр. 372, и „Русская Старина“, 1887 г., т. LIV, стр. 634.

18) „Русская Старина“, 1887 г., т. LIV. стр. 636. и „Сборникъ русскаго историческаго общества“, т. XXIII, стр. 13.

19) Сборникъ русскаго историческаго общества“, т. XXII, стр. 156.

20) „Архивъ кн. Воронцова“, т. XIII. стр. 4.

21) „Русская Старина“, 1887 г., т. LIV, стр. 636.

22) „Полное собраніе законовъ Россійской Имперіи“, т. XVI, стр. 452, Описаніе архива внѣшней торговли, изд. Кайданова и „Русская Старина“, 1887 г., т. LIV, стр. 638.

23) „Сборникъ русск. истор. общества“, т. XXXVI, стр. 110, 220 и 273.

24) „Архивъ кн. Воронцова“, т. XXVI, стр, 237—241.

25) „Сборникъ русскаго историческаго общества“, т. X, стр. 134.

26) „Полное собраніе законовъ Россійской Имперіи“, т. XVIII, стр. 291, и „Русскій Архивъ“. 1866 г., стр. 1546.

27) „Сборникъ русскаго историческаго общества“, т. X. стр. 321.

28) „Русская Старина“, 1887 г., т., LIV, стр. 636.

29) „Манштейнъ“, записки, изд. 1875 г., стр. 240.

30) „Архивъ кн. Воронцова“, т. XXVI. стр. 278.

31) Тамъ-же, т. XXVII. стр. 476.

32) „Русская Старина“, т. LIV. стр. 637.

РОДОСЛОВІЕ

МИЛІИ ГРАФОВЪ МИНИХОВЪ.

Составила В. В. Тимощукъ.

Родословіе графовъ Миниховъ, напечатанное въ „Россійской родословной книгѣ“, изд. кн. П. В. Долгоруковымъ, Спб. 1855 г., ч. 2-я стр. 137—142, не отличается полнотою свѣдѣній о лицахъ, упомянутыхъ во второмъ, третьемъ и четвертомъ колѣнахъ фамиліи Миниховъ, а именно: у внесенныхъ въ нее лицъ не достаетъ многихъ чиселъ, у бывшаго гофмейстера графа Эрнста Миниха показано пять сыновей и одна дочь, между тѣмъ какъ у него было четыре сына и четыре дочери; въ томъ же родословіи опущены нѣкоторыя другія подробности.

Въ виду этого, помѣщаемая въ настоящемъ изданіи родословная дополнена нами въ этихъ трехъ колѣнахъ по разнымъ источникамъ, таковы: Hempel, Leben, Thaten und betrübter Fall dess weltberufenen russischen Grafen Burchards Christophs von Münnich, Bremen, 1743; Halem, Lebensbeschreibung des russisch Kaiserlichen Generalfeldmarchalls B. C. von Münnich (Oldenburg. 1803), гдѣ перечислены ближайшіе потомки фельдмаршала; „Записки Одесскаго общества исторіи и древностей“, т. IV, стр. 423, гдѣ напечатанъ „Дневникъ генерала Бургарда Христофора Миниха“, съ приложеніемъ генеалогической таблицы его рода; „Дворянскіе роды, внесенные въ общій гербовникъ Всероссійской имперіи“, составленный гр. Александромъ Алексѣевичемъ Бобринскимъ, Спб. 1890 г., часть II, стр. 412—414, и, наконецъ, статья А. Я. Юргенсона въ „Russische Revue“ 1886, Heft II, стр. 325, и III, стр. 323 и 325.

Графы Минихи.

I.

№ отцовскій.

Антонъ Гинтеръ von Münnich, датскій тайн. сов.; р. 9 іюня 1650 † 14 февр, 1721; жен. на Софіи-Екатеринѣ Эткенсъ, р. 13 іюня 1659 † 27 мая 1710.

II.

Іоаннъ-Рудольфъ, начальникъ надъ приморскими плотинами въ графствѣ Ольденбургскомъ, † 8 апр. 1731 г. 1

Графъ Бургардъ-Христоферъ, россійскій фельдмаршалъ и св. Андрея кав.; р. 9 мая 1683 † 16 окт. 1767; жен. 1) съ 28 апр. 1705 г. на Христинѣ-Лукреціи фонъ-Вицлебенъ, р. 14 авг. 1685 г. † 1727 г., 2) съ 1728 г. на Барбарѣ Элеонорѣ, рож. фонъ-Мольцанъ, въ первомъ бракѣ Салтыкова, (всѣ дѣти отъ перваго брака) 1

Баронъ Христіанъ-Вильгельмъ, россійскій оберъ-гофмейстеръ и св. Андр. кав.; род. 1688 † 11 апр. 1768 г.; жен. съ 12 окт. 1717 г. на Аннѣ-Елисаветѣ фонъ, Вицендорфъ, дочери тайн. сов. Дидриха Вильгельма фонъ-Вицендорфъ. 1

Елена-Елисавета, за фонъ-Рётбергъ 1

Шарлотта-Амаллія, за фонъ Рёль. 1

Доротея-Елисавета, за прусскимъ ген.-маіоромъ фонъ-Вильдеманъ. 1

III.

5. Георгъ Дидрихъ, полковникъ польскихъ войскъ. . .
6. Графъ Эрнстъ, дѣйств. тайн. сов. и св. Андр. кав., русскими называемый „Сергѣй Христофоровичъ“, р. 30 дек. 1707 ст. ст. † 24 янв. 1788 г., жен. съ 20 февр. 1739 г. на баронессѣ Аннѣ-Доротеѣ Менгденъ . . . . . .
7. Баронъ N. N. Минихъ, полковникъ русской службы, умеръ бездѣтный. . . . . .

Графиня Софія-Анна-Луиза, р. 10 февр. 1709 г., за полковникомъ барономъ Альбрехтомъ-Германомъ фонъ-Мольцанъ . . . . . .

Графиня Христина-Елисавета, р. 30 окт. 1711 г., за барономъ Іоанномъ-Генрихомъ фонъ-Менгденъ († 1768 г.). . .

Графиня Луиза-Доротея, р. 30 сент. 1713 г., въ 1-мъ бракѣ за барономъ Іоанномъ-Вильгельмомъ фонъ-Шаумбургъ, во 2-мъ за графомъ Фридрихомъ-Лудвигомъ Сольмсъ-Вильденфельсъ. . . . . .

Баронесса N. N. Минихъ, за гр. Гаральдомъ Густавомъ Игельштромъ . . . . . .

Баронесса N. N. Минихъ, по смерти сестры своей вышла замужъ за того же гр. Гаральда Густава Игельштрома.

IV.

8. Графъ Іоаннъ-Готлибъ, дѣйств. стат. сов., лифляндскій ландратъ, р. 9 мая 1740 † 18.. г., женатъ на дѣвицѣ Фитингофъ, имѣлъ двухъ дочерей . . . . .
9. Графъ Эрнстъ-Густавъ (Сергѣй Сергѣевичъ), ген.-маіоръ, род. 6 ноября 1744 † 1812 г. . . . . .
10. Графъ Бурхардъ-Христофоръ (Сергѣевичъ), тайн. сов. и св. Алекс. Нев. кав.; род. 1 янв. 1747 г. † 22 мая 1824 года, жен. на графинѣ Аннѣ Андреевнѣ Ефимовской. . . . . .
11. Графъ Лудвигъ-Антонъ (Сергѣевичъ), гвардіи ротмистръ, род. 5 янв. 1748 † 1800 г., жен. на Вѣрѣ Николаевнѣ Чоглоковой. . . . . .

Графиня Анна-Ульрика, р. 4 мая 1741 † 18 янв. 1811 г., за дѣйств. тайн. сов. барономъ Иваномъ Андреевичемъ Фитингофъ . . . . . .

Одна изъ трехъ дочерей баронессы Фитингофъ (у нея было три дочери и одинъ сынъ), баронесса Юлія Фитингофъ, род. 21 нояб. 1764 г. въ Ригѣ, вышла замужъ за бар. Крюднера и прославилась тѣмъ вліяніемъ, которое она имѣла нѣкоторое время на императора Александра I.

Графиня N. N., род. 13 іюня 1742 г. 6

Графиня Доротея, р. 9 янв. 1746 г., зам. за ассесоромъ Бергомъ. 6

Графиня Юліана-Элеонора, р. 30 апрѣля 1749 г., зам. за графомъ Мантейфель-Цеге 6

V.

Графъ Фридрихъ-Францъ, былъ въ 1855 г. Ольденбургскаго двора оберъ-гофмаршалъ; владѣлъ старинными родовыми помѣстьями фамиліи Миниховъ въ Ольденбургѣ, р. 1 окт. 1788; жен. на Христинѣ-Луизѣ фонъ Плессенъ. 9

Графъ Петръ-Христоферъ (Петръ Сергѣевичъ), малороссійскаго Кирасирскаго полка подполковникъ; жен. на баронессѣ Генріэттѣ Каролинѣ Клодъ-фонъ-Юргенсбургъ, † отъ ранъ въ 1813 г. 9

Графиня Екатерина, за борономъ Нолькенъ 9

„ Анна-Доротея, за полковникомъ Глинка . . . 9

„ Елисавета 9

Графъ Сергій Христофоровичъ, полковникъ и адъютантъ е. и. в. цесаревича великаго князя Константина Павловича: р. 1773 † 12 марта 1808 10

Графиня Екатерина Христофоровна, † 1724 10

Графъ Александръ Антоновичъ, подполковникъ С.-Пб. драгунскаго полка. 11

Графиня Марія Антоновна, за маіоромъ барономъ Карломъ Павловичемъ Розенъ. 11

Графиня Екатерина Антоновна, за графомъ д'Аллонвилль (d'Allonville) 11

Графиня Елисавета Антоновна, за ген.-лейтен. Михайломъ Дмитріевичемъ Хрущовымъ. 11

Графиня Наталія Антоновна, за ген.-лейтен. графомъ Иракліемъ Иваповичемъ Морковымъ. 11

Графиня Христина-Софія-Элеонора 9

VI.

Графиня Іоанна-Георгина-Элеонора-Цецилія, за ганноверскимъ маіоромъ гвардіи Вильгельмомъ фонъ-Бюловъ 12
Графиня Паулина-Альбертина, за графомъ Вильгельмомъ-Фридрихомъ-Христіаномъ Бентинкъ 12
Графиня Аделаида, за ольденбургскимъ каммергеромъ Германомъ фонъ-Рёссингъ. 12
Графиня Эмма-Вильгельмина 12
„ Амалія-Эрнестина-Екатерина 12
„ Александра-Фредерика 12
16. Графъ Христоформъ Петровичъ, р. 27 авг. 1825 . . 13

О происхожденіи фамиліи Миниховъ существуетъ два противоположныхъ мнѣнія: одни біографы фельдмаршала (Halem, Hempel), къ которымъ присоединились М. Д. Хмыровъ (см. его очеркъ: „Фельдцейхмейстерство гр. Миниха“ въ изд. „Записки иностранцевъ XVII стол.“, т. II, стр. 217) и П. И. Костомаровъ („Фельдмаршалъ Минихъ и его значеніе въ русской исторіи“, „Вѣстникъ Европы“, изд. 1884 г., стр. 511) говорятъ, что родъ Миниховъ принадлежалъ къ крестьянскому сословію и что только отецъ фельдмаршала, Антонъ Гинтеръ Минихъ, ольденбургскій помѣщикъ, возведенъ въ дворянское достоинство королемъ датскимъ Христіаномъ V, 24 мая 1686 г. (Родосл. книга кн. Долгорукова, 1855 г., ч. 2-я, стр. 140). Между тѣмъ А. Я. Юргенсонъ, близко изучившій различные источники къ жизнеописанію фельдмаршала Миниха, оспариваетъ это мнѣніе, (см. Russische Revue, Heft II, 225), на основаніи генеалогической таблицы, приложенной самимъ фельдмаршаломъ къ его „Дневнику“, который напечатанъ въ оригиналѣ и въ переводѣ въ „Запискахъ одесскаго общества исторіи и древностей“, т. IV, и перепечатанъ на русскомъ языкѣ въ „Запискахъ иностранцевъ XVIII столѣт.“, т. II. Изъ этой генеалогической таблицы видно, что дворянскій родъ Миниховъ восходитъ до начала XVI вѣка, и что въ числѣ ихъ предковъ двое, именно прадѣдъ и дѣдъ фельдмаршала, были главными начальниками Вюстенландскаго округа въ Ольденбургѣ; то-же повторяетъ и Хмыровъ въ своей статьѣ (стр. 218), прибавляя что они были извѣстны своими заслугами по части гидравлики (см. также Halem, 7, ч. I), и что склонность къ занятіямъ гидравлическимъ была наслѣдственна въ семействѣ Миниховъ.

Столь видное служебное положеніе, какое занимали эти два Миниха, врядъ-ли могло быть совмѣстимо съ ихъ крестьянскимъ званіемъ.

Изъ той же генеалогической таблицы видно, что одинъ изъ болѣе дальнихъ предковъ Миниха находился въ началѣ XVI столѣт. въ Баваріи, гдѣ онъ владѣлъ помѣстьемъ, а сынъ его, Германъ Минихъ, былъ владѣтель Рамшауера и Мансфельда, изгнанъ изъ Баваріи въ 1526 г. во время крестьянской войны; другой Минихъ былъ убитъ въ томъ же году, сражаясь за права господъ, и. наконецъ, двое Миниховъ, изъ боковой вѣтви, были по очереди настоятелями монастыря въ Бланкенбургѣ.

Всѣ эти факты говорятъ въ пользу ихъ дворянскаго происхожденія, которое подтверждается также выпискою изъ Гербовника, I, № 18, приведенною въ книгѣ „Дворянскіе роды, внесенные въ общій гербовникъ Всероссійской имперіи“, составленной А. А. Бобринскимъ (Спб. 1890 г., ч. II, 412—414); въ этой выпискѣ говорится, что „гр. Б. Х. Минихъ происходитъ изъ древняго дворянскаго рода. Предокъ его, Минихъ, находился сперва въ Баваріи, потомъ въ Остфрисландіи, а напослѣдокъ поселился въ графствѣ Ольденбургскомъ и владѣлъ тамъ помѣстьями и сего же рода Антонъ Генрихъ (Гинтеръ?) Минихъ королемъ датскимъ Христіаномъ V въ 1686 г. пожалованъ въ достоинство датскаго дворянина“.

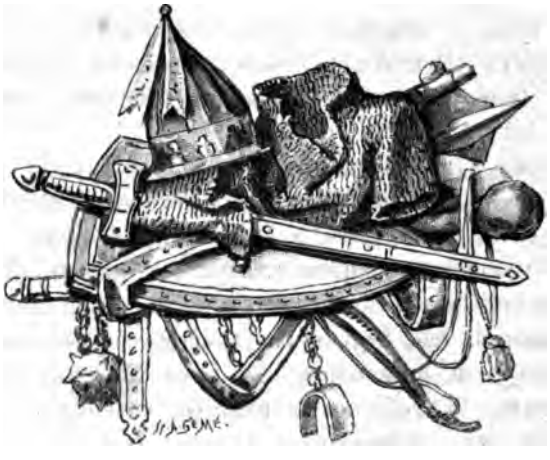
Эта выписка изъ Гербовника вполнѣ согласуется съ тѣми данными, которыя мы находимъ въ генеалогической таблицѣ, написанной самимъ фельдмаршаломъ, и поэтому пожалованіе Антона Гинтера Миниха дворянина званіемъ слѣдуетъ понимать, вѣроятно, не въ томъ смыслѣ, что онъ изъ крестьянъ былъ пожалованъ въ дворяне, а въ томъ смыслѣ, что, будучи владѣльцемъ помѣстьевъ въ графствѣ Ольденбургскомъ и поселившись въ немъ навсегда, онъ пожелалъ пріобрѣсти права датскаго дворянства, которыя и были пожалованы ему королемъ Христіаномъ V и подтверждены впослѣдствіи королемъ Леопольдомъ, въ 1702 г. (см. Hempel, стр. 1—20).

Второй сынъ Антона Гинтера Миниха, Бургардъ-Христофоръ, обезсмертившій въ исторіи имя Миниха, служилъ въ молодости подъ начальствомъ знаменитаго принца Евгенія Савойскаго; вызванъ былъ въ русскую службу россійскимъ посломъ въ Варшавѣ, кн. Григ. Өед. Долгоруковымъ; былъ, при Петрѣ Великомъ, генералъ-поручикомъ; при Екатеринѣ I получилъ Александровскую ленту; при Петрѣ II былъ генералъ-фельдцейхмейстеромъ и генералъ-губернаторомъ петербургскимъ, и возведенъ, 24 февраля 1728 года,

въ графское Россійской имперіи достоинство. При Аннѣ Іоановнѣ получилъ Андреевскую ленту, былъ фельдмаршаломъ, президентомъ военной коллегіи и кабинетъ-министромъ, а 4 февраля 1741 г. возведенъ въ графское Римской имперіи достоинство викаріемъ Римской имперіи, курфирстомъ саксонскимъ. Переводъ съ диплома, даннаго ему на это званіе, хранится въ герольдіи. Отправленный въ Сибирь, 1742 года, при восшествіи на престолъ императрицы Елисаветы Петровны, графъ Бурхардъ Минихъ провелъ двадцать лѣтъ въ Пелымѣ, возвращенъ въ 1752 году Петромъ III, получилъ, снова ордена и жезлъ фельдмаршальскій; пользовался отмѣннымъ уваженіемъ Великой Екатерины и скончался въ 1767 г., 85-ти лѣтъ

Біографическія свѣдѣнія о его сынѣ, гр. Эрнстѣ Минихѣ историческіе труды котораго вошли въ настоящее изданіе, см. выше въ очеркѣ его жизни и въ его Запискахъ.

Потомковъ знаменитаго фельдмаршала Миниха, носящихъ фамилію графовъ Минихъ, въ настоящее время въ Россіи не существуетъ.



Гербъ рода графовъ Миниховъ.

Въ щитѣ, раздѣленномъ на четыре части, посрединѣ на золотой полосѣ находится малый щитокъ серебряный, украшенный графскою короною, въ коемъ изображенъ стоящій босый монахъ въ черномъ одѣяніи, держащій въ подъятыхъ вверхъ рукахъ чотки; по сторонамъ сего щитка виденъ расположивинчатый черный орелъ, имѣющій на двухъ главахъ короны, а въ лапахъ златыя россійско-императорскимъ орломъ украшенныя булавы. Въ первой части, въ голубомъ полѣ, серебряный лебедь. Во второй части, въ серебряномъ полѣ, два опрокинутыя стропила краснаго цвѣта. Въ третьей части, въ серебряномъ-же полѣ, три красные трилистные цвѣтка. Въ четвертой части, въ голубомъ полѣ, видна кирпичная зубчатая стѣна и надъ оною восходящая серебряная луна. Между сими послѣдними полями въ нижней части означена сооруженная изъ кирпичей пирамида съ воздвигнутымъ на ней золотымъ столбомъ, обвитымъ двумя зміями. На поверхности сего-жъ столба видна голова Януса, золотая, въ зубчатой коронѣ. Щитъ увѣнчанъ тремя шлемами, украшенными клейнодами, изъ коихъ средній покрытъ графскою короною, на которой видны два турецкія знамя, изъ нихъ правое бѣлое,

а лѣвое красное, имѣютъ: первое золотую, а второе серебряную луну, и позади сихъ знаменъ, между распростертыми серебряными орлиными крылами, является описанный въ среднемъ щитѣ монахъ. На крайнихъ шлемахъ, украшенныхъ съ правой стороны княжескою шапкою, а съ лѣвой дворянскою короною, помѣщены по три турецкихъ бѣлыхъ бунчука, висящіе плетями на златыхъ прутахъ съ бѣлыми и красными вверху щетками.

Щитодержатели, облеченные въ латы, два воина, имѣютъ сверхъ шлемовъ на главахъ: стоящій на правой сторонѣ—каменную корону, и въ правой рукѣ геометрическій чертежъ; а на лѣвой сторонѣ, стоящій-же,—три страусовыя пера: красное, серебряное и черное, и лѣвою рукою держитъ на плечѣ карабинъ. Наметъ на щитѣ голубаго и краснаго цвѣта, подложенный золотомъ и серебромъ.

Графъ Бургардъ Христоформъ Минихъ происходитъ изъ древняго дворянскаго рода. Предокъ его, Минихъ, находился сперва въ Баваріи, потомъ въ Остфрисландіи, а напослѣдокъ поселился въ графствѣ Ольденбургскомъ, владѣлъ тамо помѣстьями; и сего-же рода Антонъ Гинтеръ Минихъ королемъ Датскимъ Христіаномъ Пятымъ въ 1686 году пожалованъ былъ въ достоинство датскаго дворянина.

Въ новѣйшія-же времена помянутый графъ Бургардъ Христоформъ Минихъ, находясь въ россійской службѣ, стяжалъ имени и всему роду своему славу трудами и подвигами, на службу и пользу россійскому государству подъятыми.

Блаженныя и вѣчнодостойныя памяти государь императоръ Петръ Вторый въ 1728 году февраля въ 24 день всемилостивѣйше соизволилъ возвести сего Миниха съ потомствомъ его въ графское Всероссійской имперіи достоинство.

Сей-же Россійской имперіи графъ Минихъ пожалованъ былъ и графомъ Римскія имперіи, что доказывается дипломомъ, даннымъ ему 1742 года февраля 4 дня, съ коего переводъ хранится въ Герольдіи.

„Общій Гербовникъ Дворянскихъ родовъ Всероссійскія имперіи, начатый въ 1797 году. Часть первая. № 18“.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

А.

Августъ II, кор. польскій, род. 1670 г., † 1733 г., 6, 8, 9, 34, 35, 144, 209, 210.

Августъ III, кор. польскій, род. 1696 г., † 1763 г., 37, 39, 41, 44, 45, 46, 48, 52, 177, 197, 229, 233, 235, 288.

Агія-паша, сераскиръ, 61, 83.

Адеркасъ, воспит-ца Анны Леопольдовны, 205.

Адольфъ-Фридрихъ, герцогъ гольштейнъ-готторпскій, кор. шведскій съ 1751 г., р. 1710, † 1771 г., 218.

Александръ I, императоръ, 311.

Алексѣй Петровичъ, царевичъ, род. 1690 г., † 1718 г., 129, 203.

Али-паша, великій визирь, 61.

д'Аллонвиль, гр-ня, Екатерина Антоновна, см. Минихъ, гр-ня.

д'Аллонвиль, гр., Родосл. № 15, 311.

Альгаротти, Франческо, гр. итальянск., ученый и художн., р. 1712 г., † 1764 г., 258, 259, 261, 262, 273, 284.

Анна Іоановна, императрица, р. 1694, † 1740 г., 4, 24, 69, 79, 89, 92, 100, 110, 113, 123, 125, 129, 135—283, 288, 301, 313.

Анна Леопольдовна, принцесса брауншвейгъ-люнебургская, правительница Россіи, р. 1718 г., † 1745 г., 32, 69, 71, 73, 84—123, 134, 135, 141, 145, 157—163, 174—282, 288, 289.

Анна Петровна, царевна, герцог. гольштейнъ-готторпская, р. 1708, † 1728 г., 13, 130, 132, 133.

Антонъ Ульрихъ, герцогъ Бланкенбургскій, 21.

Антонъ Ульрихъ, принцъ Брауншвейгъ-Вольфенбютельскій, генералиссимусъ русскихъ войскъ, 21, 60, 69, 71—73, 82, 85, 90, 97, 102—263.

Апраксинъ, гр. Степ. Ѳед., ген.-м. 1739 г., впосл. ген.-фельдм., р. 1702 г., † 1758 (1760?), 109, 173, 187.

Аргамаковъ, поруч. 1740 г., 176.

Арембергской, герцогъ, 21.

Б.

Балакиревъ, Иванъ Александров., шутъ при Аннѣ Іоанновнѣ, 166.

Барай, флотск. офиц. франц. службы 1734 г., 43, 147, 233.

Бартеневъ, Петръ Ив., изд. «XVIII вѣка» и «Русск. Архива», р. 1829 г., 226.
Вассевичъ, гр. Генрихъ-Фридрихъ, голштинскій посолъ при русск. дворѣ, р. 1680, † 1749 г., 129—133, 268, 269.
Вауръ, Ѳедоръ Вилимовичъ, ген.-поручикъ, ген.-квартирмейст., р. 1731 г., † 1773 г., 127.
Вахметевъ, ген.-маіоръ 1737 г., 63.
Веверискіе, принцы, 21.
де-Веллефонъ, маркизъ, полковн. франц. службы 1734 г., 47, 147.
Вентинкъ, гр., Вильгельмъ-Фридрихъ-Христіанъ. Родосл. № 15, 312.
Вентинкъ, гр-ня, Паулина-Альбертина, см. Минихъ, гр-ня.
Бергъ, Доротея, см. Минихъ, гр-ня.
Бергъ, ассесоръ, Родосл. № 11, 311.
Беренклау, австр. полковникъ, 243.
Бестужева-Рюмина, гр-ня, Анна Гавр., рожд. гр. Головкина, 220, 221.
Бестужевъ-Рюминъ, гр., Алексѣй Петровичъ, каб.-мин., госуд. канцл., род. 1693, † 1766 г., 84—86, 98, 106, 157, 158, 176, 184, 201, 217, 271.
Бестужевъ-Рюминъ, Конст. Николаев., профес., р. 1829 г., 254.
Бестужевъ-Рюминъ, Мих. Петров., рус. посолъ въ Стокгольмѣ 1741 г., 220.
Бестужевы, русск. дворянскій родъ, 173.
Вецкій, Иванъ Ив., д. тн. сов., дѣйств. камергеръ, президъ. акад. худ., госуд. дѣят. при Екатеринѣ II, р. 1704 г., † 1795 г., 216, 299.
де Би (de Bie), голланд. посланникъ въ Россіи, 284.
Бибиковъ, 173.
Вирона, герцогиня, Бенигна-Готлиба, рожд. Тротта-фонъ-Трейденъ, 32, 72, 82, 184, 270.
Биронъ, Густавъ, командиръ л.-гв. Изм. полка 1740 г., русск. ген. аншефъ, 82, 102, 106, 180, 184.
Биронъ, Іоганнъ Эрнстъ, герц. курлянд-скій, регентъ россійскій, р. 1690 г., † 1772 г., 27, 28, 32—35, 53, 56, 62, 64, 70, 73, 82—169, 173—190, 225—228, 250—256, 264, 270—283, 288, 302.
Биронъ, герцогъ, Петръ, команд. полка 1740 г., р. 1724, † 1800 180.
Бисмаркъ, ген.-поруч., рижск. ген наторъ 1733 г., 35, 82, 120.
Бобринскій, гр. Алексдр. Ал составит. Родослов., 308, 313.
Болтинъ, Ив. Никитичъ, ген.-м., ч коллег., р. 1735 г., † 1792 г., 1
Бонафу, полковн. 1720 г., 9, 21
Воневаль, Клавдій-Александръ, а также Ахмедъ-паша, авант р. 1675 г., † 1747 г., 152.
Вотта де Адорно, маркизъ, ав сланникъ въ Петербургѣ, 64, 7(114, 115, 116, 119, 120, 191, 1 196, 197, 204, 220, 221, 267, 28
Брауншвейгскія, герцогини, 1
Брауншвейгскій, принцъ, Л братъ Антона Ульриха, 21, 200
Бриль, гр., саксонск. мин. 1741
Брюсъ, гр., Александръ Рома генералъ, 135.
Бутурлинъ, гр., Александръ Б(р. 1704, † 1767; возвед. 1760 г достоин., ген.-маіоръ 1737 г., 1
фонъ-Бюловъ, Вильгельмъ, Родосл. № 15, 312.
фонъ-Бюловъ, Іоанна-Георги Минихъ, гр-ня.
Бюшингъ, Антонъ-Фридрихъ, ученый, р. 1724, † 1793 г., 185, 2 251, 252, 253, 263, 265, 299—2 280, 283, 293, 305.

В.

Валенъ, бургомистръ Данцига 17
Валлисъ, гр., австр. фельдм 153.
Вейсенфельскій, герцогъ, 46, 2
Вели-паша, бендерскій сераскир
Вельяминовъ, 173.
Вельцегъ, послан. въ Польшѣ, 229.
Виллишъ, воспитат. гр. Эрнста 287.
Вильбоа, статсъ-дама, 128.
Вильбоа, адмиралъ 1706 г., 128.

нъ, Доротея-Елизавета см.

ннъ, ген.-ад. 1736 г., 62, 244.
нъ, прусск. ген.-м. Родосл.
.
, маркизъ, франц. посланникъ
и 1736 г., 79, 153.
ьтъ, ген.-ад. прусск. службы
.13, 114.
овъ, Александръ Вас., воен.
, р. 1804, † 1858 г., 124.
овъ, Конст. Александр., д. ст.

фъ, Анна-Елизавета, см. Ми-
онессе.
фъ, Дидрихъ-Вильгельмъ, тн.

ь, Анна Дебора, рожд. Себахъ,

ь, Христина-Лукреція, см.
графиня.
й, Артемій Петров., оберъ-
т., каб.-министръ, р. 1689 г.,
82, 154—156, 173, 227, 270,

ь, 243, 244.
ь, гр., Мих. Илларіон., государ.
1758 г., р. 1714 г., † 1767 г.,

ь, гр., впосл. кн., Мих. Семен.,
, † 1856 г., 225, 226, 301.
ь, кн., Семенъ Мих., 226, 227,
280, 301, 305, 306.
ь, гр., Семенъ Романовичъ,
ı., чрезвыч. посл. и полно-
ı. при великобританск. дворѣ,
, † 1832 г., 227, 301.
ъ, гр., австр. послан. въ Пе-
141.

Г.

писатель, 264, 297.
, Езекіиль, пасторъ-профес-
г., 14, 16.
ернардъ-Антонъ, нѣмецкій
† 1819 г., біографъ гр. Б. Х.
250, 308, 312.

Геймбургъ, подполк. 1737 г., 60, 243.
Гемпель, (псевдонимъ Флема), авт. біограф. Б. Х. Миниха 1742 г., 234, 308, 312, 313.
Генрихъ, де Валоа, король франц. 229.
Генрихъ III, герц. анжуйск., кор. польскій 1574, кор. французск. съ 1574—1589 г., р. 1551, † 1589 г., 37.
Гендриковы, графы, 128.
Герцъ, бар., 8, 130, 209.
Гика, Григорій II, молдавскій господарь въ 1733—1752 гг., 78.
Глинка, Анна-Доротея, см. Минихъ, гр-ня.
Глинка, полковн. Родосл. № 13, 311.
Глинка, издат. Зап. Манштейна 1810 г., 255.
Глюкъ, Эрнстъ, лифляндскій пасторъ, † 1706 г., 126, 128.
Голицыны, русскій княж. родъ, 136.
Голицынъ, кн., Василій Васильевичъ, генералиссимусъ, † 1713 г., 52, 237.
Голицынъ, кн., 299.
Головинъ, гр., Никол, Ѳед., д. т. сов., сенаторъ, адмир., презид. адмир. кол. и конференцъ-мин., 88, 109, 187, 290.
Головкина, гр., Анна Гавр., см. Бестужева-Рюмина.
Головкина, гр-ня, рожд. гр-ня фонъ-Дона, 20, 21, 23.
Головкина, гр-ня, Екат. Ив. рожд. княж. Ромодановская, р. 1702, † 1791 г., 178, 215.
Головкинъ, гр., Александръ Гаврилов., послан. въ Берлинѣ 1727 г., 17, 19, 20, 21, 22, 23, 26, 30, 31, 109, 269.
Головкинъ, гр., Гавр. Ив., госуд. канцл., сенат., каб.-мин., род. 1660, † 1734 г., 178.
Головкинъ, гр,, Мих. Гаврилов., вице-канцл., каб.-мин., † 1756 г., 29, 100—109, 173, 178, 186, 187, 199, 206, 207 220.
Голштинскій, герцогъ, супругъ царевны Анны Петровны, 18, 268, 269.
Горникъ, педагогъ, 11.
Гохгольцеръ, австр. резидентъ въ Петербургѣ 1741 г., 116.
Гохмутъ, генер. 1736 г., 173.

Грамматинъ, адъютантъ принца Антона Ульриха 1740 г., 179, 180.
Губеръ, (Huber), издатель записокъ Манштейна на франц. языкѣ 1771 г., 231, 236, 275, 278,

Д.

Дебрини, генералъ 1736 г., 173.
Деламаркъ, графъ, 21.
Деламотъ, бригадиръ 1734 г., 41, 42.
Долгорукая, княжна, Екатерина Алексѣевна, невѣста Петра II, въ замуж. гр-ня Брюсъ, р. 1711, † 1729 г., 135.
Долгорукой, кн., Алексѣй Григорьев., д. тн. сов., чл. верховн. сов., воспитат. Петра II, † 1734 г., 135.
Долгорукой, кн., Ив. Алексѣев., об.-камергеръ, чл. тн. верховн. сов., наперсникъ Петра II, р. 1708, † 1750 г., 18, 20, 24, 135.
Долгорукой, кн., Василій Владиміров., ген.-фельдмаршалъ, чл. тн. сов., подполковн. л.-гв. Семен. пол., сосл. 1730 г., презид. воен. кол., р. 1667, † 1746 г., 139, 140.
Долгорукой, кн., Василій Лукичъ, д. тн. сов., членъ верховн. сов., дипломатъ, † 1739 г., 24, 139.
Долгорукой, кн., Григ. Өед., послан. въ Польшѣ въ 1700—1720 гг., д. тн. сов., р. 1656, † 1723 г., 9, 10, 211, 313.
Долгорукой, кн., П. В., состав. Родосл., писатель, 308, 312.
Долгорукой. кн., Сергѣй Григорьев., послан. въ Варшавѣ въ 1721—1725 гг., † 1739 г., 135.
Долгорукіе, русскій княжескій родъ, 18, 23—26, 124, 125, 136—138.
фонъ-Дона, гр-ня, см. Головкина.
Дона, графиня, въ зам. гр-ня Нейвидская, 23.

Е.

Евгеній, принцъ Савойскій, полководецъ, р. 1663, † 1736 г., 5, 49, 148, 313.
Евдокія, Димитріевна, великая к супруга Дмитрія Донскаго, † 14 монашествѣ, 129.
Евдокія Ѳеодоровна Лопухина, княгиня Елена, царица, первая Петра В., р. 1669, † 1731 г., 1
Екатерина I, императрица, † 1727 г., 14, 16, 17, 22, 53, 126—132, 136, 139, 170, 172, 2
Екатерина II, императрица, † 1796 г., 167, 173, 206, 212, 2 216, 222, 296, 297, 299, 314.
Екатерина Іоанновна, цари супружествѣ герцог. мекленбу ринская, мать Анны Леопо р. 1692, † 1732 г., 32, 203.
Елисавета Алексѣевна, импе р. 1709, † 1761 г., 226.
Елисавета Петровна, импе р. 1709, † 1761 г., 17, 19, 32 73, 90, 98, 99, 123—125, 134— 189, 197, 200—222, 251, 261, 2 290, 291, 293, 294, 314.
Ершовъ, Петръ Мих., гофъ-бау р. 1689, † 1740 г., 156.
Ефимовская, гр-ня, Анна Андр Минихъ, гр-ня.
Ефимовскіе, графы, 128.

Ж.

Жерменъ, золотыхъ дѣлъ мас Франція, 1730 г., 30.

З.

Загряжскій, генералъ 1735 г., Зеддлеръ, баронъ, издатель «энциклопед. лексик.», 255.
Зуда, тайн. секретарь кабинета, 156.

И.

Игельштромъ, гр., Гаральдъ офиц. Ингерманланд. полка 17 Родосл. № 7, 310.

I.

Іоанна II, королева неаполит., 156.
Іоаннъ V Алексѣевичъ, царь, 24, 163, 203.
Іоаннъ VI Антоновичъ, имп., р. 1740 г., † 1764 г., 86—89, 125, 137, 159, 160, 175.
Іоганъ-Адольфъ, герцогъ Саксенъ-Вейсенфельсскій, 48.
Іосифъ I, импер. австр., 210.

K.

Кайдановъ, 306.
Калга-султанъ, 54, 238.
Калчанъ-баша, татарскій ханъ 1739 г. 77, 247, 248.
Кантакузенъ, валахскій князь, бригадиръ 1738 г. 78, 248.
Кантемиръ, кн., Антіохъ Дм., писат., р. 1708 г., † 1744 г., 168.
Каріусъ, Готфр., пасторъ 1754 г., 293.
Карлъ VI, императ. герман., р. 1665 г., † 1740 г., 17, 48, 55, 70, 100, 135, 140, 141, 173, 177, 190, 191.
Карлъ XII, кор. шведскій, р. 1682 г., † 1718 г., 6, 8, 77, 130, 144, 209.
Карлъ, маркграфъ бранденб. 1728 г., 134.
Карлъ-Леопольдъ, герцогъ Мекленбургъ-Шверинскій, отецъ Анны Леопольдовны, 85, 203.
Карлъ-Фридрихъ, герцогъ шлезвигъ-голштинскій, супругъ царевны Анны Петровны, 130—133.
Карлъ-Фридрихъ-Ульрихъ, герцогъ Голштинскій, см. Петръ III.
Кейзерлингъ, бар., Германъ-Карлъ, русскій дипломатъ, р. 1677, † 1764, въ русской службѣ съ 1730 г., 53, 181.
Кейтъ, Яковъ Вилимовичъ, генералъ-поруч., † 1758 г., 60, 82, 140, 152, 173, 207, 219, 220, 243, 261, 262, 274.
Кинсбергъ, г-жа, 17.
Кинсбергъ, об.-гофмарш. маркграфа анспахскаго 1724 г., 13.
Клодтъ-фонъ-Юргенсбургъ, баронес. Генріетта Каролина, см. Миних, гр-ня.
де-ла-Кловюръ, франц. резид. въ Женевѣ 1724 г., 15.
Константинъ Николаевичъ, великій князь, ген.-адмиралъ, 123, 222.
Константинъ Павловичъ, цесаревичъ, р. 1779 г., † 1834 г., 311.
Корчминъ, ген.-маіоръ 1735 г., 289.
Костомаровъ, Никол. Ив., род. 1817 г., † 1885 г., 254, 312.
Крамъ, брауншвейгскій посланникъ въ Петербургѣ 1739 г., 70.
Крузе, Карлъ Өед., 301.
Крюднеръ, баронес., Юлія, см. Фитингофъ.
Крюднеръ, баронъ, Родосл. № 11, 311.
Кульмбахскій, принцъ, впосл. маркграфъ Байрейтскій, 14.
Куникъ, Аристъ Аристовичъ, академикъ 1891 г., 226.
Куракинъ, кн. Александръ Борисов., об.-шталмейстеръ 1740 г., 88, 109, 187.
Куракинъ, кн., Александръ Борисов., полномочный посолъ въ Парижѣ, тайн. сов., р. 1696 г., † 1749 г., 22.
Куракинъ, кн., Борисъ Ив., полномочн. посолъ при разн. европейск. дворахъ, р. 1676 г., † 1727 г., 19, 173.

Л.

Ласпергъ, г-жа, 17.
Ласпергъ, об.-егермейстеръ въ Эттингенѣ 1724 г., 14.
Лассій, гр., Петръ Петров., ген.-фельдмарш., рижск. ген.-губ., род. 1678 г., † 1752 г., 37, 38, 40, 41, 49, 50, 81, 82, 145, 148, 152, 173, 196, 228, 229, 232, 262.
Левальдъ, прусск. ген.-фельдм., р. 1685 г., † 1768 г., 129, 187.
Левашевъ, Василій Яковлевичъ, генералъ, р. 1667 г., † 1751 г., 50, 173.
Левенвольдъ, гр., Карлъ-Густавъ, об.-шталмейст., ген.-поруч., ген.-ад., подполков. Измайл. пол., † 1735 г., 25—28, 31—36, 137, 138, 144, 145.
Левенвольдъ, гр., Рейнгольдъ, об.-гофмаршалъ, † 1758 г., 82—86, 109, 118,

137, 157, 158, 174, 187, 196, 214, 215, 220, 226, 271.
Левенвольдъ, гр., Фридрихъ-Казиміръ, русскій посланникъ въ Польшѣ 1733 г., 146, 229.
Левенгауптъ, гр., швед. главноком., 216.
Левендаль, гр., Владим., генер.-поруч., р. 1700, † 1755 г., 60, 82, 140, 173, 207, 208, 218, 219, 243, 261, 262, 274.
Леклеркъ, писат.-историкъ, 133.
Леонтьевъ, Мих. Ив., генер., † 1753 г., 54, 173, 236.
Леопольдъ, кор. датскій, 1702 г., 313.
Лестокъ, гр., Іоганъ-Германъ, лб.-мед. им-цы Елисав. Петровны, р. 1738 г., † 1815 г., 202.
Лефортъ, Францъ Яковлевичъ, первый адмиралъ русскаго флота, род. 1656, † 1699 г., 134.
Линаръ, гр., саксонск. посланникъ въ Петербургѣ 1741 г., 114, 201.
Лобковичъ, князь, 153, 269, 280.
Ломоносовъ, Мих. Вас., акад., писат., р. 1711 г., † 1765 г., 168.
Лонгиновъ, Ник. Мих., секретарь им-цы Елисаветы Алексѣевны, впосл. ст.-секрет., чл. госуд. сов., † 1853 г., 226.
Лопухина, Нат. Ѳед., рожд. Балкъ-Полева, статсъ-дама 1740 г., 220, 221.
Лопухинъ, Авраамъ Ѳедоровичъ, 129.
Лопухинъ, Василій Авраамов., генер.-аншефъ, † 1757 г., 129.
Лопухинъ, Владим. Ив. флотск. ген.-кригсъ комисаръ, р. 1705, † 1797 г., 220.
де-Люберасъ, бар., Людвигъ-Іоаннъ, ген.-аншефъ рус. службы, † 1752 г., 146, 218.
Людовикъ XV, король французскій, 144, 221.
де-ла-Люцернъ, маркизъ, полковникъ французской службы 1734 г., 47, 147.

М.

Макіавели, дипломатъ, р. 1469, † 1527 г., 155.
Мальборо, герцогъ, 3, 5, 15.
Мантейфель-Цеге, гр-ня, Юліана-Элеонора, см. Миних, гр-ня.
Мантейфель-Цеге, гр., Родосл. № 11, 311.
Манштейнъ, подполков. 1740 г., впосл. ген.-м. прус. службы, 104, 106, 121—222, 226, 230, 255, 258—283, 300, 306.
Маньянъ, повѣрен. въ дѣлахъ Франціи при спб. дворѣ 1733 г., 34.
Мардефельдъ, баронъ, прус. послан. въ Спб. 1741 г., 112, 120, 190, 197, 267.
Марія-Жозефина, эрцгерцогиня австр., дочь Іосифа I, 8, 210.
Марія-Терезія, императрица австрійск., † 1780, 177, 192, 221.
Матвѣевъ, гр., Ѳед. Артамоновичъ, 139.
Махметъ-Бей, 76, 247.
Менгденъ, баронесса, Анна Доротея, см. Минихъ, гр-ня.
Менгденъ, баронъ, Іоганнъ-Генрихъ, † 1768 г., Родосл. № 7, 20, 310.
Менгденъ, баронесса, Іуліана, фрейлина Анны Леопольдовны 1740 г., 104, 105, 182, 198, 205, 274.
Менгденъ, бар., Карлъ-Людвигъ, президентъ коммерцъ-коллегіи, камергеръ 1740 г., 108, 109, 114, 157, 161, 162, 185—187, 256, 262, 263, 271.
Менгденъ, баронесса, Христина Елисавета, см. Минихъ, графиня.
Менгденъ, баронесса, 293, 295.
Менгденъ, бар., лифлянд. ландратъ, 31.
Меншиковъ, кн., Александръ Даниловичъ, генералиссимусъ, род. 1673 г., † 1729 г., 18, 19, 53, 127, 129—134.
Минихи, графы, ихъ родословіе, 307—316, упом. 284.
Минихъ, гр-ня Аделаида, въ зам. Рессінгъ, Родосл. № 15, 312.
Минихъ, гр-ня, Александра-Фредерика, Родосл. № 15, 312.
Минихъ, гр., Александръ Антоновичъ, подполковн., Родосл. № 15, 311.
Минихъ, гр-ня, Амалія-Эрнестина Екатерина, Родосл. № 15, 312.
Минихъ, гр-ня, Анна Андреевна, рожд. гр-ня Ефимовская, Родосл. №10, 310.
Минихъ, гр-ня, Анна Доротея, въ зам. Глинка, Родосл. № 13, 311.
Минихъ, гр-ня, Анна-Доротея, рожд. баронесса Менгденъ, Родосл. № 6,

64, 68, 69, 104, 181, 182, 215, 274, 276, 288, 290, 291, 310.

Минихъ, баронесса, Анна-Елисавета, рожд. Вицендорфъ, Родосл. № 4, 309.

Минихъ, гр-ня, Анна-Ульрика, р. 1741 г., † 1811 г., въ зам. Фитингофъ, Родосл. № 11, 310.

Минихъ, Антонъ-Гинтеръ, тн. сов., р. 1650, † 1721 г., Родосл. № 1, 10, 211, 309, 312, 313, 316.

Минихъ, гр-ня, Барбара-Элеонора, рожд. Мольцанъ, въ перв. бракѣ Салтыкова; Родосл. № 3, 19, 22, 23, 309.

Минихъ, гр., Бургардъ-Христоферъ, ген.-фельдмаршалъ, р. 1683, † 1767 г., Родосл. № 3, 5, 44, 49, 52, 59, 68, 81, 108, 109, 114, 118, 119, 141—285, 308—316.

Минихъ, гр., Бурхардъ-Христоферъ (Сергѣев.), тн. сов., р. 1747, † 1824 г., Родосл. № 10, 310.

Минихъ, графиня, Вѣра Никол., рожд. Чоглокова, Родосл. № 11, 310.

Минихъ, гр-ня, Генріетта Каролина, рожд. баронесса Клодтъ-фонъ-Юргенсбургъ, Родосл. № 13, 311.

Минихъ, бар., Георгъ Дидрихъ, полковн., Родосл. № 5, 310.

Минихъ, Германъ, 1526 г., 313.

Минихъ, гр-ня, Доротея, р. 1746 г., въ зам. Бергъ, Родосл. № 11, 311.

Минихъ, Доротея-Елисавета, въ зам. Вильдеманъ, Родосл. № 4, 309.

Минихъ, графиня, Екатерина, въ зам. баронес. Нолькенъ, Родосл. № 13, 311.

Минихъ, гр-ня, Екатерина Антоновна, въ зам. гр-ня д'Аллонвиль, Родосл. № 15, 311.

Минихъ, гр-ня, Екатерина Христофоровна, † 1824 г. Родосл. № 14, 311.

Минихъ, Елена-Елисавета, въ зам. фонъ-Рётбергъ, Родосл. № 4, 309.

Минихъ, гр-ня, Елисавета, Родосл. № 13, 311.

Минихъ, гр-ня, Елисав. Антонов., въ зам. Хрущова, Родосл. № 15, 311.

Минихъ, гр-ня, Іоанна-Георгина-Элеонора-Цецилія, въ зам. фонъ-Биловъ, Родосл. № 15, 312.

Минихъ, гр., Іоаннъ-Готлибъ, д. ст. сов., ландратъ, р. 1740 г., Родосл. № 8, 84, 288, 294, 310.

Минихъ, Іоаннъ-Рудольфъ, нач. надъ плотинами въ Ольденбургѣ, † 1781 г., Родосл. № 2, 309.

Минихъ, гр., Людвигъ-Антонъ (Сергѣев.), ротм., род. 1748, † 1800 г., Родосл. № 11, 310.

Минихъ, гр-ня, Луиза-Доротея, въ 1-мъ бракѣ баронесса Шаумбургъ, во 2-мъ графиня Сольмсъ-Вильденфельсъ, род. 1713 г., Родосл. № 7, 81, 310.

Минихъ, гр-ня, Марія Антоновна, въ зам. баронес. Розенъ, Родосл. № 15, 311.

Минихъ, гр-ня, Наталія Антонов., въ зам. гр-ня Моркова, Родосл. № 15, 311.

Минихъ, гр-ня, Паулина Альбертина, въ зам. гр-ня Бентинкъ, Родосл. № 15, 312.

Минихъ, гр., Петръ Христоферъ (Петръ Сергѣев.), подполковникъ, † 1813 г., Родосл. № 13, 311.

Минихъ, гр-ня, Софія-Анна-Луиза, въ зам. баронесса ф.-Мольцанъ, р. 1709 г., Родосл. № 7, 23, 31, 49, 310.

Минихъ, Софія-Екатерина, рожд. Эткенсъ, р. 1659, † 1710 г., Родосл. № 1, 309.

Минихъ, гр., Сергій Христофоровичъ, полковн., адъют. цесарев. Константина Павловича, р. 1773, † 1808 г., Родосл. № 14, 311.

Минихъ, гр., Фридрихъ-Францъ, Ольденбург. об.-гофмарш. 1855 г., р. 1788 г., Родосл. № 12, 311.

Минихъ, гр-ня, Христина-Елисавета, въ зам. баронес. Менгденъ, р. 1711, Родосл. № 7, 20, 31, 310.

Минихъ, гр-ня, Христина-Луиза, рожд. фонъ-Плессенъ, Родосл. № 12, 311.

Минихъ, графиня, Христина-Лукреція, рожд. Вицлебенъ, род. 1685, † 1727 г., Родосл. № 3, 5, 287, 309.

Минихъ, гр-ня, Христина-Софія-Элеонора, Родосл. № 15, 311.

Минихъ, баронъ, Христіанъ-Вильгельмъ, об.-гофмейст., род. 1688 г., † 1768 г., Родосл. № 4, 34, 103, 109, 180, 187, 271, 294, 300, 309.

Минихъ, гр., Христоферъ Петровичъ, р. 1825 г., Родосл. № 16, 312.

Минихъ, Шарлотта-Амалія, въ зам. фонъ-Рёль, Родосл. № 4, 309.
Минихъ, гр-ня, Эмма-Вильгельмина, Родосл. № 15, 312.
Минихъ, гр., Эрнстъ, д. тн. сов., об.-гофмейстеръ, авторъ Записокъ, род. 1707 г., † 1788 г., Родосл. № 6, 1—316.
Минихъ, Эрнстъ, род. и † 1707 г., 287.
Минихъ, гр., Эрнстъ-Густавъ (Серг. Сергѣев.), ген.-м., р. 1744, † 1812 г., Родосл. № 9, 310.
Минихъ, гр-ня, Юліана Элеонора, въ зам. гр-ня Мантейфель-Цеге, р. 1749 г., Родосл. № 11, 311.
Минихъ, бар-са, въ зам. гр-ня Игельштромъ, Родосл. № 7, 310.
Минихъ, баронъ, русскій полковникъ, Родосл. № 7, 310.
Миніатъ, Матвѣй, штадтъ-физикъ 1742 г., 291.
фонъ-**Мольцанъ**, бар., Альбрехтъ-Германъ, полковн., Родосл., № 7, 31, 49, 310.
Мольцанъ, Барбара-Элеонора, см. Минихъ, гр-ня.
Мольцанъ, бар-са, Софія-Анна, см. Минихъ, гр-ня.
де-**Монти**, маркизъ, 39, 41, 44—46, 234.
Морицъ, графъ, курфирстъ саксонскій, р. 1521 г., 53.
Моркова, гр-ня, Наталія Антонов., см. Минихъ.
Морковъ, гр., Ираклій Ив., ген.-лейтен. р. 1753 г., † 1829 г. Родосл. № 15, 311.
де-ла-**Мотъ-Перузъ**, франц. бригадиръ 1734 г., 47, 147.
Мусинъ-Пушкинъ, гр., Платонъ Ив., тайн. сов., сенат., презид. коммерцъ-коллегіи 1740 г., 156.
Мюнхгаузенъ, 21.
Мягковъ, капит.-поруч. 1742 г., 290.

Н.

Наталія Алексѣевна, царевна, сестра Петра II, р. 1714 г., † 1728 г., 18, 128.
Нацціусъ, пасторъ, 1739 г., 69.
Нейбауръ, полковн. саксонск. службы 1741 г., 114.
Нейвидскій, графъ, 23.
Нейпергъ, графъ, ген., 1739 г., 79, 153.
Неккеръ, Коры-Фридрихъ, профессоръ, † 1760 г., 14.
Нолькенъ, баронесс., Екатерина, см. Минихъ, гр-ня.
Нолькенъ, баронъ, Родосл. № 13, 311.
Нолькенъ, бар., швед. послан. въ Петерб. 1740 г., 218.

О.

Орлеанскій, герцогъ, 26.
Орловъ, гр., Влдм. Григр., ген.-поруч. президентъ акад. наукъ, род. 1743 г., † 1831 г., 299.
Османъ-бей, 61.
Остейнъ, гр., австр. послан. въ Спб. 1737 г., 64.
Остерманъ, бар., Андр. Ив., кабинетъ-министръ, р. 1686 г., † 1747, 19, 28, 29, 34—36, 82, 87—90, 97, 98, 107—125, 136, 137, 144, 145, 159—162, 173—176, 186—207, 252, 267.
Остерманъ, гр., Иванъ Андреевичъ, канцлеръ, р. 1725 г., † 1811 г., 125, 255, 257.
Остерманъ, Ѳедоръ Иванов., 125, 255, 257.

П.

Панинъ, гр., Никита Ив., воспитат. вел. кн. Павла Петровича, род. 1718 г., † 1783 г., 173, 274, 298, 299.
Панинъ, гр., Петръ Ив., ген.-аншъ., р. 1721 г., † 1789 г., 125, 255—283.
Петръ Великій, императоръ, р. 1672 г., † 1725, 10—22, 32, 77, 92, 96, 125—148, 163, 168—172, 201, 206, 207, 211, 215, 262, 284, 302, 313.
Петръ II, императоръ, р. 1715 г., † 1730 г., 16, 17, 20, 24, 70, 87, 128, 129, 134, 135, 136, 139, 172, 212.
Петръ III, Ѳедоровичъ (Карлъ-Фридрихъ-Ульрихъ, герцогъ голштинскій), императоръ, р. 1728 г., † 1762 г., 133, 212, 213, 214, 276, 296, 314.

Петровъ, Петръ Николаевичъ, писатель, † мартъ 1891 г., 125, 126, 255—283.
Пецольдъ, прусскій посланникъ въ Петербургѣ, 305.
де-Плело, гр., французс. посланникъ въ Копенгагенѣ 1734 г., 42, 233.
фонъ-Плессенъ, Христина-Луиза, см. Минихъ, гр-ня.
Потоцкій, гр., великій гетманъ Польши, 1738 г., 66, 245.
Потоцкій, воевода кіевскій, 1734 г., 48.
Прасковья Ѳедоровна, изъ дома Салтыковыхъ, царица, р. 1664 г., † 1723 г., 139, 163, 178.
Путятинъ, кн., капит., 1740 г., 102, 180.
Пьеро Мира (Педрилло), придворный шутъ, 93, 166.

Р.

Рабутинъ, гр., австр. послан. при русск. дворѣ, 1727 г., 17.
Разумовскій, гр., Алексѣй Григ., ген.-фельдмарш., р. 1709 г., † 1771 г., 202.
Разумовскій, гр., Кириллъ Григорьевичъ, ген.-фельдмаршалъ и членъ совѣта, р. 1724 г., † 1803 г., 202.
Ребиндеръ, фельдмаршалъ, 1726 г., 16.
Рейналь, писатель, 296.
фонъ-Рель, Шарлотта-Амалія, см. Минихъ.
Репнинъ, князь, Вас. Аникит., ген.-м., 1736 г., ген.-фельдцейхмейст. 1748 г., 173, 219.
фонъ-Рессингъ, Аделанда, см. Минихъ, гр-ня.
фонъ-Рессингъ, Германъ, камергеръ, Родосл. № 15, 312.
фонъ-Ретбергъ, Елена-Елисавета, см. Минихъ.
Розенъ, бар., Карлъ Павлов., маіоръ, Родосл. № 15, 311.
Розенъ, баронесса, Марія Антоновна, см. Минихъ, гр-ня.
Романовы, русскій царствующій домъ, 251.
Ромодановская, княжна, Екатер. Ив., см. Головкина.
Ромодановская, Нат. Ѳед., см. Салтыкова.
Ромодановскій, кн., Ив. Ѳед., 178.
Ромодановскіе, русск. княж. родъ, 215.
Румянцевъ, гр., Александръ Ив., ген.-аншефъ 1735 г., 173, 218, 274.
Румянцовъ, гр., Никол. Петров., государств. канцл., р. 1754 г., † 1826 г., 218.
Румянцевъ-Задунайскій, гр., Петръ Александр., фельдмаршалъ, р. 1725 г., † 1796 г., 171, 217, 272.
Рунцэ, воспитатель сыновей гр. Э. Миниха, 284, 293.
Руссо, Жанъ Баптистъ, писатель, 21.
Рюльеръ, 276.

С.

Саксенъ-Гильдбургсгаузенскій, пр-цъ 14.
Де-Саксъ, графъ, 219.
Салтыкова, Барбара Элеонора, см. Минихъ, графиня.
Салтыкова, гр-ня, Наталья Ѳед., въ зам. княг. Ромодановская, 178.
Салтыкова, гр-ня, рожд. княжна Черкаская, 138, 139.
Салтыковъ, гр., Вас. Ѳед., ген.-ад., об.-полиціймейстеръ и сенаторъ, 202.
Салтыковъ, гр., Семенъ Андреевичъ, ген.-ад., подполковн. л.-гв. Преобр. пол. 1730 г., 139, 173, 215, 294.
Салтыковъ, гр., Серг. Вас., ген.-поруч., подп. Преображ. пол., 1740 г., 88.
Салтыковъ, 215.
Салуцкій, аббатъ, 7.
Свиньинъ, Павелъ Петровичъ, основ. и редактиров. „Отеч. Зап." за 1818—1830 гг., р. 1787 г., † 1839 г., 123, 124, 218, 254, 255, 300.
Себахъ, Анна-Дебора, см. Виндебенъ.
Секендорфъ, гр., фельдмаршалъ австр. службы 1787 г., 64.
Сераскиръ-паша, 241, 242.
Сиверсъ, Яковъ Ефимов., ген.-поруч. 1779 г., 300, 301.
Сиверсъ, адмиралъ, 1730 г., 141, 142.

Щ.

Щебальскій, Петръ Карлов., писатель-историкъ, 126, 226, 255—257, 266, 275.

Э.

Эгидіусъ, Ергардъ-Христіанъ, врачъ 1741 г., 291.
Эмануилъ, принцъ португальскій, 141.
Эйхлеръ, тайный кабинетскій секретарь 1740 г., 156.
Эмме, секрет. гр. Б. Х. Миниха (?), 263.
Эткенсъ, Софія-Екатерина, см. Минихъ.
Эттингенскій, князь, 17.

Ю.

Юнкеръ, авторъ Дневника, 236, 237, 238, 249.
Юргенсонъ, Арведъ Яковл., писа 126, 223—284, 301, 302, 308, 312.
Юсонъ-Даллонъ (Usson d'Aillon), князь, французск. полномочн. мин Петербургѣ 1742 г., 221.
Юстъ-Липсій, писат.-историкъ, 155
Юсуповъ, кн., Борисъ Григ., тн. моск. губернат., р. 1695 г., † 175 109, 187.

Я.

Ягужинскій, гр. (съ 1725 г.), Пав. ген.-аншъ., каб.-мин., р. 1683, † 17 31, 137.

Ѳ.

Ѳеофанъ Прокоповичъ, архіеп. п съ 1724 г. арх. новгор., † 1736 г.,

DK 127 .M82
Rossiia i russkii dvor v pervo
C.1
Stanford University Libraries
3 6105 038 710 377

DK
12
.I

STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES
CECIL H. GREEN LIBRARY
STANFORD, CALIFORNIA 94305-6004
(415) 723-1493

All books may be recalled after 7 days

DATE DUE

F/S JUN 30 1998
AUG 29 1998